Б. Ф. Славин

МАРКСИЗМ

ИСПЫТАНИЕ БУДУЩИМ

О дискуссионных вопросах теории и истории МАРКСИЗМА

Размышляя о марксизме № 104

URSS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Глобальный кризис вновь пробудил во всем мире интерес к «Капиталу» Маркса и марксизму. В этой связи, в книге известного философа, политолога и публициста Б. Ф. Славина рассматриваются наиболее дискуссионные и малоизученные вопросы марксизма, связанные с трактовкой Марксом его социального идеала, пониманием им мировой истории, роли в ней «русской общины», революции и рабочего движения. За свои идеи классики марксизма часто подвергались жесткой критике со стороны буржуазных идеологов, которые и сегодня противопоставляют не только взгляды молодого и зрелого Маркса, но и целые труды Маркса и Энгельса, Маркса и Ленина, прошлых и современных их последователей. Особенно «модным» является утверждение о том, что Маркс, Энгельс и Ленин несут якобы идеологическую ответственность за сталинизм и его незаконные репрессии в СССР. Насколько абсурдны или справедливы эти суждения, читатель может узнать, познакомившись с содержанием книги. Долгие годы в отечественном обществоведении замалчивались или искажались воззрения таких известных революционных марксистов, как Роза Люксембург, Лев Троцкий, Антонио Грамши, Николай Бухарин. В книге дается соответствующий анализ их философских и политических взглядов. Значительное место в ней отведено пониманию советской истории, принципиальному различию политик Ленина и Сталина, судьбам реального социализма в СССР и КНР. Книга отвечает на «трудные» вопросы о природе СССР, об отличии «нового» социализма от «старого», о сравнении идеологии марксизма и постмодернизма. Несмотря на серьезность книги, она читается легко. Автор стремился писать ее простым и ясным языком, рассчитывая на широкий круг читателей, интересующихся актуальными проблемами обществоведения, историей и теорией марксизма и социализма.

- Марксизм: испытание будущим. О дискуссионных вопросах теории и истории марксизма
  - Предисловие
  - Глава 1. Решение загадки истории
    - 1. О социальном идеале Маркса и его критиках
    - 2. Маркс и Энгельс: общее и особенное в мировоззрении
    - 3. Еще раз о марксистском понимании истории
    - 4. Маркс против марксизма?124

- Глава 2. Революционые марксисты XX века
  - 1. Н. Бухарин и А. Грамши: два взгляда на общество и историю
  - 2. Роза Люксембург о революции и социализме
  - 3. О философско-политических взглядах Л. Троцкого в контексте современности
- Глава 3. Марксизм и реальный социализм
  - 1. Социализм и свобода
  - 2. Понять, а не идеологизировать историю
  - 3. Борьба Ленина за создание социализма в России
  - 4. Сталинский тоталитаризм и советская история
  - 5. Об исторических судьбах советского и китайского социализма
  - 6. От «старого» социализма к «новому»
- Глава 4. О чем спорят современные марксисты?
  - 1. О социальной природе советского общества (Размышление над книгой «СССР: незавершенный проект»)
  - 2. Актуальные проблемы экономической теории
  - 3. Кризис социалистической идеи или левой политики?
  - 4. Правда и ложь идеологии: марксизм и постмодернизм
- Послесловие

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 5
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 1

Марксизм: испытание будущим. О дискуссионных вопросах теории и истории марксизма

«... Мысли о будущем влияют на то, как мы видим настоящее и прошлое».

К. Ясперс. «Смысл и назначение истории»

«Верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она - прекрасна».

Л. Блок. «Интеллигенция и революция»

Предисловие

Уважаемый читатель, у тебя в руках книга, в которой излагаются актуальные и малоизученные проблемы критического марксизма[1]. Важнейшей из них, на мой взгляд, является проблема понимания будущего «человеческого общества», ростки которого уже появляются в современной истории. Для основателей марксизма будущее общество, как общество «реального гуманизма», всегда выступало не только в качестве социального идеала или «конечной цели» рабочего движения: оно было для них той «точкой зрения», с позиций которой они познавали и оценивали различные этапы и формы развития мировой истории. Эта способность видеть прошлое и настоящее сквозь призму будущего особенно важна в наше быстротекущее время. Сказанное во многом объясняет и название данной книги - «Марксизм: испытание будущим».

Марксизм прошел долгий путь своего становления и развития. В трудах своих основателей он помогал осмысливать и предвидеть движение истории, включая становление капитализма и опыт революций XIX-го века. В XX веке Ленин его творчески применил к анализу и осмыслению российской действительности, включая сюда практику совершения Октябрьской революции и создания социализма в России. Сегодня идейный потенциал марксизма продолжают использовать различные левые силы в борьбе с глобальным капиталом и в практике строительства посткапиталистического общества в разных странах и регионах планеты.

Как известно, на протяжении всей своей истории марксизм подвергался резкой критике со стороны различных буржуазных ученых и идеологов, нередко объявлявших его «окончательно устаревшим» и даже «умершим» учением. Но каждый раз слухи о его устарелости и смерти оказывались большим преувеличением. Учение Маркса пытались вульгаризировать и извращать не только его противники, но и его «ученики», делающие ставку на оппортунизм, или левый авантюризм в политике. Достаточно, в этой связи, вспомнить немецких вождей Второго Интернационала, отказавшихся от принципа интернационализма в годы Первой мировой войны, или тех «неистовых ревнителей» коммунизма, которые превратили его после смерти Ленина в разновидность светской религии, оправдывающей тоталитарный режим сталинской власти.

Тем не менее, несмотря на многие годы существования

сталинизма в СССР, критический марксизм продолжал жить и развиваться в работах таких лучших его представителей, как Г. Лукач, М. Лифшиц, Э. Ильенков и др. В конце XX-го, начале XXI века, в условиях, казалось, полного господства буржуазной идеологии, представленной то радикальными либералами, то неоконсерваторами, он снова оказался востребованным учением и мировоззрением. Новейшим подтверждением этому стал глобальный кризис 2008-2010-х гг. Его разрушительные последствия вновь пробудили массовый интерес к «Капиталу» Маркса, работам Ленина и современным произведениям их последователей[2]. Этот интерес сегодня находит свое наглядное подтверждение в повышении спроса на марксистскую литературу особенно среди молодежи и участников современных протестных движений в Западной Европе, активно выступивших против «долгового кризиса», безработицы, сокращения зарплаты и роста цен на продукты массового спроса. К ним близки участники недавно возникшего движения «возмущенных» практикой функционирования современного финансового капитала в США. Их лозунг «Оккупируй Уолл-стрит!», выдвинутый сначала против финансовых спекулянтов и банкиров Нью-Йорка, сразу стал популярным не только во многих американских городах, но и в различных странах и регионах мира, начиная с Австралии, и кончая Россией.

Участники этого нового протестного движения стремились и стремятся привлечь внимание собственных властей и мировой общественности к проблемам бедности, растущему социальному неравенству и отчуждению, с одной стороны, и так называемому «финансовому терроризму» банков, различных фондов и корпораций, с другой. К сожалению, прошедший мировой кризис ничему не научил последних: они и сегодня продолжают свои спекуляции с ценными бумагами, оторванными от реального производства, надувание «финансовых пузырей» и использование других подобных методов быстрого получения сверхприбыли. Тем самым они с неизбежностью толкают мировую экономику к новому глобальному кризису.

Как не парадоксально, но похожую критику современного корпоративного, или олигархического капитализма можно встретить и у отдельных достаточно дальновидных представителей правящего буржуазного класса. Так основатель всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб говорил в 2012 году при открытии его 42 й сессии: «Капиталистическая система в ее нынешней форме абсолютно не вписывается в модель современного мира»[3]. Аналогичную идею ранее высказывали известные американцы - финансист Джордж Сорос и

экономист Нуриэль Рубини, фактически предсказавшие первый глобальный кризис XXI века. Так, Рубини, задавшись ключевым вопросом: «Не обречен ли капитализм?», ссылаясь на авторитет К. Маркса, отвечал на него так: основатель марксизма был прав, доказывая, что «глобализация и финансовое посредничество способны выйти из-под контроля, а перераспределение дохода и богатства от труда к капиталу может привести капитализм к самоуничтожению»[4]. К похожим выводам приходят сегодня и ряд лидеров европейских социал-демократов. Именно они первые сформулировали перед человечеством современную дилемму: «Господство финансового капитала или демократия!»[5].

Однако, чем больше современная история подтверждает основные идеи Маркса, связанные с анализом мировой системы капитализма, тем агрессивнее ведут себя его идейные противники. Чего только они не приписывают Марксу лично. Например, в России они считают, что он был «неисправимым доктринером», «антисемитом», «утопистом», «первым идеологом ГУЛАГа», и даже «шулером». Причем, это говорят не только далекие от идеологии и общественной науки люди, не только поверхностные журналисты и публицисты, но и так называемые ученые, еще недавно называвшие себя марксистами[6].

Не смотря на это, любому здравомыслящему исследователю биографии и творчества Маркса ясно, что эти, прямо скажу, во многом бредовые мысли, никакого отношения к реальному Марксу не имеют, и могут бьгть объяснены либо невежеством авторов, либо их комплексом неполноценности, либо их откровенной политической и идейной ангажированностью. В последнем случае мы имеем дело с редким случаем в истории человечества: превращением «павлов» в «савлов».

Вместе с тем, есть уверенность, что пока существует мировая система капитализма, многие идеи Маркса, Энгельса, Ленина будут не только актуальны, но и востребованы большинством трудящихся современного мира. Прежде всего, это относится к социальному идеалу Маркса, который является стержнем всего марксистского мировоззрения. Не секрет, что он вдохновлял Маркса, когда тот писал свои книги, посвященные критике немецкой идеологии, анализировал возникновение и развитие капитала, важнейшие исторические события и явления XIX века.

Каким же является этот идеал по своему содержанию? Развернутый ответ на этот вопрос дается в первой главе настоящей книги, которая называется «Решение загадки истории». В предисловии лишь кратко затрону эту тему, учитывая, что аутентичное представление о социальном идеале Маркса, почти забыто не только в официозном российском обществоведении, но

и среди специалистов по теории и истории марксизма.

В этой связи не могу обойти вниманием тот, набивший оскомину идеологический миф, который накрепко связывает социальный идеал Маркса с классовой борьбой и государственным насилием над личностью[7]. На самом деле, нет ничего более далекого от истины, если под марксизмом понимать не его сталинистскую версию, а подлинные взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на проблему становления в истории коммунистического общества.

Так, Маркс и его ученики всегда считали, что классы и государственное насилие над людьми есть атрибут не будущего, а прошлого или настоящего буржуазного общества, в котором производительные силы еще не настолько развиты, чтобы можно было, минуя классы и государство, удовлетворять основные интересы и всесторонние потребности людей. Именно историческая неразвитость этих сил в конечном итоге всегда порождала и порождает частную собственность, социальные антагонизмы, государство и его насилие над человеком.

Поскольку новое общество, рожденное революцией, наследует от старого буржуазного общества относительно неразвитые производительные силы, и связанное с ними социально-экономическое неравенство граждан, постольку государство и здесь продолжает в ограниченных пределах пользоваться насилием, без чего, в принципе, невозможен контроль за мерой труда и мерой потребления граждан. Опыт Советского союза показал, что нарушение данной меры может привести и приводит на практике к реставрации буржуазных отношений в стране.

Что же касается собственно социалистического общества, то только решив материальные и социальные проблемы людей на основе новейших производительных сил и развитого посткапиталистического производства, оно перестает нуждаться в классах и соответствующих услугах государства. Следует напомнить, что классики марксизма и их современные последователи всегда разделяли истину: там, где есть государство не может быть полной свободы и, напротив, там, где есть настоящая свобода, не может быть государства.

Весьма характерно, что Сталин, считавший себя марксистом, никогда не понимал эту достаточно простую истину, уповая в своей политике не на общественное самоуправление людей, а на тотальное насилие над ними со стороны государства. Здесь он полностью противоречил Марксу и Энгельсу, которые считали, что на смену буржуазному государству - тому «суррогату коллективности»[8] со временем приходит ассоциация, в которой

исчезает насилие и начинает реализовываться свобода каждого человека как условие свободы всех остальных людей. Не случайно, зарождение свободы Маркс связывал с превращением государства, как органа, «стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»[9].

Хочется подчеркнуть, что только с созданием реального коммунистического общества, которого пока не знает история, исчезает не только эксплуатация и насилие, не только классы и государство, но и вековое отчуждение людей друг от друга. В нем люди перестанут относиться друг к другу как частные индивиды, или анонимные агенты рынка, а будут взаимно дополнять и развивать друг друга как свободные личности. В таком обществе на место прежнего наемного труда с необходимостью придет свободная творческая деятельность людей. Такая деятельность в наши дни пока является исключением из правил, - в будущем она станет всеобщим правилом. Здесь со всей силой проявится общественная, или родовая природа человека, на основе которой произойдет эмансипация его индивидуальных чувств, сознания и воли. Только в таком обществе каждый индивид, каждая свободная личность будут творить не только по внешней необходимости, не только по «меркам любого вида», но и по «законам красоты», открытых мировой культурой. Не случайно такое общество марксисты называют «царством свободы».

Данная трактовка социального идеала Маркса считается очевидной истиной среди представителей критического марксизма. В свое время с ней соглашалось большинство советских обществоведов. Однако со времен реставрации буржуазной России, упоминание о социальном идеале Маркса стало считаться «дурным тоном». Более того, прежнее некритическое восхваление марксизма сменилось у них его прямым отрицанием. Подобное отношение к марксизму появилось даже у тех людей, которые в свое время его изучали и преподавали в высшей школе. При этом никто из этих новейших его отрицателей до сих пор не может толково объяснить, в чем же конкретно провинились или ошиблись основатели и сторонники подлинного марксизма. Самое мягкое его осуждение заключается во фразе, которую я неоднократно слышал от некоторых ученых и преподавателей вузов: «Идеи и идеалы Маркса, как и весь марксизм, целиком принадлежат XIX веку, и потому имеют весьма далекое отношение к реалиям нашего времени: они просто не актуальны». При этом авторы этой фразы совершенно не замечали иронии истории, которая состояла в том, что их быстрая идейная метаморфоза, совершившаяся в 1990 гг. еще раз подтвердила на практике известную истину марксизма о

зависимости изменения сознания людей от изменения их общественного бытия.

Не соглашаясь с подобными «критическими» суждениями моих оппонентов, я, естественно, пытался объяснять им, что учение Маркса рано сбрасывать с парохода современности, ибо оно сохраняет свою актуальность хотя бы потому, что органически связано с осмыслением капитализма как целостной системы, эволюция которой не закончилась. Говоря коротко, мне пришлось доказывать, казалось, очевидную истину: пока жив капитализм, будет жить и марксизм, как наиболее глубокое его научное понимание. Останется в истории человеческой мысли и марксистское представление о закономерностях перехода человечества от капитализма к социализму, и особенно его сугубо гуманистическое видение будущего общества, традиционно называемого коммунизмом.

В этой связи, мною задолго до последнего мирового кризиса было высказано предположение о том, что вскоре должна возникнуть новая волна интереса к Марксу и марксизму. Она будет определяться, во-первых, превращением классического капитализма в глобальный, о возможности которого Маркс неоднократно говорил в своих работах, во-вторых, повторным пришествием капитала в Россию, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для простых людей, наконец, в-третьих, фактическим отсутствием в буржуазной литературе общественного идеала альтернативного социальному идеалу Маркса[10]. Как показала история, первый глобальный кризис капитализма полностью подтвердил это предположение.

Критический марксизм был присущ не только его основателям. Им активно пользовался Ленин и такие известные революционные марксисты, как Роза Люксембург и Лев Троцкий, сыгравшие значительную роль в революциях Германии и России в первые десятилетия XX века. Их теоретические и политические взгляды достаточно подробно анализируются во второй главе книги под названием «Революционные марксисты XX века». В ней также раскрываются малоисследованные взгляды таких видных теоретиков и практиков марксизма, как Антонио Грамши и Николай Бухарин.

Говоря о Розе Люксембург, хочу отметить, что меня больше всего интересовали ее политические взгляды, характерные для последнего периода ее жизни и деятельности, связанного с зарождением и становлением немецкой Коммунистической партии и революционными преобразованиями в Германии и России. Что касается философско-политических взглядов Льва Троцкого, то следует напомнить, что многие десятилетия его имя

и книги были запретной темой в СССР. Их и сегодня не очень жалуют так называемые «коммунисты-державники» из КПРФ, и на дух не переносят либеральные и консервативные идеологи новой старой России. Со своей стороны хочу подчеркнуть: нельзя объективно говорить о марксизме, обходя основные работы Троцкого, в том числе, созданные после его изгнания из Советского союза. Именно в этих работах дана принципиальная марксистская критика теории и практики сталинизма, которые до сих пор многими либералами и неосталинистами выдаются за проявление подлинного марксизма.

Конечно, сказанное выше не означает, что марксизм сегодня не нуждается в критике и соответствующем пересмотре своих теоретических положений, не оправдавшихся на практике, однако такой пересмотр не может и не должен носить нигилистического характера. Именно так относился к марксизму Ленин, когда пересматривал свою «точку зрения на социализм» в связи с НЭПом и работой над Политическим завещанием, в котором предлагал принять решительные меры по изменению политического строя России. Обо всем этом я подробно говорю в третьей главе под названием «Марксизм и реальный социализм». В ней, в основном, раскрыты взгляды позднего Ленина, в которых был обобщен опыт Октябрьской революции и сделаны первые шаги, направленные на создание реального социализма в советской России. Эти, во многом неклассические взгляды великого революционера, как известно, стали новым словом в развитии критического марксизма.

В данной главе также отведено соответствующее место анализу взглядов Сталина на социализм и его политической практике («сталинизм», «сталинщина»). Для автора настоящей книги они во многом являются карикатурой на марксизм, которая есть нечто противоположное научному социализму. На мой взгляд, сталинское наследство в целом, дискредитируя марксизм, должно быть полностью отвергнуто современным левым движением, если последнее хочет и впредь вести за собой широкие массы трудящихся. Об этом я подробно говорю в книге, показывая принципиальную противоположность взглядов Ленина и Сталина на создание социализма. В ней также показано, как зародившаяся в ходе революции ленинская модель советского социализма постепенно перерождалась в тоталитарный режим сталинской власти, заложивший глубинные причины падения реального социализма в СССР.

Противоречивому опыту создания социализма в СССР сегодня во многом противостоит опыт строительства и функционирования социализма в современном Китае. О том, что

роднит и что отличает советский и китайский опыт создания реального социализма, читатель может узнать, прочитав вышеназванную главу книги. Рассматривая социализм как сугубо переходное общество, я считал целесообразным показать в конце этой главы принципиальную разницу между «старым» и «новым» видением социализма.

Всестороннее изучение и обобщение исторического опыта создания реального социализма в разных странах есть непременное условие творческого развития критического марксизма. В тоже время, этот опыт, требующий пересмотра отдельных теоретических положений марксизма, разумеется, не может означать отказ от его конечных целей и идеалов, которые подтвердились в прошлом, и, я уверен, будут подтверждаться в будущем. Нельзя также забывать, что ради их осуществления отдали свою жизнь многие поколения революционеров, и, главное, что их до сих пор разделяют миллионы трудящихся, поддерживающих различные левые движения и организации в мире.

Сегодня некоторые из этих движений переживают идейно-политический кризис, связанный с падением реального социализма в СССР и странах Восточной Европы, но он не может продолжаться бесконечно. Уже виден выход из него, связанный с появлением новых левых движений, организаций и партий, убежденных в том, что «иной» более свободный и справедливый мир возможен, и за него следует бороться. Как уже отмечалось, на волне этих движений пробуждается и новый интерес к марксизму. Есть основания думать, что по мере прохождения суровой школы современного капитализма в России, новые поколения россиян так же будут тянуться к марксизму, его высоким ценностям и идеалам.

Книгу заканчивает глава под характерным названием «О чем говорят и спорят современные марксисты?» В ней читатель познакомится с результатами работ ряда современных отечественных и зарубежных марксистов, посвященных анализу социальной природы СССР и кризису социалистической идеи на современном этапе исторического развития. Насколько этот кризис глубок? Что нужно сделать, чтобы его преодолеть? Какие социально - политические силы могут это сделать сегодня? Ответы на эти и другие дискуссионные вопросы современного критического марксизма, читатель получит, прочитав эту главу до конца.

Данную главу не случайно завершает статья, в которой обсуждается проблема истинности идеологии, вообще, и таких ее специфических проявлений как марксизм и постмодернизм.

Насколько эти идеологии сегодня адекватно выражают реальные проблемы современного мира, как они, в конечном счете, помогают или мешают движению современного человечества к идеалам мира, свободы, справедливости и гуманизма? Надеюсь, что прочитав последнюю статью, которая в какой-то мере нас возвращает к содержанию первой главы книги, читатель найдет ответ и на этот важнейший вопрос современности.

В книге использованы выступления, статьи и рецензии автора, написанные, как правило, за последние годы. Некоторые из них были ранее опубликованы в разных общественно-политических журналах, научных сборниках и Интернете, что, в частности, объясняет отдельные повторы, встречающиеся в тексте настоящей книги. Тем не менее, собранные в одном месте, они, на мой взгляд, обретают целостный характер, дающий более полное представление об истине, которую пытался найти один из представителей современной школы критического марксизма.

Несмотря на теоретический и проблемный характер книги, она читается достаточно легко. Автор стремился писать ее простым и ясным языком, рассчитывая на широкий круг читателей, интересующихся вопросами теории и истории марксизма, актуальными проблемами философской и социально - политической жизни страны и мира.

Глава 1. Решение загадки истории

1. О социальном идеале Маркса и его критиках

Падение «реального социализма» и реставрация буржуазных отношений в СССР и странах Восточной Европы привело к изменению отношения граждан «новой России» к Марксу и его духовному наследию - марксизму. Несмотря на возросший интерес в мире к «Капиталу» Маркса и левым идеям в связи прошедшим первым глобальным кризисом, не перестает расти литература, связанная с критикой Маркса и марксизма. Следует признать, что многие крупные издания, вышедшие или переизданные в постсоветское время по общественным наукам в России, несут в себе значительный заряд антимарксизма. Достаточно, в этой связи, сослаться на такие известные зарубежные имена как Карл Поппер, Раймон Арон, Дэниэл Белл, Френсис Фукуяма, или на многочисленные переиздания трудов таких отечественных мыслителей прошлого, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Иван Ильин и др., чтобы понять одно: идеи Маркса продолжают быть актуальными до сих пор.

О природе социального идеала

Среди современных противников марксизма, на наш взгляд, наиболее распространенным антимарксистским утверждением является мысль о том, что «марксизм погиб от марксизма». Именно его провозгласил Карл Поппер в своем послесловии к русскому изданию книги «Открытое общество и его враги» в 1992 году[1]. При этом, как показывает анализ его работы, под марксизмом, он подразумевал сугубо сталинскую его версию, по сути дела, ничего общего с аутентичным марксизмом не имеющую. В итоге, в такой трактовке марксизма из него исключалась его гуманистическая сущность, материалистическая диалектика подменялась метафизикой, историзм уступал место «историцизму», свобода - «железной необходимости», сущность - долженствованию, социализм - тоталитаризму, наука - религии и вере в идею «земного рая».

Однако наиболее глубокие возражения антимарксисты выставляют против научно-философского обоснования социального идеала Маркса и вытекающих из него следствий.

Суть их можно свести к следующему: этот идеал утопичен, его обоснование не выдерживает объективной критики ни в научном, ни в философском плане. Данный вывод нередко подкрепляется ссылками на марксистскую литературу, в которой содержание социального идеала Маркса либо искажается, либо подменяется средствами его достижения, среди которых на первое место ставится классовая борьба, насилие и террор. Однако, рассмотрим эту проблему более подробно.

Осмысливая место своего социального идеала в истории, Маркс писал в своих «Экономико-философских рукописях 1844 года»: «Он - решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»[2]. Именно эти слова, никогда не скрывавшиеся от общественности, прямо говорят о роли и значении социального идеала Маркса в мировой истории, и которые, тем не менее, до сих пор неадекватно понимаются не только противниками, но и многими сторонниками марксизма.

Так, в качестве идеала Маркса часто приводят его знаменитые слова: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[3]. При этом в тень уходит проблема: ради чего, ради какого общественного устройства следует изменять мир? То есть, остается не ясным вопрос о природе и содержании социального идеала, который вдохновлял и подвигал Маркса на борьбу за изменение мира.

Что же на самом деле, представляет социальный идеал Маркса по своей природе и способу обоснования?

Отметим сразу, что понимание социального идеала у Маркса существенно отличается от общепринятого кантовского понимания идеала как формальной нравственной нормы, на которую должна равняться человеческая жизнь, но которая, в принципе, недостижима, как недостижима линия горизонта по мере приближения к ней. По сути дела, такое понимание делает социальный идеал изначально невыполнимым, а следовательно и ненужным явлением в общественной жизни.

Нечто прямо противоположное этому мы встречаем у самого Маркса. По его мнению, нет пропасти между общественным идеалом и социальной действительностью, между должным и сущим. Генетически социальный идеал порождается общественной жизнью и, в свою очередь, влияет на нее. В этом движении социального идеала теснейшим образом переплетены его материалистическая природа и диалектика. Социальный идеал Маркса это не навязанный внежизненный или сверх-жизненный идеал: это общественная жизнь, взятая в развитии, в ее зрелой и совершенной форме. Он является отражением в

сознании человека или группы людей реальной общественной тенденции, которая со временем становится доминантой исторического развития. На наш взгляд, для Маркса социальный идеал есть прообраз будущего в настоящем. Как образ совершенного будущего, снимающий противоречия настоящего, социальный идеал определяет поведение человека, группы, класса или всего общества. Его осуществление не только возможно, но и исторически необходимо.

Говоря о происхождении или методе выведении такого идеала, Маркс писал: «... из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее долженствование и конечную цель»[4]. Как мы видим, здесь «должное» у Маркса выступает не формальной нравственной нормой, а «сущим», взятым в перспективе. К сожалению, именно это не могут понять и принять многие исследователи и философы, пишущие о соотношении идеала и действительности.

Так, по мнению одного из них, известного русского философа - идеалиста Бориса Вышеславцева «нищета марксизма» заключается в том, что в нем неправомерно соединены диалектика и материализм[5]. С его точки зрения, сам метод диалектического материализма - это своеобразный нонсенс: или диалектика, или материализм, либо диалектика без материализма, либо материализм без диалектики. Вот, как он это объясняет. Философия есть наука о всеобщем, а всеобщее всегда идеально, следовательно, сама постановка вопроса о возможности диалектического материализма неправомерна, несет в себе противоречие. Таким образом, по мнению Вышеславцева, рушится вся философия марксизма, а, следовательно, и обоснованные ею социальные идеалы.

Однако, на мой взгляд, данный вывод слишком поспешен: «философия как наука о всеобщем» может быть не только идеалистической, но и сугубо материалистической. Дело в том, что категория «всеобщее» имеет не только идеальное, но и сугубо материальное содержание. Оно существует в реальной действительности, с одной стороны, как единичный или особенный факт, с другой, как своеобразное родовое явление. Поиском этих явлений и занимается материалистическая философия. Например, с нею связан известный призыв Ленина изучать опыт масс, имеющий всеобщее значение.

Особенно часто критики марксизма утверждают, что наука о социализме вообще невозможна: социализм может быть либо идеалом, либо наукой. Научный социализм, как составная часть марксизма, по их мнению есть нелепость, есть «деревянное железо». Наука не может иметь дело с долженствованием, она не

может выставлять идеалы. Наука и нравственность, наука и долженствование - полярные, несовместимые вещи[6]. На самом деле, различие между должным и сущим - не абсолютно. Наука, конечно, прежде всего, занимается сущим, истинным, но должное не обязано всегда противоречить сущему и истинному. Мало того, оно может быть их естественным проявлением и продолжением. Именно таковой является природа социального идеала Маркса.

С позиций этого идеала Маркс осмысливал историю человечества и предсказывал ее развитие. В отличие от точки зрения старого созерцательного материализма он называл свою позицию «точкой зрения нового материализма»[7]. Она предполагала не созерцательное, как у Фейербаха, а деятельное, практическое отношении человека к действительности.

Каково же социально-философское содержание этого идеала?

Гуманизм идеала и правда истории

Как уже отмечалось, социальный идеал Маркса часто связывался и связывается многими российскими и зарубежными философами с известным 11-м тезисом Маркса о Фейербахе, где показано принципиальное отличие сугубо действенного марксистского мировоззрения от соответствующих чисто созерцательных взглядов домарксистских философов. На самом деле, свой идеал Маркс выразил в другом, а именно в 10 тезисе, где им прямо говорилось о точке зрения нового материализма, каковым выступает не современное ему гражданское общество (как общество частных собственников), а будущее «человеческое общество», или «обобществившееся человечество». Вот этот тезис, опубликованный Ф. Энгельсом в 1888 году: «Точка зрения старого материализма есть гражданское общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество»[8]. По мнению Маркса, именно такое, по сути дела, гуманистическое общество, должно со временем придти на смену существующему буржуазному обществу, постоянно рождающему из себя отчуждение и многообразные социальные антагонизмы.

Итак, социальный идеал Маркса означает появление в будущем «человеческого общества», в котором осуществлена свобода и эмансипация каждого отдельного индивида. Напомню, что «эмансипация», по Марксу, «состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку»[9]. Это становится возможным и реальным лишь в посткапиталистическую эпоху, когда на смену частной

собственности и товарно-денежным отношениям приходят индивидуальная свобода и непосредственно человеческие бесклассовые отношения. Как рынок, зародившись на заре цивилизации, достигает своего расцвета при капитализме, так свобода индивида, появляясь в виде исключения в недрах классового общества, становится правилом в эпоху исчезновения классов.

Из сказанного следует, что Маркс, вопреки многочисленным современным попыткам превратить его в идеолога тоталитаризма, в своем анализе общества и истории всегда придерживался сугубо гуманистических взглядов. Однако его гуманизм принципиально отличался от гуманизма его исторических предшественников и ряда последователей. Это отличие, прежде всего, касалось понимания человеческой личности и методов ее освобождения.

Что же такое человек: замкнутое в себе природное существо, или результат общественных отношений, своеобразное общество или даже человечество в миниатюре? От ответа на этот вопрос зависит многое в социальной науке и общественной практике. В этой связи в истории мысли было два характерных подхода к ответу на данный вопрос. Первый, связанный с решением известной загадки Сфинкса, рассматривал человека как отдельное природное существо, второй, разделяемый Марксом, говорил о том, что «общественный человек» есть основа решения загадки истории.

Абстрактное понимание человека, как отдельного и неизменного существа природы, Маркс считал следствием отчуждения людей в обществе, которое мешало видеть в каждом индивиде общественно-историческую личность, связанную тысячами нитей с себе подобными и изменяющуюся по мере изменения общества[10]. К сожалению, абстрактное понимание человека до сих пор господствует в головах многих ученых-обществоведов и политиков. Для них человек продолжает оставаться своеобразным «атомом», замкнутым в себе частным индивидом. Для Маркса, напротив, «человек - это мир человека, государство, общество»[11]. Сущность человека для него не есть «абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[12]. Ее следует познать и в соответствии с ней изменить или организовать существующий мир.

Заметим, что в противоположность абстрактному гуманизму Фейербаха с его теорией «всеобщей любви», Маркс называл свой гуманизм «практическим» или «реальным», и в этом смысле отождествлял его с коммунизмом[13].

Противоположность двух вышеназванных точек зрения, двух подходов к человеку Маркс зафиксировал уже в своих ранних работах, в которых вел принципиальную полемику с философами и политэкономами, не выходящими в своих исследованиях за рамки отчужденных буржуазных отношений, деформирующих и искажающих общественную природу человека. В этой связи он писал: «... Следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни... является проявлением и утверждением общественной жизни»[14].

Отчуждение человека от общества Маркс рассматривал как противоречие, которое рано или поздно должно быть разрешено, «снято» историей. «Снятие» этого противоречия и есть процесс осуществления социального идеала Маркса. Об этом хорошо сказал современный философ Карл Кантор: «Противоречие между творческим могуществом, свободой, величием Человека (как родового существа) и бессилием, рабством, ничтожеством миллионов и миллионов отдельных индивидов - вот что мучило Маркса... Маркс начал там, где кончил Гегель. Гегелю было проще: он резюмировал историю. Маркс в той же истории хотел разглядеть возможность такого будущего, в котором разрыв между свободой Рода и несвободой индивида будет преодолен»[15].

Общество, преодолевшее социальное отчуждение и состоящее из подлинно свободных людей, Маркс прямо называл обществом «реального гуманизма». Как уже отмечалось, движение к нему он связывал с коммунизмом, понимая под последним не негативное, зряшное, а «положительное упразднение частной собственности»[16]. Следует подчеркнуть, что только такой коммунизм Маркс приравнивал к «реальному гуманизму», видя в последнем «решение загадки истории».

В этом смысле, коммунизм для него не был только «целью человеческого развития», или «формой человеческого общества»[17]. Не был он и абстрактным идеалом, «с которым должна сообразоваться действительность». Он считал его «действительным движением, которое уничтожает теперешнее состояние»[18], своеобразным «энергическим принципом ближайшего будущего», «моментом эмансипации и обратного отвоевания человека»[19]. При этом процесс «эмансипации человека» он прозорливо считал «трудным» и «длительным» процессом[20].

Уже в своих ранних работах Маркс предвидел различные исторические формы проявления коммунизма: от мягких демократических до жестких деспотических. При этом он предупреждал от смешения «грубого коммунизма», который «есть

только форма проявления гнусности частной собственности»[21] или коммунизма, не уяснившего «себе положительной сущности частной собственности», с коммунизмом как «положительным упразднением частной собственности - этого самоотчуждения человека»[22]. По мнению Маркса, только коммунизм в последнем случае является эмансипацией человека, есть «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человечному»[23].

Со временем социальный идеал Маркса нашел свою конкретизацию и развитие в других его многочисленных работах и, прежде всего, в «Манифесте коммунистической партии», где он вместе с Энгельсом даст ему наиболее полное классическое определение: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[24].

На мой взгляд, этот социальный идеал вобрал в себя все лучшее, что смогла выработать общественная мысль за всю свою историю. Не случайно он включает в себя и главную идею либерализма, связанную со свободой человека, и социалистическую идею свободной ассоциации будущего общества. Позднее свой социальный идеал Маркс называл «свободным человеческим обществом»[25], к которому по его мнению с неизбежностью движется человечество, преодолевая многие социальные проблемы и попятные движения на своем пути. По Марксу, именно такое сугубо гуманистическое общество должно придти на смену уходящему антагонистическому и в этом смысле нечеловеческому обществу.

В марксовой трактовке нового свободного человеческого общества заметно влияние философии Гегеля с его идеей прогресса в сознании свободы. В тоже время, видно и принципиальное отличие социальной философии Маркса от социальной философии Гегеля. Для последнего социальным идеалом, венчающим историю являлось прусское бюрократическое государство, тотально пронизывающее все сферы гражданского общества. Для Маркса, напротив, таким идеалом является свободное человеческое общество, которое выступает не концом, а началом становления человеческой истории, в котором государство исчезает как политический институт, уступая свое место общественному самоуправлению.

Нет необходимости много говорить о том, что социальный

идеал Маркса, олицетворяющий «свободное человеческое общество», продолжает оставаться конечной целью всякого левого движения, выступающего против общественного порядка, основанного на отчуждении, эксплуатации и порабощении людей.

«Свободное человеческое общество», или общество «реального гуманизма» по Марксу, это такое общество, где люди дополняют и творят друг друга. Становление такого общества знаменует собою конец стихийной «предыстории человечества» и начало его «подлинной», то есть сознательно творимой истории, где разум, свобода, справедливость и солидарность становятся основными критериями общественного прогресса. В этом обществе разрешаются основанные на социальном антагонизме противоречия «между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[26]. Уже в XIX веке Маркс считал, что к такому обществу начало двигаться человечество, создавая в разных странах союзы, ассоциации и организации людей, ставящие себе целью преодолеть такие органические пороки цивилизации, как отчуждение и эксплуатация людей, религиозная и национальная нетерпимость, культ силы, частного интереса и денег.

Надо признать, что до сих пор философы и ученые, находящиеся вне рамок марксизма, ничего более высокого в отношении социального идеала Маркса сформулировать не смогли, и уже, на мой взгляд, вряд ли смогут сделать это в будущем, находясь рамках того эклектического мировоззрения, которое сегодня господствует в научном и общественном сознании.

Маркс был уверен в том, что рано или поздно его идеал будет осуществлен в истории. Насколько его уверенность оправдалась историей? Ответить на этот вопрос не просто: необходим тщательный анализ всех социальных завоеваний и потерь, происшедших в мире за последние сто с лишним лет. На мой взгляд, нет сомнения в одном: общее направление истории, указанное Марксом оказалось верным. Это подтверждается не только социальными революциями прошлого, не только существованием отдельных стран «реального социализма», но и многими процессами, вызревающими в капиталистических странах. Например, никто не может опровергнуть истину, что в современном глобальном мире, и особенно в его наиболее развитой части, рабочий день сокращен до 8 и более часов, продолжается движение ко всеобщей интеграции, автоматизации и информатизации производства, повышается роль и значение

творческого труда, нарастают тенденции социализации общественной жизни, объединения стран и народов. Все большее значение в общественной жизни приобретают научные знания, которые, обладая всеобщим характером, противоречат господствующим буржуазным отношениям. Эти тенденции, предсказанные Марксом, настоятельно требуют сегодня контроля со стороны гражданского общества за стихией рынка и движением капиталов, сознательного отношения к природе, исключения войн из жизни человечества, преодоления всех форм социального, национального и духовного порабощения и отчуждения людей. Реализация этих требований и означает движение к подлинно гуманистическому обществу.

Вместе с тем, прошедшее после Маркса историческое время показало и другое, а именно, что движение к обществу «реального гуманизма» идет противоречиво и не так быстро, как это хотелось основоположникам научного социализма и их последователям. Выражаясь языком Маркса, «крот истории» продолжает рыть в нужном направлении, но на его пути остается еще много препятствий, тупиков и попятных движений, которые он должен обойти или преодолеть в текущем столетии. К сожалению, общественный прогресс пока еще остается тем «языческим идолом», который предпочитает пить нектар из черепов, загубленных им людей.

Только идейно зашоренные люди не хотят видеть, что современный мир продолжает быть миром агрессивной и безжалостной конкуренции, непрекращающихся социальных и международных конфликтов, миром религиозной и идейной нетерпимости, миром, в котором террор и насилие остаются средством решения общественных и международных противоречий. Мало того, в условиях продолжающейся, не смотря ни на что, гонки вооружений и распространения ядерного оружия, современный мир остается хрупким и непредсказуемым. Если человеческая цивилизация не сможет вовремя измениться и ликвидировать основы такого зыбкого мира, она просто исчезнет с лица земли.

Таким образом, *выбор, сформулированный социалистами прошлого века - социализм или варварство, в нынешнем веке наполнился новым содержанием: социализм или конец человеческой цивилизации*. Так поставлен вопрос историей.

Как известно, о социализме и, тем более, о коммунизме, сегодня не принято говорить в «приличном обществе». Это объясняется тем, что с ними связывают конкретную практику социалистического строительства в СССР и других странах, где государство нередко выступало по отношению к отдельному

человеку в деспотической форме. Именно такую практику «грубого» или «казарменного» коммунизма противники Маркса пытаются выдать за его социальный идеал. Однако, нет ничего более далекого от истины. Деспотизм государства по его мнению есть признак или пережиток средневекового общества. «Единственный принцип деспотизма, - писал он, - это - презрение к человеку, обесчеловеченный человек...»[27]. Если верховный правитель сосредотачивает в себе всю полноту государственной власти, то люди теряют свою общественную сущность, превращаясь в рабов этого правителя. Это полностью противоречит марксистскому идеалу «свободного человеческого общества», в котором люди не противостоят, а продолжают друг друга, проявляя тем самым свою общественную природу. Отсюда же вытекает и общее неприятие Марксом государства и политики, противоречащих гуманистической природе человека.

Сегодня в России имя гениального философа, историка и экономиста, каким на самом деле является Маркс, произносится, как правило, в критическом или ироническом ключе. Даже нынешний Президент России в свое время отдал этому дань. Так, на встрече с западными финансистами, среди которых был некий Энгельс, он «пошутил»: хорошо, мол, когда в Россию приезжает финансист Энгельс, но без Маркса. Однако, как позднее стало известно, шутка не получилась: оказалось, что финансист, которого он имел ввиду, весьма уважал автора «Капитала» и потому имел при себе его книгу.

В отличие от зарубежных ученых и философов, в «новой» России мало кто из обществоведов пытается понять и объективно оценить взгляды, идеи и идеалы Маркса. Его труды, как правило, либо замалчиваются, либо грубо фальсифицируются. После прихода к власти «радикальных демократов» на книги Маркса было наложено своеобразное табу. Их стали изымать из библиотек и, наряду с порнографической литературой, сдавать в макулатуру или сжигать. Даже знаменитый «Капитал» Маркса, прошедший в свое время царскую цензуру, молодыми ревнителями «Новой России» был объявлен произведением, «угрожающим общественной нравственности». Как известно, похожую оценку книгам Маркса в свое время давали фашисты.

Почему же существует аллергия на Маркса в стране, где еще недавно его изучали и почитали, где идет первоначальное накопление капитала, так ярко описанное в его работах? На мой взгляд, ответ очевиден. В «Новой России» многие отвернулись от Маркса потому, что после августа 1991 года его имя и труды перестали приносить материальные, политические и моральные дивиденды. Характерно, что особенно рьяно идеи Маркса

отрицают те, кто в свое время их активно пропагандировал. Как уже было отмечено, здесь наблюдается редкий случай превращения «павлов» в «савлов».

Более понятно, когда Маркса не хотят принимать так называемые «активные» строители «светлого капиталистического завтра». Как известно, они не желают даже слышать о том, что капитализм явление преходящее. Подобно американскому идеологу Френсису Фукуяме они считают капитализм (либерализм) в России вечным явлением общественной жизни, своеобразным «концом истории», а социализм - ушедшей в прошлое «социальной утопией»[28].

Насколько верно или ложно такое суждение, мы рассмотрим ниже, однако, уже сейчас следует признать исторический факт: пока существует капитализм, Маркс будет неудобен многим. Ведь он первый показал, что деньги и рынок, на которые сегодня буквально молятся многие российские «интеллектуалы», свидетельство относительной неразвитости человеческих отношений. По мнению Маркса, эти явления исторически необходимы, но не вечны. Эволюционируя, они, рано или поздно, должны уступить место «всеобщей бухгалтерии» и непосредственным «человеческим отношениям».

По Марксу, подлинное богатство составляют не собственность на материальные блага, не деньги, как думают сегодня, например, «новые русские» и их «интеллектуальные» братья по классу, а человек с его разумом, способностями и дарованиями. Разрабатывая свой социальный идеал, Маркс писал: «... если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»[29].

Читая эти строки, не покидает ощущение, что они написаны

сегодня, а не почти полтора века назад. Парадокс идей Маркса состоит в том, что они со временем становятся все более актуальными. Особенно они созвучны современной информационной эпохе. Очевидно, что в условиях становления постиндустриального общества потребность в творческих способностях человека постепенно начинает вытеснять потребность в купле-продаже физической рабочей силы. Мы все являемся свидетелями тому, как сокращается удельный вес работников физического труда и растет количество людей, занятых в сферах обслуживания, образования и культуры. Сегодня никто не может отрицать, что информированность и знания человека, его творческие способности и умение общаться, начинают все больше доминировать во всех областях человеческой деятельности. В свое время, Маркс был убежден в том, что такие полезные вещи, как знания, «не имеют меновой стоимости»[30]. Аналогичен этой идее и современный лозунг «Мир - не товар!», выдвинутый антиглобалистами, призывающими объединяться людей разных стран и национальностей, не принимающих современный капитализм с его абсолютизацией рыночных отношений, сугубо потребительских идеалов и эгоистического образа жизни. Убежден, что со временем неприятие массами капитализма будет нарастать, особенно в связи со всеобщей автоматизацией производства, сокращением рабочего и увеличения свободного времени работников. Рано или поздно эти объективные процессы должны привести к изменению социально-экономических отношений, основанных на господстве капитала и подчинении ему наемного труда. Таков общий вывод, вытекающий из социального идеала Маркса и подтверждающих его новейших фактов истории.

Как уже отмечалось, наиболее распространенной фальсификацией общественных взглядов Маркса является мифологема о его якобы фанатичной приверженности учению о классах и классовой борьбе в обществе. На самом деле, это утверждение не точно и, стало быть, неверно. Конечно, как ученый, он вслед за историками Великой французской революции, признавал существование классов и классовой борьбы в антагонистическом обществе[31]. Мало того, он был уверен, что такая борьба рано или поздно приведет рабочий класс к политической власти, что, кстати, во многом подтвердилось ходом ранних социалистических революций. Вместе с тем, Маркс никогда не считал классовую борьбу неким «вечным двигателем» истории. Напротив, он видел ее преходящий характер: «Одержав победу, - писал он вместе с Энгельсом, - пролетариат никоем образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он

одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность»[32].

Конечной целью рабочего и всего левого движения является не диктатура пролетариата и подавление одного класса общества другим классом, а уничтожение любых форм эксплуатации и насилия человека над человеком. В этом, по сути дела, и состоит общественная привлекательность и историческая значимость идеала Маркса, который еще долго будет определять поведение многих людей, которые не хотят мириться с царящей социальной несправедливостью буржуазного общества.

Не конец, а начало «подлинной истории»

Модным суждением, направленным против социального идеала Маркса, является его обвинение в религиозном эсхатологизме (учение о конце света). В этой связи возрождены многие антимарксистские стереотипы, присущие представителям религиозно-философской мысли в России прошлого века. В частности, считается, что Маркс, обосновывая свой социальный идеал, исходил не из науки, а из религиозной идеи конца истории, из наступления в конце истории некоего «земного рая». По мнению известного русского диссидента, социолога и философа Александра Зиновьева, учение о коммунизме «образует своего рода райскую часть марксизма. Здесь этот рай спущен с небес на землю»[33]. Нечто похожее в свое время утверждали русские философы - идеалисты. Отталкиваясь, видимо, от факта принадлежности Маркса к еврейскому этносу, они писали о присущем его учению «древне-еврейском хилиазме». Так, в свое время Николай Бердяев писал о Марксе: «Он исповедует в секуляризованной, т. е. оторванной от религиозных своих корней форме древнееврейский хилиазм, т. е. ожидание наступления чувственного тысячелетнего царства Божьего на земле»[34]. Позднее тоже самое напишет американский исследователь и критик марксизма Карл Поппер, утверждая, что «Маркс видел действительную задачу научного социализма в провозглашении и приближении тысячелетнего царства социализма»[35].

Авторы этих и подобных суждений пытаются доказать одно - осуществление социального идеала Маркса есть своеобразная «эсхатология», то есть религиозное учение о конце человеческой истории. В этой связи известный русский философ Сергей Булгаков прямо говорил: «Он (марксизм - Б. С.) имеет свою эсхатологию в учении о социальном катаклизме, прыжке из капиталистического царства необходимости в социалистическое

царство свободы»[36].

Что можно сказать по этому поводу? Это суждение полностью противоречит действительным взглядам Маркса и, прежде всего его философии истории.

Исходным началом человеческой истории, по Марксу, выступает труд как «положительная, творческая деятельность»[37] людей, как способ взаимодействия человека с природой и себе подобными. Труд является тем качеством, которое отличает жизнедеятельность людей от жизнедеятельности животных. Благодаря труду люди совершают необходимый для их жизни обмен веществ и энергии с природой и друг с другом. В этом смысле труд является всеобщим и существенным моментом человеческой жизни.

Уже в своих первых экономических работах Маркс приходит к пониманию труда как основы и сущности развития человеческого общества. Он начинает рассматривать всемирную историю человечества как «порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»[38]. Такое самопорождение человека в процессе трудовой деятельности, по мнению Маркса, полностью опровергает идею его божественного творения. Если физически человек рождается как природное существо, то посредством труда и общения, он становится общественным, родовым существом. «Только в обществе, - пишет Маркс, - его природное бытие является для него его человеческим бытием и природа становится для него человеком»[39].

На важную роль труда в жизни человеческого общества обращали внимание многие ученые и до Маркса, однако они не видели в нем той глубинной основы общества, из которой проистекали все современные общественные коллизии. Как уже упоминалось, представители классической политэкономии не сумели понять органической взаимосвязи между трудом и частной собственностью, трудом и капиталом, без чего невозможно понимание ни прошлой, ни современной истории.

В отличие от Гегеля, рассматривающего труд, как правило, только с положительной стороны, Маркс выделяет в нем как положительную сторону (творческую, самодеятельную), так и отрицательную (отчуждающую, подневольную). Отрицательная сторона труда связана с антагонистическим устройством общества и особенно наглядно проявляется в условиях буржуазного строя, когда происходит его превращение в наемный труд, противостоящий капиталу. Отсюда знаменитое требование Маркса об «освобождении труда»[40], предполагающее замену наемного труда свободной творческой деятельностью людей.

Материалистическое понимание истории немыслимо без

категории «труд», выражающей основу существования человеческого общества. Рассматривая историю человечества, Маркс, на мой взгляд, считал, что труд в своем развитии проходит три характерные стадии: от коллективного труда на ранних ступенях человеческой истории - к его разделению и отчуждению в классовом обществе, и затем - к преодолению отчуждения и объединению труда в условиях становления свободного бесклассового общества. В последнем случае труд со всей очевидностью приобретает универсальный характер «свободной сознательной деятельности», составляющей «родовой характер человека»[41].

Как известно, рост производительности труда вовсе не тождествен развитию индивидов. Парадокс истории заключается в том, что сначала производительность труда приводит к разделению труда между людьми, к образованию различных общественных классов и эксплуатации, и лишь после этого та же производительность с необходимостью требует объединения труда, ликвидации эксплуатации, бесклассового общества и свободного развития личности. Маркс считал, что *снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение. Главный вывод его работ можно свести к одному тезису: исторический прогресс общества со временем перестанет быть регрессом в развитии личности. Человеческое общество в этом случае становится условием не порабощения, а свободного развития индивида, а это и есть осуществление идеала «свободного человеческого общества», к которому с необходимостью движется человечество.*

В соответствие с исторической логикой развития труда происходит эволюция человеческой личности: от несвободы к свободе через вещную зависимость. Маркс писал по этому поводу: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, - такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей»[42]. Такова историческая логика осуществления социального идеала Маркса.

Как мы видим, этот идеал находится не вне истории, наоборот, он рождается историей и подтверждается ею.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что реализацию своего социального идеала «свободной индивидуальности» в «свободном человеческом обществе» Маркс связывал не с «концом» истории, а, напротив, - с ее «началом». Он считал, что *человечество рано или поздно осуществит свой исторический переход от сугубо стихийной стадии развития к сознательной стадии, от господства вещей над человеком к господству человека над вещами, от власти прошлого над настоящем - к власти настоящего над прошлым, от «царства необходимости» - к «царству свободы»*. Исходя из этого, первую стадию общественного развития Маркс называл «предысторией человеческого общества»[43], а вторую - «подлинной историей». Здесь понятие «предыстория» включает в себя доклассовое и классовое общество, а понятие «подлинная история» - начало той «более высокой» посткапиталистической «общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивида»[44].

Маркс назвал эту стадию развития человечества - «царством свободы», подразумевая под свободой власть объединившихся индивидов над собственными производительными силами и отношениями в отличии от «царства необходимости», где господствует случай и конкуренция в общественных отношениях и где абсолютное большинство людей отчуждено от средств производства и вынуждено вследствие этого громадную часть своего времени уделять работе, связанной с удовлетворением своих элементарных физических потребностей. «Царство свободы, - писали Маркс и Энгельс, - начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[45]. Эта мысль Маркса, конечно, не означает, что в будущем прекратится материальное производство: оно просто «уйдет в основание» общества, освободив дорогу для творческой деятельности людей[46].

По мнению Маркса только в условиях полной свободы люди могут сознательно творить свою собственную историю, в то время как раньше история творила их. Только в таком обществе случайность перестает господствовать над человеком, и люди начинают полностью контролировать свои отношения с природой и друг с другом.

Итак, из сказанного выше можно сделать следующий вывод: Маркс не связывал с коммунизмом некое завершение истории, подобное «тысячелетнему царству божьему на земле». Напротив,

он выводил его из настоящего, из сугубо эмпирических и живых противоречий действительности. Эти противоречия, являясь двигателем истории, проявляют глубинные законы общественно-исторического развития, честь открытия которых также принадлежит Марксу.

Реален или утопичен идеал Маркса?

Как мы уже отмечали, социальный идеал Маркса, всегда был в фокусе идейной борьбы. Противники марксизма, не способные противопоставить ему нечто положительное, стремились и стремятся всячески его принизить и тем самым дискредитировать. Не смотря на то, что Маркс выступал против любых утопических взглядов и теорий, один из характерных приемов дискредитации его учения о будущем обществе является отождествление его с утопией, носящей характер «светской религии»[47].

Это мнение почти полностью воспроизводит мысли одного из ныне модных представителей русской идеалистической мысли прошлого века Сергея Булгакова, который считал, что «в марксизме бьет горячий ключ социального утопизма»[48]. Нечто подобное утверждали и утверждают его идейные последователи на Западе, считающие, что Маркс не доказывал, а «пророчествовал», «фантазировал» или «эстетизировал» будущее коммунистическое общество, не считаясь с реальными тенденциями общественного развития[49].

На самом деле, Маркс, в отличие от многочисленных представителей догматического, или утопического социализма, никогда не «фантазировал», тем более, никогда не «пророчествовал» о наступлении коммунистического общества: он выводил его из реальных фактов современной ему капиталистической действительности, из общих, глобальных тенденций ее развития.

В частности, он рассматривал становление будущего общества реального гуманизма (коммунизма) как длительный исторический процесс «снятия» (Aufhebung) частной собственности и «обратного отвоевания» человека как родового существа. Марксов коммунизм есть не застывшее, а постоянно изменяющееся гуманистическое или «человеческое общество». Он венчает не историю человечества, а определенный период ее стихийного развития, и открывает стадию ее сознательного развития (саморазвития). Общество, на этой высшей стадии эволюции человечества начинает постоянно себя сознательно

изменять или самореформировать в зависимости от изменения окружающей природной среды, роста производительных сил человека, его знаний, потребностей и способностей.

Маркс четко различал объективные и субъективные предпосылки возникновения и становления такого общества. Первые были связаны с развитием производительных сил общества, становлением современной технологии и промышленности, преодолением прежнего общественного разделения труда, экономическим самоотрицанием капитала, вторые - с классовой борьбой, рабочим движением, политическими партиями, революционным преобразованием буржуазного общества. Рассмотрим сначала объективные условия этого исторического процесса.

Напомню в этой связи одну из последних марксовых характеристик коммунизма, которая является наиболее развернутой формулировкой его социального идеала. В одном из своих последних произведений, а именно в «Критике Готской программы», Маркс дал следующее его описание, ставшее классическим: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»[50].

Возможно ли, вообще, на практике такое общество? Не является ли оно, на самом деле, тем псевдонимом известной идеи «земного рая», о котором постоянно говорят противники и некоторые «друзья» марксизма? Где же те объективные критерии, которые позволяют считать его вполне реальным обществом? Отвечая на подобные вопросы, Маркс уже в «Немецкой идеологии» пояснял, что такое общество нельзя построить на отсталой, неразвитой технической или экономической основе. Оно может базироваться только на высокоразвитых производительных силах и представлять собой не местное, не национальное, а интернациональное, всемирно-историческое явление. Без этого, по мнению Маркса, будет иметь место «лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»[51].

Откуда же возникают те производительные силы, которые могут обеспечить создание будущего коммунистического общества? Отвечая на этот вопрос, Маркс не фантазировал, а стремился разглядеть их в современных ему тенденциях развития технической и экономической сфер капиталистического общества. Вопреки мнениям современных критиков, не устающих говорить об устарелости марксизма, анализ развития капитала, проведенный Марксом в середине XIX века, поражает не только своей научной глубиной, но и явно выраженной актуальностью.

Рассматривая становление и развитие капитала, Маркс выделяет две его взаимосвязанные и характерные стороны. Во-первых, его «великое цивилизующее влияние»[52], выводящее буржуазное общество за пределы прежних, сугубо локальных и традиционных цивилизаций и подготавливающее вполне реальные предпосылки будущей глобальной и универсальной цивилизации. Во-вторых, появление при капитализме разрушающих тенденций, связанных с периодическим падением производства и возникновением всеобщего социального отчуждения, превращающим человека в сугубо частичное и конформистское существо. Именно эта, вторая, сторона капитала показывает, что он, как и предшествующие ему формы общества, исторически преходящ.

В первом случае капитал со все возрастающей силой развивает промышленность и массовое производство товаров, способное удовлетворять постоянно растущие и меняющиеся потребности людей. Специфика этих потребностей состоит в том, что они, в отличие от потребностей, заданных природой, возникают из самого общества, в частности, из развития капиталистического производства. Этим же производством они и удовлетворяются.

В неудержимой погоне за прибавочной стоимостью капитал постоянно переходит свои собственные границы. Он создает новые отрасли производства, проникает в земные недра, открывает полезные ископаемые и источники энергии. Со временем он распространяется по всему земному шару, создает мировой рынок, позволяющий многим странам и народам обмениваться продуктами, произведенными в различных климатических и исторических условиях. На высших ступенях своего развития капитал начинает широко использовать достижения науки и техники, создает новые виды труда, формирует доселе неизвестные культурные запросы и способы их удовлетворения. В подготовительных рукописях к «Капиталу» Маркс пишет: «Культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более

богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, - производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком), - тоже являются условиями производства, основанного на капитале»[53]. Именно эта, положительная деятельность капитала, а не утопические фантазии, создает те необходимые материальные предпосылки будущего, на базе которых и вырастает посткапиталистическое общество, называемое коммунизмом.

Таким образом, Маркс не фантазировал, а органически связывал приход будущего коммунистического общества с той положительной стороной капиталистического производства, которая создает реальные предпосылки для решения вековой проблемы удовлетворения постоянно растущих потребностей населения. Эти предпосылки он видел, прежде всего, в развитии техники и тех производительных силах, которые создает капитал на высшей стадии своего исторического развития.

Вместе с тем, создавая и удовлетворяя разнообразные физические и культурные потребности людей, капитал одновременно создает невиданную ранее систему эксплуатации природы и человека, которую Маркс называл системой «всеобщей полезности». Эта система подчиняет себе не только физические, но и все духовные свойства людей, всю человеческую культуру. По мнению Маркса, в этой системе «всеобщей полезности», нет ничего, что было бы «само по себе более высокое» и правомерное[54]. Маркс полагал, что система «всеобщей полезности», в конце концов, может привести к разрушению важных жизнеобеспечивающих функций человеческого сообщества. В этой связи, известная постановка «Римским клубом» вопроса о «пределах роста» современной цивилизации, связанных с неконтролируемым использованием капиталом научных и технических достижений, нещадной эксплуатацией природы, полностью перекликается с соответствующим прогнозом Маркса.

Подтверждаются сегодня и выводы Маркса относительно исторических пределов развития капитала.

Прошлые и современные факты развития производства показывают, что капитал в своем поступательном движении постоянно наталкивается на порожденные этим движением пределы и противоречия. Так, преодолевая, с одной стороны, национальную ограниченность и предрассудки прошедшей истории, сдерживающие развитие производительных сил, капитал

сам порождает разрушительные явления, останавливающие его рост и развитие. Наиболее существенным и наглядным из них является перепроизводство товаров, которое полностью противоречит тенденции капитала переступать любые границы производства. Именно перепроизводство товаров и связанные с ним экономические спады и кризисы наглядно показывают, что капитал не является абсолютной и вечной формой развития производительных сил. Достаточно вспомнить в этой связи всеобщие экономические кризисы прошлого века и недавний глобальный кризис века нынешнего, чтобы убедиться в актуальности этих идей Маркса. Напомню, что первый глобальный кризис, шагая по планете, оставлял за собой закрытие современных автомобильных гигантов, замороженные стройки и рост массовой безработицы. Он породил кризис жилья, банкротство банков и недоверие миллионов к мировым валютам. Его закономерным следствием стал быстрый рост цен на продукты питания, социальное недовольство и массовые протесты по отношению к властям и существующей системе общественных отношений.

Итак, с одной стороны, капитал стремится к универсальности производства на основе постоянного развития производительных сил и человеческих потребностей, с другой, он сам ставит пределы достижению этой универсальности, порождая кризисы перепроизводства и, следовательно, резко ограничивает удовлетворение насущных человеческих потребностей. «Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, - писал Маркс, - находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала»[55].

Историческое самоотрицание капитала особенно хорошо прослеживаются на эволюции труда и техники, создающих материальную основу будущего свободного человеческого общества. В этой связи идейно ничтожными становятся многие высказывания противников марксизма о якобы не научном, или утопическом характере социального идеала Маркса. Раскроем этот тезис более подробно.

Маркс считал, что общественную роль техники наиболее полно можно проследить на эволюции постоянного капитала, служащего, по его мнению, показателем развитости капитала, вообще. Как уже отмечалось, капитал, благодаря развитию естествознания, открытию им ранее неизвестных свойств вещества, создает новые отрасли производства, совершенствует

машины и механизмы, интенсифицирует труд, подчиняя его логике массового производства товаров. Со временем рабочие все более начинают зависеть не от собственных способностей, умений и навыков, а от «железных законов» функционирования техники и заводской организации производства.

Уместно отметить, что, исследуя роль и эволюцию постоянного капитала, Маркс задолго до Генриха Форда и его знаменитого конвейера, подробно описал подчиненную роль труда в машинном и автоматизированном производстве. Как известно, в таком производстве не машина подчинена рабочему, а деятельность рабочего становится абстрактным моментом функционирования машины. Труд «выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм»[56]. Не это ли, поразительно наглядное описание сущности современного капиталистического производства?! Литературным аналогом такого описания в наше время может служить роман «Колеса» известного писателя Артура Хейли.

По мнению Маркса, основная тенденция капитала на высших ступенях его развития заключается в том, «чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»[57]. Но труд рабочего, превращающийся в простой абстрактный момент процесса производства, может быть в любое время полностью заменен автоматом или роботом. В конечном счете, это и происходит: средство труда, пройдя через различные метаморфозы, в конце концов, превращается в автоматическую систему машин. Рассматривая автомат как «движущую силу, которая сама себя приводит в движение», Маркс полагал, что «система машин, являющаяся автоматической, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему»[58]. Правда, по его мнению, из того обстоятельства, что система машин представляет собой наиболее адекватную форму потребительной стоимости основного капитала, вовсе не следует, что «подчинение капиталистическому общественному отношению является для применения системы машин наиболее адекватным и наилучшим общественным производственным отношением»[59]. Напротив,

автоматизация производства требует для своего успешного применения и развития новых, уже некапиталистических отношений. Поясним это.

Как известно, эволюция техники, согласно Марксу, проходит в истории несколько стадий развития. На первых порах она является простым средством труда, облегчающим и совершенствующим физические функции работника, затем, с появлением машин, труд сначала подчиняется логике машинного производства, становится его моментом, а затем, при появлении автоматов, начинает вообще вытесняться из общественного производства. В этом случае, по Марксу, от живого труда остаются лишь функции наблюдателя и контролера за производственными и технологическими процессами[60]. Здесь, прежний индивидуальный, или непосредственный труд перестает быть базисом производства, превращаясь полностью в творческую деятельность, во всеобщий общественный труд, а средства труда, развившись в «автоматический процесс», начинают подчинять силы природы «общественному разуму»[61]. Как мы видим сегодня, в связи с появлением робототехники и заводов-автоматов, вытесняющих физический труд из современного производства, этот прогноз Маркса также подтверждается.

Вместе с тем, капитал, сводя необходимый труд рабочего до минимума, или вовсе вытесняя его из сферы производства с помощью автоматов, делает излишним и самого себя. Гипотетически можно допустить, что, освободившись совершенно от живого труда, и, следовательно, от его носителя рабочего класса, капитал вынужден будет либо бесплатно отдавать результаты своего частного производства этому классу, либо останавливать производство за неимением потенциальных покупателей его продукции. И в том, и в другом случае это равносильно его смерти. Короче говоря, если исчезает такой созидатель капитала как наемный труд, капитал также должен исчезнуть. Таким образом, развивая производительные силы до создания автоматизированного производства, капитал одновременно «работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»[62]. В отличие от большинства буржуазных экономистов, видящих в капитале «абсолютную» форму развития производительных сил Маркс показал и доказал, что «капитал так же не является абсолютной формой развития производительных сил, как не является он и такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил»[63].

Являясь формой проявления капитала на его высшей стадии развития, автоматическая система машин со временем начинает

выступать такой производительной силой, такой потребительной стоимостью, которая входит с ним в прямое противоречие, требуя для себя более адекватных и более прогрессивных общественных отношений. В итоге, историческое стремление капитала свести с помощью автоматизации к максимуму прибавочный и к минимуму необходимый труд, создает тем самым благоприятные материальные условия для будущего полного освобождения труда и превращения его в свободную творческую деятельность, функционирующую уже не по законам «рабочего», а по законам «свободного времени»[64].

Вместе с тем, полное освобождение труда требует не столько технологического, сколько социального рассмотрения капитала. Пока рассматриваются сугубо технологические аспекты эволюции капитала, мы вынуждены абстрагироваться от его социальной сущности. Тем не менее, эта сущность накладывает свои ограничители на его эволюцию. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

Допустим, что мы осуществили полную автоматизацию производства, при продолжающемся господстве капиталистических отношений. С какими реальными противоречиями в обществе мы тогда столкнемся? Первая из них безусловно связана с массовым появлением излишней рабочей силы, которая высвобождается в ходе автоматизации и роботизации производства. Куда эта рабочая сила должна деваться? Переводить всех безработных на пособие по безработице нерационально с точки зрения капитала, да и невозможно в принципе: общество безработных, составляющих большинство населения страны, не может долго существовать. В сфере бытового обслуживания, насыщенного автоматами и роботами, также нет свободных рабочих мест, которые могли бы занять безработные.

Исходя из этой гипотетической, ситуации, с неизбежностью приходишь к выводу, что полная автоматизация и роботизация производства в условиях господства капитала в принципе невозможна: она противоречит частнокапиталистическому устройству общества. Однако реальное производство сегодня движется в этом направлении: физическая и рутинная рабочая сила все больше и больше заменяется автоматами и робототехникой. Проблема здесь только в том, как долго человечество будет идти по этому направлению? Не смотря на модные разговоры о наступлении информационного общества, достаточно высокого уровня автоматизации производства пока нет нигде: ни в Японии, ни в США, ни в ФРГ.

Некоторые исследователи вообще считают, что абсолютная

автоматизация производства, в принципе, невозможна, ибо всегда будут нужны люди, которые конструируют, налаживают и управляют автоматическим производством. Все так, но тем самым не снимается главный вопрос о том, что должны делать массы людей, которые высвобождаются в ходе автоматизации на частных и государственных предприятиях? И здесь, на наш взгляд, ответ может быть только один: автоматизация производства рано или поздно потребует от самих трудящихся радикального изменения господствующих буржуазных отношений. Есть уверенность в том, что наемные работники в реальности никогда не допустят своего длительного освобождения от труда как основы человеческой жизни. Они просто не смогут быть вечными пауперами. Альтернатива здесь только одна - ликвидация с помощью радикальных реформ или социальной революции капиталистических производственных отношений, и создание самими трудящимися посткапиталистического или социалистического общества. В таком обществе, прежде всего, упраздняется наемный характер труда, а производители становятся сособственниками и соработниками единого трудового коллектива (кооператива). Труд на себя, как показывают современные предприятия с собственностью работников, приводит к немедленному росту общественного производства, не сравнимого с тем, который существует на частных предприятиях. Он же создает те необходимые материальные предпосылки, без которых невозможно удовлетворение постоянно растущих потребностей людей.

Понятно, что в социалистическом обществе процесс автоматизация производства будет совершаться уже в иных социальных условиях, где нет экономической стихии, нет безработицы и лишней рабочей силы. Именно тогда, вместе с ростом производства станет возможным значительное сокращение рабочего и увеличение свободного времени так необходимого для целостного и всестороннего развития личности. В итоге трудовая деятельность людей должна со временем обрести творческий характер, совершаясь уже не по законам рабочего, а по законам свободного времени. На подобной социально-экономической основе и будет вырастать ассоциация, в которой свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Таков конечный пункт неумолимой логики «Капитала» Маркса, показывающий вполне реальный, а не утопический характер становления его социального идеала.

2. Маркс и Энгельс: общее и особенное в мировоззрении

Во многих исследованиях последнего времени, где анализируются различные аспекты творчества К. Маркса, вновь и вновь ставится вопрос: «Who is Маркс в науке и истории?» При этом на него даются разные ответы: одни говорят, что он является «талантливым экономистом», другие утверждают, что он «оригинальный историк», третьи видят в нем «своеобразного философа» и даже «культуролога». В определенной степени, все они правы и не правы, одновременно. По моему мнению (и не только), Маркс, как основатель целостного и сугубо оригинального пролетарского мировоззрения, не сводится ни к одному из этих определений. Он был одновременно и философ, и экономист, и историк, и культуролог. Об этом, прежде всего, свидетельствуют его труды, посвященные анализу капитала, истории, политики, социологии и культуры. В не меньшей степени это утверждение относится и к творчеству Ф. Энгельса, который много сил отдал разработке и пропаганде их общего с Марксом мировоззрения.

Деятельность Маркса и Энгельса, по сути дела, была невиданным в истории творческим интеллектуальным дуэтом. И хотя сам Энгельс говорил, что он играл в этом дуэте лишь «вторую скрипку», можно с уверенностью сказать, что без нее невозможно представить их общее мировоззрение. Без этой «скрипки» не было бы того всестороннего обоснования социализма, который впоследствии стал научной идеологией пролетариата. К сожалению, эту идеологию сегодня третируют не только открытые противники рабочего класса, но и некоторые российские коммунисты, увлекающиеся «модными» мифами о якобы внеисторической сущности понятий «державности» и «русской идеи».

В истории освободительного движения, пожалуй, не было другого образца дружбы двух революционеров, какой была дружба Маркса и Энгельса. Эта дружба может служить примером не только творческих, но и чисто человеческих отношений. Так, без Энгельса и его бескорыстной материальной помощи Маркс мог оказаться на грани нищеты и вряд ли бы написал свой «Капитал». Без Энгельса не было бы и таких их совместных произведений, как «Немецкая идеология», впервые обосновавшая материалистическое понимание истории, «Манифест коммунистической партии», давший политическую программу

действий международному рабочему и коммунистическому движению, не было бы второго и третьего томов «Капитала», которые Энгельс буквально реконструировал из труднопонимаемых рукописей своего друга.

Вопреки мнению его современных критиков, Энгельс никогда не понимал марксизм вульгарно. Он видел в нем учение не только о примате экономики в общественной жизни, но и об активной роли революционного движения, его общественных идей и целей. Энгельс был не только выдающимся ученым, марксистом - диалектиком, но и человеком, очень любящим жизнь, искусство и литературу, о чем много говорил и писал.

После смерти своего великого друга Энгельс взвалил на себя бремя руководства международным рабочим движением. К нему шли за советом революционеры со всего мира, в том числе и из России. У него в гостях были Лавров, Плеханов, Засулич, Лопатин и многие другие русские революционеры. Ленин, к сожалению, не успел встретиться с Энгельсом из-за болезни последнего.

Не следует забывать, что Ф. Энгельс был фактически первым человеком в истории, который в отличие от социалистов-утопистов неустанно доказывал, что рабочий класс не является только «страдающим» классом. Он связывал его историческую деятельность с борьбой за ликвидацию господствующих буржуазных отношений. Эти его мысли особенно актуальны в условиях современной реставрации капитализма в России. Сегодня, когда российские рабочие униженно вымаливают у правительства и собственников свой законный заработок, они напоминают о том, что только в организованной борьбе за свои экономические и политические права рабочие смогут отстоять свои коренные интересы.

Как известно, Маркс и Энгельс впервые встретились заочно на страницах «Немецко-французского ежегодника», где Маркс напечатал свои первые философские тексты, посвященные критике немецкой идеологии, а Энгельс проанализировал современную ему политическую экономию, раскрыв природу буржуазной конкуренции. Маркс назвал эту работу Энгельса «гениальной»[65]. Затем после их личного знакомства происходит своеобразный обмен объектами исследования: Маркс начинает критически исследовать политэкономию буржуазного общества и в итоге создает свой «Капитал», а Энгельс исследует историю социалистических учений, пишет «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы».

Оба активно участвуют в создании I Интернационала и отслеживают зарождение и развитие рабочего движения в мире. Переписка Маркса и Энгельса по этим и другим актуальным

проблемам жизни и науки показывает, как конкретно развивалось и обогащалось их общее мировоззрение. Их письма друг другу - это не только демонстрация диалектического интеллекта в действии, в осмыслении важнейших вопросов развития общества и природы, но и документ бескорыстной человеческой дружбы двух великих людей и единомышленников. Повторю, история человечества до сих пор ничего подобного не знает.

Выступая на похоронах Маркса, Энгельс говорил, что в основе их общего мировоззрения лежат два поистине эпохальных открытия, принадлежащих Марксу: материалистическое понимание истории с ее выводом о закономерной смене стихийно складывающихся форм общества, и создание теории прибавочной стоимости, раскрывающей механизм экономической эксплуатации трудящихся. Как известно, помимо этих двух фундаментальных открытий в общественной науке Маркс и Энгельс сделали много других, обогативших их общее мировоззрение. Назову для примера лишь марксову идею о двойственном характере человеческого труда, его анализ становления исторических форм собственности, исследование Энгельса, посвященное положению рабочего класса в Англии, его малоизвестные работы по проблемам войны и мира, становления и развития европейской социал-демократии и др.

Следует отметить, что материалистическое понимание истории было важнейшей частью их более общего диалектико-материалистического мировоззрения, которое, на мой взгляд, Маркс и Энгельс сознательно разрабатывали на протяжении всей своей жизни. Они были уверены, что в будущем обществе, где с необходимостью исчезнут социальные антагонизмы, наука о человеке органически включит в себя естествознание, а естествознание - науку о человеке: это будет одна наука. Возможно у них был некий совместный план разработки такого мировоззрения, возникший еще в молодости во время их совместной работы над критикой различных представителей немецкой идеологии. Этот план касался выработки целостной и открытой в будущее (в отличие от Гегеля) мировоззренческой системы. Об этом свидетельствует их своеобразное разделение труда друг с другом. Один занимается философией, другой политэкономией, один, например, сосредоточивается на проблемах истории первобытного общества, другой на проблемах современности. При этом они часто меняются местами в разработке той или другой проблемы своего мировоззрения.

Марксистское мировоззрение можно называть по разному: диалектико-материалистическим, коммунистическим, научно-социалистическим или гуманистическим, ясно одно все эти

названия лишь стороны единого философско-исторического взгляда на мир и будущее человечества, принадлежащего как Марксу, так и Энгельсу. Мировоззренческая система, которую разрабатывали основоположники марксизма охватывала собой весь окружающий нас мир в его поступательном историческом развитии. Это был единый обобщающий взгляд на природу и общество, на прошлое, настоящее и будущее человечества. Повторюсь, нельзя исключать, что будучи учениками Гегеля, Маркс и Энгельс хотели повторить его духовный подвиг на новом уже материалистическом основании, т. е. поистине перевернуть его философскую систему «с головы на ноги». Не случайно современники, которые сталкивались с Марксом и Энгельсом, поражались глубине и необычности их взглядов. На самом деле, если вы поставите в один ряд «Диалектику природы» Энгельса, его «Происхождение семьи, частной собственности и государства», труды по истории социализма, сюжеты Маркса, связанные с подготовкой и написанием «Капитала», его работы по исследованию русской общины, тексты анализирующие мировое революционное движение, его «Критику Готской программы», то в сознании возникает грандиозная картина целостной системы совершенно нового и небывалого доселе научного мировоззрения, которое до сих пор оказывает свое глубокое влияние на сознание миллионов людей.

Принято считать, что Маркс и Энгельс доказали историческую необходимость наступления коммунизма, представив его в качества идеала общественного развития и «конечной цели» рабочего движения. Это на самом деле так. Только понимание этого идеала и этой цели в литературе не всегда трактуется адекватно их мировоззрению. Так, в общественном сознании достаточно распространенно сугубо вульгарное экономическое понимание коммунизма как «совместного владения имуществом» на основе тотального господства государственной собственности, или как высшее развитие сугубо потребительского общества, ценностями которого сегодня так увлечены большинство средств массовой информации и коммуникации.

Однако, как уже говорилось, такое понимание грядущего общества весьма далеко отстоит от марксистской трактовки его как «реального» или «практического» гуманизма, как преодоления всех видов социального отчуждения и создания подлинно свободного общества, в котором, говоря философским языком, общественная сущность и существование человека совпадают, где люди не противостоят, а дополняют друг друга. В отличие от современного буржуазного общества, где все продается и

покупается, Маркс и Энгельс говорили о совершенно ином, а именно о свободном обществе, основанном не на корысти и денежных отношениях, а на сугубо творческих и человеческих отношениях между людьми.

Как свидетельствует история, не все, считающие себя коммунистами, соглашались с такой трактовкой будущего общества. Например, Сталин, прочитав на полях книги Г. Александрова «Философские предшественники марксизма» слова Маркса о коммунизме, как «присвоении человеческой сущности человеком и для человека», написал: «К чему эта цитата?», «К чему это?». И эти вопросы были не случайны: вся практика сталинизма была полным и решительным отрицанием гуманистического идеала. Но именно о нем писал Маркс, доказывая, что только эмансипация человека от всех видов социального отчуждения может реализовать идеал «свободного человеческого общества». Говоря о такой эмансипации, Маркс подчеркивал, что ее суть «состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку»[66].

Как перейти к такому обществу? Было бы очень удобно и безопасно мыслить такой переход автоматически и бесконфликтно. Многие сторонники эволюционизма так его и мыслят, ссылаясь, в том числе, на Маркса, который неоднократно говорил об «отрицании капитала в рамках капитала». Однако подобная трактовка постепенного превращения капиталистической системы в ее противоположность, на мой взгляд, по меньшей мере, поверхностна. Говоря о «самоотрицании капитала», Маркс имел ввиду, прежде всего, либо вытеснение физического труда из сферы производства и замены его машинами, либо появления акционерного капитала, когда наемные работники становятся его ассоциированными собственниками. Но в том и другом случае он хорошо сознавал, что при этом частнокапиталистическое производство остается господствующим, даже не смотря на экономические кризисы, которые его потрясают.

Конечно, никакие экономические кризисы, сами по себе, не могут изменить социальную природу буржуазного общества. Это дело людей, а не анонимных технологических или экономических сил. История есть результат деятельности людей, создающих и изменяющих свои общественные отношения. Последние никогда не изменятся, если их не изменят сами люди, либо путем революции, либо путем реформы. Причем реформа нередко становится побочным продуктом революции, или ее предпосылкой.

В последнее время наметилось стремление интерпретировать поздних Маркса и Энгельса как своеобразных оппортунистов, полностью отказавшихся от революции. Однако подобной метаморфозы у них никогда не было. Они, являясь последовательными сторонниками диалектического взгляда на историю, никогда не отказывались от революции как способа завоевания политической власти. Допуская возможность перехода власти в руки пролетариата путем демократических выборов, Маркс и Энгельс исходили из того, что это будет возможно только тогда, когда буржуазия осознает бесполезность сопротивления революционному классу ввиду его превосходства в силе. Но в этом случае переход власти из рук буржуазии в руки рабочих также является революцией, но только мирной по форме.

Насколько эта уверенность основателей марксизма оправдалась историей? Ответить на этот вопрос не просто: необходим тщательный анализ всех социальных завоеваний и потерь, происшедших в мире за последние сто с лишним лет. На мой взгляд, нет сомнения в одном: общее направление истории, указанное ими оказалось верным. Это подтверждается не только социальными революциями прошлого, не только существованием стран «реального социализма», но и многими современными процессами в капиталистических странах, происходящими, например, в исламском мире и Латинской Америке. Есть и другие доказательства: например, никто не может опровергнуть истину о том, что в современном глобальном мире, и особенно в его наиболее развитой части, рабочий день законодательно сокращен до 8 и менее часов, продолжается движение ко всеобщей интеграции, автоматизации и информатизации производства, нарастают тенденции социализации общественной жизни и интеграции разных стран и народов. Все большее значение в общественной жизни сегодня приобретают научные знания, которые, обладая всеобщим характером, противоречат господствующим буржуазным отношениям.

Все вышеназванные тенденции, предсказанные Марксом и Энгельсом, настоятельно требуют сегодня контроля со стороны гражданского общества за стихией рынка и движением капиталов, сознательного отношения к природе, исключения войн из жизни человечества, преодоления всех форм социального, национального и духовного порабощения и отчуждения людей. Реализация этих требований и означает движение к подлинно социалистическому и гуманистическому обществу.

Марксистское мировоззрение, у истоков которого стояли Маркс и Энгельс сегодня продолжает оставаться предметом острой критики не только со стороны его идейных противников,

но и его бывших друзей. Они, как уже говорилось, пытаются противопоставлять друг другу не только взгляды Маркса и Энгельса, но взгляды раннего и позднего Маркса[67]. Скажу откровенно, я противник подобных во многом легковесных противопоставлений. Достаточно, например, сравнить сюжеты о деньгах и капитале в ранних Экономико-философских рукописях Маркса с аналогичными местами в «Капитале», чтобы понять одно: существенных противоречий в творчестве раннего и позднего Маркса нет[68]. Постоянно развиваясь, мировоззрение Маркса в его основных положениях, не претерпело, и не могло претерпеть радикального изменения, ибо сохранялась, по сути своей, та действительность, которое оно отражало. Что касается различий во взглядах Маркса и Энгельса, то они, конечно, существуют, но не имеют, на мой взгляд принципиального характера. Особенно наглядно об этом свидетельствует их переписка, в которой они нередко поправляют и развивают взгляды друг друга по наиболее сложным проблемам современной им науке.

К сожалению, в последнее время среди некоторых западных исследователей творчества Маркса и Энгельса стало модным говорить не только о различиях их теоретических взглядов, но и о их якобы пагубном влиянии на политику большевиков в России. Так, в частности, в работах современного шведского социолога Пера Монсона прямо говорится о правомерности постановки вопроса: «... В какой степени разработанные Марксом теоретические и политические идеи могли быть использованы его последователями для оправдания захвата власти во время русской революции в 1917 году, а затем для того, чтобы убить миллионы людей - как реальных, так и воображаемых противников режима?»[69].

И этот вопрос ставится, несмотря на то, что между идеями основателей марксизма и политикой российских большевиков в XX веке лежит целая историческая эпоха качественно различных преобразований западного и российского общества, не говоря уже о принципиальной противоположности самих политических взглядов Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Сталина, с другой. Опыт истории показывает, что известное латинское выражение post hoc ergo propter hoc («после этого, поэтому из-за этого»), применительно к данному вопросу, является, не столько истиной, сколько очевидным заблуждением.

Не менее спорным является попытка П. Монсона и тех авторитетов, на которые он ссылается, доказать принципиальное различие, даже противоположность философских и политических взглядах Маркса и Энгельса. По их выражению, Маркс и Энгельс

не только никогда не были интеллектуальными «близнецами», но и использовали сугубо разные принципы и методы обоснования исторических явлений. Так, с их точки зрения, Энгельс был подвержен влиянию естественных наук, определенному позитивизму и схематизму в трактовке истории, а Маркс больше склонялся к общественным наукам и гуманитарным средствам познания общественно-исторических явлений и процессов. Энгельс искал философские основания марксистского мировоззрения в общих законах развития природы[70], а Маркс предпочитал познавать и осмысливать сугубо специфические законы движения человеческой истории. При этом Монсон и его коллеги уверены, что именно Энгельс в итоге не только сформулировал само понятие «марксизм», но и предвосхитил плехановскую трактовку «диамата» как мировоззренческую основу марксизма. Позднее эту трактовку использовали Ленин и Сталин. Последний ее применил, например, при написании главы по философии в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Итак, по Монсону, на самом деле не марксизм, а своеобразный «энгельсизм» под именем «марксизма» был позднее воспринят Каутским, Плехановым, Лениным и Сталиным, которые в своих работах каждый по своему доказывали «естественную» (читай, фатальную) необходимость крушения капитализма, гарантировавшую «исторический триумф социализма»[71].

Если отвлечься от определенного отождествления Монсоном таких разных людей, как Каутский, Плеханов, Ленин и Сталин, то можно увидеть, что вышеприведенная им интерпретация творчества Маркса и Энгельса, по большому счету, не выдерживает критики. Она, по сути дела, является не только односторонней и тенденциозной, но и полностью противоречащей тому, что говорили и писали сами Маркс и Энгельс об их общем диалектико-материалистическом мировоззрении и политических взглядах друг друга.

На мой взгляд, при внимательном изучении мировоззрения Маркса и Энгельса, невозможно найти тех существенных научных различий, о которых говорит П. Монсон и такие его авторитеты, как Jones, Lichtheim, Vollgraf, White, Carver и др., к которым он часто отсылает читателя в своей статье. В этой связи, хочется заметить, что обсуждая мировоззрение Маркса и Энгельса, нельзя игнорировать (а именно это делает Монсон и его коллеги) тот исторический факт, что они, как уже было отмечено, с молодых лет были соавторами многих работ, в которых вырабатывалось их общее мировоззрение и общий взгляд на историю. Достаточно для этого назвать «Святое семейство», где они во многом

определили свое место в истории философии, ту же «Немецкую идеологию», в которой они путем критики господствующей тогда немецкой идеологии обосновали свой общий диалектико-материалистический взгляд на историю, наконец, их известный «Манифест Коммунистической партии», где они в глубокой и яркой публицистической форме представили свои общие социально-политические взгляды, связав их с деятельностью рабочего класса и появившейся тогда Коммунистической партией.

Хочется подчеркнуть, что на протяжении всей своей жизни и деятельности, Маркс и Энгельс, углубляя и развивая свои философские, экономические и политические взгляды, никогда не отказывались от их общего мировоззрения, зародившегося в первой половине XIX века. Мало того, они активно использовали его в качестве методологической основы в своих конкретных научных исследованиях. Доказывать сегодня обратное, на мой взгляд, значит отказываться от таких важных доказательств и аргументов в осмыслении их творчества, как совместно написанные работы, их взаимная переписка, и общие политические заявления.

Как уже говорилось, Маркс и Энгельс с первых лет своего знакомства были учениками и последователями Гегеля. Заимствовав у него диалектический метод познания, они с его помощью стремились развивать общее им диалектико-материалистическое мировоззрение. При этом они не останавливались перед критикой Гегеля, когда тот, как идеалист, явно упрощал понимание природных процессов, сводя их, например, к сугубо механическим закономерностям или видел конец мировой истории в создании явно идеализированного им Прусского государства. В итоге, они в своих исследованиях материалистически полностью переработали гегелевскую диалектику, что позволило им добиться выдающихся результатов в познании и объяснении сложнейших процессов развития природы и общества. Во всяком случае, без знания метода материалистической диалектики нельзя понять ни «Капитал» Маркса, ни «Диалектику природы» Энгельса.

Достаточно сказать, что благодаря материалистической диалектике Энгельсу удалось объяснить, скрытую в то время от глаз многих естествоиспытателей, специфику и взаимосвязь форм и процессов материального мира, проследить логику их движения от простейших механических закономерностей до сложнейших явлений и закономерностей органического и социального мира. Как известно, эти исследования нашли свое отражение не только в его «Диалектике природы», но и в таком полемическом произведении как «Анти-Дюринг». Характерно, что эти работы

Энгельса принципиально отличны от соответствующих исследований, например, Дюринга, Бернштейна и Каутского, испытавших на себе на самом деле большое влияние позитивизма. В тоже время, на мой взгляд, нет никаких оснований приписывать позитивизм работам Энгельса, как это делается в статье Монсона[72]. Во всяком случае, Энгельс никогда не говорил и не мог говорить, что законы развития истории являются всего лишь «специальными законами тех законов, которые действуют в природе»[73].

По моему мнению, не следует также думать, что Маркс, как гуманитарий, был в какой-то мере равнодушен, или не разделял увлечение Энгельса естественными науками и диалектикой природы[74]. Их большая и интересная переписка по поводу актуальных проблем современного им естествознания, в частности, по поводу оригинальных идей, которые возникли у Энгельса утром 30 мая 1873 года, полностью противоречит тому, что утверждается в рассматриваемой статье Монсона.[75]

Дело в том, что не только Энгельс, но и Маркс часто интересовался проблемами и достижениями в области естественных и математических наук. Достаточно прочитать в этом плане его многочисленные ссылки на работы естествоиспытателей в «Капитале». Он сам на протяжении многих лет увлекался высшей математикой. Об этом убедительно свидетельствуют его «Математические рукописи», в которых он, по мнению современных специалистов, представил свое оригинальное диалектическое прочтение анализа бесконечно малых величин[76]. Следует заметить, что результаты этих исследований он, как правило, обсуждал с Энгельсом. Не случайно последний хотел их опубликовать после кончины Маркса.

Материалистическая диалектика, являясь эвристическим методом познания Маркса и Энгельса, вопреки современному мнению ее критиков, ничего общего не имела и не могла иметь с вульгарным советским «диаматом», который с помощью своих абстрактных и формальных категорий стремился обобщать и объяснять достижения различных естественных наук. По своему возродив негативные стороны натурфилософии и метафизики, такой «диамат» не столько помогал, сколько мешал естествоиспытателям создавать адекватную научную картину мира. Видимо, отсюда у них и стало популярным известное выражение: «Физика бойся метафизики».

Общепризнанный характер марксизма как мировоззрения, разработанного Марксом и Энгельсом в последнее время вновь стало ставиться под сомнение. Так, Пер Монсон и его коллеги на

Западе (есть их сторонники и в России) полагают, что нельзя говорить о каком либо едином мировоззрении Маркса и Энгельса. Они уверены, что поскольку философские основы марксизма больше развивал Энгельс, чем Маркс, например, в «Диалектике природы», то начиная с 1890 года это мировоззрение, или идеология «является, скорее созданием Фридриха Энгельса, чем Карла Маркса». Отсюда, мол, и термин «энгельсизм» является гораздо более метким», чем «марксизм»[77]. Во-вторых, по их мнению, сам термин «марксизм» принадлежит не Марксу, а Энгельсу, который ввел его в оборот якобы уже после смерти Маркса[78]. Наконец, в-третьих, понятие «марксизм» не может быть их общим мировоззрением в силу различного понимания ими хода мировой истории, в частности, имеющего непосредственное отношение к истории России и судьбе ее земледельческой общины.

Следует отметить, что в качестве доказательства последнего тезиса используется действительно имеющееся расхождение взглядов Маркса и Энгельса на роль и будущее русской общины в условиях становления российского капитализма.

В чем же заключалась особенность точки зрения Энгельса по данному вопросу? Исходя из того, что Россия в 19 веке уже вступила в эпоху капиталистического развития, Энгельс считал, что русская община была обречена на вымирание. По его мнению шанс на выживание у нее мог появиться лишь в том случае, если на Западе, а затем и в России произойдут антибуржуазные революции. Таким образом, он считал, что историческая судьба русской общины будет целиком зависеть от ближайших успехов социалистической революции на Западе.

Иной позиции по этому вопросу придерживался Маркс. Он полагал, что у русской общины все-таки есть определенный шанс миновать капитализм, став «отправной точкой» социалистических преобразований, прежде всего, в самой России. По его мнению этот вывод был обусловлен историческим своеобразием самой русской общины, которая, в отличие от аналогичных архаических общин Западной Европы сумела сохраниться в национальном масштабе.

При этом, Маркс был против тех, кто пытался оправдывать ее историческое исчезновение ссылками на его теорию зарождения и развития капитализма, которую он представил в первом томе «Капитала». Здесь следует сослаться на его написанный в 1877 году непосланный ответ одному из критиков «Капитала» в журнал «Отечественные записки». Из этого ответа следует, что он был не согласен, прежде всего, с теми, кто видел в его очерке о первоначальном накоплении капитала, представленный в

«Капитале», «историко-философскую теорию общего развития», которая может применяться «ко всем народам независимо от того, в каких исторических обстоятельств они находятся»[79]. По его мнению, такая «надысторическая» точка зрения не помогала, а мешала понять особенность российской действительности, включая своеобразие ее русской общины.

Исходя из этих слов, современные критики марксизма утверждают, что якобы Маркс в конце своей жизни пересмотрел свою концепцию мировой истории, которая была им сформулирована в его знаменитом предисловии к первому изданию «Капитала». При этом, они совершенно не учитывают других важных слов Маркса из его ответа автору «Отечественных записок», свидетельствующие о том, что позиция Маркса по проблеме русской общины была далеко не однозначной. Вот эти слова: «... Если Россия продолжит идти по пути, взятому в 1861 г., то она упустит удобный шанс, когда либо данный нации историей, и вместо этого будет вынуждена подчиниться всем роковым переменам капиталистического режима»[80].

Рассмотрим более подробно данную неоднозначную ситуацию, связанную с научным пониманием Маркса русской общины, к которой Маркс позднее специально вернулся в известном письме к Вере Засулич. Это понимание, на мой взгляд, имеет сегодня не только большую методологическую, но и политическую значимость[81].

В этой связи, напомню: в своем Предисловии к первому тому «Капитала» Маркс говорил, что на примере Англии можно проследить все стадии становления и развития капиталистического способа производства, через которые рано или поздно пройдут многие страны, включая Германию, Францию и др. государства Западной Европы. При этом он пояснял: «... Если немецкий читатель захочет фарисейски пожать плечами по поводу условий британских промышленных и сельскохозяйственных рабочих или оптимистично успокоить себя тем, что в Германии все еще не так плохо, то я должен сказать ему: de te fabula narrator! (о тебе речь идет)... Промышленно развитая страна показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего»[82].

Как известно, эту теорию общих закономерностей развития истории, Маркс развивал и в других своих работах, начиная с Манифеста Коммунистической партии, и кончая французским изданием «Капитала». Тем не менее, идеологи народничества в России, при всем их уважении к научному авторитету Маркса, не могли принять теории о неизбежности прохождения Россией капиталистического пути развития, приносящего по опыту

западных стран невиданные бедствия для трудящихся, и, прежде всего, для русских крестьян. По их мнению, Россия, в которой сохранилась община, охватывающая собой сотни тысяч крестьянских хозяйств, могла и должна была на практике избежать капиталистическую стадию развития. Более того, они видели в русской общине прообраз будущего социалистического строя. Поэтому, они решили узнать личное мнение Маркса по данному вопросу. С этой просьбой и обратилась к Марксу Вера Ивановна Засулич, написав в феврале 1881 года ему соответствующее письмо.

Ответ Маркса от 8 марта 1881 года был лаконичен. Вот его содержание:

> «... Достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.
>
> Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: "В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути" ("Капитал", франц. изд., стр. 315). Следовательно, "историческая неизбежность" этого процесса точно ограничена странами Западной Европы.
>
> Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы: "Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном" (там же, стр. 341).
>
> В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.
>
> **Анализ, представленный в "Капитале", не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины**. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что **эта община является точкой опоры**

социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс»[83].

Итак, как мы видим: в этом кратком письме Маркс не дает однозначного ответа по поводу судьбы русской общины. Такой ответ у него есть лишь по поводу неправильного понимания его «мнимой теории» исторического процесса, представленного в предисловии к первому тому «Капитала». Этот ответ совпадает с тем, что он писал ранее в своем неотправленном письме в «Отечественные записки» по поводу уже цитируемого нами одностороннего, или догматического понимания его очерка становления капитализма в Англии. Маркс был уверен, что люди сами творят свою историю и потому историческая истина не сводится к абстрактным философским понятиям, а всегда имеет конкретный характер.

Что касается исторической судьбы самой русской общины, то, по Марксу, она двояка и условна. Это связано с ее своеобразной дуальной формой существования: наличия у нее, с одной стороны, общественной собственности на землю, с другой - частного характера обработки земли, соответствующего индивидуального домовладения и ведения дворового хозяйства. По данным исторических источников, которые изучал Маркс, самые первые исторические варианты общин имели общие дома для всех членов общины и общее ведение хозяйства.

Первая характеристика общины (т. е. общая собственность на землю) дает возможность избежать капиталистическую стадию исторического развития, став «отправной точкой» ее «социального возрождения», но это может произойти лишь при условии, если община сумеет «устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон». В случае, если ей не удастся этого сделать (т. е. избежать «тлетворного влияния»), она обречена пройти через все муки своего разрушения, которые связаны с капиталистическим развитием России. Как отмечал Маркс ранее, это «тлетворное», или пагубное влияние особенно усилилось в России после отмены крепостного права в 1861 году.

Следует также заметить, что из краткого ответа Маркса Вере Засулич, прямо не вытекают его ответы на ряд других не менее

важных вопросов, касающихся русской общины[84]. В частности, почему эта община может избежать стихийного вымирания, как это случилось с подобными общинами в других странах? Какие конкретно «тлетворные влияния» грозят ее существованию? Но, самое главное, как она реально может устранить эти «влияния», идущие на нее со всех сторон?

К счастью, ответы на эти вопросы у Маркса имелись: их находим в его черновых вариантах письма Вере Засулич. Приведем их.

Повторим, по его мнению, русская община отличается от подобных ей архаических общин в других странах тем, что она сохранилась в России как коллективный субъект производственной деятельности в широком национальном, а не местном масштабе, что было присуще соответствующим общинам Западной Европы. Таким образом она стала «современницей более высокой культуры», связанной «с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»[85]. Тем самым, она, в отличие от своих исторических предшественниц, в определенной мере уже приспособилась к новым буржуазным порядкам.

Маркс считал, что наличие определенного частного элемента в общине может ей помочь в будущем безболезненно усвоить, например, прогрессивные элементы капиталистического развития, связанные с ростом индивидуальной культуры, технологическим прогрессом в сельском хозяйстве: появлением с/х машин для обработки больших участков земли, использованием севооборота, применением удобрений и т. п.

По Марксу, капиталистическое производство, с *одной стороны,* «чудесным образом развило общественные производительные силы», но, *с другой*, «оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает»[86]. Такая несовместимость говорит о том, что капитал уже прошел пик своего прогрессивного развития и потому его история все больше становится историей «антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий». В этом смысле, по его мнению, только слепой может не замечать «преходящего характера» капитализма[87]. Из сказанного следует, что в этом случае у русской общины появляется историческое оправдание замены частной капиталистической собственности *«высшей формой* архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистической»[88]. Как мы видим, здесь Маркс фактически говорит о принципиальной возможности возвращения истории к «архаической», но, в тоже время, более прогрессивной форме социально-экономического устройства, чем

частнокапиталистическая форма производства и общения людей[89].

По его мнению, если же этого не случится и «в России восторжествует капиталистическое производство, то огромное большинство крестьян, т. е. русского народа будет «превращено в наемных рабочих и, следовательно, экспроприировано путем предварительного уничтожения его коммунистической собственности»[90]. Как подчеркивал Маркс, здесь нельзя сбрасывать со счетов реально существующие негативные факторы, грозящие общине. Это, прежде всего, сохранение помещичьей собственности на лучшую землю, постоянно усиливающаяся государственная и капиталистическая эксплуатация общины со стороны новых буржуазных «столпов общества», низкая производительность традиционного общинного труда и другие негативные факторы «нового времени».

Таким образом, исходя из сказанного, у русской общины остается только один шанс на выживание - *совершение как можно раньше социальной революции*, которая вдохнет в общину новую жизнь, превратив ее в «точку» или «отправной пункт» социалистического преобразования и возрождения России. Вот подлинные слова Маркса по этому поводу: «С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели; с другой - ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»[91].

Повторим еще раз, общий вывод Маркса из письма Вере Засулич условен: *только тогда русская община может стать отправной точкой отсчета в социалистическом преобразовании России, если в ней произойдет социалистическая революция. Если же русские революционеры совершить ее не смогут, русская община распадется под влиянием капиталистического развития и тех социальных сил, которые в этом заинтересованы.*

Как показала история XIX века народники, делающие ставку на общину, не сумели использовать имеющийся у них единственный шанс на превращение России в социалистическую страну. Как известно, их тактика индивидуального террора не дала необходимого результата: в итоге предполагаемой революции в XIX веке не произошло. Поэтому силы разрушения общины, исходящие от помещиков и капиталистов, о которых предупреждал Маркс, взяли вверх, и страна стала развиваться по капиталистическому пути со всеми его классовыми антагонизмами, кризисами, войнами и революциями.

Со временем стало ясно, что анализ Маркса, проведенный в «Капитале» по отношению к капиталистической Англии, оказался верным не только для стран Западной Европы, но и для самой

пореформенной России. В этом смысле фразу Маркса de te fabula narrator! теперь можно было отнести и к странам Восточной Европы, и к России, что нашло, на мой взгляд, свое отражение в предисловии ко второму русскому изданию Коммунистического манифеста 1882 года, подписанного не только Энгельсом, но и Марксом[92].

После смерти Маркса эту позицию неоднократно подтверждал Энгельс, начав работать над подготовкой к изданию второго и третьего тома «Капитала», оставленных Марксом в разрозненных рукописях. Некоторые из этих рукописей, включая записки по русской общине, к сожалению, не вошли в эти тома. Время покажет справедливость его решений. Относится это и к тем текстам, которые подробно раскрывали конечные цели и идеалы рабочего движения. Вместе с тем, профессиональная работа, проведенная Энгельсом над этими томами, лишний раз показывает общность мировоззрения Маркса и Энгельса, которое, на мой взгляд, вполне закономерно, а не случайно называется «марксизмом».

На рубеже XIX и XX веков марксизм стал распространяться по всему миру. Нашел он своих последователей и в России. В одно время он даже стал модным течением, понятия которого часто употребляли не только идейные выразители интересов рабочего класса, но и представители либеральной интеллигенции, сводящие, нередко, понимание марксизма к вульгарному экономизму. Однако, увлечение марксизмом у них было не долгим. С появлением Социал-демократической рабочей партии марксизм становится основным мировоззрением и идеологией российского рабочего класса.

В этой связи всестороннее осмысление закономерностей развития буржуазной России стало принадлежать уже не столько «либералам» и «народникам», сколько марксистам и, прежде всего, таким ее выдающимся представителям как Плеханов и Ленин. Но это уже совсем другая история, о которой подробнее пойдет речь в других разделах книги.

3. Еще раз о марксистском понимании истории

Падение «реального социализма» в СССР и странах Восточной Европы, появление первого в истории глобального кризиса и его «долгоиграющих» негативных последствий, целая цепь революций, прокатившихся по странам арабского мира, наконец, возникновение в США, Европе и России непрекращающихся массовых протестов против господства финансовой олигархии, ставят перед марксистской мыслью ряд «неудобных вопросов». Прежде всего, почему эти события оказались неожиданными для многих теоретиков марксизма? Почему до сих пор нет их научного объяснения и ответа на вопрос, куда идет современный мир, включая Россию? Не свидетельствует ли данная ситуация о кризисе самого марксизма, или это следствие деятельности тех его представителей, о которых Маркс говорил: если они себя считают марксистами, то в таком случае «ясно одно, что сам я не марксист»?[93].

Сделаем попытку дать ответы на поставленные вопросы. В частности, отвечая на последний вопрос, скажем сразу: по нашему мнению, дело не столько в кризисе марксизма, призванного своевременно учитывать и объяснять различные изменения исторической действительности, сколько в тех его ложных трактовках, которые на протяжении многих лет создавали искаженную картину хода мировой и отечественной истории, включая возникновение, развитие и падение «реального социализма» в СССР.

На наш взгляд, существует, по меньшей мере, два наиболее значимых направления псевдонаучной интерпретации марксизма, связанных с пониманием истории и социализма. Одно из них пытается представить марксизм как разновидность идеалистического или утопического взгляда на мир, другое, напротив, сводит его к философской разновидности позитивизма. В основе, как первого, так и второго направления лежит абстрактное, по сути дела, метафизическое (антидиалектическое) понимание общества и истории.

Чем же отличается подлинно марксистское понимание истории от упомянутых ложных его интерпретаций?

О некоторых азбучных истинах

Отвечая на этот вопрос, мы вынуждены сначала напомнить некоторые азбучные истины материалистического понимания истории, о которых часто забывали и забывают не только противники, но и некоторые сторонники марксистского учения. Хочется сразу подчеркнуть, что Маркс и Энгельс всегда смотрели на историю как на результат деятельности людей и их социальных групп, а не неких абстрактных сущностей, вроде мирового разума или субъективных идей великих исторических личностей. Они вслед за известными французскими историками (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье) считали главными субъектами истории не столько «сильных мира сего», сколько массу простых людей, производительная деятельность которых составляет основное содержание жизни общества. Вот что по этому поводу, в частности, говорил Огюстен Тьерри:: "Если дворянство может в прошлом претендовать на высокие воинские подвиги и воинскую славу, то есть слава и у простонародья, - слава мастерства и таланта. Простолюдин дрессировал боевого коня дворянина, он скреплял стальные бляхи его брони; те, кто увеселял замковые празднества музыкой и поэзией, были тоже из простонародья; наконец, язык, на котором мы сейчас говорим, - это язык простонародья»[94].

Конечно, Маркс и Энгельс не просто следовали взглядам французских историков, они существенно их переработали, создавая материалистическое понимание истории. Это понимание было связано с тем, что за основу человеческой жизни брались не представления людей о самих себе, не их идеи, понятия, желания и идеалы, но прежде всего их практическая трудовая деятельность, т. е. способ производства их собственной жизни. По мнению основателей марксизма, не сознание определяет практическую жизнь людей, а практическая жизнь определяет их сознание. Сознание при этом понимается как «осознание существующей практики»[95]. Выдвигая исходные принципы нового понимания истории, они говорили: «Предпосылки, с которых мы начинаем, - не произвольны, они не догмы... Это - действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»[96]. В этом смысле история есть результат деятельности, «преследующего свои цели человека»[97].

Словом, история - это, прежде всего, развитие во времени производительной или трудовой деятельности людей, деятельности, создающей не только вещи, не только товары, но и самого человека. Она, говоря словами Маркса, есть «порождение человека человеческим трудом»[98]. Кстати, такое возникновение и

становление человека полностью опровергает идею его божественного творения.

Конкретизируя свое понимание истории, Маркс и Энгельс писали: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой - видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности. Но в искаженно-спекулятивном представлении делу придается такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей»[99]. На самом деле, что для предшествующих поколений было «органическим» или сознательным результатом их трудовой деятельности, для новых поколений выступает как «неорганическое», или объективное условие этой деятельности.

Сравнивая свои взгляды со взглядами своих предшественников материалистов, полагавших, что люди являются «продуктами обстоятельств и воспитания», Маркс утверждал, что они не учитывают того, что «обстоятельства изменяются именно людьми», и что в этом смысле «воспитатель сам должен быть воспитан». Что же касается «совпадения изменения обстоятельств и человеческой деятельности», то оно, по мнению Маркса, может быть «рационально понято только как революционная практика»[100]. Так прежний созерцательный материализм был дополнен и развит диалектическим или революционным взглядом на мир.

Углубляя диалектико-материалистическое понимание истории посредством критики взглядов молодых последователей Гегеля, Маркс и Энгельс отмечали, что основная ошибка последних состояла в том, что они, в силу неразвитости экономических отношений Германии, не были в состоянии видеть и понимать непосредственную связь идеологических явлений с практической деятельностью людей, их трудом и общением. Так, Бруно Бауэр, рассматривая «еврейский вопрос» в Германии сквозь призму иудаизма, считал, что его возможно решить при условии политической эмансипации евреев и осуществления научной критики иудаизма. То есть Бауэр пытался решить «еврейский вопрос», не выходя за пределы религиозного сознания евреев, не обращаясь к их практической жизни, отражением которой оно являлось.

Критикуя Бауэра, Маркс в своей известной статье «К еврейскому вопросу» показал, что таким способом решить

«еврейский вопрос» невозможно, в принципе. Об этом же говорил и их опыт политической эмансипации в США: никто из евреев добровольно от своей религии не отказывался, ибо здесь сохранялась и даже расширялась ее «мирская основа», связанная с «торгашеством», «своекорыстием» и другими подобными явлениями, порождаемыми буржуазными рыночными отношениями. Мало того, по мнению Маркса, с развитием капитализма подобная деятельность становится уделом всех других народов, т. е. происходит своеобразное превращение англичан, французов и немцев в евреев с их известным поклонением деньгам - этому «золотому тельцу» современности. Отсюда Маркс делает свой конструктивный вывод, положивший начало научной теории коммунизма: решение проблемы эмансипации евреев от религии, как и других народов, следует искать не в сфере их сознания, а в той практике, в тех рыночных буржуазных отношениях, которые все больше пронизывают современную историю. Только коммунизм, упраздняющий в перспективе эти отношения, способен решить социальные, национальные и религиозные проблемы современного общества[101]. Отсюда следовало, что людям нужна не столько политическая, сколько «человеческая эмансипация», ликвидирующая корни любой религиозности, социальных и национальных противоречий.

В этом же русле лежит критика Марксом и Энгельсом философии Л. Фейербаха, который в своем материализме ограничивался сведением христианской религии к ее земной основе, т. е. призывал искать тайну «святого семейства» в «земном семействе». Отдавая должное философской прозорливости Фейербаха, они в тоже время показывали ограниченность его метода. Как известно, Фейербах в своих работах, посвященных осмыслению сущности христианства, в конечном счете, предлагал заменить христианскую религию атеизмом, а любовь к богу любовью «человека к человеку», чем вызвал ряд иронических и критических замечаний Маркса и Энгельса в свой адрес. По их мнению, атеизм, в принципе, не может решить религиозную проблему, ибо сам является «негативным признанием бога». Пытаясь создать свою альтернативную гуманистическую религию, Фейербах также как и другие младогегельянцы, не видел, в частности, социальных причин возникновения религиозного сознания. Он продолжал сугубо натуралистически объяснять, например, различия между бедностью и богатством, рабочими и буржуа. Наблюдая, например, золотушных бедняков, или подорванных чахоткой рабочих, он прибегал к «высшему созерцанию» и идеальному выравниванию этих людей в понятии

«род человеческий», т. е. снова впадал «в идеализм»[102]. По мнению Фейербаха, только смерть является подлинным коммунистом, уравнивающая рабочего и буржуа, нищего и короля. Поэтому Маркс и Энгельс справедливо считали, что Фейербах, ограниченный своим созерцательным материализмом, не смог увидеть и понять подлинной истории с ее социальными противоречиями и практической деятельностью людей[103].

С точки зрения основателей марксизма, недостаточно сводить религию к ее земным корням: надо показать, как она из них вырастает. По их мнению, религия вырастает из трудностей и противоречий реальной жизни. Она компенсирует эти противоречия, создавая в сознании людей иллюзию их разрешения. Именно в этом смысле Маркс называл религию «вздохом угнетенной твари, сердцем бессердечного мира»[104]. По его мнению, только ликвидация социальных антагонизмов, угнетения и принижения людей - этих реальных показателей «бессердечности мира», - может создать действительные условия отмирания религии. Вместе с тем, как показал опыт истории, преждевременные попытки форсирования этого процесса могут привести и приводят к прямо противоположному результату. В этой связи, напрашивается пример деятельности «воинствующих безбожников» в советские времена, разрушавших храмы и третирующих верующих в быту. В итоге их деятельность не сокращала, а умножала противоречия общественной жизни, увеличивая тем самым количество верующих. К аналогичному результату приводит сегодня и реставрация буржуазных отношений в России, породившая невиданную ранее социальную поляризацию, отчуждение и обнищание людей.

Итак, не столько *сведение* религии и других подобных явлений к их земной основе, сколько *выведение* их из этой основы является по настоящему диалектико-материалистическим методом познания религии, общества и его истории[105]. Маркс писал в этой связи в «Капитале»: «... Много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический...»[106]. К сожалению, это простая истина до сих пор остается за семью печатями не только для противников марксистского мировоззрения, но и для многих его сторонников.

О формационном и цивилизационном подходе к истории

Не менее важной проблемой в марксизме является проблема прогрессивной направленности истории. Как понимали ее основатели марксизма? Какую роль в ней играли различные исторические формы общества? Эти вопросы до сих пор активно дискутируются среди современных марксистов, особенно в связи с ныне модной «теорией цивилизаций», представленной такими именами как Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон[107] и др.

Как известно, К. Марксу принадлежит открытие формационного подхода к истории, который позволял рассматривать мировую историю как единый мировой процесс восхождения человеческого сообщества от низших его форм к высшим. Этот подход базируется на диалектикоматериалистическом понимании истории, основу которого составляет понятие «труд». Именно труд как отношение человека к природе и себе подобным обуславливает, в конечном счете, все другие явления и формы общественной жизни. Изменения труда, или способа производства порождает и изменение господствующей формы общества, которую Маркс называл формацией. Повторим, с точки зрения Энгельса такое материалистическое понимание истории наряду с экономическими открытиями (двойственной природой труда, прибавочной стоимости и др.) обессмертило имя Маркса.

В предельно сжатом виде диалектико-материалистическое понимание истории как целостного явления можно представить следующим образом. Чтобы существовать люди должны постоянно производить и потреблять материальные блага. Для этого они вынуждены постоянно развивать свои производительные силы: орудия труда, индивидуальные и коллективные способности, производственный опыт, знания, науку. Развиваясь производительные силы приходят в противоречие с отношениями людей, сложившимися в процессе производства (производственными отношениями). В результате этого противоречия со временем существующие производственные отношения отмирают и на смену им приходят новые отношения, способствующие дальнейшему развитию производительных сил.

С появлением нового способа производства, новых производственных отношений возникает новая общественно-экономическая форма общества (формация), включающая в себя, помимо производственных, все остальные отношения: семейные, социальные, правовые, политические, духовные и т. д. Однако, на этом историческое движение не прекращается. Вновь выросшие производительные силы входят в конфликт с некогда новыми, но

со временем устаревшими производственными отношениями: все повторяется сначала, но уже на другом витке исторической спирали.

Таким образом, человеческая история представляет собой своеобразную расширяющуюся спираль сменяющих друг друга различных типов общественно-экономических формаций. Как змея, обновляя себя, сбрасывает свою устаревшую кожу, так история человечества, развиваясь и создавая новые формы общества, отодвигает в небытие устаревшие общественные отношения. Конечно, прежние отношения и их носители могут определенное время сосуществовать с новыми отношениями, тормозя их развитие («мертвый хватает живого»), но они уже не в состоянии надолго определять направление истории. Таково, на наш взгляд, объективное понимание человеческой истории как части истории природы, открытое Марксом.

Не смотря на свою объективность, это понимание не исключает, а помогает объяснить роль масс и личности в историческом процессе. Дело в том, что нередко марксову теорию смены общественно-экономических формаций пытаются трактовать сугубо объективистски, как некий фатальный, или кем-то запрограммированный исторический процесс (особенно этим отличались работы некогда либерального русского марксиста Петра Струве, проявился он и в работах Э. Бернштейна, К. Каутского, А. Богданова, Н. Бухарина, И. Сталина и др.). Однако, нет ничего более далекого от истины. Нельзя забывать, что производительные силы и производственные отношения - это силы и отношения людей. По Марксу, за каждым объективным общественным противоречием стоят живые люди. Без них в истории ничего не делается и не совершается. Только люди могут заменять устаревшие производственные отношения на новые более прогрессивные, только они являются первыми и последними субъектами истории. Маркс писал, критикуя младогегельянцев за их идеалистический, и «внечеловеческий» подход к истории: «*История* не делает *ничего*, она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек*, действительный живой человек - вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История - *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»[108].

Такой подход к истории помогает понять, почему основоположники марксизма рассматривали историю антагонистических обществ как череду непрекращающейся

борьбы классов за экономическую и политическую власть[109]. В этой борьбе одни классы отстаивают традиционные или устаревшие общественные отношения, другие выступают за создание новых отношений, стимулирующих прогрессивное развитие производительных сил. Отсюда вытекает и необходимость революций в истории.

Как известно, в современном обществе на арену истории вышло два основных класса - буржуа и пролетарии. Их борьба и является сегодня главным двигателем исторического прогресса. Она обусловлена прежде всего глубинными экономическими противоречиями, связанными с историческим исчерпанием капиталистических отношений. Из этих отношений и вытекает историческая миссия, например, рабочего класса, всех трудящихся, призванных осуществить свой конечный идеал - создать общество, в котором исчезает последняя форма человеческого рабства - наемное рабство.

Как же соотносятся между собой формационный и цивилизационный подходы к истории?

По нашему мнению, формационный подход показывает, как в истории человечества связаны между собой различные общественные организмы (формации). Эту связь обеспечивают «производительные силы» человека, передающиеся от одного поколения к другому. Именно развитие производительных сил, включая в них средства труда и самого человека, является перводвигателем, основой и критерием развития мировой истории. Они в то же время являются условием, без которого невозможна связь и смена различных форм общества (формаций). Процесс смены формаций, в свою очередь, указывает на качественные изменения, происходящие по ходу мировой истории. Не столь важно, сколько было формаций в истории: две, три или пять. Все зависит от того, какой критерий для их различения и деления мы используем.

Иное дело цивилизационный подход. Он указывает на пространственную и социально-культурную специфичность исторического процесса, связанную со своеобразием развития отдельных стран, регионов и континентов. Он дает не столько временное, сколько пространственноцивилизационное и культурное измерение истории.

Отдельные региональные цивилизации в своем временном развитии также проходят различные фазы исторического развития, которые нельзя понять без формационного подхода, без высоты и развитости производительных сил, без специфики производственных отношений и своеобразия духовной надстройки, включающей в себя общественную психологию,

науку, философию, религию, нравственность, и т. д. То, что в различных цивилизациях происходят процессы, подчиняющиеся формационному принципу изменений, вряд ли кто может сегодня отрицать.

Что касается формационной «триады» в мировой истории, которую сегодня отстаивают такие исследователи как Владислав Иноземцев, Вадим Межуев и др., противопоставляя ее традиционной формационной «пятичленке», то я думаю, что у Маркса есть как то, так и другое деление мировой истории. Существуют у него и другие деления. Например, он нередко использовал «двоичное» деление истории, вычленяя в ней две временные полосы: «предысторию» и «подлинную историю» («диада»). При этом, каждое из названных делений мировой истории оправдывается своими специфическими критериями. В одном случае изменением способа производства («пятичленка»), в другом, появлением, развитием и исчезновением рыночных отношений («триада»), в третьем - степенью сознательного овладения людьми своими общественными отношениями.

Все вышеназванные деления мировой истории дополняют и конкретизируют друг друга. Если мы внимательно присмотримся к делению мировой истории на три крупные формации: доэкономическую, экономическую и постэкономическую, то становится понятным, что постэкономическая формация совпадает с понятием «коммунистическая формация» в традиционном «пятичленном» делении истории на первобытную, рабовладельческую феодальную, капиталистическую и коммунистическую. В то же время с коммунистической формации начинается, по Марксу, «подлинная история» человечества, в которой люди начинают сознательно творить свои общественные отношения в отличие от всех предыдущих стихийно складывающихся формаций, входящих в «предысторию»[110].

Сознательное творчество общественных отношений начинается уже на стадии раннего социализма, когда начинается плановое управление обществом в целом, а не его отдельной частью. Как известно в рамках отдельных предприятий сознательность и плановое начало используются и при капитализме. Это прекрасно понимал Ленин, дискутируя, в частности, с Плехановым по поводу отдельных положений Программы РСДРП. По Ленину просто говорить о планировании как существенной черте социалистического общества недостаточно для понимания социализма. План, по его мнению, существует уже при капитализме в отдельных частных компаниях. Социализм требует другого: во-первых, чтобы планирование осуществлялось в интересах всего общества, и, во-вторых, чтобы

конечной целью социализма было свободное и всестороннее развитие человека[111].

Аналогичную мысль находим и у Маркса. Как уже было показано выше, применительно к истории, Маркс руководствовался всеобщим критерием прогрессивного развития человечества, связанного с развитием производительных сил и осуществлением социального идеала Маркса, предполагавшего становление в «свободном человеческом обществе» свободной и универсально развитой личности.

Если использовать этот же критерий для содержательного осмысления «формационной триады», то получим следующую интерпретацию Марксом различных этапов мировой истории. «Первичная» доэкономическая формация характеризуется низкой производительностью труда и изолированными пунктами существования людей. Она включает в себя формы общества, где господствуют «отношения личной зависимости». На второй крупной ступени исторического развития, названной Марксом «экономической формацией», возникает «личная независимость, основанная на вещной зависимости». На этой ступени истории, по словам Маркса, «образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций». Наконец, на третьей высшей ступени мировой истории, совпадающей с постэкономической формой общества, появляется «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние… Вторая ступень создает условия для третьей»[112]. Именно здесь, на третьей ступени исторического развития осуществляется социальный идеал Маркса, то есть возникает «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием развития всех»[113].

На мой взгляд, задача, которую решал Маркс всю свою жизнь, заключалась в том, что бы показать реальную возможность практического осуществления этого идеала. И своими работами, начиная с ранних философско-экономических рукописей, Манифеста коммунистической партии и кончая главной своей книгой «Капитал», он сумел это сделать.

Без диалектики понять историю невозможно

Своеобразной идеологической крайностью в понимании человеческой истории, с которой столкнулись в свое время

основоположники марксизма, были попытки ее сведения к неким общим естественным или социологическим законам. Именно такой естественный закон под видом материалистического взгляда на историю, выдвинул в XIX веке немецкий философ Ф. Ланге, назвав его известным дарвинским понятием «Struggle for life», т. е «борьба за существование». Содержание этого понятия, по Ланге, раскрывает другой не менее «великий» закон народонаселения Мальтуса. Как известно, по данному закону человечество обязано постоянно приводить в соответствие средства существования, растущие в арифметической прогрессии, и рост населения, увеличивающийся в геометрической прогрессии. Каким же образом это можно сделать? Радикально настроенные последователи Мальтуса считали, что здесь «естественными» средствами являются стихийные катастрофы, войны, эпидемии и т. п.

Сам Ланге, обходя этот вопрос, ограничивался лишь констатацией неискоренимости вечной «борьбы за существование» в человеческом обществе. Считая капитализм неизменным общественным строем, он, как историк материализма, не смог понять марксову диалектическую идею о том, что *каждая конкретно-историческая форма общества имеет свой особенный закон народонаселения.* В письме к Кугельману Маркс говорил о Ланге следующее: «... Вместо того, чтоб анализировать эту «борьбу за существование», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «борьба за существование», а эту фразу - в мальтусовскую «фантазию о народонаселении»! Нельзя не согласиться, что это очень убедительный метод - убедительный для напыщенного, псевдонаучного, высокопарного невежества и лености мысли»[114].

Позднее на эту критику опирался В. Ленин, полемизируя с отечественными эмпириокритиками А. Богдановым и С. Суворовым, пытавшимися подменить общественные категории исторического материализма различными «энергетическими» и «биологическими» понятиями. По его мнению, такое «переодевание» категорий общественных наук в категории наук естественных, на самом деле служили не диалектико-материалистическому познанию сложной исторической действительности, а выхолащиванию этого познания. В этой связи Ленин писал: «Основа критики Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза.* С «хорошими» ли

целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»[115]. В методологическом отношении подобный редукционизм означает только одно - упразднение предмета социального знания и подмену его другим предметом.

Можно было бы долго не останавливаться на этой методологической проблеме, если бы она не имела своего политического аспекта, связанного с оппортунизмом, распространившихся на рубеже XIX и XX вв. в руководстве отдельных социалистических и социал-демократических партий Европы. В чем же состояла ее суть? В полном отказе от диалектики и замене ее объективистским и эволюционистским подходом к анализу буржуазного общества, в стремлении оправдать тактику «врастания» капитализма в социализм. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Наиболее известными фигурами западной социал-демократии конца XIX и начала XX веков были, как известно, Э. Бернштейн и К. Каутский. Опираясь в своих научных исследованиях на философию позитивизма, они фактически отказывались от диалектического материализма в понимании буржуазного общества. Так, известный тезис Бернштейна «конечная цель - ничто, движение все» вытекал из его сугубо эволюционной трактовки буржуазного общества. По его мнению, движение этого общества к социализму обусловлено не столько борьбой рабочего класса с буржуазией, сколько их сотрудничеством. В своей известной работе «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» он пытался доказать, что многие выводы марксистской теории не оправдались на практике, т. е. со временем экономические кризисы исчезают, а эксплуатация рабочих ослабевает, прекращается «обнищание пролетариата», наблюдается рост, а не исчезновение мелкой буржуазии, повышается роль рабочих и социал-демократических партий в политике и т. д. Отсюда им делался общий вывод об ошибочности связывать переход к социализму с ожиданием «катаклизма», или революции. С его точки зрения надо разрешать социально-классовые противоречия не с помощью революции, а путем демократических реформ и существующих государственных институтов. Бернштейн был убежден, что социализм как идеал не совместим с научностью, поэтому само понятие «научный социализм», по его мнению, не корректно[116]. Он считал, что следует также отказаться от иллюзией, связанных с идеями отмирания наций и национальных государств, пролетарского интернационализма и т. д. Социал-демократия, по его мнению, должна «эмансипироваться от власти фразы и стать

открыто тем, чем она уже является в действительности: демократическо-социалистическою партией реформы»[117].

С высоты XXI века хорошо видно, что, на самом деле «иллюзией» оказались многие оппортунистические суждения самого Бернштейна, а не теоретические выводы Маркса об исторической необходимости пролетарских революций, произошедших, как известно, за последние полтора века во многих странах мира. Требуют коррекции, но не устарели его суждения и о наличии абсолютного и относительного обнищания рабочего класса в буржуазном обществе. Эти процессы продолжают действовать, заявляя о себе сегодня революционными и социальными потрясениями в арабском мире, борьбой трудящихся против долгового кризиса, безработицы и снижения доходов в странах Евросоюза[118], движением «возмущенных» финансовой политикой банкиров США.

На наш взгляд, в условиях тотально идущей глобализации рабочим всех стран жизненно необходимо не отказ от интернационализма, а его творческое развитие и применение на практике, особенно связанное с невиданной ранее миграцией людей с Юга на Север и обостряющихся в этой связи социальных, национальных и этнических противоречий в большинстве развитых стран. Что касается исторической судьбы малого и среднего бизнеса, то, как показывает, например, экономика «новой России», он продолжает перманентно находиться на грани банкротства, не выдерживая конкуренцию внутри страны с национальным олигархическим капиталом, а во вне - с современными транснациональными компаниями и финансовыми корпорациями. Опыт развитых стран говорит о том, что длительное существование этих видов бизнеса возможно только под началом крупного монополистического капитала. И последнее: социальный идеал, если он не субъективное и прекраснодушное мечтание, есть составная часть общественной науки. Без «идеальных объектов» и соответствующих «предельных» понятий наука сегодня вообще не может обойтись. Социальный идеал выступает своеобразным «вектором» развития общественных тенденций, ростком будущего в настоящем. Из понимания общественных законов как тенденций вытекает и вполне правомерное понятие «научный социализм», которое Маркс употреблял в качестве альтернативы «утопическому социализму», не более того[119].

Теперь несколько слов о К. Каутском. Как известно, он на первых порах резко критиковал Э. Бернштейна за его открытую ревизию марксизма[120], но позднее сам фактически перешел на те же позиции, отказавшись от последовательного

интернационализма в годы Первой мировой войны, доказывая преждевременность и ненужность социалистической революции в предреволюционной Германии и России. Он же является одним из первых критиков идеи диктатуры пролетариата и политики большевиков в годы советской власти. Что же общего было у Каутского и Бернштейна в их понимании истории и теории социализма? Прежде всего, их фактический отказ от материалистической диалектики и замена ее философией позитивизма. Видимо, не случайно они оба в свое время увлекались работами Дарвина[121] и Спенсера с их идеями биологизации общественных отношений. Напомним, что рассмотрение, например, Спенсером общества как биологического организма фактически отрицало всякую возможность людей изменять и творить историю, мало того, оно с неизбежностью приводило к защите эксплуатации и угнетения как якобы естественных явлений общественной жизни. Совершенно по иному подходили к учению, например, Дарвина Маркс и Энгельс, видевшие его заслуги не в отождествлении законов развития животного и человеческого мира, а в его историческом (диалектическом) подходе к эволюции различных биологических видов[122].

Наиболее радикальную критику философии и политических позиций Бернштейна и Каутского дала в свое время Роза Люксембург. Ее главное расхождение с ними произошло, в частности, по вопросу о позиции социал-демократической партии Германии по отношению к Первой мировой войне и вырастающих из нее революций в Германии и России. Так, Р. Люксембург буквально издевалась над попытками Э. Бернштейна, а позднее и К. Каутского критиковать взгляды Маркса с позиций плоскоэволюционистского понимания истории и вытекающей отсюда идеи «врастания» буржуазного общества в социализм по ее мнению, социализм, который вырастает из сглаживания противоречий буржуазного общества, может быть лишь социализмом утопическим, созерцательным, а не реальным пролетарским социализмом. Критикуя взгляды К. Каутского, Р. Люксембург считала, что он часто забывает, что историю творят массы людей своей реальной борьбой за лучшую жизнь. При этом Р. Люксембург подчеркивала, что живая диалектика истории постоянно делает «невозможное - возможным»[123].

Без такой диалектики реальное изменение социальных отношений и самой истории было бы невозможно, в принципе. Как известно, история не терпит остановок в своем движении: она все время развивается, сменяя в ходе классовой борьбы одну форму общественных отношений на другую. До определенного

момента эта борьба носит стихийный характер, что напоминает в какой-то мере открытую Дарвином «борьбу видов за существование» в животном мире. Однако с появлением и особенно с приходом к власти рабочего класса и его партии социальная борьба в человеческом обществе начинает все чаще обретать сугубо сознательный характер, открывая тем самым новую эру целенаправленного развития человечества.

4. Маркс против марксизма?[124]

Чем дальше от нас время жизни К. Маркса, тем острее идет дискуссия по поводу его духовного наследия. На мой взгляд, это связано с тем, что современность более рельефно проявила те противоречия и тенденции общественной жизни, которые в свое время открыл автор «Капитала».

Однако, чем больше история подтверждает основные идеи Маркса, тем агрессивнее ведут себя его идейные противники. Особенно усилились нападки на Маркса и марксизм в России после реставрации в ней капиталистических отношений. В итоге прошлое преклонение перед ними сменилось либо их поверхностной интерпретацией в средствах массовой информации, либо идейно ангажированной критикой, доходящей нередко до тривиального очернительства.

На этом фоне немногочисленные попытки серьезного прочтения и переосмысления марксизма вызывают удивление и естественное желание понять их новизну. Одной из таких попыток стала небольшая книжка Вадима Межуева под интригующим названием «Маркс против марксизма». Рассмотрим ее более подробно.

Прежде всего о названии книжки. Когда я спросил ее автора: «Разве Маркс был против марксизма?». Он ответил, что издательство просто забыло поставить слово «марксизм» в кавычки. Такой ответ мне показался не совсем искренним, так как публичного опровержения издательской ошибки не последовало, да и вообще, как известно, кавычки мало от чего спасают. Что же касается общего впечатления от книги, представляющей собой сборник статей, написанных в разное время, то оно, на мой взгляд, весьма противоречиво.

С одной стороны, автор явно стремится защитить Маркса от «разносной критики» его вчерашних апологетов и современных ниспровергателей, видящих в нем «чуть ли не главную причину всех бед и несчастий, свалившихся на нашу страну в XX веке»[125]. С другой, - он сам считает марксизм «чужеродным явлением» для России. По его мнению, «только капиталистическая Россия, если таковая состоится, позволит по достоинству оценить вклад Маркса в науку»[126]. Такая противоречивая позиция автора книги и вызывает подчас острую критику в его адрес, особенно со стороны правоориентированных рецензентов, увидевших в нем не только заскорузлого догматика от истмата советских времен, но даже своеобразного «адвоката дьявола»[127]. Понятно, что подобная критика, напоминающая риторику 30-х годов прошлого века,

«уму не научает».

Отметим сразу: у Межуева весьма своеобразное отношение к Марксу. Он убежден, что у каждого из нас «свой Маркс», как и «свой Кант, Гегель, Ницше и любой другой великий мыслитель»[128]. С подобной трактовкой учения Маркса, охватившего своим влиянием многие страны и народы, трудно согласиться. Если ее принять, то сразу возникает вопрос: зачем вообще публично обсуждать роль Маркса и его учения в истории, тем более посвящать этому книги?

Каким же предстает Маркс в рассматриваемой книге Межуева? Прежде всего, он критик «буржуазного общества (или цивилизации) - его экономики, политики, идеологии - с позиций культуры»[129]. Маркс, по мнению Межуева, не экономист, не социолог, не идеолог, а историк в широком смысле слова, то есть создатель «исторической теории», актуальность которой многими до сих пор не осознана. Данная мысль, высказанная в устной форме, как я наблюдал, часто эпатирует представителей отдельных научных дисциплин, тех же экономистов, социологов, историков и т. д. Вместе с тем, в ней нет ничего особенного. Просто Межуев выступает против сведения марксизма к одной узкой специальности и подчеркивает первостепенное значение исторического принципа для понимания общественных явлений, и прежде всего буржуазной политэкономии.

И здесь Межуев во многом прав. Дело в том, что Маркс - создатель целостного мировоззрения, которое не сводится к какой-то одной научной дисциплине, в том числе к истории или культурологии. Он является одновременно и философом, и экономистом, и историком, и теоретиком культуры. Об этом свидетельствуют его многочисленные труды, посвященные анализу капитала, истории, политике, социологии, философии и культуре. Всех их роднит единый диалектический, или историко-материалистический метод, без которого нет и самого мировоззрения под названием «марксизм».

Следует заметить, что положительное отношение Межуева к Марксу не мешает ему быть резким критиком «советского марксизма», под которым он подразумевает не только его сталинскую интерпретацию в «Кратком курсе истории ВКП(б)», но и всю «ленинско-большевистскую» трактовку марксизма. Одна из первых статей книжки Межуева так и называется «Марксизм и большевизм: к вопросу о советском марксизме». Рассмотрим более подробно, какое содержание вкладывает автор в такие известные понятия, как «советский марксизм» и «большевизм»?

Раскрывая данные понятия, Межуев прежде всего соглашается с тем, что «под знаком марксизма в России прошла по существу

целая историческая эпоха»[130]. В то же время он считает, что аутентичный марксизм остался для России за семью печатями, ибо явился плодом другой, западной цивилизации, высшим пунктом развития которой является современный капитализм. Для Межуева Россия есть страна сугубо традиционная, не прошедшая суровой школы «ускоренной модернизации»[131], поэтому «русский марксизм» (и его модификация «советский марксизм») есть выражение этой традиционной природы, далеко отстоящей от действительности, которую осмысливал автор «Капитала». Заметим, что это идея далеко не нова: ее сегодня широко используют для критики советского общества и его истории как «почвенники», так и «либералы».

Однако, на мой взгляд, «традиционность России» Вадимом Межуевым сильно преувеличена. Дело в том, что после отмены крепостного права капитализм в России развивался достаточно быстрыми темпами. Скорость развития рынка, концентрация производства, рост и активность рабочего класса были выше, чем во многих развитых странах Запада. Развитие капитализма в России прекрасно сознавали и сами основоположники марксизма, о чем свидетельствует их переписка с русскими учеными, общественными деятелями и революционерами, в частности, его известный ответ Вере Засулич, о чем мы выше уже говорили. Следует также напомнить о том, что сам марксизм не свалился на голову россиян в одночасье: его долгие годы изучали и пропагандировали в России такие видные русские марксисты, как Плеханов, Ленин, Мартов и др., значительную часть своей жизни проведшие на Западе. Книги, которые они посвящали анализу развития капитализма в России, были прямым результатом проверки марксизма на соответствие как с западной, так и с российской действительностью. Выдвигая абстрактный тезис о несоответствии марксизма российской действительности, Межуев тем самым входит в прямое противоречие с фактом его широкого распространения в России на рубеже XIX и XX веков. Помимо работ собственно социал-демократов, об этом, в частности, свидетельствуют труды таких известных «либеральных народников» и либеральных «легальных марксистов», как Лавров, Струве, Михайловский, С. Булгаков, Туган-Барановский и др.

Конечно, царская Россия начала XX века еще сохраняла многие пережитки средневекового общества: нерешенность земельного вопроса, царизм, культурная отсталость масс, острейшие национальные антагонизмы и т. д. Межуев во многом прав, когда говорит о том, что эти пережитки не могли не сказаться на политическом устройстве России с его традиционной тягой к самодержавию, авторитарным методам решения

политических проблем и открытым пренебрежением к демократии. По его мнению, эти исторические черты сказались и на большевизме как чисто русском явлении политической жизни. «В такой стране», - пишет он, - «даже после победы в ней буржуазно-демократической революции модернизация не может осуществляться по демократическому сценарию, а сама эта революция быстро перерастает в свою противоположность. Большевизм - не причина, а следствие не демократичности страны»[132].

Как мы видим, уже с самого начала Межуев выносит свой приговор большевизму, связывая его возникновение с «недемократичностью страны». И здесь он не оригинален. Его оценки русского большевизма целиком совпадают с оценками таких принципиальных антимарксистов, как Н. Бердяев, американский советолог Р. Пайпс и праволиберальный политолог А. Кара-Мурза, считающих большевизм и Советскую власть естественным проявлением авторитарной природы российской государственности. Не случайно на работы именно этих, идейно весьма ангажированных авторитетов он постоянно ссылается в книге.

С односторонней трактовкой большевизма, как сугубо русского и антидемократического явления, невозможно согласиться. Во-первых, большевизм, по сути своей, не только русское явление: он во многом явление интернациональное. Без него не было бы Коминтерна, других объединений русских и зарубежных революционеров. Во-вторых, наделение всех видов большевизма атрибутом антидемократизма, на мой взгляд, отдает устаревшей советологической догматикой. Есть большевизм и большевизм. Одно дело большевизм ленинской школы, другое - сталинской, одно дело - большевизм просвещенного разума и реальной демократии, другое - большевизм политического произвола и тирании. В стремлении не замечать существенное различие эти двух течений большевизма и оценивать, например, ленинский НЭП как «неопределенную в своих результатах» и «не слишком демократическую» политику[133], я усматриваю и у Межуева не меньшую идейную ангажированность, чем у вышеназванных его авторитетов.

Отождествление Межуевым разных течений в русском большевизме не случайно. Оно подкрепляет его чисто идеологическую схему, по которой русский марксизм, как идейное выражение большевизма, не имеет «прямого отношения» к учению Маркса. Напомню, что подлинный марксизм, по Межуеву, есть слепок с западного буржуазного общества и

соответствующей практики западной социал-демократии, а русский марксизм есть выражение и слепок фактически с добуржуазной России, нуждавшейся в модернизации. Держась за эту схему, Межуев, правда, готов признать за большевизмом определенные заслуги в истории страны, но только при одном условии: ценой его разведения с подлинным марксизмом и демократией.

На самом деле подлинный марксизм не был чужд России не в XIX, ни в XX веке, не чужд он ей и сегодня. В России, несмотря на тяжелые годы сталинизма и официоз вульгарной советской пропаганды, всегда сохранялась высокая марксистская культура. И она проявлялась не только в собирании, хранении, изучении и публикации текстов Маркса и Энгельса, как полагает Межуев, хотя и это очень важно. На протяжении истории России XX века проявили себя такие выдающиеся и своеобразные марксисты, как Плеханов, Ленин, Мартов, Троцкий, Бухарин, Рязанов, Воронский, Деборин, Лукач, Лифшиц, Ильенков и многие другие теоретики и практики советского государства, чьи оригинальные работы далеко выходят за рамки «идеологически дозволенных клише и стереотипов»[134].

В конечном итоге, это вынужден признать и сам Межуев, дающий, например, высокую оценку выдающимся работам советского философа-марксиста Эвальда Ильенкова[135].

На мой взгляд, изначальный тезис Вадима Межуева о радикальной противоположности «русского марксизма» учению Маркса мешает ему объективно оценивать не только оригинальное творчество русских марксистов, включая Ленина, но и такие масштабные события отечественной истории, как Февральская и Октябрьская революции.

Отмечу сразу: Межуев, мягко говоря, не сторонник революционного изменения современной действительности. Он пишет: «Политическая революция оправдана как способ перехода от абсолютизма или самодержавия к демократии, но с установлением последней перестает быть локомотивом истории, уходит в область исторических воспоминаний»[136]. И эти слова он считает созвучными взгляду Маркса, мышление которого, по его же словам, не позволяло «абсолютизировать, увековечивать ни одну из наличных форм социальной действительности»?[137]

Как же соединить революционное мировоззрение основателей марксизма с нереволюционной позицией Межуева? Сам Межуев это делает очень просто: он отмечает, что у Маркса и Энгельса в этом вопросе были противоречия и «непоследовательности». И если в молодости «они были убеждены в том, что только пролетарская революция сможет

обеспечить полное торжество демократии»[138], то в пору своей творческой зрелости они стали «больше привержены демократическому пути развития»[139]. В конце концов, поясняет Межуев, они пришли к выводу о том, что «рабочие могут завоевать политическую власть не революционным, а мирным путем - посредством участия в демократических выборах»[140]. Заметим сразу, что Межуев здесь противопоставляет революцию, с одной стороны, демократии, а с другой - «мирному пути» развития, то есть для него революция изначально противоположна демократии и мирным формам ее осуществления. Так с легкой руки известного философа, без каких-либо доказательств, Маркс и Энгельс из теоретиков пролетарской революции превратились в заурядных оппортунистов и консерваторов. Как не вспомнить в этой связи известную поговорку обывателя о том, что «каждый молодой человек в молодости анархист, а в зрелые годы - консерватор».

Но так ли было на деле с Марксом и Энгельсом? На мой взгляд, совершенно не так. Во-первых, Маркс и Энгельс являлись последовательными сторонниками диалектического взгляда на историю, а это значит, что они никогда не сводили историю к плоскому эволюционизму и связанному с ним реформизму. Они всегда считали революцию исторически необходимым способом завоевания политической власти, своеобразным «локомотивом истории». Кстати, в этой связи Сталин был не прав, когда критиковал Энгельса за идею «врастания» капитализма в социализм. Энгельс о таком «врастании» никогда не говорил. Конечно, и Маркс, и Энгельс допускали абстрактную возможность перехода власти в руки пролетариата путем демократических выборов, но они исходили из того, что это может произойти только тогда, когда буржуазия поймет бесполезность сопротивления революционному классу. Однако, пока буржуазия владеет властью, она, по их мнению, будет делать все от нее зависящее, чтобы ограничить с помощью законодательства и других мер политические интересы своих классовых противников[141]. Сегодня в России мы это видим особенно хорошо.

Во-вторых, Маркс и Энгельс никогда не отождествляли мирный способ изменения политической власти с сутью революции. Мирный или немирный характер революции относится к ее форме, а не к ее сути. Существо революции состоит в смене классов у власти. Она может быть мирной и демократической, а может быть насильственной и авторитарной. Все зависит от реального соотношения политических сил и конкретных исторических условий. «Мирным», - писал Маркс,

размышляя над законом против социалистов, - «историческое развитие может оставаться лишь до тех пор, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию»[142].

Для чего же Межуеву понадобилось неадекватно воспроизводить взгляды таких марксистов, как Маркс и Энгельс? Думаю, для того, чтобы показать их противоположность теоретическим взглядам Ленина и практике Октябрьской революции. Раз он назвал свою книгу «Маркс против марксизма», значит нужно найти такой «марксизм», который Маркс принять бы не мог. Межуев (и не только он) на эту роль определил «русский марксизм» и его основателя Ленина. Посмотрим, что из этого вышло.

Убедив себя, что он выступает от имени аутентичного марксизма, Межуев критикует Ленина и большевиков за то, что они стремились выдать Октябрьскую революцию за пролетарскую революцию. По его мнению, Россия начала XX века была не готова не только к социалистическим, но и к «буржуазно-демократическим преобразованиям (она и сейчас во многом не готова к ним)»[143]. Как, почему - спросит читатель? Ведь зрелость современной России намного выше, чем она была в начале XX века? Однако ответа на этот вопрос читатель у автора книги не найдет. Главный его аргумент, как уже отмечалось, состоит в том, что Россия не знала полноценного развития капитализма, следовательно, в ней главную роль играло крестьянство, а не рабочий класс, который, по Марксу, должен быть основным субъектом пролетарской революции. Правда, в другом месте мы узнаем, что в России начала XX века все-таки была «буржуазная революция», сходная в чем-то с Великой французской революцией. Октябрь был в ней эпизодом, который «довел до конца революционный процесс, начатый Февралем. Большевики - те же якобинцы (так, во всяком случае, они думали о себе), только их нахождение у власти затянулось на более длительный срок»[144].

Так была в России пролетарская революция или нет? Вопрос остается открытым. И все потому, что Межуев не хочет признавать ленинский анализ этой революции за полноценный марксизм, а самого Ленина за теоретика, равного Марксу. Ну, не хочет, и бог с ним! Не хотели признавать социалистический характер Октября в свое время Плеханов и ряд других социал-демократов (меньшевиков). Полемизируя с ними, Ленин говорил, что нельзя мерить Россию только высотой ее производительных, в основном, технических сил, необходимо смотреть на нее с позиций всей мировой капиталистической системы, слабым

звеном которой она являлась. В этом смысле в России была возможна не только буржуазная, но и социалистическая революция. В ней, несмотря на ее отсталость, вырос более сознательный рабочий класс, чем в развитых капиталистических странах, исторически появилась такая форма его политического господства, как Советы, наконец, в XX веке российская буржуазия уже потеряла тот революционный потенциал, которым обладала в прошлом западная буржуазия.

Итак, русские рабочие и крестьяне взяли в Октябре 1917 года политическую власть. Что же они должны были с нею делать дальше? Возвращать ее снова буржуазии, или на основе советской власти двигаться вперед, переходя от капитализма к социализму? Ленин и большевики выбрали последнее. Но разве это противоречило марксизму, как думали в свое время меньшевики, а сегодня считает Межуев? Думаю, нет! Напротив, это был единственно спасительный путь для России и ее народа, испытавших на себе страшные тяготы и последствия первой мировой войны.

Почему большевики сумели одержать победу в ходе Октябрьской революции? Потому что сумели привлечь на свою сторону крестьянство, составлявшее абсолютное большинство российского народа. Именно о таком союзе говорил в свое время Маркс, рассматривая возможность революции в Германии в XIX веке. Россия начала XX века была во многом на нее похожа. К сожалению, Межуев, противопоставляя русский и западный марксизм, Ленина и Маркса, об этом полностью забывает.

Подчеркнем еще раз: политическое творчество большевиков во главе с Лениным и Октябрьская революция - для Межуева априори сугубо «антидемократические» явления. Иногда просто поражаешься тому, что он пишет по этому поводу. Например: «Ленин даже не скрывал антидемократического характера совершенного им политического переворота, мотивируя его якобы классовой склонностью пролетариата к диктаторским формам правления... Нигилистическое отношение к демократии, традиционно свойственное российскому менталитету - официальному и народному, и отличает ленинизм от марксизма»[145]. Где и когда подобное говорил Ленин? Почему «нигилистическое отношение к демократии» свойственно «российскому менталитету» и, в частности, ленинизму? Кто это доказал? Как известно, Ленин, напротив, считал демократию необходимой предпосылкой социалистической революции, критиковал «леваков» за непонимание этой истины.

Вообще, для Межуева понятие «демократия» - это некая абстракция, некая «священная корова», которая не имеет

социального содержания и не нуждается ни в какой политической пище. Он совершенно не хочет замечать, что Октябрьская революция осуществила поистине демократический переворот, освободив и подняв к нормальной жизни десятки миллионов «униженных и оскорбленных» граждан царской Россией. Будучи страстным поклонником «демократического» Февраля, он не видит, что именно Октябрь походя решил те демократические задачи, которые должна была решить Февральская революция: дать мир народам, землю крестьянам и самоопределение нациям.

Как известно, Октябрь на этом не остановился, приступив к созданию нового социалистического общества и новой культуры. Для Межуева Ленин как сторонник диктатуры пролетариата, конечно, не демократ, но ведь именно он выступил против наметившейся уже в начале 20-х гг. диктатуры Сталина, сосредоточившего в своих руках «необъятную власть». Именно Ленин в последние годы своей жизни предложил проект смелой политической демократической реформы, которая должна была вовлечь в управление государством рабочих от станка, создать на равноправных началах советскую федерацию, сделать достоянием широких народных масс высокую культуру. Не замечать этого - значит не знать и не понимать советскую историю.

Межуев пишет, что Ленину, осознавшему опасность бюрократического перерождения государства и партии, «так и не удалось переломить логику развития им же созданной политической системы»[146]. Почему «им же созданной»? Во-первых, бюрократическую систему, за исключением аппарата иностранных дел, Ленин и его соратники во многом унаследовали от «проклятого прошлого», с которым они вели неустанную борьбу. Сталин как генсек правящей партии и руководитель Рабкрина усиливал данную бюрократическую тенденцию в государстве и партии. Поняв это, Ленин предложил XII съезду партии снять его с должности генсека. Он дал ему в своих последних работах убийственную характеристику, назвав человеком, злоупотребляющим властью, проявляющим нелояльность и грубость к товарищам. Он указал на совершенные им принципиальные ошибки в национальном и других важнейших политических вопросах. Разве так себя ведут противники демократии?

Стремление Межуева, вслед за Карлом Кантором и другими критиками «русского марксизма», представить Ленина противоположностью Маркса, превратить его в некоего представителя традиционной авторитарной русской политики, сделать его своеобразным духовным и политическим предтечей Сталина, не соответствует действительности и, на мой взгляд,

методологически ошибочно. Разве Ленин, являясь творцом Октябрьской революции, не понимал того «широкого социального содержания», которое вкладывал Маркс в понятие «диктатура пролетариата», разве он, а не Сталин, стремился подменить класс партией, а партию ее аппаратом? Почитайте по этому вопросу того же Троцкого, который считал, что при Ленине даже в рамках одной партии была широкая демократия, связанная со свободой политических дискуссий, борьбой различных платформ, широкой гласностью и т. п. Достаточно прочитать стенограммы партийных съездов того времени, чтобы убедиться в правоте этого суждения. Отождествляя Ленина и Сталина, жертву и ее палача, Межуев не хочет этого замечать, но это его проблема как «объективного» политического философа.

На самом деле ленинский или «русский марксизм», при всем своем своеобразии, конечно, является подлинным марксизмом XX века, без которого невозможно понять ни мировое революционное движение, ни Великую русскую революцию, ни первый опыт создания реального социализма со всеми его достижениями, ошибками и трагедиями. Ленин как марксист был всемирно-исторической личностью. На это указывали многие левые теоретики, в частности, Антонио Грамши. Ленин не только глубоко знал и широко использовал в своих теоретических работах труды основоположников марксизма (обвинять его и Плеханова, как это делает Межуев, в том, что они не читали ранних работ Маркса, которые стали известны после их смерти, просто некорректно), ему были знакомы все основные достижения науки того времени. Его крупные теоретические работы становились объектом обсуждения в среде мировой социал-демократии. К Ленину шли за советом и полемизировали с его идеями не только отечественные марксисты. Как знаток основных европейских языков, он общался почти со всеми левыми лидерами европейских политических партий, входящих во второй Интернационал, знал работы всех крупных теоретиков западной социал-демократии, включая Бернштейна, Каутского, Гильфердинга, Р. Люксембург и др.

Неправда, что Ленин «никогда не претендовал на роль теоретика марксизма»[147], как утверждает Межуев. Известная ленинская мысль о том, что невозможно понять «Капитал» Маркса, не зная Гегеля, говорит об обратном. Да, Ленин считал себя учеником Маркса, но не в школярском смысле этого слова, он был не «лишь» учеником Маркса, а выдающимся продолжателем его мысли и дела. Это был ученик, который развил марксизм применительно к революционной эпохе и первому опыту строительства социализма. Да, ему отводили

«роль выдающегося политического практика», «гения революционного действия», но это не означает, что он не был выдающимся теоретиком марксизма. Разве может быть «гений действия» без «гения мысли»? Характеризуя Ленина словами Троцкого, Межуев в угоду своей идеологической схеме искажает мысль последнего. Троцкий говорит, что научные работы Ленина - «только подготовка к действию», а Межуев заставляет думать читателя, что Ленину для действия не нужна была никакая наука, никакой марксизм. В этом же сугубо прагматическом духе он интерпретирует и известную фразу Ленина о том, что для него «марксизм не догма, а руководство к действию». Более искаженной интерпретации мысли Ленина я не встречал даже у самых махровых противников Ленина и Октябрьской революции.

Отождествив Ленина со Сталиным и последующей партийной номенклатурой, Межуев в заключение первого раздела книги подводит своеобразный итог своим рассуждениям. Во всех бедах России виноваты большевики и номенклатура правящей партии. Ставя памятники Марксу, последняя не знала его произведений, своей главной идеологической работой она считала «пресечение любой критики в адрес режима»[148]. В итоге русские ученые-марксисты были вынуждены либо заниматься пропагандой, оправдывающей политику правящей партии, либо уходить в сферы, далекие от осмысления реальных общественных отношений.

Эта, во многом справедливая, критика правящей верхушки КПСС и ее официозных партийных идеологов советских времен служит Межуеву лишним аргументом в пользу его основного тезиса о том, что подлинный марксизм был чужд России. При этом он, как уже отмечалось, в упор не хочет видеть незаметную, но большую работу, которую вели в Советском союзе многие исследователи и популяризаторы марксистского наследия, не ангажированные партийным официозом. К сожалению, неприятие Межуевым советского марксизма иногда доходит до полного нигилизма и даже русофобии. «Марксизм на русской почве», - пишет он, - «одна из аберраций русского сознания, так пока и не нашедшего для себя адекватную форму самовыражения». Поэтому те, кто видит в Марксе «главный источник зла», ошибаются. И он подсказывает конкретный адрес, который «нужно искать в самой России»[149]. По его мнению, он лежит в неадекватном прочтении марксизма Лениным и его последователями, которые постоянно вульгаризировали марксизм. По словам Межуева, Ленин мог только «вычитывать» у Гегеля не до конца продуманные вещи о единстве логики и теории познания. (Так и хочется сказать: ну, зачем так упрощать Ленина и Гегеля?) Мало того, Ленин,

оказывается, «спровоцировал» искусственное разделение марксизма на его отдельные составные части: «философию (диамат и истмат), политическую экономию и научный коммунизм»[150]. При этом Межуев почему-то забывает, что именно Ленин всегда подчеркивал органическое единство всех составных частей марксизма и последовательно боролся с теми, кто этого единства не хотел замечать. Вообще при чтении книги Межуева постоянно возникает ощущение, что только ее автор знает, чем на самом деле является подлинный марксизм. Однако это ощущение, на мой взгляд, обманчиво. Как мы покажем ниже, «марксизм Межуева» и «аутентичный марксизм» - понятия далеко не тождественные.

Но сначала отметим сильные стороны автора рассматриваемой книги. Во-первых, безусловно, одной из таких сторон является ясность излагаемой позиции автора, что сегодня слишком редкое явление в науке, испытывающей на себе негативное влияние постмодернизма и позитивистской терминологии. Как я уже отмечал в другом месте, это качество облегчает полемику с ним. Во-вторых, Межуеву присущ проблемный метод изложения обсуждаемого материала, что всегда отличало хорошего мыслителя от плохого. Наконец, подкупает его гуманистическая трактовка аутентичного марксизма и связанный с ней критический подход к анализу отчужденных форм общественного бытия и соответствующего ему общественного сознания.

В заслугу Межуеву следует также поставить его критику многочисленных попыток представить учение Маркса как своеобразную социальную утопию или как «упрощающую схему» мировой истории, под которую можно подогнать любую конкретную действительность. В последнем случае, полемизируя с А. Я. Гуревичем, написавшим критическую статью в адрес Маркса о соотношении теории формаций и реальной истории, он справедливо замечает, что данный автор неправомерно отождествил взгляды Маркса со взглядами авторов содержащихся «в советских учебных пособиях и популярных изданиях по историческому материализму»[151]. В этой связи Межуев напоминает, что сам Маркс со времен написания «Немецкой идеологии» постоянно боролся против любых попыток объяснения истории посредством абстрактных философских схем и пояснял, что трудности только тогда и начинаются, когда принимаются за «действительное изображение» истории.

Но особенно плодотворна его полемика с К. Манхеймом, который обвинял Маркса в неправомерном соединении социалистической утопии и науки. По мнению Межуева, наука и

утопия - вещи несоединимые: «утопическая наука» подобна «деревянному железу». Он пишет: «Подобное обвинение в адрес Маркса ставит под сомнение само его право называться ученым»[152], а это противоречит его действительным научным достижениям. Полемизируя с К. Поппером, Межуев отклоняет утверждение последнего о том, что Маркс в своих построениях будущего исходит из неких вечных законов. Он пишет: «никаких универсальных законов истории у Маркса нет и в помине. На приписывание ему претензии на знание таких законов он как раз и отвечал, что он - «не марксист». Маркс не пророчествует о будущем, а пытается предвидеть последствия совершаемой в настоящем человеческой деятельности, что вполне естественно для любого ученого, стремящегося постигнуть ход и направление происходящего на его глазах движения»[153]. С точки зрения Межуева, не прав и отечественный академик Т. Ойзерман, приняв за утопизм Маркса его «слишком оптимистический прогноз близкого краха капитализма»[154]. Обвиняя Маркса в утопизме, в ненаучности его социалистической идеи, Ойзерман фактически смыкается с теми критиками марксизма, которые не могут поверить «в возможность построения общества на совершенно иных, нежели капиталистические, принципах и основаниях»[155].

На мой взгляд, Межуев находит в обвинениях Маркса в утопизме сугубо позитивистское понимание общественной науки, которая требует не критиковать, а только описывать «разумность» существующей действительности. Не соглашаясь с таким пониманием общественной науки, он дает следующую сжатую, но объективную характеристику Марксу как ученому: «В своей критике капитализма Маркс попытался избежать обеих крайностей - утопизма и позитивизма, сочетав тем самым в едином пространстве теоретической мысли критицизм и научность»[156].

Вместе с тем защита Межуевым Маркса как оригинального мыслителя, ученого и критика капиталистической действительности смазывается его собственным некритическим отношением к этой действительности. По его мнению, критиковать капитализм можно, но изменять его, особенно революционным путем, никак нельзя. Спрашивается, зачем же тогда критиковать действительность, если ее не надо изменять? Ради такого, по сути дела, сервильного отношения к капиталистической действительности, он даже готов и Маркса превратить в утописта: «Элемент утопизма», - пишет Межуев, - «несомненно, присутствует в учении Маркса, но не там, где его обычно ищут. Маркс утопичен в той мере, в какой претендовал не только на объяснение действительности, но на ее изменение и

преобразование, т. е. был не только ученым, но и революционером»[157]. Но почему революционное изменение истории обязательно утопично? Разве его не демонстрируют сплошь и рядом весь XVIII, XIX, XX, да и начавшийся XXI век? Не впадает ли здесь защитник марксизма Межуев сам в некритическую метафизику, которую он не приемлет у других?

Однако остановимся более подробно на том, как Межуев интерпретирует своеобразие «Маркса как теоретика общества, истории и культуры». Так называется его очередная статья в книге. Прежде всего, он отмечает, что Маркс был «историком особого рода, претендующим на ее научное понимание, названное им материалистическим»[158]. По словам Межуева, такое понимание противостоит как позитивистской историографии, занятой преимущественно сбором и описанием исторических фактов, так и идеалистической философии истории, сводившей историю к «так называемой истории культуры, которая целиком является историей религий и государств»[159]. Далее Межуев, обратившись к первоисточникам, раскрывает сущность материалистического понимания истории. В этой связи он приводит известное его определение из «Предисловия» к «Критике политической экономии», говорящее о том, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[160]. При этом Межуев поясняет, что, в отличие от Гегеля, который считал, что проблема неадекватности сознания бытию решается путем изменения сознания, Маркс, напротив, считал, что «нельзя изменить сознание людей, не меняя их бытия»[161].

На первый взгляд, кажется, что сказанное говорит о том, что мы имеем дело с автором книги, скрупулезно относящимся к аутентичным взглядам Маркса. Однако данное заключение было бы поспешным. Интерпретируя Маркса, Межуев нередко собственные мысли приписывает основателю материалистического понимания истории. Так, он стремится убедить читателя, что процитированный выше тезис Маркса об определяющей роли общественного бытия имеет отношение не ко всей человеческой истории, а к определенному ее этапу - буржуазному обществу. Он пишет: «тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, что данное положение формулируется Марксом применительно к анализу прежде всего «гражданского», или буржуазного общества, «анатомию которого» которого следует искать в политической экономии»[162]. «Что же касается истории в целом, то, как станет Марксу ясно впоследствии,

далеко не все в ней может быть выведено из экономического основания»[163].

Что можно сказать по этому поводу? Я думаю, что свой тезис об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию Маркс все же относил ко всей истории, а не только к той части, которая связана с буржуазным обществом. Разумеется, ему всегда (а не только «впоследствии») было «ясно», что не «все» в обществе выводится из «экономического основания». Мало того, он смеялся над теми, кто подобный тезис пытался реализовать в своих статьях и выступлениях (Лафарг и др.). Это к ним относились его слова о том, что, если они считают себя марксистами, то в этом случае «ясно одно, что я не марксист»»[164]. Вместе с тем данные слова никак не опровергают его материалистического взгляда на историю. Напротив, этот взгляд он постоянно углублял, анализируя исторические формы собственности, раскрывая классовую подоплеку европейской политики XIX века, оценивая художественные произведения Шекспира, Гейне, Лассаля и др. В глубоких и ярких работах Маркса, посвященных гражданской войне во Франции, деятельности Луи Бонапарта и Бисмарка, анализу Парижской Коммуны, мы видим, как его диалектико-материалистический метод работает «на деле» применительно к конкретной истории и политике.

С моей точки зрения, Маркс всегда различал, с одной стороны, процесс возникновения общественного сознания из общественного бытия, надстройки из базиса, с другой - процесс обратного влияния надстроечных явлений на экономический базис общества. Об этом же говорил и Энгельс в своих известных письмах к Й. Блоху и В. Боргиусу. Он полагал, что даже «смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина», выражающаяся в «пиетизме», «сентиментализме» и «рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством», может оказывать и оказывает существенное влияние на историю[165].

В то же время, по мнению Маркса и Энгельса, нельзя не видеть, что многие изменения в надстройке, в конечном счете, обусловлены теми или иными изменениями в экономических отношениях людей, без которых невозможно производство и воспроизводство человеческой жизни. Труд и связанные с ним экономические отношения в итоге являются той объективной причиной, без которой человеческое сообщество, вообще существовать не может. Вступая посредством труда в обмен веществ с природой, люди творят свои экономические и другие общественные отношения: политику, науку, идеологию, культуру. В свою очередь, последние влияют на причину, их породившую:

здесь налицо взаимодействие, но взаимодействие диалектическое, не отменяющее различие между причиной и следствием, условием и обусловленностью, целью и средством.

К сожалению, Межуев не хочет замечать эту диалектику общественных явлений у Маркса и Энгельса. Он строит свою концепцию истории и культуры, словесно похожую, но, по существу, отличающуюся от той, которую создали основоположники марксизма в форме материалистического понимания истории. В чем же заключается это отличие? Прежде всего - в понимании и соотнесении таких научных и философских категорий, как «природа» и «общество», «общество» и «история», «труд» и «культура»», «наука» и «идеология».

Например, показывая отличие общества от природы, Межуев утверждает, что «в отличие от природного бытия общественное бытие существует не как неизменное, полностью завершенное и окончательно сложившееся», а как «осуществляемый ими (людьми - *Б. С.*) во времени процесс производства своей жизни»[166]. Как мы видим, из этих слов следует, что «природное бытие», в отличие от общественного, не развивается во времени. Но тогда с неизбежностью возникает закономерный вопрос: а как же из неизменной природы мог выделиться человек, могли возникнуть человеческое общество, история и культура? Еще больший сюрприз ждет читателя, когда он узнает, что и «общество» в своем бытии, в основном, неизменно, если его сравнивать с «историей».

История для Межуева - это вечное движение, она олицетворяет собой бесконечный процесс развития людей «как свободных индивидуальностей», создающих культуру[167]. Что касается общества с его социальной структурой, то оно является постоянным препятствием на этом пути, «плотиной», мешающей развиваться действительному историческому процессу. Для Межуева все прежние и ныне существующие общества - своеобразные «пожиратели времени», стремящиеся «остановить, задержать» историю. Нужны «огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы прорваться из одного общества в другое»[168].

Оставим в стороне его оговорку о «революционных усилиях» (как мы видели выше, у него на революции лежит своеобразное табу), подчеркну другое: здесь говорится не о какой-то определенной исторической стадии развития того или иного общества, а вообще о «любом обществе»[169]. Человек, по Межуеву, может и должен жить в истории, а «не просто в том или ином социально организованном пространстве»[170], т. е. в обществе. Общество конечно, а история бесконечна. У истории нет никакой

конечной станции, никакого совершенного состояния. По его мнению, «мы никогда не понимали этого центрального мотива марксовой теории»[171].

Что в этих рассуждения, на мой взгляд, верно и с чем невозможно согласиться? Верно то, что, хотя общественный прогресс в истории существует, последняя не может закончиться или осуществиться в каком-то одном, раз и навсегда «совершенном» «общественном состоянии». Вместе с тем вряд ли следует противопоставлять историю как процесс обществу как состоянию: они друг без друга не существуют. Такое противопоставление во многом надумано. Человеческое общество не статично, оно имеет свои исторические формы движения, которые также изменяются во времени, проходя определенные стадии или фазы своего развития. История, собственно говоря, и есть смена исторических форм (формаций) общества. И неважно, сколько таких форм (две, три, пять). Каждая историческая форма общества изменяется во времени: рождается, растет и умирает. Только на последней (загнивающей, или умирающей) стадии своего движения она начинает тормозить процесс развития, становится препятствием, или «плотиной» на пути исторического прогресса. Именно тогда революция становится в повестку дня, хотим мы этого или нет. Напротив, на стадиях своего зарождении и становления конкретная форма общества подталкивает движение истории, способствуя ее прогрессу.

На мой взгляд, нельзя говорить, как это делает Межуев, что человек может жить по-настоящему только в истории, а не в обществе. Нелепость подобного тезиса очевидна. На самом деле человек всегда живет в обществе - и тем самым в истории. Нет и не может быть истории людей отдельно от общества, и наоборот. Ведь общество есть не что иное, как результат отношения людей, человек сам есть его индивидуальное проявление, есть общество в миниатюре, своеобразный микрокосм общества. Маркс писал: «Человек - это мир человека, государство, общество»[172]. Уже отсюда следует, что человек не может жить вне общества, тем более - не может быть от него полностью свободным: его развитие и его свобода напрямую зависят от развития общества, в котором он живет.

Как известно, аутентичная марксистская трактовка прошлой истории связана с борьбой различных политических сил, классов и интересов. Межуев любит говорить, что история есть результат деятельности людей, но он обходит вопрос о том, что люди не существуют отдельно друг от друга: они всегда объединены в большие или малые социальные группы, борьба которых и движет историю. Эта борьба на стадии «предыстории» выступает как

борьба классов, как экономическая, политическая и идеологическая борьба. Позднее, с ликвидацией классов и социальных антагонизмов, на стадии становления «подлинной истории», эта борьба сбрасывает свою политическую и идеологическую форму и преобразуется в конкуренцию человеческих способностей, талантов, научных проектов и идей. Социальная революция, которую Межуев на дух не переносит, здесь выступает необходимой предпосылкой такого преобразования.

Что касается социальной структуры общества, то она, проявляясь в отношениях людей, накладывает свой отпечаток на семью, идеологию и культуру, порождая в последней различные тенденции, школы, течения и направления. Культура в этом отношении несет на себе глубинный отпечаток классового деления общества, порождая соответствующие прогрессивные, консервативные и даже реакционные формы. К сожалению, этим вопросам в книге почти не нашлось места.

На мой взгляд, история людей всегда противоречива. В условиях социальных антагонизмов она порождает не столько «свободных индивидуальностей», сколько рабов, зависимых от сильных мира сего. Свободное развитие индивидов в этих условиях является исключением. Лишь в борьбе с различными проявлениями несвободы человек становится свободным. И лишь в будущем неантагонистическом обществе свободное развитие индивидов становится не исключением, а правилом. Но такое общество не свалится на человека как «манна небесная». До него, во-первых, нужно доработаться, т. е. создать материальные условия, при которых люди не будут конкурировать друг с другом из-за куска хлеба, одежды и крыши над головой. Во-вторых, оно может осуществиться только благодаря социальному творчеству масс и общественному самоуправлению, которое со временем заменит управление политическое.

Эти азбучные истины марксистской теории мы воспроизводим для того, чтобы показать их отличие от соответствующей трактовки современной и будущей истории у Межуева. По его мнению, уже сегодня начинают исчезать экономика, классы и классовая борьба, революция и политика. На место рыночной экономики приходит всеобщий труд и всеобщая собственность, рабочий класс видоизменяется, превращаясь в профессию, революцию заменяет правовое государство и проводимые им реформы, а авторитарные режимы вытесняет демократия и ее формальные процедуры: выборы, референдумы и т. д. Здесь, с моей точки зрения, Межуев явно забегает вперед по сравнению с реальной действительностью, в которой всеобщий

труд в экономике лишь начинает пробивать себе дорогу, а о господстве всеобщей собственности вообще говорить не приходиться. Что же касается классовой структуры современного буржуазного общества и наличия в ней рабочего класса, то, при всех их исторических изменениях, они продолжают играть существенную роль в современном мире. Что бы ни говорили идейные сторонники буржуазного общества, классовая борьба есть и продолжает быть движущей силой его развития. Недооценка решающей роли этой борьбы в современной истории является, на мой взгляд, наиболее уязвимым пунктом теоретических построений и выводов Межуева.

Своеобразным исключением здесь является его характеристика будущего коммунистического общества, которую он почти дословно заимствует у Маркса. Так, он справедливо говорит о том, что понятие коммунизма, во многом дискредитированное практикой тоталитаризма, продолжает сохранять свою историческую и теоретическую актуальность. По Межуеву, Маркс никогда «не ставил перед собой задачу нарисовать картину будущего общества». (Я бы только уточнил: «детальную картину»). «Коммунизм для него - не то, что наступит завтра, но что существует всегда, хотя до поры до времени скрыто от сознания людей, предстает в форме, противоположной своему действительному содержанию. В адекватной себе форме коммунизм есть «возвращение человека к самому себе», «подлинная история людей, в которой человеческое содержание истории обретает и человеческую форму своего общественного воплощения»[173].

Что же скрывается «от сознания людей» в прошлом и современном обществе? Их общественная гуманистическая природа, когда люди относятся друг к другу как люди, когда их отношения не опосредуются, например, капиталом, деньгами, корыстью и другими отчужденными от человека явлениями и силами. «В таком обществе» (все-таки «обществе»! - *Б. С.*), - пишет Межуев, - «люди вступают в общение друг с другом не по принуждению и внешней необходимости, а в соответствии со своими потребностями и личными склонностями. Формы этого общения определяются исключительно ими самими - их интересами, способностями, знаниями, умениями. Не имущественное положение или социальная принадлежность позволяет здесь индивиду включиться в общественную связь, а только его природная одаренность и полученная им культура»[174]. Повторюсь, в этих словах, на мой взгляд, выражена достаточно адекватная интерпретация взглядов Маркса на будущее коммунистическое общество, против которой трудно что-либо

возразить.

Возражения возникают тогда, когда он пытается обосновать переход к такому гуманистическому обществу или когда начинает трактовать собственную теорию культуры, выдавая ее за соответствующие взгляды классиков марксизма. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Как Межуев мыслит переход к будущему гуманистическому обществу? Прямого ответа на этот вопрос у него нет, хотя косвенно он на него отвечает в разделах, посвященных проблеме «социализм и культура». Отказываясь от революционного перехода к социализму, Межуев считает, что социализм будет вызревать постепенно по мере эволюционного развития рыночной экономики и постиндустриального производства, становления всеобщего труда и всеобщей собственности, расширения среднего класса и осуществления личной свободы граждан. В этом смысле социализм тождественен культуре, а культура тождественна проявлению индивидуальной свободы человека.

Когда же наступает подобная свобода с социальной точки зрения? Ответа на этот вопрос Межуев вообще не дает. Он уходит от него, отсылая читателя к технической стороне дела. По его мнению, это становится возможным лишь тогда, когда «производство достигает такой степени технического могущества, которая делает излишней использование физической (мускульной) силы самого человека. Только на этой ступени возможна подлинно человеческая свобода»[175]. Но «техническое могущество» освобождает человека по отношению к природе. Оно ничего не говорит о том, а будет ли свободен человек в этих условиях по отношению к другим людям, в частности, к владельцам средств производства. В реальной действительности «техническое могущество» связано с автоматизацией и кибернетизацией производства, с ликвидацией трудоемких процессов и физического труда; куда же будут деваться люди, освобождаемые таким производством? Не породят ли эти процессы массовую безработицу и вытекающие отсюда социальные столкновения? Кто будет решать вопросы трудоустройства и переквалификации миллионов людей? Спасет ли в этом случае система пособий по безработице? Вопросы, на которые в книге Межуева нет ответа. И этого ответа у него не может быть, ибо он имеет склонность мысленно одним прыжком перепрыгивать от современного частнособственнического общества к коммунистическому обществу, основанному на всеобщей собственности, которую он рассматривает как собственность всех и каждого на идеи и другие результаты творчества.

Однако историческая практика свидетельствует, что, не решив проблемы частной собственности, нельзя сразу перейти ко всеобщей собственности. И от этой проблемы нельзя отговориться фразой о том, что в условиях существования «принципиально новых технологий» и применения знаний в производстве между капитализмом и социализмом исчезает «разграничительная черта, заполненная революциями»[176]. Знания не имеют практического значения, пока они не материализованы в технологиях; идеи - пока они не овладели массами. Научные идеи, открытия, изобретения, результаты художественного творчества, по своей всеобщей природе, конечно, противоречат частной собственности, но они, сами по себе, ликвидировать ее не могут: историю делают, как любит повторять сам Межуев, не вещи, не идеи, а люди. И пока они не решат практически проблему частной собственности, социализма, и тем более, коммунизма никогда не будет. Межуев не хочет революций и потрясений, но хочет найти некую «общественную форму», в которой человек, освободившись «от власти экономических и политических институтов», получит «наконец возможность и условия для свободного развития своих способностей и талантов»[177]. Думаю, его поиск в этом случае, обречен на неудачу.

В то же время, на мой взгляд, ленинская концепция социализма, в частности, его теория НЭПа как раз дают ответ на то, как следует на практике решать проблему частной собственности. Пренебрегать ими - значит не только игнорировать подлинный марксизм, но и вообще бежать от реальной действительности с ее сложными экономическими и политическими проблемами. Я в свое время об этом публично говорил Межуеву, назвав свою полемическую статью «Бегство от реальности или новая теория социализма Вадима Межуева», но он, как свидетельствует его новая книга, продолжает настаивать на своей точке зрения. Мало того, он считает своей заслугой не только отождествление социализма с коммунизмом, но и определенное отождествление современного капитализма с социализмом[178]. На подобные утверждения я ответил ему второй статьей «Еще раз о природе социализма», но реакции с его стороны не последовало. В этой связи я отсылаю заинтересованного читателя к нашей совместной с Межуевым книге «Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее». М.: «Слово». 2001. С. 81-113. Данная публикация освобождает меня от повторного разговора на эту тему.

В заключение своих заметок на книгу Межуева хочу заострить проблему, которую раньше подробно не затрагивал, ибо не

считал себя специалистом в данной области. Это вопрос о сущности культуры и ее связи с теорией социализма. Как известно, Межуев является одним из видных теоретиков культуры в нашей стране. Его книги на эту тему достаточно хорошо известны научной общественности. Отмечу сразу, что во многом разделяю его подход, связанный с обоснованием гуманистической природы культуры. Как известно, с его точки зрения, культура «являет собой единство человека с природой и обществом, возникающее в результате возвышения природного до уровня общественного, а общественного - до уровня собственно человеческого.

Становление такого единства и образует логику истории культуры. Говоря попросту, быть культурным - значит по-человечески относиться к природе, другим людям и к самому себе. А мерой человечности человека является то, насколько он в процессе деятельности способен творить по мерке не какого-то одного, а любого вида, т. е. универсально, быть свободной индивидуальностью, определяемой собственной природной одаренностью и достигнутым уровнем культурного развития»[179].

Такая обобщенная характеристика культуры позволяет Межуеву сделать вывод о том, что социализм (коммунизм) как гуманистическое общество есть пространство культуры. Данный вывод, на мой взгляд, во многом совпадает с мыслью Ленина, высказанной в его последних работах, о том, что нельзя построить полноценного социалистического общества, не опираясь на всю культуру, выработанную человечеством. При этом Ленин понимал под культурой и духовную, и материальную культуру, и научные знания, и художественные ценности. Недаром он, давая малоизвестное определение социализму, писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование.... = социализм»[180]. И хотя такое понимание социализма близко любому просвещенному марксисту, его до сих пор не понимают многие сторонники левой идеи. Жаль, что и Межуев не видит в Ленине достойного последователя Маркса.

Думаю, здесь ему мешают модные, но явно тенденциозные оценки творчества Ленина в либеральной литературе, а также непомерное преувеличение роли культуры в истории и жизни человека. Так, в одном месте книги Межуев прямо заявляет, что «базовым условием существования людей в истории является *культура*, которая в своей значительной части охватывает то, что Маркс называл «производительными силами»[181]. Подобный культуроцентризм он, к сожалению, приписывает Марксу,

утверждая, что «понимание истории Марксом по своей сути культуроцентрично»[182]. Свой тезис Межуев пытается обосновать «феноменологией труда», которую он увидел у Маркса. В этой связи он считает, что Маркс развил не только «трудовую теорию стоимости», но и «трудовую теорию культуры», «субстанцией» которой является труд[183].

На первый взгляд, в стремлении Межуева отождествить культуру с «трудом» и «производительными силами» можно увидеть понятное стремление философа найти материальные корни культуры. Но вскоре я убедился, что это не так: Межуев отождествляет культуру с трудом и его производительными силами для того, чтобы показать ее определяющую, первичную роль в жизни общества и истории. Однако тем самым он приходит ко многим противоречиям. Дело в том, что производительные силы нельзя полностью свести к культуре. Например, физическая сила человека является производительной силой, но она не есть факт культуры, то же самое можно сказать о других природных явлениях (например, сила падающей воды, сила ветра, энергия солнца и т. д.). Не сводится к культуре и труд человека: это понятие более широкое и фундаментальное. Конечно, труд является «субстанцией культуры», но он является субстанцией и всех других отношений в обществе. Как говорится в народе: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». Культура при всей ее важности и значимости есть все-таки надстройка, а не базис общества. Диалектика взаимодействия жизни и культуры не исключает первичности жизни по отношению к культуре.

Культура есть проявление жизни, а не ее причина. Возьмем, к примеру, такой феномен человеческой жизни, как война. Ясно, что генетически война сначала вырастает из экономики, затем она порождает орудия войны, воинствующие танцы, наскальные и прочие изображения батальных сцен. Культура потому и является «второй натурой», что она есть зеркало «первой натуры», слепок с нее. Человек сначала подсматривает у природы и собственной жизни различные явления и законы, затем использует их в своих целях: так рождаются техника, научные открытия, организационные навыки, произведения искусства и т. д. Разумеется, это не исключает обратного влияния этих явлений культуры на жизнь человека.

Какой же труд кладет Межуев в основание культуры? Оказывается труд не как отношение человека к природе, не как целесообразный обмен с нею веществом и энергии, а как творчество определенных общественных отношений, в которых нет никаких природных свойств. Анализ культуры по Межуеву аналогичен марксову анализу товарных отношений, анализу

меновой стоимости, в которой «нет ни грана вещества». И в анализе меновой стоимости товара, и в культурной ценности обнаруживается нечто такое, что никак не укладывается в рамки их «натурально-вещественного существования», т. е. является их не природным, а общественным свойством»[184].

Забыв о том, что он совсем недавно установил тождество культуры и производительных сил, Межуев теперь начинает проводить прямую аналогию между товарным обменом и культурой и приходит к выводу о неприродности культуры, о ее сугубо общественной сущности. По его мнению, «неприродные объекты нельзя созерцать в акте внешнего наблюдения подобно тому, как мы созерцаем природные тела с их физическими, химическими и прочими свойствами»[185]. «В любом случае она (культура - *Б. С.*) - неприродный объект, отличающийся от натурально существующих вещей... Неприродность культуры - очевидный и наиболее часто используемый при ее характеристике признак»[186]. Если это так, то как быть с производительными силами, которые мы не только созерцаем, но и ощущаем, и постоянно используем в трудовой практике?

По Марксу, таинственность товарной формы заключается в том, что она скрывает общественный характер труда в условиях его разделения и частной собственности. В этом случае отношения людей воспринимаются как отношения вещей. На этом построена вся теория товарного фетишизма. А какие отношения в этой связи скрывает культура? В чем ее тайна? Неужели только в ее неприродности? На мой взгляд, значимость культуры и ее тайна состоят, напротив, в эффекте разотчуждения общественных отношений. Прорываясь через товарный фетишизм, по-своему критикуя его, культура призвана показывать подлинно человеческие отношения даже там, где они скрыты товарно-денежными отношениями. Достаточно осмыслить в этой связи содержание великих творений В. Шекспира, А. Пушкина, Л. Толстого, В. Маяковского, А. Платонова, М. Шолохова, С. Эйзенштейна, А. Твардовского и др.

Межуев видит в общественном характере культуры признак ее неприродности, или невещественности. Но ведь любые отношения - как отношения - невещественны; вместе с тем, они всегда опосредованы вещами, телами, предметами, людьми. И культура как зеркало природы не может избежать этой участи. Это, например, хорошо чувствовал поэт, спрашивая:

> «Кому венец: богине ль красоты,
> Иль в зеркале ее изображенью?»

Любви нет без любящих, а брошенный платок красавицы может быть как фетишем, так и знаком реальной любви. Трон короля - простой стул, но многие видят в нем символ реальной власти. Нередко что кажется, то и является на самом деле. Что касается товарного фетишизма, то последний мистичен лишь до той поры, пока мы за товарным обменом не видим отношения людей. Без людей нет общественных отношений, без средств производства нет производственных отношений, без продукта не может быть товара, без частной или обособленной собственности нет рыночных отношений, наконец, без натуры нет культуры.

И последнее: Межуев, доказывая, что социализм есть следствие господства всеобщего труда и, стало быть, культуры, на мой взгляд, совершенно напрасно противопоставляет всеобщий труд абстрактному труду[187]. Это противопоставление приводит автора рассматриваемой книги к совершенно ложному, на мой взгляд, выводу о том, что только всеобщий труд по сравнению с «физическим трудом рабочих» является «общественным»[188]. В этой связи хочется спросить: а кто же создавал и создает до сих пор материальное богатство человечества и его культуры? Не проявляет ли здесь Межуев собственное отчужденное понимание физического труда рабочих, которое он видел и критиковал у буржуазных политэкономов?

На мой взгляд, всеобщий труд - альтернатива труду не абстрактному, а частному. В свою очередь, абстрактный труд - альтернатива конкретному труду. Маркс его называет «сгустком лишенного различий человеческого труда», или «затратой» рабочей силы «безотносительно к форме этой затраты»[189]. Говоря точнее, труд имеет две взаимосвязанные стороны: качественную и количественную, конкретную и абстрактную. В этом, по сути дела, и состоит двойственный характер труда. Меновая стоимость товара вытекает из абстрактного труда, потребительная - из конкретного. В общественных отношениях, основанных на частной собственности и рыночных отношениях, конкретный труд подчинен абстрактному, потребительная стоимость - меновой. Деньги есть эквивалент определенного количества абстрактного труда, содержащегося в товаре. В обществе, основанном на плане и общественной собственности, напротив, доминирующим становится конкретный труд, имеющий всеобщее значение, поэтому роль культуры здесь резко возрастает.

Мой вывод таков: Вадим Межуев написал интересную, но во многом спорную книгу. Уверен, что ее обсуждение может принести пользу всем, кто интересуется классическими и актуальными проблемами марксизма. Этими заметками я вношу в такое обсуждение свой посильный вклад.

Глава 2. Революционые марксисты XX века

1. Н. Бухарин и А. Грамши: два взгляда на общество и историю

В истории общественной мысли есть тексты, которые со временем не теряют, а приобретают все большую актуальность, ибо затрагивают глубинные философские вопросы, определяющие познание и мировоззрение многих людей. К таким текстам можно отнести книгу Николая Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник по марксистской социологии»[1], и связанные с нею «Критические заметки о попытке создания «Популярного очерка по социологии», написанные основателем компартии Италии Антонио Грамши[2].

Вышедшая в свет в 1921 году книга Н. Бухарина фактически была первым большим учебником по историческому материализму, по которому многие люди приобщались к марксистскому мировоззрению. Его следы прослеживаются почти на всех более поздних отечественных учебниках по философии и общественным наукам, включая сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», идеи которого, как известно, внедрялись в головы нескольких поколений советских людей.

«Критические заметки» менее известны, так как их публикация, как и всех «Тюремных тетрадей» А. Грамши, частью которых они являются, была впервые осуществлена в Италии в послевоенные (1948 - 1951) годы, а для русского читателя они стали доступны намного позднее. Напомню, что избранные произведения А. Грамши в 3-х томах на русском языке вышли в конце 1950-х годов, а полное издание его «Тюремных тетрадей» было опубликовано лишь в 1990-е годы, т. е. пятьдесят с лишним лет спустя после смерти их автора[3].

Книга Н. Бухарина и «Критические заметки» А. Грамши, на наш взгляд, интересны тем, что дают возможность сравнить между собой в рамках одного марксистского мировоззрения совершенно различные теоретические подходы к осмыслению общества и истории[4]. Здесь мы фактически сталкиваемся с двумя концепциями понятия «исторический материализм», где автор «Популярного очерка», стремится обосновывать материалистический аспект этой философии, а его критик - не менее важный ее исторический аспект. При этом первый апеллирует к авторитету естественно-научного знания, а второй к авторитету диалектики как логики и теории познания. Каковы же основные идеи учебника Н. Бухарина? И в чем конкретно состоит критика этого учебника, со стороны Антонио Грамши?

* * *

Создавая свой учебник, Н. Бухарин связывал с ним задачу не только популяризации, но и развития марксистского мировоззрения. Он, в частности, писал: «В своей книге "Теория исторического материализма" я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые *другие формулировки того же самого,* с другой - *уточнить и развить* положения теории исторического материализма, *продвинуть дальше* разработку его проблем. Как известно, Энгельс незадолго до своей смерти говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уже сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи»[5].

Если Н. Бухарин выпускал в свет свою книгу с целью «продвинуть дальше» теорию исторического материализма, то А. Грамши, напротив, увидел в ней попытку позитивистского искажения целостного марксистского мировоззрения, его философии истории. По его мнению, Н. Бухарин своей книгой совершил подмену марксовой теории исторического материализма частной наукой - социологией, и лежащей в ее основе метафизического материализма. С его точки зрения, бухаринский учебник стал не только далеким от аутентичного марксистского мировоззрения: он представил своеобразную «вульгаризацию» и даже «карикатуру» на подлинные философские взгляды Маркса, Энгельса и Ленина.

Что же лежало в основе таких противоположных и даже крайних оценок книги «Теория исторического материализма»? На наш взгляд, совершенно различное понимание Н. Бухариным и А. Грамши марксистского мировоззрения, вообще, и исторического материализма, в частности. Так для Н. Бухарина теория исторического материализма означала, прежде всего, науку о единых законах общественного развития, аналогичных законам природы. Он писал: «Есть среди общественных наук две важные науки, которые рассматривают не отдельную область общественной жизни, а всю общественную жизнь во всей сложности... Такими науками являются история - с одной стороны, социология - с другой... История прослеживает и описывает, как протекал поток общественной жизни в такое-то время, в таком-то месте... Социология же ставит общие вопросы: что такое общество? От чего зависит его развитие и его гибель?... Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных

наук... История дает материал для социологических выводов и обобщений. Социология в свою очередь указывает... метод для истории»[6].

Совершенно по иному трактовал «метод для истории» А. Грамши: он связывал его не с социологией, а с диалектико-материалистическим пониманием истории. Как известно, философско-теоретические взгляды А. Грамши сформировались под влиянием работ Маркса, Энгельса, Ленина. Вопреки мнению некоторых современных исследователей его творчества, видящих в нем «немарксистского философа»[7], он считал себя их учеником и последователем. Грамши видел в основателях и классиках марксизма одновременно мыслителей и революционеров, создавших и развивших оригинальное историко-материалистическое мировоззрение (Weltanschauungen), которое принципиально отличалось от всех других мировоззрений своей диалектикой и практической направленностью. Отсюда и название этого мировоззрения - «философия практики».

С точки зрения Грамши, Маркс был основателем и творцом данного мировоззрения. Ленин, или, как его конспиративно называл Грамши, Иличи - продолжателем дела Маркса в новых исторических условиях, воплотителем его мировоззрения в жизнь. По Грамши, противопоставлять Маркса и Ленина - это противопоставлять одну сторону марксистского мировоззрения другой, теорию практике, мысль действию. Марксизм или «философия практики», по Грамши, представляет собой единство теории и практики, мысли и действия. В нем полностью осуществлен «переход от утопии к науке и от науки к действию»[8].

Название «философия практики» у Грамши, по цензурным соображениям, прикрывало понятие «марксизм». Одновременно оно указывало на глубинную основу существования общества и истории, лежащую в сфере трудовой практической деятельности людей. Для А. Грамши марксизм, в целом, и исторический материализм, в частности были, конечно, не социологией, а своеобразной «философией истории», т. е. теорией и методом ее познания. В этом смысле его взгляды противостояли как идеалистической, так и вульгарно-материалистической интерпретации истории. Последние были, в основе своей, тождественны друг другу. Он писал по этому поводу: «Если „спекулятивный идеализм" - это наука о категориях духа, обладающего способностью к синтезу a priori, то есть форма антиисторичной абстракции, то философия, в скрытом виде заключенная в „Популярном очерке", - это идеализм наизнанку в том смысле, что здесь эмпирические понятия и классификации заменяют собой спекулятивные категории, но сами столь же

абстрактны и антиисторичны...»[9].

Если сторонники идеалистического прочтения истории видели в ней конечный результат действия сугубо идейных или духовных начал общественной жизни, а сторонники метафизического материализма проявление неких естественных (механических или биологических) законов развития, то А. Грамши рассматривал ее как выражение деятельности и борьбы людей, объединенных между собою общими интересами в большие социальные группы, сословия, классы, и т. д. С его точки зрения, иной взгляд на человеческую историю, по сути своей, исключал возможность революционного изменения существующего буржуазного общества, фактически служил его идеологическим оправданием.

Исходя из этого, А. Грамши был уверен, что теория исторического материализма в форме «марксистской социологии», о чем говорил в своем «Популярном очерке» Н. Бухарин, есть отказ от философского, или теоретического постижения истории, ибо «любая социология предполагает наличие некой философии, некоего мировоззрения, будучи подчиненным ему фрагментом»[10].

По А. Грамши, сведение «философии практики», в частности, исторического материализма к социологии является «кристаллизацией худшей тенденции, уже подвергнутой критике Энгельсом»[11]. Он полагал, что рассмотрение общественной науки по аналогии с естественными науками, есть проявление дурного сциентизма, мешающего постигать сложные и разнокачественные явления общественной жизни. По его мнению, историю общественной жизни, вообще, невозможно постичь, абстрагируясь от «философии практики» и ее диалектического метода. Социология «Популярного очерка», считал А. Грамши, базируется на эволюционизме, «не ведающего принципа диалектики о переходе количества в качество, переходе, не позволяющем понимать в духе вульгарного эволюционизма никакую эволюцию, никакой закон единообразия»[12].

Несмотря на подобные обвинения, Н. Бухарин был убежден, что его социология, напротив, продолжает известную марксистскую традицию сугубо материалистического прочтения диалектики Гегеля и всей человеческой истории. Находясь под влиянием работ А. Богданова, Н. Бухарин пытался соответственно интерпретировать не только исторический материализм, но и известную гегелевскую формулу диалектики («тезис» - «антитезис» - «синтез»). Стремясь найти ее материалистический аналог, он трактовал ее как проявление динамики различных механических систем, переходящих из неравновесного состояния

к равновесному, и обратно. Он писал по этому поводу следующее: «Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т. е. *в формах движущейся материи находить то, чему «соответствует» диалектическая формула Гегеля.* Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение - другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. - вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле»[13].

Как мы видим, Н. И. Бухарин здесь понимает материализм как подмену всеобщих понятий диалектики частными понятиями организационной науки («тектологии»). Это во многом напоминает трактовку материализма Фейербахом, который искал и находил аналог «святого семейства» в «земном семействе». Следует заметить, что для Маркса, подлинно материалистическим методом является не «сведение», а «выведение» идеального начала из реального, например, религиозных воззрений из реально существующих противоречий общественной жизни., Как уже отмечалось, Маркс в этой связи писал, что «много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический...»[14].

И тем не менее, социология для Н. Бухарина была в отличие от философии примером проявления подлинного материализма и научности в познании общественных явлений, позволяющей открывать законы общественной жизни и предсказывать ее будущее. Он говорил в своем учебнике: «Если мы знаем законы общественного развития, т. е. пути, по которым неизбежно идет общество, направление развития, то нам не трудно определить и будущее общества»[15]. При этом, трактуя социологию по аналогии с механикой, применяющей количественные методы измерения, он допускал со временем возможность абсолютно точных предсказаний всех общественных процессов. По его мнению: «Мы пока не можем предсказывать срока наступления того или иного явления. Это происходит потому, что мы еще не располагаем такими знаниями законов... которые можно было бы выразить в точных числах. Мы не знаем *скорости* социальных процессов, но мы имеем возможность знать их *направление*»[16]. Совершенно иную точку зрения на роль и возможности науки и философии обосновывал А. Грамши в своих «Критических заметках». По его мнению, следует развенчать миф об универсальности естествознания и ее количественных методов. Человеческое

познание гораздо шире наук о природе, пользующихся по преимуществу такими методами. Так, познание не может обойтись без диалектической философии, объясняющей противоречивые и качественные явления природной и общественной жизни, вскрывающий глубинный источник их движения и изменения.

Не подменяя собою частные науки и их специфические методы, диалектика в тоже время показывает определенные границы их компетенции. Так, на примере истории она показывает невозможность абсолютно точного (вплоть до указания места и времени) предвидения многих общественных явлений и процессов. По мнению А. Грамши: «Познается то, что было, или то, что есть, а не то, что является «несуществующим» и, следовательно, непознаваемым по определению»[17]. Особенно, это относится к явлениям в сфере политики, в частности, к различным государственным переворотам, войнам, революциям и т. д. Исследователи этих явлений знают, что точное предсказание их просто невозможно, или чрезвычайно затруднено.

Не могут в этом помочь и данные статистики, закон больших чисел и другие количественные методы, применяемые в социологии для познания массовых явлений. А. Грамши это поясняет следующим образом: «В самом деле, применение в политике статистического закона в качестве основного, действующего с неизбежностью, становится не только научной ошибкой, но и приобретает характер практической ошибки в действии и сверх того способствует умственной лености и поверхностности в составлении программ. Следует заметить, что политическая деятельность направлена как раз на то, чтобы вывести массы из пассивного состояния, то есть нарушить закон больших чисел; как же можно считать этот закон социологическим?»[18].

Невозможность эффективного применения сугубо количественных методов к истории связано не только с тем, что многие ее явления носят своеобразный или уникальный характер, а с тем, что история, в частности, политика связана с постоянной борьбой социальных сил, однозначные итоги которой заранее невозможно знать, а следовательно и предвидеть. А. Грамши писал в этой связи: «Реально можно «предвидеть» что-либо лишь постольку, поскольку совершается определенное действие, прилагается определенное усилие воли и, следовательно, вносится конкретный вклад в достижение того результата, который «предвидится»[19]. Эта мысль во многом перекликается с известной фразой Наполеона, которую любил повторять В. И. Ленин: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно

будет».

Рассуждая на эту тему, А. Грамши писал: «В действительности можно «научно» предвидеть только борьбу, но не конкретные ее моменты, которые всегда бывают результатом столкновения противостоящих друг другу сил, находящихся в постоянном движении, не сводимых к фиксированным количественным величинам, потому что в них количество постоянно переходит в качество»[20]. Здесь А. Грамши во многом следовал воззрениям итальянского марксиста А. Лабриолы на историю, который писал в своих «Очерках материалистического понимания истории»: «Самый факт, что в основе всей истории лежат противоречия, противоположности, борьба, войны, объясняет решающее влияние определенных людей при определенных обстоятельствах»[21]. А. Грамши также связывал движение истории и ее предвидение не с механическим действием таких, например, факторов, как «природа человека», или абстрагированные от человека и его общественных отношений «производительные силы», «средства производства», «техника» и т. п., а с практической деятельностью самих людей и их социальных групп, действующих всегда в конкретных обстоятельствах.

Как уже говорилось, философские взгляды А. Грамши сложились под влиянием работ основоположников марксизма и Ленина. Они принципиально отличались от вульгарно материалистических и эволюционистских интерпретаций марксизма, которые много лет господствовали в среде немецких, французских и итальянских социалистов XIX-го и начала XX-го века. С их точки зрения, марксизм был своеобразным дополнением к учениям Дарвина[22]. Под влиянием этих учений, например, итальянские социалисты, долгое время считали, что переход от капитализма к социализму «совершиться так же закономерно и фатально неизбежно, как переход от обезьяны к человеку»[23]. Задача социалистической партии в этом случае заключалось лишь в том, чтобы «по мере сил и возможностей способствовать этому естественному процессу»[24]. Такое понимание истории и социалистического движения совершенно исключало возможность не только революционного изменения действительности, не только служило идеологическим оправданием сотрудничества рабочего класса с буржуазией, но и порождало нередко сугубо пассивное отношение социалистов к таким явлениям как приход фашизма к власти в Италии и Германии[25].

Не разделял Грамши и идеалистическую трактовку марксизма со стороны крупного итальянского философа-

гегельянца Бенедетто Кроче, который, например, доказывал изначальное духовное превосходство интеллигенции над «грубым материализмом» и «здравым смыслом» трудящихся, которым в политике не стоит предавать большое значение. А. Грамши, считал, что подлинный марксизм, или «философия практики», напротив, требует никогда не игнорировать развития массового сознания. В это связи, по его мнению, один из недостатков книги Н. Бухарина, как раз являлся ее отрыв от обыденного сознания масс. Он писал по этому поводу: «Такое произведение, как «Популярный очерк», предназначенное преимущественно для читателей, не принадлежащих к профессиональной интеллигенции, должно было бы исходить из критического анализа философии обыденного сознания, «философии не философов», то есть мировоззрения, некритически позаимствованного из различных социальных и культурных сфер, где формируется моральный облик среднего человека»[26]. Последнее всегда нуждается во внимательном изучении, а при необходимости в подъеме до уровня высокой культуры. По его мнению, без такой культуры, без соответствующих знаний и способностей масс невозможно сознательно управлять общественными процессами. В этом смысле, «философия практики» не должна быть только философией элиты общества. Она представляет собой такое мировоззрение, которое в перспективе должно охватить широкие массы народа.

С точки зрения Грамши, марксизм или «философия практики», с одной стороны, вобрало в себя лучшие достижения человеческой мысли прошлой истории, включая немецкую классическую философию, французский материализм и социализм, английскую политэкономию. С другой стороны, оно, как сугубо новое мировоззрение, принципиально отличается от этих идейных источников своими оригинальными подходами к истории и общественной жизни. Поэтому А. Грамши был уверен, в том, что марксистское мировоззрение нельзя сводить к уже известным философским взглядам прошлого, будь то немецкая классическая философия или французский материализм и социализм. Именно эту ошибку допускал, например, идеалист Б. Кроче, отождествлявший марксизм с философией Гегеля, или материалист Н. Бухарин, сводивший его к метафизическому материализму XVIII века.

А. Грамши, конечно, считал философию практики учением, нуждающимся в своем идейном развитии и популяризации. При этом он не допускал его упрощения или вульгаризации. По его мнению, «опыт, лежащий в основе философии практики, нельзя схематизировать, ибо он - сама история в ее бесконечном

разнообразии и изменчивости...»[27]. Даже известная схема деления марксизма на «три составные части» в определенной степени противоречит органической целостности марксистского мировоззрения. Он писал по этому поводу: «Весьма распространено представление, что философия практики - чистая философия, *наука,* о диалектике, а другие части - это политическая экономия и политика... Это представление является скорее поиском исторических истоков, чем классификацией, идущей из недр учения, оно не может быть противопоставлено в качестве окончательной схемы какой-либо другой организации учения, более точно отражающей действительность. Если спросят, не является ли философия практики именно теорией истории, следует отвечать: да является, но поскольку от истории неотделимы политика и экономика...»[28]. Формальное изложение различных сторон марксизма в учебнике Н. Бухарина «Теория исторического материализма», по мнению Грамши, является как раз следствием недопонимания автором органического единства различных сторон «философии практики» как сугубо нового мировоззрения рабочего класса.

Неоднократно подчеркивая мысль о тождестве «философии практики» и теории истории, А. Грамши, естественно, не мог принять тезиса Н. Бухарина о тождестве исторического материализма и социологии. Со своей стороны А. Грамши считал такое понимание исторического материализма ошибочным и «логически не обоснованным». Он говорил, если автор «популярного учебника», с одной стороны, считает истинной философией - «философский материализм», то как следует понимать его утверждение о тождестве исторического материализма и социологии?»[29].

А. Грамши считал, что подобное «социологическое» истолкование истории приводит в левой среде к искаженному восприятию марксизма. Именно под его влиянием это учение стало рассматриваться как механистическое мировоззрение, в котором законы истории отождествляются с законами социологии и механики, где техника жестко определяет экономику, а последняя - политическую надстройку, нравственность и идеологию. Как известно, дань такому толкованию марксизма отдали такие сторонники «экономического марксизма», как П. Лафарг во Франции, К. Каутский в Германии, либеральные марксисты, Г. Плеханов и Н. Бухарин в России, не считая более поздних их последователей.

Вот характерный пример такого толкования, содержащийся в книге «Теория исторического материализма»: «Во-первых, - писал ее автор, - из путаницы, царящей в буржуазном лагере, не следует

создавать путаницы у себя. Где место исторического материализма? Это не есть политическая экономия. Это не есть история. Это есть общее учение об обществе и законах его развития, т. е. социология. Во-вторых, то обстоятельство, что она (теория исторического материализма) есть метод для истории, ни в коей мере не уничтожает ее значения как социологической теории. Очень часто более абстрактная наука дает точку зрения (т. е. метод) науке менее абстрактной. Так обстоит дело и здесь». Конкретизируя этот вывод, он добавлял: «У рабочего класса есть своя, пролетарская социология, известная под именем исторического материализма... Иначе она называется материалистическим методом в истории или просто «экономическим материализмом»[30]. Как известно, аналогичную трактовку исторического материализма у некоторых своих последователей во Франции Маркс, вообще, отказывался называть марксизмом. Он прямо говорил, что, если они себя считают марксистами, то в этом случае «ясно одно, что сам я не марксист»[31].

Некоторые исследователи считают, что «среди российских теоретиков, породивших разные версии марксистской теории в целом, Н. И. Бухарин был первым, кто выделил социологию в отдельную науку, указал на ее предмет - общие законы функционирования и развития общества»[32]. С этим утверждением можно согласиться, но только в одном случае: если не смешивать социологию с теорией, или философией истории, каковой в марксизме и выступает исторический материализм. В тоже время отождествление социологии с историческим материализмом, как это делал Н. Бухарин в своем «Популярном очерке», превращало исторический материализм в некую абстрактную схему, применимую к любому обществу. Со своей стороны А. Грамши считал, что опыт, лежащий в основе «философии практики», вообще «нельзя схематизировать, ибо он - сама история в ее бесконечном разнообразии и изменчивости»[33].

Н. Бухарин считал, что его исторический материализм заимствован из марксовой характеристики материалистического понимания истории, содержащийся в Предисловии «К критике политической экономии». На самом деле такое заимствование, на наш взгляд, носило сугубо формальный характер. В итоге, оно свелось у него к следующей иерархии понятий, характеризующих общество: производительные силы - производственные отношения (экономический базис общества) - политическая и идеологическая надстройка.

Но, если у основоположников марксизма данные категории исторического материализма вытекали из истории политической

экономии и анализа конкретных явлений и форм общественной жизни, то в «Популярном очерке» они превращались в абстрактную схему, которая навязывалась конкретной истории. В этой связи, Ф. Энгельс писал, критикуя подобную позицию у Пауля Эрнста: "Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты"[34].

Следует согласиться с рядом исследователей творчества Н. Бухарина в том, что вышеприведенная схема заложила длительную, но, на мой взгляд, не лучшую, традицию преподавания исторического материализма в высшей школе. Дело в том, что у тех, кто пользовался подобной абстрактной схемой, как правило, возникала фактически на пустом месте иллюзия углубленного знания истории. А. Грамши иронично называл таких людей «гениеподобными», которых особенно много среди начинающих преподавателей, публицистов и журналистов. Использование данной схемы, как правило, порождало и одностороннее толкование таких категорий исторического материализма как «производительные силы», «техника», «способ производства», «надстройка», «идеология», «формация» и др. Остановимся подробнее на некоторых из них, которые нашли свое отражение в «Критических заметках» А. Грамши.

Однако сначала о так называемых «ортодоксах марксизма», которые не замечали его диалектического духа. К ним А. Грамши относил и Н. Бухарина. Он писал о них следующее: «... Так называемые ортодоксы, озабоченные тем, чтобы найти философию, которая была бы в соответствии с их очень ограниченной точкой зрения чем-то большим, нежели «просто» истолкование истории, в основном отождествили ее с традиционным материализмом»[35]. Так, исследуя, например, природу, они не видели ее диалектического характера, тем более они не понимали действительной истории с ее постоянным взаимодействием базиса и надстройки, активной ролью людей и идеологии в жизни общества. Для такого материализма идеологическая надстройка всегда была лишь отражением базиса, не более того. Отсюда, на наш взгляд, вытекали, некоторые ошибки Г. Плеханова. Например, его социологическая интерпретация творчества Толстого, ура-патриотическая позиция в оценке первой мировой войны, явная недооценка исторического и интернационального значения революции 1905 года и Октябрьской революции.

Полемизируя с Н. Бухариным, А. Грамши считал, что сведение им «философии практики» к социологической науке приводит его к явному преувеличению в познании роли механической причинности, вообще, и экономической причинности, в частности. Подобное преувеличение просто не в состоянии объяснить диалектическую взаимосвязь свободы и необходимости, соотношение цели и средств, роли масс и личности в истории. По мнению А. Грамши, дело в том, что в рамках механического детерминизма, следствие «никогда не сможет превзойти причину»[36], а это ведет к тому, что в теории начинает господствовать эволюционизм, не способный понять и тем более объяснить «переворачивание практики», то есть революционное изменение существующего общества.

Полемизируя с подобными ложными интерпретациями марксистского мировоззрения, А. Грамши, как уже отмечалось, ссылался на Энгельса, который в письме к Йозефу Блоху от 21-22 сентября 1890 года говорил: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни.

Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение - это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки»[37]. Аналогичную мысль Энгельс повторил через четыре года в письме к В. Боргиусу. Подчеркнув, что историю делают люди, Энгельс написал: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным»[38]. Такой причиной может быть, например, государственная политика «покровительственных пошлин, свободы торговли», даже «смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина», выражающаяся в «пиетизме» и «сентиментализме»[39].

В этой связи есть смысл более подробно остановиться на трактовке Н. Бухариным принципа причинности и свободы человеческой воли. По его мнению «причинная связь есть необходимая, постоянно и повсеместно наблюдаемая связь явлений - больше ничего»[40]. Любое действие человека имеет свою определенную причину, и поэтому никакой свободы воли быть не может. Свобода воли всегда подчинена какой-то конкретной

причине, являющейся законом природы и общества. «Если даже люди все сознательно регулируют и все совершается в обществе так, как они хотят, - пишет Н. Бухарин в своем учебнике, - то и тогда для объяснения явлений необходима не телеология, а рассмотрение причин явлений, т. е. нахождение причинной зависимости. А поэтому в этом вопросе нет никакой разницы между общественными науками и науками о природе»[41].

Исходя из такого понимания принципа детерминизма, вся история приобретает фаталистический, даже мистический характер. Дело в том, что случайности, конечно, встречаются и в природе, и в обществе. Мало того, необходимость очень часто пробивает себе дорогу именно через такие случайности, выступая в форме тенденции.

О тенденциальном характере общественных закономерностей неоднократно говорил К. Маркс, рассматривая, например, общую норму прибыли, которая «всегда существует лишь как тенденция...»[42]. Похожее понимание общественных явлений демонстрировал и В. Ленин. Например, полемизируя с Р. Люксембург, он, в частности, говорил: «Иногда революционеры пытаются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает... Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим доказательством в этом и подобных вопросах может быть только практика, только опыт»[43].

Осмысливая похожую проблему в своих заметках о свободе воли, советский философ Э. Ильенков говорил о соотношении цели, в которой выражена объективная потребность, и единичных, подчас случайных условий и шагов в ее достижения. Он писал: «Действие преодолевающее рабскую зависимость от ближайших (случайных, единичных) обстоятельств-условий, и есть элементарный акт свободы, действие по цели (осознанной потребности)»[44]. Здесь уместно вспомнить слова поэта, который считал, что человеческий опыт есть «сын ошибок трудных». Но разве такой опыт не является преодолением непредвидимых условий и случайностей в человеческой практике? Думаю, является, иначе, вообще, не возникали бы ошибки.

Свободное действие по достижению цели это свойство, присущее любой сознательной деятельности людей. Достаточно в этой связи напомнить известное марксово сравнение деятельности архитектора и пчелы[45]: первый творит свободно, исходя из своей цели, вторая - творит по инстинкту, т. е. является своеобразным живым автоматом. Свободная деятельность по достижению цели - есть отличительный признак причинности в

человеческом обществе, который нередко называют («антропным принципом»)[46]. Понятно, что он не менее важен, чем принцип механической причинности.

Понимание последней наиболее наглядно проявилось у Н. Бухарина в его стремлении найти конечную причину общественного развития, которую он связывал с техникой. По-видимому, он считал, чем ближе к «материальному» предмету, тем «ортодоксальнее»[47]. По его мнению, именно развитие техники порождает изменение в производительных силах и производственных отношениях. Такое одностороннее понимание роли техники в истории естественно встретило критику со стороны А. Грамши и такого левого философа как Г. Лукач.

На наш взгляд, говоря о технике, не следует забывать, что главной и определяющей производительной силой в обществе является сам человек: именно он, в конечном счете, создает технику и движет историю. Он одновременно выступает и элементом производительных сил, и субъектом производственных отношений. В этом смысле никакого автоматизма во взаимодействии производительных сил и производственных отношений не существует. Историю делают люди, а не некие анонимные «производительные силы», или «производственные отношения» как это вытекает из текста Популярного учебника по теории исторического материализма.

Критические высказывания Грамши по поводу роли техники в обществе и истории во многом совпадают с трактовкой этого явления у Г. Лукача. Так, в своей рецензии на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» Г. Лукач писал о том, что Н. Бухарин ошибочно полагал, что всякая данная система общественной техники определяет собой систему «трудовых отношений между людьми»[48]. Говоря такое, он «смазывает» требование марксистского метода: определять все феномены политэкономии и «социологии» через общественные отношения людей»[49]. Н. Бухарин приписывает определяющую роль в обществе технике, в то время как ее собственное развитие зависит от характера общественных отношений. Г. Лукач спрашивает: не является ли предположение, что развитие общества зависит от развития техники, таким же ложным натурализмом, как и теория Кунова, которую критикует Бухарин в своей книге? Не возвращает ли она нас в несколько более утонченной форме «к теориям «среды» XVIII и XIX веков?»[50].

Рассматривая соотношение различных сторон в понятии «производительные силы» и их роли в истории, Г. Лукач подчеркивал, что не следует развитие общественных производительных сил объяснять через технику, а следует,

наоборот, технику объяснять через развитие производительных сил. Мало того, с его точки зрения, «неправильно по существу и не по-марксистски изымать технику из ряда идеологических форм и приписывать ей самостоятельное существование, независимое от экономической структуры общества»[51].

В доказательство этой позиции он приводит факты прогрессивной эволюции техники в условиях перехода от античности к средневековью, и от средневековья к буржуазному обществу. Он, в частности, пишет: «Сколь бы примитивными ни были результаты средневековой техники, в сколь бы многих отношениях она ни знаменовала собой регресс в сравнении с известными техническими достижениями античного мира, но тем не менее принцип средневековой техники означает шаг вперед в техническом развитии: в средние века имела место рационализация процесса труда - в противоположность античному миру, где рационализация была направлена исключительно на результат труда... Не слабое развитие техники делает возможным рабство, а наоборот, рабство как господствующая форма труда делает невозможными рационализацию трудового процесса, а опосредствованно - возникновение рациональной техники»[52]. Нечто похожее происходит и при переходе от средневекового производства к современному капитализму. По Марксу предпосылки возникновения машинной техники возникают не благодаря техническому прогрессу как таковому, а благодаря распаду натурального хозяйства, возникновению разделения труда и капиталистических отношений господства на предприятии, развитию массового потребления товаров. Одним словом современная машинная техника является плодом «многовекового процесса общественных перемен; она является увенчанием и завершением, а не порождающей причиной современного капитализма»[53].

В этом же духе говорил и А. Грамши, считая, что большим недостатком «Популярного очерка», является наличие многих непроясненных и двусмысленных понятий. По его мнению, в книге, рассчитанной на неподготовленного читателя, «нет четких понятий базиса, надстройки, технического орудия; все общие понятия в нем расплывчаты и туманны. Техническое орудие мыслится так обще, что им можно считать любой инструмент и любое орудие вплоть до приборов, применяемых учеными в исследованиях, и... музыкальных инструментов. Такая постановка вопроса бесполезно осложняет вещи. При подобном странном способе мышления возникает целый ряд столь же странных проблем: скажем, библиотеки - базис или надстройка, а

экспериментальные лаборатории ученых? Если можно утверждать, что искусство или наука развиваются вследствие развития соответствующих технических средств, почему нельзя утверждать и обратного или, например, что некоторые средства являются одновременно и базисом и надстройкой? Еще можно было бы сказать, что некоторые надстройки имеют собственный особый базис, оставаясь при этом надстройками, скажем, полиграфическое дело могло бы считаться материальным базисом целого ряда, а то и всех подряд идеологий, и было бы достаточно существования полиграфической промышленности, чтобы материалистически объяснить всю историю»[54].

Критикуя книгу Н. Бухарина, А. Грамши показывает, что ее автор, как правило, отождествляет природные и общественные явления: трактует, например, «производительные силы» как явления природы, проводит поверхностные аналогии между открытиями в физике и социальной структуры общества (например, сравнение атомной теории с «робинзонадой»)[55]. По мнению Грамши, в книге Бухарина дается ошибочная интерпретация законов материалистической диалектики, которая часто сводится к сумме примеров, весьма далеких от подлинной диалектики как логики и теории познания, в рамках которой борьба противоположностей есть глубинный источник развития всех явлений окружающего нас мира. Так, Грамши, называет «игрой в слова» известный пример с различными агрегатными состояниями воды иллюстрацией закона перехода количества в качества. Он пишет: «... Упоминается вода, изменяющая свое состояние с изменением температуры (твердое, жидкое, газообразное), в то время как этот феномен чисто механический и вызывается внешним агентом (огонь, солнце, испарение твердой углекислоты и т. д.)»[56]. В подтверждение этих слов достаточно вспомнить, сколько подобных примеров «диалектики» мы, в свое время, изучали в высшей школе.

С точки зрения «философии практики», утверждает Грамши, производительные силы общества являются «кристаллизацией всей прошлой истории и базой настоящей и будущей истории, документом и вместе с тем активной современной движущей силой»[57]. Однако такую активность нельзя смешивать «с активностью в физическом или метафизическом смысле. Электричество исторически активно, но не как чисто природная сила (скажем, как электрический заряд, вызывающий пожар), а как элемент производства, укрощенный человеком»[58], как объект собственности определенных социальных сил, и, следовательно, как выражение общественных отношений. Электричество всегда существовало в качестве природной силы, но «не действовало в

истории, а было лишь объектом гипотез в истории естественных наук»[59]. То же относится и к атомной теории: «не атомная теория объясняет человеческую историю, а наоборот, ибо подобно всем научным гипотезам и воззрениям, она является надстройкой»[60].

С точки зрения Грамши корень многих ошибок Бухарина кроется в «попытке разделить «философию практики» на две части: «социологию» и систематическую философию. «Философия, отделенная от теории истории и политики, - по его мнению, - не может быть не чем иным, как метафизикой, тогда как великое завоевание в истории современной мысли, которое являет собой философия практики, заключается как раз в том, что философия понимается в ее конкретной историчности и отождествляется с историей»[61]. С абстрактным, метафизическим материализмом, игнорирующим диалектику, нельзя идти в массы, тем более невозможно совершать революцию. Здесь во многом существует прямая перекличка взглядов А. Грамши и В. Ленина на философские и теоретические работы Н. Бухарина. Как известно, В. Ленин в своих последних работах отмечал, что взглядам Н. Бухарина присуща определенная схоластика и непонимание диалектики. Правда, он допускал, что этот недостаток Бухарин в будущем может исправить. В этой связи интересны недавно опубликованные «Тюремные рукописи» Н. Бухарина, написанные в 1937 году, в которых осмыслению диалектики отводится значительное место[62].

Как уже неоднократно отмечалось, Антонио Грамши считал, что отличительным признаком марксизма является его тесная связь с практикой, с конкретными нуждами людей и их социальными группами. Историю творят люди своей трудовой, социальной, политической и духовной деятельностью, то есть своей практикой в широком смысле этого слова. Философия является ее отражением и обобщением, следовательно, она, прежде всего, выступает как философия истории и практики. В отличие от традиционной философии истории, имеющей дело с вечными и неизменными идеями, законами и категориями, «философия практики» буквально пронизана «историцизмом» (термин Грамши), то есть действительной диалектикой классовой борьбы.

Существует мнение, что Грамши якобы отказался от понятия «класс» в традиционном понимании этого слова. На самом деле, ничего подобного не было. И хотя в целях конспирации, он не часто употреблял слова «класс» и «классовая борьба», в его «Тюремных тетрадях» постоянно употребляется такие их синонимы, как «социальная группа», «борьба социальных групп» и т. п. Раскрывая идею гегемонии, он писал: «... Главенство

социальной группы проявляется в двух формах: в форме «господства» и в форме «духовного и нравственного руководства». Первая форма, т. е. «господство», - это отношения с враждебными группами. Вторая форма, т. е. «духовное и нравственное руководство», - это и есть, собственно говоря, гегемония»[63].

По Грамши, борьба социальных групп, или классов в обществе есть одновременно и реальная история. В истории ничего не совершается помимо людей и их социальных групп. Противоречия и борьба этих групп является мотором истории на протяжении всей человеческой цивилизации. «Философия практики» отражает диалектику этой борьбы. Грамши не уставал говорить о тождестве истории и «философии практики». По его мнению «... Философия определенной исторической эпохи - это не что иное, как «история» этой эпохи, не что иное, как совокупность изменений, которые руководящая группа сумела произвести в прошлой действительности; в этом смысле, история и философия неразделимы, они образуют «блок»[64].

Подлинная, а не фантастическая история осуществляется реальными людьми, реальными политическими силами, выступающими ее субъектами и творцами. Поскольку простые люди, совершая практические дела, руководствуются тем или иным мировоззрением, той или иной идеологией или философией, они являются стихийными философами. В этом смысле следует изучать мировоззрение «широких масс», а не только «философию философов»[65]. Фактически историческое значение любой философии и идеологии определяется тем, какое воздействие они оказывают на массовое сознание и поведение людей. Рассматривая вопрос об обратном влиянии философии на общество, Грамши пишет: «... Это обратное воздействие, и есть мера ее исторического значения, того, что она не плод индивидуального «ученого корпения», а «исторический факт»[66].

Марксизм как новое мировоззрение является для Грамши одновременно наукой и идеологией. Наука исследует закономерности исторического развития, а вытекающая из нее идеология побуждает рабочий класс и его союзников к действию. Таким образом, марксистская наука, ее основные идеи и выводы, овладевая сознанием масс, превращаются в материальную силу. Но это происходит лишь в той мере, в какой наука и основанная на ее выводах идеология отвечают коренным интересам этих масс, совпадают с их жизненными целями и нравственностью. Грамши четко различал идеологию как иллюзорные или «произвольные измышления определенных индивидов» и идеологию как надстройку, с необходимостью вытекающую из соответствующего базиса и обратно воздействующую на него. Он

писал: «В той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют действенность, «психологическую» действенность, они организуют людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои общественные позиции, борются и т. д.»[67].

«Философия практики» в антагонистическом обществе является одновременно философией политики. В политике происходит взаимопроникновение объективных и субъективных моментов в развитии общества. «Невозможно представить, себе - говорил Грамши, - распространение в реальной жизни философии, которая не являлась бы в то тоже время актуальной политикой, тесно связанной с основным видом деятельности в жизни народных масс, то есть с их трудом...»[68].

Раскрывая содержание понятия «философия практики», Грамши показывает связь и различие политики и диалектики. Политика и диалектика всегда реализуются через противоречия, но диалектика вечна, а политика преходяща. Последняя существует лишь до тех пор, пока сохраняются социальные антагонизмы, однако она исчезает с исчезновением этих антагонизмов, то есть когда происходит «переворачивание практики», когда «царство необходимости» сменяется «царством свободы». Мировой процесс исчезновения политики сменяется становлением в истории подлинного гуманизма. Здесь наблюдается определенное словесное совпадение мысли Грамши и мысли Маркса, приравнявшего коммунизм к «реальному гуманизму» в своих ранних «Экономическо-философских рукописях», которые, по всей вероятности, автор Тюремных тетрадей не читал. Вот характерное для Грамши определение «философии практики», которое он противопоставлял бухаринскому пониманию исторического материализма как «марксистской социологии»: «Забыли, что в одном очень распространенном выражении («исторический материализм» - Б.С.) акцент следует делать на термине «исторический», а не на другом термине, имеющем метафизическое происхождение («материализм» - Б.С.). Философия практики - это абсолютный «историцизм», абсолютное обмирщение и земной характер мысли, *абсолютный гуманизм истории* (выделено мною - Б. С.). Именно в этом направлении следует разрабатывать основную жилу нового мировоззрения»[69].

Скорее всего, Н. Бухарин не знал ни этих высказываний А. Грамши, ни других его критических замечаний на свой учебник по историческому материализму. Тем не менее, в поздних работах Н. Бухарина, в том числе, написанных в сталинской тюрьме, мы видим, его обращение к проблеме гуманистического

обоснования пролетарского социализма, как действенной альтернативы идеологии и практике фашизма, другим подобным порядкам. Парадоксально, но факт: два совершенно разных представителя марксизма, находясь в тюрьме, под влиянием жизни и политической борьбы, приходят к тождественным философским выводам о принципиальной несовместимости гуманистической идеологии социализма с теорией и практикой тоталитаризма.

Гуманистическая интерпретация истории и социализма особенно актуальна в современной России, где значительная часть интеллигенции оказалась идейно дезориентированной. Отказавшись в свое время от советской во многом догматической идеологии, она под воздействием разрушительных последствий неолиберальных реформ, сегодня все чаще уходит в религию, или начинает исповедовать сугубо консервативную дореволюционную идеологию с ее националистическими и державными ценностями. Эта новая «смена вех» в последнее десятилетие охватила почти все сферы идейной и культурной жизни российского общества, порождая новые неразрешимые противоречия в обществе, политике и идеологии.

Однако этот процесс не может продолжаться вечно. В последнее время многие СМИ все чаще стали говорить о наметившемся «левом повороте» в нашем обществе и во всем мире. И он действительно происходит в странах старого и нового света. Этот процесс резко усилился в связи с глобальным экономическим кризисом, последствия которого особенно заметны в изменениях многих политических режимов в Латинской Америке и Северной Африке, в непрекращающихся протестах населения против финансовой политики руководства США и Евросоюза.

Под воздействием жизни и нарастающих социальных противоречий в мире все большее количество людей начинает отвергать порядки буржуазного общества с его всеобщим отчуждением людей друг от друга, с его культом денег, эгоизма и насилия. Они все чаще утверждают, что «иной мир возможен». В этом альтернативном мире, по их мнению, каждый человек должен стать не средством, а самоцелью общественного развития.

Именно о таком справедливом и гуманном мире мечтали, говорили и говорят лучшие представители марксистской мысли.

2. Роза Люксембург о революции и социализме

«Самое решительное революционное действие и самая сердечная человечность - только в этом истинное дыхание социализма».

Р. Люксембург

В последнее время при обсуждении литературного наследия Розы Люксембург все чаще, на мой взгляд, проявляется сугубо академический подход к ее творчеству. При этом с неизбежностью уходит в тень революционная сторона жизни и творчества этой выдающейся и яркой личности в немецком и международном рабочем движении. Проявился этот недостаток и на конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Р. Люксембург. Я его связываю с уходом с политической сцены советской модели социализма и приходом к власти сторонников так называемого «либерального фундаментализма», который на наших глазах превращается в обычный национал - консерватизм с его охранительными и антисоциалистическими тенденциями.

Вместе с тем, нельзя забывать, что Роза Люксембург была убежденной социалисткой, смелой и страстной революционеркой, желающей, если жить, то полнокровной и радостной жизнью, если умереть, то в борьбе и бою ради свободы и счастья униженных и оскорбленных. Так это и случилось. Как известно, она была арестована и без суда зверски убита теми, кто был напуган ее речами и статьями по поводу революционных выступлений рабочего класса в Германии. В этой связи сегодня пророчески звучат ее слова из последней статьи «Порядок царит в Берлине», написанной за день до ее гибели и связанной с жестокой расправой властей над протестующими рабочими[70]. Она писала: «Еще в разгар борьбы, в разгар победного воя контрреволюции революционные пролетарии должны отдать себе отчет в том, что происходит, измерить события и их результаты крупным историческим масштабом. Революция не смеет терять времени, она продолжает штурм - через раскрытые могилы, через «победы» и «поражения» - навстречу своим великим целям. Сознательно следовать ее велениям, двигаться ее путем - вот первая задача борцов за интернациональный социализм»[71]. Эти слова прямо свидетельствуют о том, кем была на самом деле Роза Люксембург, каковы были ее подлинные идеалы, политические и

нравственные принципы.

Р. Люксембург являлась не только бесстрашным политиком, не только основателем и идейным лидером Компартии Германии, но и человеком, полностью разделяющим марксистское мировоззрение с его диалектическим и революционным подходом к явлениям общественной жизни. В этой связи, невозможно согласиться с известным утверждением и оценкой И. Сталина, обвинившего ее в «полуменьшевизме»[72] и тем самым пытавшегося отлучить ее от подлинно революционного марксизма, который она олицетворяла в Германии так же, как Ленин олицетворял его в России.

На мой взгляд, вообще во многом надумано современное противопоставление этих двух идейно близких революционеров и политиков[73], которые, расходясь друг с другом по частным вопросам, были едины в главном: в стремлении осуществить идеалы социализма, преодолев капиталистическое варварство с его непрекращающимися войнами, эксплуатацией и насилием над людьми. Их решительные выступления против оппортунизма лидеров 2-го Интернационала, солидарная интернациональная позиция по отношению к Первой мировой войне, высокая историческая оценка революций 1905-го и 1917 годов в России - тому веские подтверждения.

Как известно, Р. Люксембург часто критиковала марксизм, но какой? Прежде всего, марксизм «ортодоксальный», т. е. опошленный и извращенный теоретиками и идеологами немецкой социал-демократии во главе с Э. Бернштейном и К. Каутским. При этом она всегда опиралась на аутентичный и революционный марксизм его основателей. Так, Р. Люксембург часто насмехалась над попытками Э. Бернштейна, а позднее и К. Каутского критиковать взгляды Маркса с позиций сугубо эволюционного понимания истории и вытекающего отсюда «врастания» буржуазного общества в социализм. Она называла такой марксизм «эрзац-марксизмом». По ее мнению, социализм, который вырастает из сглаживания противоречий буржуазного общества, может быть лишь социализмом утопическим, созерцательным, а не реальным пролетарским социализмом. Указывая на растущую стену, разделяющую капитализм и социализм, Р. Люксембург говорила: «Только удар молота революции, т. е. захват политической власти пролетариатом, может разрушить эту стену»[74]. Эти слова во многом подтвердились историей. Права современный исследователь ее творчества А. О. Семенова, считающая, что уже в своей первой крупной работе «Социальная реформа или революция?» Р. Люксембург «приходила к выводу о том, что взгляды Э.

Бернштейна фактически находятся в коренном противоречии со всем ходом развития теории научного социализма»[75].

Не менее остро Р. Люксембург критиковала взгляды К. Каутского на историю, революцию и социализм. По ее мнению, он, рассматривая эти вопросы, часто забывал, что историю творят массы людей своей реальной борьбой за лучшую жизнь. Поэтому сугубо «статистические» методы подхода к истории, обществу и революции, которые К. Каутский использовал в своих теоретических работах, свидетельствовало лишь о полном непонимании им реальной диалектики общественной жизни. Например, анализируя «русские проблемы», связанные с осуществлением Октябрьской революцией, Р. Люксембург писала, что уже само ее начало, есть «пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что социальные условия России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный «теоретик» Независимой социал-демократической партии! Он позабыл, что «статистически» Франция в 1789 г., а также и в 1793 г. была еще менее созревшей для господства буржуазии»[76]. В свою очередь, Р. Люксембург была убеждена, что живая диалектика истории, вопреки абстрактным рассуждениям и количественным аргументам «кабинетных теоретиков», постоянно делает «невозможное» возможным. Так, Октябрьская революция, по ее мнению, «узаконила себя тем единственным путем, которым узаконивает себя любое необходимое движение истории: борьбой и победой»[77].

Наиболее подробно свое отличие от позиции теоретиков и идеологов 2-го Интернационала Р. Люксембург обосновывала в своем докладе на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии в конце декабря 1918 года. На мой взгляд, ее рассуждения о революционном марксизме в этом докладе в силу их актуальности заслуживает более пристального внимания, чем это делалось до сих пор.

Напомню, что главный тезис, который она обосновывает в этом докладе, состоял в том, что в начале двадцатого века, как это ни парадоксально, необходимо возвратиться ко временам Манифеста коммунистической партии. Спрашивается почему? Прежде всего, потому, что в нем была выдвинута конкретная программа мер социалистического преобразования буржуазного общества, которая после 1848 года, оказалась преждевременной, а теперь семьдесят лет спустя, становится вполне реальной. Дело в том, что Германия, выходя из первой мировой войны, столкнулась у себя с революционной ситуацией и тем самым

вплотную подошла к возможности осуществить социалистическую программу, выдвинутую в свое время Манифестом Маркса и Энгельса.

Рассматривая логику рассуждений Р. Люксембург, следует учитывать, что от социалистической программы Манифеста временно отказались сами его авторы, заявив, что она требует переосмысления и уточнения в связи с «огромным развитием крупной промышленности» во второй половине 19 века, с противоречивым опытом Парижской коммуны, наконец, с появлением массовых рабочих партий, начавших использовать выборы для завоевания значительного количества мест в буржуазных парламентах. Как известно, в последнем особенно преуспела германская рабочая партия, увеличившаяся до одного миллиона человек и проведшая в буржуазный парламент своих представителей. К сожалению, политические успехи этой партии породили у ее руководства иллюзию универсальности и всемогущества парламентской формы борьбы. В итоге, социализм, как конечная цель пролетариата отодвигался им в неопределенное будущее. Формула Э. Берштейна: «Цель - ничто, движение - все!» лаконично выразила суть такого похода.

Левые социал-демократы и, прежде всего, сама Р. Люксембург, конечно, не могли согласиться с такой абсолютизацией парламентаризма как одного из многих методов классовой борьбы рабочего класса. Они назвали его «лишь парламентаризмом», или более жестко «парламентским кретинизмом», который часто игнорировал или искажал подлинные интересы трудящихся. Особенно наглядно порочность этого метода выявилась с началом Первой мировой войны, когда социал-демократические парламентарии различных стран, вопреки антивоенным решениям конгрессов 2-го Интернационала, отказались от интернациональной политики рабочего класса, поддержав своим голосованием военную политику правительств, развязавших войну. В итоге крушение 2-го Интернационала стало реальностью.

Революционная ситуация, возникшая в Германии после ее поражения в этой войне, стала еще одним доказательством такого крушения. Отсюда и возникла историческая необходимость перехода от прежней политики «лишь парламентаризма» к революционной политике, которая провозглашалась в Манифесте коммунистическом партии семьдесят лет назад. Р. Люксембург объясняла эту ситуацию следующим образом: «... Историческая диалектика привела к тому, что сегодня мы возвращаемся к той точке зрения, от которой Маркс и Энгельс впоследствии отказались, как от ошибочной. Они имели на это серьезные

основания. Развитие капитализма, происшедшее с тех пор, привело нас к тому, что то, что тогда было ошибкой, ныне стало истиной. И сегодня наша непосредственная задача - выполнить то, перед чем Маркс и Энгельс стояли в 1848 г.»[78].

Доказывая актуальность постановки конкретных задач социализма, заложенных в Манифесте, Р. Люксембург поясняла, что они, как это ни парадоксально, намного обогнали свое время. Это относится, прежде всего, к таким, например, радикальным мерам, как необходимость взятие рабочими политической власти, увеличение числа государственных фабрик, экспроприация земельной собственности, отмена права наследования, высокий прогрессивный налог на доходы, обязательность труда для всех трудоспособных членов общества, общественное воспитание детей и т. д. Однако эти сугубо революционные меры Манифеста находились в прямом противоречии с оппортунистической политикой руководства социал-демократической партии Германии, которая со времен принятия Эрфуртской программы стала очевидной догмой, мешающей политическому развитию рабочего класса. В этой связи, Р. Люксембург призвала отказаться от этой догмы. При этом она не остановилась перед полемикой даже с таким авторитетом, как Ф. Энгельс.

Дело в том, что последний в 1895 году, незадолго до своей смерти во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» написал, что к концу XIX века «буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах - больше, чем успехов восстания»[79]. Понятно, что Р. Люксембург не могла принять этой позиции в условиях начавшейся революции в стране. Из текста доклада видно, что у нее особенно вызывали протест слова Энгельса, написанные под влиянием руководителей немецкой социал-демократии о том, что в современных условиях развития капитализма пролетариат вряд ли сможет чего-либо «добиться путем революции на улице»[80]. Оппонируя Энгельсу и руководству германской социал-демократии, она говорила: «Я считаю, что сегодня перед лицом того факта, что мы находимся в разгаре революции, уличной революции, со всем, что ей присуще, самое время вступить в спор с той концепцией, которая до последнего времени имела хождение в германской социал-демократии в качестве официальной и на которую тоже ложиться ответственность за пережитое нами 4 августа 1914 г.»[81].

Противоречивый характер мирового развития о котором говорилось выше, нашел свое всестороннее отражение в последних работах Р. Люксембург. Именно в них дается наиболее

глубокое понимание войны и мира, пролетарской революции и социализма. Следует подчеркнуть, что Роза Люксембург всегда противопоставляла понятие «социализм» как свободное, сознательно и демократически управляемое общество понятию «капитализм», как анархическому и стихийно развивающемуся обществу. Для нее капитализм по природе своей это узаконенное государством наемное рабство трудящихся. Его неизбежным следствием является насилие, милитаризм, войны и колониальные захваты. В отличие от капитализма социализм - это, прежде всего, миролюбивое общество, в нем отсутствует эксплуатация трудящихся, нищета и социальное насилие человека над человеком. Однако, по мнению Р. Люксембург, мир и справедливое социалистическое общество не могут упасть на голову трудящихся как манна небесная: за них необходимо бороться. Понятно, что требование мира особенно возрастает в условиях мировой войны, когда его просто невозможно добиться без революционных изменений существующего строя и перехода власти в руки рабочего класса. Именно отсюда вытекает необходимость пролетарской революции. Р. Люксембург говорила в этой связи: «Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо дальнейшее существование капитализма, новые войны и скорая гибель в хаосе и анархии, либо ликвидация капиталистической эксплуатации... Из всей кровавой сумятицы и зияющей пропасти нет иного выхода, иного спасения, кроме социализма. Только мировая революция пролетариата может внести порядок в этот хаос, может дать всем работу и хлеб, положить конец нынешнему взаимному истреблению народов, может принести измученному человечеству мир, свободу, подлинную культуру»[82].

Рассматривая характер такой пролетарской революции, Р. Люксембург показывает ее принципиальное отличие от революции буржуазной. Вот ее слова, сказанные по этому поводу на Учредительном съезде КПГ: «Я считаю, что история не создаст нам таких благоприятных условий, какие были в буржуазных революциях. Тогда достаточно было свергнуть официальную власть в центре и заменить ее парой или несколькими дюжинами новых людей. Нам же необходимо действовать снизу вверх, ибо именно это отвечает массовому характеру нашей революции и тем ее целям, которые затрагивают самые глубокие основания общественного строя. Характеру нынешней пролетарской революции соответствует то, что мы должны осуществить завоевание политической власти не сверху, а снизу»[83].

Но взятие власти «снизу» означает, что в революции участвует большинство народа. Как добиться такого

«большинства»? Как призвать рабочие и крестьянские низы к революции, т. е. к изменению политической власти и социального строя? Эти вопросы, по словам Р. Люксембург, были с давних времен для немецкой социал-демократии «гнетущим кошмаром». Она писала, в этой связи: «Как истинные воспитанники «парламентского кретинизма», эта партия переносила на революцию «доморощенную премудрость из парламентской детской: чтобы что-то осуществить, нужно сначала иметь большинство. Значит, и в революции: сперва мы завербуем «большинство»[84]. Истинная же диалектика революций, подтвержденная опытом русских большевиков с их лозунгом: «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства!», «ставит на голову эту парламентскую премудрость кротов - путь лежит не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству. Лишь партия, умеющая руководить, т. е. вести вперед, завоевывает приверженцев в ходе штурма»[85].

Р. Люксембург, конечно, понимала всю сложность задач реального преодоления капитализма и перехода к социализму. При этом она внимательно изучала интернациональный опыт русской революции, которая, с ее точки зрения, дала «первые лозунги» мировой пролетарской революции, и, прежде всего, связанные с организацией рабочих и солдатских Советов. По её мнению, создание именно таких Советов в ходе Ноябрьской революции в Германии «при всех недостатках и слабостях первого момента - придал ей особый отпечаток пролетарской, социалистической революции»[86]. Анализируя ее опыт, она критикует негативный характер объединительных иллюзий среди социалистов и рабочих, возникших на первых этапах революционных преобразований в Германии, предупреждает о недостаточности только политической борьбы и взятия власти рабочим классом, показывает всю сложность решения экономических вопросов, особенно в аграрной сфере и т. д.

Углубляясь в анализ тактики пролетарской революции, Р. Люксембург подчеркивает, что завоевание власти рабочим классом «должно быть не единовременным действием, а поступательным, осуществляемым посредством нашего внедрения в буржуазное государство до тех пор, пока мы не займем в нем все позиции и не станем защищать их зубами и ногтями. Что касается экономической борьбы, то и она должна, по мнению моему и моих ближайших друзей по партии, вестись рабочими Советами... Здесь надо шаг за шагом, лицом к лицу бороться в каждом из германских государств, в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине за все те средства государственной власти, которые необходимо одно за другим вырвать из рук

буржуазии и передать рабочим и солдатским Советам»[87]. Одним словом, рабочие Советы, по мнению Р. Люксембург, должны иметь «всю власть в государстве», только тогда можно будет говорить о том, что в стране совершилась социалистическая революция.

Как уже отмечалось, в своем осмыслении места и роли пролетарской революции в истории и немецком обществе Р. Люксембург во многом опиралась на опыт и анализ Русской революции в самом ее широком смысле слова, включая сюда революцию 1905 года, Февраль и Октябрь 1917 года. Здесь не следует забывать, что Р. Люксембург была теснейшим образом связана с Россией, ее политикой и культурой. Она являлась одним из создателей Социал-демократической партии Польши, когда последняя входила в Российскую империю. Р. Люксембург прекрасно владела русским языком и была блестящим знатоком русской литературы: труды Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Короленко она считала вершинами литературного и эстетического творчества. Наконец, она своими глазами видела опыт первой русской революции 1905-1907 гг., который для нее означал, что Россия за короткое время преодолела то расстояние, которое «Франции некогда потребовались десятилетия». Эти знания и впечатления давали ей глубокое понимание России. Не случайно, лично переживая трагедию Брестского мира, она продолжала считать Россию «единственным, последним уголком, где еще котировались революционный социализм, чистота принципов, идеальные ценности, куда устремлялись взоры всех честных социалистических элементов как в Германии, так и во всей Европе...»[88].

Особенно интересна в этом отношении сравнительно недавняя публикация на русском языке малоизвестной работы Розы Люксембург «Рукопись о русской революции», которая до сих пор вызывает многочисленные комментарии по ее поводу. К сожалению, ряд современных комментариев этой незаконченной рукописи выносит на первый план авторитарную сторону политики большевиков в первые годы советской власти, как правило, отождествляя ее с более поздней практикой сталинского режима власти. При этом в них совершенно не учитывается принципиальное различие политики большевиков при Ленине и Сталине[89]. К сожалению, в этой часто повторяющейся критической односторонности нельзя ни заметить очевидную дань современной политической конъюнктуре. На мой взгляд, при всей важности подобных критических комментариев, нельзя забывать об основном содержании «Рукописи», в которой Роза Люксембург дает самую высокую международную оценку опыту

этой революции, деятельности большевиков и таких ее вождей, как Ленин и Троцкий, которые со своими друзьями были, по её мнению, «первыми, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще единственные, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: «Я отважился!»[90].

Р. Люксембург пристально следила за революционной деятельностью большевиков, изучая их достижения и ошибки. При этом она прекрасно понимала историческое значение Октябрьской революции и критиковала тех, кто этого не понимал. Характерно, что «Рукопись о русской революции» начинается следующими словами: «Русская революция - величайшее событие мировой войны. Ее взрыв, ее беспримерный радикализм, ее длительное влияние лучше всего опровергают те лживые фразы, которыми официальная германская социал-демократия услужливо пыталась с самого начала идеологически приукрасить завоевательный поход германского империализма, фразы о миссии германских штыков свергнуть русский царизм и освободить угнетенные им народы»[91]. Далее перед читателями автор рукописи раскрывает историческую динамику и социально-классовую характеристику Русской революции, начиная с 1905 года и кончая событиями Октября и последующего времени.

По мнению Розы Люксембург, подготовленная внутренними, а не внешними социальными причинами, Русская революция потрясла все классовые отношения, обнажила многие исторически нерешенные проблемы, она показала неумолимую логику движения всех великих революций от решения менее радикальных задач к задачам более радикальным. В частности, для России это было движение от свержения царизма и установления буржуазно-демократической республики в ходе Февральской революции к задачам диктатуры пролетариата и создания социализма в ходе Октябрьской революции и последующих за ней политических изменений. Этому историческому процессу соответствовало и движение власти от коалиции менее радикальных демократических партий к более радикальным партиям и силам, которые создали первое советское правительство под руководством В. Ленина, куда, как известно, вошли наряду с большевиками левые эсеры и некоторые представители профсоюза железнодорожников.

Это не означает, что радикальные партии левой ориентации не могут ошибаться и даже терпеть поражения. По ее мнению, напротив, сложные условия протекания революций нередко порождают целый клубок противоречий и вытекающих из него неизбежных ошибок. В первую очередь она это относила к большевикам, которые начали революцию в условиях

продолжающейся первой мировой войны и предательства вождей международной социал-демократии. Так, Р. Люксембург, как и левые коммунисты в России, считали ошибочной тактику Ленина, направленную на заключение Брестского мира с Германией, полагая, что он укрепляет германский империализм, «рвущий на куски русскую революцию», и тем самым ослабляет возможность создания социализма в России. Как известно, Ленин, в свою очередь, называя «похабным» Брестский мир, считал его единственной возможностью избежать полного крушения советской власти в условиях задержки мировой революции на Западе. И этот его вывод, не смотря на временные разногласия с Р. Люксембург, по существу, совпал с тем, что она в итоге предлагала русским: «Есть только одно разрешение трагедии, в которую впутана Россия: восстание в тылу германского империализма, выступление немецких масс как сигнал к международному революционному окончанию бойни народов. Спасение чести русской революции в этот роковой час идентично спасению чести германского пролетариата и интернационального социализма»[92].

В итоге, история по-своему разрешила эту, казалось, неразрешимую ситуацию: Германия потерпела поражение в войне, большевикам удалось удержать свою власть, а немецкий пролетариат провел свою Ноябрьскую революцию 1918 г., установив демократическую республику в стране.

Рассматривая Октябрьскую революцию как начало мировой революции, Р. Люксембург, верная своей интернациональной позиции, в конечном счете, возлагала, вину за ошибки большевиков на международный пролетариат и германскую социал-демократию. С ее точки зрения, последняя «в мирное время делала вид, что шагает во главе мирового пролетариата», а за четыре года войны «подобно продажным ландскнехтам средневековья, по указке господствующих классов двадцать четыре раза на дню распинает социализм на кресте»[93]. При этом она открыто и поименно критиковала тех, кто оставил большевиков в одиночестве, не поддержав их революционный порыв к социализму будущего. И здесь от Р. Люксембург досталось всем: и известным лидерам немецкой социал-демократии Штрёбелю, Бернштейну, Каутскому, и русским меньшевикам Аксельроду, Дану, Григорьянцу, обличающим за рубежом диктаторские замашки большевиков. По ее мнению: «Все их умничанье, разумеется, было бы исчерпано альянсом с Милюковым в стране и с Антантой вовне, к чему внутри прибавился бы еще и сознательный отказ от всех социалистических реформ или даже зачатков таковых. И все это

делалось бы ради сознательно присущей евнухам мудрости, что Россия страна аграрная и еще не выварилась в капиталистическом котле»[94]. На мой взгляд, эти слова немецкой революционерки прямо перекликаются с мнением В. Ленина о том, что вожди отечественной и международной социал-демократии так и не поняли сложного диалектического «соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую»[95].

О соотношении буржуазно-демократической и социалистической революций между В. Лениным и Р. Люксембург было, на мой взгляд, полное единство. Она так же, как и В. Ленин, не уставала критиковать доктрину К. Каутского, «согласно которой Россия, как страна экономически отсталая, преимущественно аграрная, будто бы еще не созрела для социальной революции и для диктатуры пролетариата...»[96]. Я повторяю эту мысль потому, что до сих пор идея о несвоевременности Октября широко представлены не только среди официозной либеральной литературы, что понятно, но и потому, что ей отдают дань некоторые современные левые, доказывающие, либо преждевременность, либо полную «невозможность» создания социализма в СССР. При этом такая «невозможность» объясняется не задержкой мировой революции на Западе и, не сугубо ошибочной антимарксистской политикой сталинского руководства, а общей социально-экономической отсталостью страны, ее якобы «доиндустриальной» стадией развития, и стало быть, по их мнению, сугубо буржуазно-демократическим характером Русской революции. Вот подтверждение этому: «Итак, - говорил в своем выступлении в Горбачев-фонде доктор эконом, наук М. И. Воейков, не остается ничего другого как признать Русскую революцию 1917 года единой революцией с двумя крупными этапами (Февраль и Октябрь), носящей в целом буржуазно-демократический характер»[97].

Не буду подробно останавливаться на аргументе материальной «неготовности России» к социалистическим преобразованиям. Он достаточно полно разобран Р. Люксембург в полемике с Каутским, и В. Лениным в полемике с русскими меньшевиками[98]. Что касается непосредственно «буржуазно-демократического характера» Октябрьской революции, то этот аргумент, на мой взгляд, связан с ошибочным пониманием М. И. Воейковым объективных и субъективных предпосылок

социалистической революции, что в свою очередь определяется вульгарно-экономическим прочтением марксизма, от которого, в свое время отмежевался сам К. Маркс, говоря, что в этом случае он «не марксист». Говоря по существу, этот аргумент не учитывает главного для осуществления социалистической революции: наличия революционной ситуации и готовности к революции таких факторов, как рабочий класс и его революционная партия.

Можно было бы и дальше приводить соответствующие рассуждения Розы Люксембург и В. Ленина о взаимоотношении различных этапов пролетарской революции, о ее прорывах в будущее и соответствующих исторических откатах, о диалектике революции и реакции, прогресса и регресса, но и сказанного достаточно, чтобы понять одно: без пролетарской революции, в принципе, невозможно перейти к социализму, не преодолев анархическую природу буржуазного общества, постоянно порождающего из себя социальное неравенство, милитаризм и войну.

Как понимала Р. Люксембург будущее социалистическое общество? В чем она видела его характерные признаки? Чем ее взгляды отличались от В. Ленина и других марксистов и социалистов XX века? Наконец, что она со всей страстностью отстаивала в полемике со своими идейными соратниками и противниками? Скажу сразу, что рамки данной статьи не позволяют подробно ответить на все эти вопросы, поэтому я ограничусь, с моей точки зрения, наиболее важными из них. В этой связи, отмечу лишь одно, в таких общих вопросах теории социализма, как отношение рабочего класса к собственности, к национальному и аграрному вопросу специфичность взглядов Роза Люксембург проявлялась не столько по отношению к конечным целям их решения, сколько по отношению к конкретноисторическим способам их реализации. Так, она полагала, что раздача крупной помещичьей собственности на землю в России не приблизит, а отдалит и затруднит социализацию земли, а без этого социализм, в принципе, невозможен. Отстаивая примат социального и интернационального начал над национальным, она, например, считала ошибкой тактику большевиков, связанную с предоставлением права наций на самоопределение, в частности, таким государствам как Украина, Польша, Финляндия и др.

Для объективности следует сказать, что жизнь не всегда подтверждала подобные радикальные взгляды. Следует отметить, что эти важные теоретические и политические вопросы творчества Р. Люксембург достаточно подробно рассмотрены в

имеющейся научной литературе[99]. В этой связи, я не вижу для себя необходимости акцентировать дальше на них свое внимание.

На мой взгляд, в творчестве Р. Люксембург следует различать классический аспект научной теории социализма, который она разделяла с другими социалистами, и аспект ее собственных оригинальных взглядов, которые до сих пор, сохраняя свою научную и идеологическую значимость, находят свое отражение в практике современных левых движений и организаций. Поскольку в данной работе уже частично говорилось об общетеоретическом понимании социализма и его принципиальном отличии от капитализма, поэтому в дальнейшем есть смысл больше сосредоточиться на сугубо оригинальных моментах в творчестве Р. Люксембург, связанных, с проблемами становления социализма в странах либо совершающих революцию (Германия), либо уже совершивших её (Россия). Характерно, что именно эти проблемы сегодня дискутируются среди левых с особой остротой.

Прежде всего, дискуссия ведется о том, как Роза Люксембург понимала проблему организации политической власти и ее возможных форм. Какие требования она предъявляла к пролетарской партии, берущей эту власть? Какие, в частности, отношения должны быть внутри такой партии между ее членами? Как, наконец, революционная партия должна относиться к демократии, вообще, и социалистической демократии, в частности?

Отвечая на эти вопросы, отмечу сразу, что под политической властью в условиях становления социалистического общества Р. Люксембург имела ввиду, прежде всего, диктатуру пролетариата. Содержание этого понятия она трактовала по своему, отличая его от традиционной социал-демократической интерпретации, с одной стороны, и большевистской трактовки, с дугой. По ее мнению Каутский, Ленин и Троцкий одинаково ошибочно противопоставляли диктатуру и демократию: «Диктатура *или* демократия» - такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя, естественно, в пользу демократии, а именно *буржуазной* демократии, ибо именно *ее* он противопоставляет, как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин-Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. *буржуазной* диктатуры». Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики»[100].

В чем же Р. Люксембург видит истину социалистической политики, и, следовательно, идеи «диктатуры пролетариата»? На мой взгляд, в социальном наполнении этой идеи. Выражает ли

диктатура пролетариата интересы класса, или узкой группы лиц в лице партии, ее вождей, клики и т. д. Поскольку Каутский отказывался от революции, подменяя ее идеей парламентской демократии, постольку он отказывается и от диктатуры пролетариата. Поскольку большевики связывают диктатуру пролетариата только с партией, постольку они фактически отказываются от демократии и осуществляют не диктатуру пролетариата, а диктатуру партии, или, что еще хуже, диктатуру ее вождей и т. п. По мнению Р. Люксембург, диктатура пролетариата не может противоречить демократии, т. к. последняя есть политическое выражение широких масс народа, их участия в решении государственных проблем и управлении обществом. Она писала по этому поводу о том, что пролетариат, отказываясь от социалистической революции во имя демократии, совершает предательство по отношению к самому себе, Интернационалу и революции. Но если он уже начал осуществлять социалистические преобразования, т. е осуществлять «диктатуру *класса*,а не партии или клики»[101], он должен всегда действовать «при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии»[102].

По мнению Р. Люксембург, диктатура пролетариата должна выражать не только узкие интересы рабочего класса, а всех трудящихся, будь то временно неработающий пролетарий, крестьянин, или представитель мелкой буржуазии. В этой связи она резко критиковала декрет Советской власти о выборах, лишавший эти категории населения избирательного права, ибо он был основан на идее всеобщей трудовой повинности в условиях сокращения промышленного производства и оттока городского населения в сельскую местность в поисках работы и необходимых средств жизни. «При таких обстоятельствах, - пишет Р. Люксембург, - политическое избирательное право, имеющее экономической предпосылкой всеобщую трудовую повинность, - мероприятие совершенно не понятное. По своей тенденции оно должно сделать политически бесправным только эксплуататоров. Но когда в массовом порядке лишены своих корней рабочие-производители, Советское правительство вынуждено, напротив, во многих случаях оставлять государственную промышленность бывшим капиталистическим собственникам, так сказать в аренду»[103]. По мнению Р. Люксембург, «Лишение прав не как конкретная мера ради конкретной цели, а как общее правило длительного действия, это вовсе не необходимое проявление диктатуры пролетариата, а нежизнеспособная импровизация»[104].

Нельзя забывать, что диктатура пролетариата отличается от

господства буржуазии не столько подавлением своего классового противника, сколько функцией воспитания широких народных масс, которые одновременно являются живительным источником хозяйственного, социального и политического творчества, без которого невозможно решение сложнейших государственных задач и тысяч проблем строительства и функционирования нового общества. На мой взгляд, родовым признаком социализма, Р. Люксембург всегда считала многообразный опыт и творчество самих трудящихся масс, без которых невозможно реализовать сознательное управление общественными процессами. Она писала о том, что «масса должна, осуществляя власть, учиться пользоваться ею. Иного средства научить ее этому нет»[105]. При социализме управление совершается не только в интересах трудящихся, но и посредством самих трудящихся, которые осуществляют общественный контроль за деятельностью правительства и чиновничества. Именно так зарождается и начинает развиваться настоящее общественное самоуправление. Революционеры, приходящие к власти знают, прежде всего, то, что нуждается в устранении, но они не знают те конкретные меры, которые нужны для практического осуществления социалистических принципов, ибо они рождаются только из живого опыта масс. Только такой опыт в состоянии вносить коррективы и открывать новые пути. Отсюда вытекает необходимость общественной свободы в самом широком смысле слова. Поясняя о какой свободе идет речь Р. Люксембург пишет свои знаменитые слова: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией...»[106].

Это определение свободы некоторые исследователи трактуют достаточно узко: как свободу только для инакомыслящих. На мой взгляд, Р. Люксембург здесь имела ввиду, прежде всего, политическую свободу для всех членов общества, свободу говорить и писать, свободу организовывать свои политические организации, свободу снизу контролировать «верхи» общества и т. д. Такая свобода, конечно, не означает свободу эксплуатировать и подавлять себе подобных, свободу творить произвол, что мы нередко наблюдали и наблюдаем в истории антагонистических обществ. Следует учитывать, что здесь речь идет о свободе в условиях движения к социализму, когда кончается, говоря

словами Маркса, стихийная предыстория человечества и начинается его подлинная сознательная история, когда «царство необходимости» постепенно сменяется «царством свободы».

В этом ключе следует понимать и многие другие высказывания Р. Люксембург, ставшие крылатыми. Это и ее знаменитые слова об органическом соединении «диктатуры пролетариата и демократии», о ненужности насилия над людьми, об истинном дыхании социализма, означающего «решительное революционное действие и самую сердечную человечность», и др. Все они во многом предвосхитили «социализм с человеческим лицом», который, как показала история в XX веке, не только возможен, но и востребован обществом социалистической ориентации.

В конце своей жизни Р. Люксембург считала, что прошедшие десятки лет «крупнокапиталистического» развития подготовили в Германии и других странах материальную базу для будущего социалистического общества. Одновременно, Первая мировая война, унесшая миллионы человеческих жизней и оставившая груду развалин от буржуазного общества, показала, что капитализм в принципе не способен в силу своей анархической природы устранить причины войн и милитаризма. Этот вывод подтверждался буржуазной политикой немецких властей, готовых вновь и вновь «кровавыми банями» возобновить эксплуатацию трудящихся, восстановить прежнюю анархию производства. Отсюда, по мнению Р. Люксембург, возникла историческая дилемма, перед которой оказалась Германия и все человечество: «либо гибель в анархии, либо спасение благодаря социализму»[107]. Поясняя эту мысль, заимствованную у авторов Манифеста, она доказывала, что: «Социализм стал необходимостью не только потому, что пролетариат больше не желает жить в тех условиях жизни, которые дают ему капиталистические классы, но и потому, что если он не исполнит своего классового долга и не осуществит социализм, всех нас вместе ожидает гибель»[108]. Эти слова со временем, отлившиеся в чеканную формулу: «Социализм или варварство!», вошли в историю общественной мысли как знаменитое выражение революционного марксизма.

Размышляя над этой формулой с высоты текущего XXI столетия, приходишь к выводу, что она стала более актуальной, чем раньше. И хотя, вопреки предположению Р. Люксембург в XX веке не произошло мировой революции, да и Первая мировая война не оказалась «последней», дилемма «социализм или варварство» не потеряла своего исторического значения. Мало того, ушедший в прошлое XX век с его более разрушительной Второй мировой войной, унесшей десятки миллионов

человеческих жизней, гибелью от голода и нищеты не меньшего количества людей в колониальных странах, показал, что сфера варварства расширяется с каждым шагом развития государственно-монополистического капитализма.

Вместе с тем, следует признать, этот же век породил и реальную альтернативу капиталистическому варварству, осуществив ряд ранних социалистических революций и связанных с ними радикальных общественных преобразований в западных и восточных странах. Не все они оказались успешными: одни остановились в самом начале (Германия, Венгрия, Испания), другие создали свои национальные модели «реального социализма» (Россия, Китай, Куба, Вьетнам), третьи, просуществовав несколько десятков лет, по социально-экономическим причинам, сошли с политической сцены, уступив место «второму изданию капитализма» в этих странах (СССР и страны Восточной Европы).

Не смотря на такой явно противоречивый ход истории в XX веке, никто не может отрицать таких важнейших его прогрессивных завоеваний, как приход к власти рабочих в Октябре 1917 года. Влияние Русской революции на развитие национально-освободительного движения в колониальных странах. Всемирно-историческое значение победы СССР над фашистской Германией. Образование мировой системы социализма и недопущение ею новой мировой войны. Опыт преодоления тоталитаризма и демократическое обновление советского общества во времена «оттепели» и Перестройки. Наконец, беспрецедентный опыт экономического, научно-технического и культурного развития «Социализма с китайской спецификой», который до сих пор одних радует, других огорчает и даже пугает.

Анализируя опыт разных стран, вставших на путь социалистического строительства в прошлом веке, сознаешь, что в нем было много хорошего, и много плохого. Отметим, прежде всего, то, что в истории этих стран противоречило высоким социалистическим идеалам и ценностям, а, порой, и прямо дискредитировало их. Это, конечно, неограниченная власть партийной и государственной номенклатуры, нарушение ею политических прав и свобод человека, отказ от элементарной демократии и допущение незаконных массовых репрессий, наличие идеологической цензуры в СМИ и других сферах общественной жизни. Нет необходимости здесь много говорить о том, что эти явления прямо извращали теорию и практику социализма, подготавливая тем самым, его политическое поражение. В этой связи, следует еще раз подчеркнуть

прозорливость Розы Люксембург, первой увидевшей и раскритиковавшей зародыши подобных явлений в Германии и России.

Вместе с тем, нельзя забывать, что многое в практическом опыте этих стран было разумным и прогрессивным, что отвечало социалистическим требованиям. В первую очередь, это относится к политике постепенного улучшения жизни простых людей, опыту полной ликвидации безработицы - этого неизменного спутника буржуазного общества, созданию доступной для всех системы социальных гарантий, организации всеобщего и бесплатного школьного образования, развитию науки и культуры, появлению фактов местного и производственного самоуправления, и т. д. По мнению социологов, эти и подобные им проявления социалистического образа жизни, не смотря на новые времена, остаются в сознание многих людей со знаком плюс[109]. Однако, следует признать, что такое сознание только тогда сможет сыграть свою положительную роль, когда будет воплощаться в конкретную политическую деятельность людей, направленную на радикальное изменение современного несовершенного мира.

Всматриваясь пристально в этот мир, приходишь к выводу, что в начале третьего тысячелетия он остановился перед своеобразной развилкой, ведущей либо к созданию единой мировой демократической и социалистической цивилизации, либо - к всеобщему ядерному столкновению больших и малых государств, с неизбежностью влекущему человечество к мировому Апокалипсису. Такая альтернатива подтверждается, с одной стороны, многими проявлениями современного варварства, с другой, прогрессивным стремлением людей его преодолеть.

Нет никакой тайны, в том, что варварство XXI века непосредственно связано с практикой функционирования в мире современной системы финансово-олигархического капитализма. Обретя глобальную форму, он постоянно рождает из себя милитаризм и гонку вооружений в невиданных до селе масштабах, и это, не смотря на их сугубо иррациональный характер. Дело в том, что с появлением ракетно-ядерного оружия и других средств массового поражения, возможная Третья мировая война может стать концом человечества. К сожалению, эта, пока еще мало осознанная катастрофическая альтернатива, вполне возможна. Она подтверждается ростом количества стран, производящих и накапливающих ядерное оружие, многими конфликтами и войнами, периодически возникающими в различных регионах планеты. Наглядным проявлением современного варварства выступают повторяющиеся акции международного терроризма, растущая смертность людей в

отсталых странах от бедности и хронического недоедания, старых и новых эпидемий, массового алкоголизма и наркомании.

Парадоксально, но факт: все эти негативные явления происходят в условиях небывалого научно-технического прогресса, когда люди уже научились осваивать космос, добывать неограниченное количество пищи на основе «зеленой революции» в сельском хозяйстве, создавать невиданные ранее искусственные полезные материалы, высокопроизводительные образцы техники и гибкие технологии, облегчающих труд миллионов людей. Одним словом, в XXI веке мы вступили в эпоху, где наука, информация, культура и связанное с ними развитие производительных сил требует такого миропорядка, которому противоречат былые антагонизмы, разобщенность и взаимная отчужденность людей и государств. Благодаря современным электронным средствам связи и Интернета, человечество все чаще начинает ощущать себя единым субъектом, способным сознательно выстраивать свои отношения с природной и общественной средой, опираясь на высшие достижения человеческого разума. В этой связи, не случайно многие ученые на рубеже веков заговорили о возможности наступления «ноосферы», постиндустриальной или информационной эпохи, о формировании универсальной «постэкономической» или «посткапита-листической» цивилизации, где главная роль должна принадлежать свободной человеческой личности и ее творческому интеллекту.

Однако, одновременно невозможно закрывать глаза и на другие тенденции, связанные сегодня с агрессивной политикой современной «сверхимперии» и тяжелыми последствиями первого глобального финансово-экономического кризиса, приведшего к резкому падению уровня жизни населения во многих больших городах и регионах планеты. Уже стала хронической неизменно высокая безработица в развитых странах мира, невиданная ранее социальная поляризация буржуазного общества на абсолютное меньшинство сверхбогатых олигархов, купающихся в роскоши, с одной стороны, и абсолютное большинство бедных людей из низшего и среднего классов общества, с другой. Особенно угнетающим является повсеместный рост национализма и шовинизма, растущее отчуждение людей, их духовная аномия, связанная с ориентацией людей не на знание и творчество, а на формирование примитивных социальных потребностей, возникающих при потреблении массовой культуры в ее различных формах.

Закономерно, что все эти проявления новейшего варварства породили сегодня невиданное ранее протестное движения

трудящихся в большинстве стран и регионах мира, включая Америку, Европу, Австралию, Северную Африку, страны Ближнего Востока. Характерно, что участники этого движения не хотят платить по долгам своих авторитарных режимов и финансово-олигархических структур, получающих свои прибыли с помощью откровенных рыночных спекуляций и создания «мыльных» финансовых пузырей. Новым подтверждением этому сегодня стали массовые протесты трудящихся против финансовой политики своих правительств в Греции, Испании, Италии, Португалии и др. европейских государств. Как уже отмечалось, относительно недавно возникло массовое движение «возмущенных» грабительской политикой банков под названием «Оккупируй Уолл-стрит» в Нью-Йорке. Оно сразу охватило сотни других городов США. Аналогичные протесты прошли во многих городах Австралии и Великобритании. Наблюдая эти интернациональные протесты граждан планеты после десятилетий стабильного развития современного олигархического капитализма, можно сказать словами Розы Люксембург: «Ахерон пришел в движение»[110]. Породит ли оно в мире новые социалистические революции, время покажет.

В этой связи, весьма закономерен сегодня не спадающий массовый интерес к идее интернационального социализма в его подлинно революционном и гуманистическом измерении. Об этом, в частности, говорят прямые обращения многих молодых людей к классическим работам Маркса, Энгельса, Ленина, Розы Люксембург, А. Грамши и других творческих марксистов прошедшего и настоящего времени.

3. О философско-политических взглядах Л. Троцкого в контексте современности

Лев Троцкий вошел в российскую историю не только как революционер и один из творцов Великого Октября, не только как первый советский комиссар по внешним делам, не только как основатель и *руководитель* Красной армии во время гражданской войны, но и как выдающийся теоретик марксизма, яркий публицист и историк революций XX века, идеолог и организатор «левой оппозиции» и IV Интернационала, противостоящих после смерти Ленина сталинской фракции в руководстве Коммунистической партии и советского государства.

Идеи Троцкого, его политическая борьба получили в литературе название «троцкизм». Сам Троцкий употреблял это понятие, в основном, в ироническом плане, считая его изобретением фракции Г. Зиновьева, Л. Каменева, И. Сталина для борьбы с руководимой им «левой оппозицией». По свидетельству самого Зиновьева понятие «троцкизм» было придумано для того, чтобы связать «старые разногласия» Троцкого и Ленина с «новыми вопросами», возникшими в ходе борьбы за власть между Сталиным и Троцким после смерти вождя революции[111].

Свои взгляды Троцкий никогда не называл «троцкизмом». Он считал и называл себя последовательным марксистом, большевиком-ленинцем. Тем не менее, понятие «троцкизм» вошло в историю как разновидность социалистической теории и название определенного политического течения. Спецификой этого течения является его последовательная ориентация на мировую социалистическую революцию и интернационализм в отличие от сталинизма, ориентирующегося, в основном, на национальный, или державный социализм в СССР.

Крушение национальной модели советского социализма, казалось, полностью подтвердило правоту теории Троцкого о невозможности длительного существования социализма в одной стране. Тем не менее, многие национальные модели социализма продолжают существовать в Китае, на Кубе, во Вьетнаме, доказывая, что не все так однозначно было в теоретических взглядах Троцкого.

Борьба рабочего класса и угнетенных народов за свое освобождение, накопленный после смерти Троцкого позитивный и негативный исторический опыт левых сил, заставляет вновь и вновь возвращаться к осмыслению его философских и политических взглядов, без которых, трудно понять многие

проблемы современности, разработать объективную и действенную теорию социализма XXI века.

Троцкий всегда пытался обосновать свою политическую позицию теоретически, выстраивая в полемике с оппонентами целую систему идей и аргументов. Полемическая направленность его работ во многом помогает понять его характер как ученого и революционера, она же облегчает понимание его философских и политических взглядов. Постараемся раскрыть эти взгляды Троцкого в контексте современных проблем общественного развития.

* * *

Прежде всего, есть смысл остановиться на краткой характеристике философского и социологического методов Троцкого, которые лежат в основе его анализа многих общественных явлений, включая сюда осмысление сущности советского государства, национальный вопрос, начавшуюся Вторую мировую войну, понимание морали и др. Представляя собой органическое единство, эти методы использовались и развивались Троцким в идейной борьбе как с буржуазными идеологами, так и с мелкобуржуазными носителями марксизма и социализма. Особенно интересны в этом отношении малоизвестная его идейная полемика накануне войны с представителями оппозиции в американской Социалистической рабочей партии, его книга «Преданная революция», написанная после изгнания его из СССР, большая статья «СССР в войне» и другие работы и статьи 1930-х гг.

Основным философским методом, которым пользовался Троцкий и который он до конца своей жизни защищал от извращений и легковесной критики, была материалистическая диалектика. Без нее Троцкий не мыслил возможность плодотворного анализа и понимания политики и других явлений общественной жизни. Так, полемизируя с идейными представителями мелкобуржуазной оппозиции в Социалистической рабочей партии США, он подчеркивал, что отказ от диалектики есть отказ от теоретического фундамента марксизма и скатывание к прагматизму и эклектике, которые порождают субъективизм, ведущий социалистов и коммунистов к большим ошибкам в политике. Он называл диалектику «логикой развития», «логикой противоречий», и писал в этой связи о том, что те «теоретики», которые недооценивают роль диалектики в научном познании, часто впадают в «эклектический скептицизм»

и «непоследовательность» в столкновении с большими политическими событиями и явлениями[112]. Ограничиваясь формальной логикой и здравым смыслом, они, просто, не в состоянии понять противоречивые процессы и быстро меняющуюся политическую обстановку в мире. Особенно это свойственно прагматизму - этой «национальной философии Соединенных Штатов», в которой некритически соединяются рационализм и эмпиризм. Развиваясь под влиянием успехов сугубо технической или инженерной мысли, в частности, деятельности Форда, эта философия оказывается беспомощной в анализе противоречивых явлений общественной жизни. Находясь под влиянием данной философии, некоторые представители левой интеллигенции в США говорили, что признают марксизм, но только без диалектики. По образному выражению Троцкого, это означало, что они признают «часы без пружины». По их мнению, диалектика в силу ее абстрактного характера была не нужна для осмысления конкретных политических проблем, выработки партийных программ, поиска эффективных мер преобразования общества и т. д. Здесь им вполне хватало формальной логики и основанного на ней «здравого смысла»[113].

Следует заметить, что похожие рассуждения стали особенно модными сегодня в России, при этом не только среди официальных академических философов, перешедших в 1990-е гг. от марксизма к идеализму и постмодернизму, но и среди бывших сторонников марксизма, доказывающих ныне устарелость диалектики и марксизма вообще[114]. Не потому ли современная российская философия находится в кризисе, пытаясь не замечать глубоких социально-политических противоречий в обществе, сводя политику к «игре», а воспитание и образование к отвлеченному морализированию и формированию из молодых людей своеобразных роботов, заполняющих своими сугубо формальными ответами не менее формализованные задания пресловутого ЕГЭ и ему подобных тестов в начальной, средней и высшей школе? Парадоксально, но факт современная официозная философия и пронизанная ею реформа образования полностью противоречат на деле исторически необходимой модернизации страны, о которой так много говорится в высших сферах государственной власти. Таков, к сожалению, итог диалектики современного капиталистического развития России, постепенно превращающий ее из центра образования и высокой культуры в центр затемнения народного сознания и массовой псевдокультуры, из светского, в основном, атеистического общества в общество клерикальное, из развитой страны в отсталую страну периферийную типа.

Однако вернемся к философским взглядам Троцкого. Полемизируя со своими идейными оппонентами по поводу нужности или ненужности диалектики в познании, Троцкий сравнивает ее с хорошим инструментом, который позволяет рабочему создавать более качественный продукт его деятельности, чем прежний плохой инструмент. Он пишет: «Рабочий вынужден иметь дело с твердыми материалами, которые оказывают сопротивление, и потому заставляют его ценить хороший инструмент, тогда как мелкобуржуазный интеллигент - увы! - в качестве «инструмента», пользуется беглыми наблюдениями и поверхностными обобщениями - до тех пор, пока большие события не ударят его крепко по темени»[115]. По мнению Троцкого диалектика, выражая реальные жизненные противоречия, учит содержательному и творческому мышлению. В этом смысле она является своеобразной алгеброй по сравнению с арифметикой обыденного мышления, удовлетворяющегося формальной логикой.

По Троцкому, диалектика исходит из признания противоречивой природы многих объектов окружающегося нас мира. В отличие от формальной логики, рассматривающей предметы и явления как неизменные вневременные сущности, диалектика смотрит на эти предметы с точки зрения их изменения во времени. Показывая на конкретных примерах эвристическое значение диалектики для постижения сути разнообразных природных и общественных явлений, Троцкий поясняет, что в отличие от нее формальная логика, ограничиваясь простыми поверхностными тождествами типа А = А, бессильна сказать что либо положительное в отношении противоречивых процессов и явлений. На самом деле никакого абсолютного тождества явлений в природе и обществе нет: А не = А. Даже одна и та же мера веса, например, фунт сахара не равен сам себе: более точные весы всегда могут обнаружить эту разницу. Троцкий показывает, что в обыденной жизни мы часто исходим из аксиомы неизменности вещей и понятий, пользуемся неизменными мерами весов, оперируем таким незыблемыми математическим абстракциями как «О», «1» и т. п. Но это верно лишь до тех пор, пока для нас фактор времени не играет существенной роли. Однако все живое (и не только) существует во времени, то есть изменяется. Это означает, что аксиома А = А в таком случае не работает, то есть перестает быть аксиомой. Существовать можно только во времени, стало быть, вневременные вещи - это мертвые вещи, которыми и оперирует формальная логика. Пользоваться такой логикой в познании необходимо, но только в определенных пределах, за которыми она превращается в собственную

противоположность, становясь источником заблуждений.

Наиболее наглядно противоречивость явлений наблюдается в общественной жизни и только вульгарное, недиалектическое мышление это не замечает. Так, для него такие понятия как «капитализм», «мораль», «свобода», «рабочее государство» всегда неизменны: капитализм равен капитализму, мораль равна морали и т. д. Диалектическое мышление, напротив, всегда видит их изменчивость и пределы развития, т. е. условия, при которых капитализм превращается в не капитализм, а рабочее государство перестает быть рабочим. Диалектическое мышление всегда стремится с помощью уточнений и конкретизаций сделать наши понятия более гибкими и подвижными, приближая их к живым явлениям. «Не капитализм вообще, а данный капитализм, на определенной стадии развития. Не рабочее государство вообще, а данное рабочее государство, в отсталой стране, в империалистическом окружении, и пр.»[116].

Диалектическое мышление относится к вульгарному мышлению как лента кинематографа относится к неподвижной фотографии, т. е. сочетая и комбинируя неподвижные фотографии, она в итоге воспроизводит движение. «Диалектика, - пишет Троцкий, - не отвергает силлогизма, но учит комбинировать силлогизмы так, чтобы приближать наше познание к вечно изменяющейся действительности. Гегель устанавливает в своей «Логике» ряд законов: превращение количества в качество, развитие через противоречие, конфликты содержания и формы, перерыв постепенности, превращение возможности в необходимость и пр.»[117]. В этих категориях и законах он предвосхитил общее движение научной мысли, но это предвосхищение имело идеалистический характер. Понадобился Маркс, чтобы его исправить. «Гегель оперировал с идеологическими тенями действительности, как с последней инстанцией. Маркс показал, что движение идейных теней лишь отражает движение материальных тел»[118].

В этой связи, второй характерной чертой философского метода Троцкого является материализм. В его работах по анализу социальноисторических явлений он проявляется, прежде всего, как исторический материализм, позволяющий искать и находить конечные причины общественных явлений в уровне развития производительных сил общества, в его технологии и экономике, разыскивать за идейными течениями и разногласиями фундаментальные экономические и классовые интересы. Как марксист, то есть исторический материалист, он, подходя к анализу общественных отношений, прежде всего, смотрит на уровень развития производительных сил общества, ее экономику,

позволяющие ему, например, определять степень развитости общества, в частности, его готовности к социальной революции, созданию социализма и т. д.

Конечно, материализм Троцкого не следует понимать в духе технологизма или вульгарного экономизма. Высота развития производительных сил и экономики общества лишь в конечном счете определяет политику и идеологию. Здесь многое зависит от социальной структуры общества, от классовых взаимоотношений, от зрелости и умения того или иного класса вести политическую борьбу. Однако об этом более подробно поговорим позднее, анализируя взгляды Троцкого на мораль, русскую и мировую революцию.

Здесь уместно перейти к характеристики социологии Троцкого. Она, безусловно, является марксистской социологией, т. е. она сводится к классовой теории общества и классовой борьбе как глубинному источнику развития антагонистических общественных отношений. В рамках этой теории существование различных классов общества имеет сугубо объективный характер, обусловленный господствующими экономическими отношениями, или отношениями собственности. Как производительные силы обуславливают экономические отношения, так последние обуславливают социальную структуру общества, его классовые и политические отношения. Эти отношения меняются в ходе реформ, революции, или контрреволюции.

По мнению Троцкого переход части идеологов Социалистической рабочей партии в США на субъективные эклектические позиции, связанные с отрицанием диалектики и, следовательно, классовой борьбы, имеет свои причины. Он пишет о них: «Нигде не было такого отвращения к классовой борьбе, как в стране «неограниченных возможностей» (т. е. США - Б.С.). Отрицание социальных противоречий, как движущего начала развития, вело в царстве теоретической мысли к отрицанию диалектики, как логики противоречий»[119].

Это «отвращение к классовой борьбе» и сегодня характерно для правящей элиты и обслуживающей ее интеллигенции во многих странах мира, но особенно оно проявляется в США. Дело в том, что господствующее положение американского капитала в мире позволяет ему перераспределять часть прибыли, получаемой от эксплуатации народов зависимых стран в пользу рабочего класса США. Тем самым классовые противоречия в самой богатой стране мира на время притупляются. Это и создает у определенной части левой интеллигенции представление, что эти противоречия и классовая борьба постепенно исчезают. На самом деле они никуда не исчезают. Напротив, эволюционируя по

форме (например, в связи со всеобщим сокращением физического и ростом интеллектуального труда в производстве) они продолжают определять ход современной истории. Каждому честному мыслителю ясно, что пока существует фундаментальное противоречие между наемным трудом и капиталом, будет существовать и классовая борьба. Это объективный факт истории, с которым вынуждены на практике считаться любые власти. Как известно, диалектика в форме классовой борьбы сегодня продолжает заявлять о себе социальными протестами в Арабском мире и пост-кризисной Европе, революционными изменениями в Латинской Америке, зарождением движения «оккупируй Уолл-стрит» в Нью-Йорке, массовыми выступлениями антиглобалистов в Сиэтле, Генуе, Праге, Порто-Алегре, Флоренции и других городах, забастовками авиадиспетчеров и фермеров во Франции, борьбой безработной молодежи в Испании и Португалии, известной «рельсовой войной» шахтеров и борьбой интеллигенции (учителей, врачей, ученых) за свои гражданские и политические права в современной России.

В этой связи, понятно отрицательное отношения к классовой теории общества у современного правящего политического класса и его идеологической элиты в России. Оно обусловлено стремлением идеологически закамуфлировать процесс обнищания масс в результате грабительской приватизации государственной собственности в 90-е годы прошлого столетия и невиданным ранее роста коррупции в нулевые. Правда, наряду с этим есть и откровенно циничные «теории», объясняющие процесс разграбления народного богатства СССР ссылками на «Капитал» К. Маркса, где дано яркое описание первоначального накопления капитала в Европе.

Однако подобные ссылки лишены исторического и логического основания. Первоначальное накопление капитала на заре буржуазной эры, о котором писал К. Маркс в своей главной работе, ничего общего не имеют с разграблением в одночасье государственной собственности в постсоветской России конца XX века. Появление капитализма в истории при всем его насильственном характере («огораживание», колониальные войны, «золотые лихорадки» и т. п.) было все-таки шагом человечества по пути прогресса, приведшим к созданию современной промышленной цивилизации (появлению больших городов, развитию современной науки и техники, росту жизненного уровня и массового образования населения, и т. д.). А превращение в 1990-е гг. государственной собственности в частную в России есть наглядный пример повсеместной деиндустриализации и деградации промышленности, общего

обнищания и сокращения российского народа, появления детской беспризорности, падение образования и массовой наркотизации молодежи, расцвет бюрократии и бандитизма. Все эти явления очевидного регресса общества есть закономерное следствие реставрации олигархического, спекулятивного капитализма в постсоветской России.

В свое время, Троцкий, анализируя действительность, всегда стремился прослеживать органическую связь между философией, социологией и политикой. Он выстраивал целую иерархию взаимосвязанных шагов в марксистском познании общественных явлений. Общее признание противоречивости окружающего нас мира, признание для определенного периода времени социальных противоречий и классовой борьбы как двигателя истории, признание ведущей роли рабочего класса в социальной революции, классовый анализ политики и идеологии, позволяющий понять прогрессивность, или реакционность каждой конкретной политической или идеологической акции. В этом отношении вызывает несомненный интерес его большая статья, написанная в конце 1939 года под характерным названием «СССР в войне». В этой статье, имеющей, на наш взгляд, большое методологическое значение, анализируется не только Договор о ненападении с Германией, не только последствия участия СССР в разделе Польши, но и с удивительной прозорливостью обсуждаются неизбежные социально-политические последствия будущей войны с Германией, разъясняется стратегия и тактика поведения левых сил в ходе такой войны.

Известно, что Сталин, ненавидя Троцкого, часто называл его «предателем» и «агентом фашистской Германии», однако факты истории говорят об обратном: Троцкий как последовательный марксист был непримиримым политическим противником фашизма и фашистской Германии. Так, основной вывод статьи Троцкого «СССР в войне» и связанной с ней статьи «Еще и еще раз о природе СССР» состоит в том, что все подлинно левые силы, не скрывая своего отрицательного отношения к тоталитарному режиму Сталина, должны в грядущей войне с Германией сознательно встать на защиту СССР. В этой войне они будут защищать не репрессивный сталинский режим, а завоевания Октября, сохранившиеся в СССР после смерти Ленина. Этот вывод у Троцкого вытекал из его анализа социальной природы советского государства как государства рабочего, хотя и деформированного сталинской бюрократией.

По его мнению, пока в СССР сохраняется общественная собственность на средства производства, пока сохраняется плановая система хозяйства, нельзя считать СССР таким же

империалистическом и агрессивным государством как фашистская Германия. Его идейные оппоненты из Социалистической рабочей партии доказывали другое: поскольку сталинский режим своей внутренней и внешней политикой деформировал природу советского государства, репрессировал соратников и последователей Ленина, заключил позорный мир с Гитлером, предав коммунистические партии, входящие в Коминтерн, постольку необходимо вести войну на два фронта: как против фашисткой Германии, так и против сталинского СССР. По их мнению, нет разницы между СССР и Германией, между сталинизмом и фашизмом.

Спустя полвека аналогичные рассуждения начали высказываться и у нас в России после прихода к власти «демократов первой волны». Идейно оправдывая появление олигархического капитализма, они одновременно нагнетали воинствующий антикоммунизм. По их мнению, неудачи буржуазного реформирования постсоветского общества связаны не с приходом капитализма, а, прежде всего, с длительным господством в стране прежней тоталитарной власти коммунистов, которая, по сути своей, ничем не отличалась от власти фашистской. С их точки зрения, между коммунизмом и фашизмом нет принципиального различия. Мало того, коммунизм даже хуже фашизма[120]. Отсюда их требования проведения «второго Нюрнбергского процесса», но уже над коммунистами. Как мы видим, выдвигая подобные предложения, современные радикальные «демократы» полностью игнорируют главный вопрос о том, кто же на самом деле спас Европу и человечество от «коричневой чумы» XX века?

Троцкий считал, что подобные взгляды в корне противоречат научному анализу социальной природы СССР. Повторим, по его мнению, не смотря на термидорианский характер сталинизма, в СССР накануне войны продолжались сохранятся социально-экономические основы, заложенные Октябрьской революцией. Их и следует защищать в мирное время от сталинского режима, а во время войны от гитлеровского режима. Сталинская бюрократия, - эта паразитическая каста на теле рабочего государства, - так же будет вынуждена это делать во время войны. Дело в том, что бюрократия не является самостоятельным классом, как думают некоторые левые идеологи, поэтому, чтобы не потерять свою власть и привилегии, она будет отстаивать общественную собственность и плановое ведение хозяйства в СССР вместе с рабочими и крестьянами. С этой точки зрения сталинизм, по мнению Троцкого, является меньшим злом, чем фашистский режим Гитлера, защищающий в этой войне частную

собственность и интересы крупной монополистической буржуазии.

На наш взгляд, нельзя забывать, что нацистский режим Гитлера возник из стремлений крупной буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой. Социально-классовая противоположность режимов Гитлера и Сталина во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств.

По мнению Троцкого социалисты и коммунисты США, оценивая возможную войну СССР с Германией, должны исходить не из их позиции непримиримого отношения к термидорианскому режиму Сталина, а из своего сознательного решения защищать основы того строя, которые были заложены Лениным и Октябрьской революцией. Они должны отказаться от утопической идеи борьбы на два фронта (против Гитлера и Сталина), и открыто выступить на стороне СССР в его приближающейся войне с Гитлером, который будет стремиться не только одержать победу над советским государством, но и полностью покончить с большевизмом и коммунизмом.

В этой справедливой войне левые, конечно, оставляют за собой право разъяснять трудящимся ошибочную и антиреволюционную политику Сталина, связанную с отходом от ленинского курса социалистического строительства. Вместе с тем, нужно сделать все необходимое для победы над фашизмом - этой крайне реакционной диктатуры, нависшей над человечеством. Такая победа будет своеобразной прелюдией к мировой социалистической революции. В этой связи Троцкий пишет, что некоторые наши товарищи говорят: «... Так как мы не хотим превращаться в орудие Сталина и его союзников, то мы отказываемся от защиты СССР. Этим, однако, они показывают лишь, что их понимание «защиты» в основном совпадает с пониманием оппортунистов; они не мыслят самостоятельной политики пролетариата. На самом деле мы защищаем СССР, как мы защищаем колонии, как мы разрешаем все наши задачи, не

поддержкой одних империалистических правительств против других, а методом международной классовой борьбы в колониях, как и в метрополиях.

Мы - не правительственная партия; мы партия непримиримой оппозиции, не только в капиталистических странах, но и в СССР. Наши задачи, в том числе и «защиту СССР», мы осуществляем не через буржуазные правительства и даже не через правительство СССР, а исключительно через воспитание масс, через агитацию, через разъяснение рабочим, что надо защищать и что надо ниспровергать... Защита СССР совпадает для нас с подготовкой международной революции. Допустимы только те методы, которые не противоречат интересам революции. Защита СССР относится к международной социалистической революции, как тактическая задача - к стратегической»[121].

Ту же классовую методологию Троцкий использовал и для понимания таких противоречивых явлений как гражданская война в Испании, раздел Польши, советско-финская война и др. Критикуя, например, политику раздела Польши между СССР и Германией, он, тем не менее, считал, что нужно следить за тем, какую политику будет вести советская бюрократия в этой стране. Будет ли она на подконтрольных территориях осуществлять меры по экспроприации крупных собственников и огосударствления средств производства, или она сохранит в нетронутом виде частнособственническое хозяйство? Здесь, по мнению Троцкого, уместна аналогия с политикой Наполеона по отношению к Польше, когда он, захватив эту страну отменил крепостное право. «Эта мера, - пишет Троцкий, - диктовалась не симпатиями Наполеона к крестьянству и не демократическими принципами, а тем фактом, что бонапартистская диктатура опиралась не на феодальную, а на буржуазную собственность»[122]. Прогрессивный характер подобных частных мер, конечно, не исключает общую критику насильственного захвата чужой территории со стороны Франции или СССР. «Чтобы создать возможность оккупации Польши посредством военного союза с Гитлером, - пишет Троцкий, - Кремль долго обманывал и продолжает обманывать массы СССР и всего мира и довел этим до полного разложения ряды своего собственного Коминтерна»[123]. Вместе с тем, если Гитлер повернет свои войска на Восток и вторгнется в области, занятые Красной Армией, все сторонники IV Интернационала, не меняя своего отношения к кремлевской олигархии, выступят с оружием в руках против Гитлера. Они скажут: «Мы не можем уступить Гитлеру свержение Сталина; это наша задача»[124].

В этой связи он писал, полемизируя с лидерами оппозиции в Социалистической рабочей партии, которые пытались определять

свое отношение к СССР и его международной политике без учета социального характера советского государства: «Оппозиционные лидеры отрывают социологию от диалектического материализма. Они отрывают политику от социологии. В области политики они отрывают наши задачи в Польше от нашего опыта в Испании; наши задачи по отношению к Финляндии - от нашей позиции по отношению к Польше. История превращается в ряд исключительных случаев, политика в ряд импровизаций. Мы имеем в полном смысле распад марксизма, распад теоретического мышления, распад политики на основные элементы. Эмпиризм и его молочный брат, импрессионизм, господствует по всей линии»[125].

Особенно наглядно классовая социология Троцкого проявилась в его известной статье «Их мораль и наша», написанной в 1938 году, как ответ тем буржуазным и мелкобуржуазным критикам, которые обвиняли его в своеобразном сталинизме, т. е в приверженности к политической демагогии и насильственным методам решения общественных проблем и т. п.

Троцкий в своей статье отвечает, что подобная критика не имеет под собой никаких разумных оснований. Мало того, она антиисторична, абстрактна и социально ангажирована. Одно дело обращение к насилию со стороны угнетенных классов, добивающихся в ходе революции или гражданской войны освобождения от эксплуатации со стороны помещиков и буржуазии, другое дело - массовые репрессии термидорианского сталинского режима, направленные в мирное время против миллионов трудящихся и подлинных революционеров из «левой оппозиции» и IV Интернационала, продолжающих отстаивать дело Ленина и Октябрьской революции.

По мнению Троцкого, до момента казни Тухачевского, Якира и др. военачальников крупная буржуазия демократических стран, «не без удовольствия, хоть и прикрытого брезгливостью, наблюдала истребление революционеров в СССР. Казнь генералов встревожила буржуазию, заставив ее понять, что далеко зашедшее разложение сталинского аппарата может облегчить работу Гитлеру, Муссолини и Микадо»[126]. С этих пор она обратились к «вечной морали», осуждавшей насилие, массовые репрессии и казни в СССР. Что касается мелкобуржуазных моралистов и бывших сталинистов, перешедших на позиции буржуазии, то они, прикрывая свое идейное предательство, заговорили о том, что «троцкизм не лучше сталинизма», что «троцкизм - это революционная романтика», а «сталинизм - реальная политика». В этой связи Троцкий пишет: «Отступив на меридиан

"категорического императива", демократы и бывшие сталинисты «продолжают, фактически защищать ГПУ, только более замаскировано и вероломно. Кто клевещет на жертву, тот помогает палачу. (Выделено мною - Б. С.). В этом случае, как и в других, мораль служит политике. Гнилая мораль этих людей есть только продукт их гнилой политики»[127].

Отождествляя, троцкизм и сталинизм, т. е. «жертву насилия и палача», бывшие сталинисты опираются в своих рассуждениях на метод здравого смысла, который помогает им оправдывать их бывший союз со Сталиным. При этом они просто закрывают глаза на две принципиально разные политики, которые отстаивали Троцкий и Сталин, начиная с середины 1920-х гг. С точки зрения Троцкого от былого противопоставления, «которым средний филистер вчера еще оправдывал свою дружбу с термидором против революции, сегодня не осталось и следа. Троцкизм и сталинизм вообще больше не противопоставляются, а отождествляются. Отождествляются по форме, но не по существу»[128].

Принцип отождествления качественно различных, а то и прямо противоположных явлений, как мы уже показали, излюбленный прием прошлых и нынешних противников революции и социализма. Особенно часто они отождествляют образы действий реакции и революции. По мнению Троцкого, это достигается, прежде всего с помощью формальных аналогий. Так, царизм отождествляется с большевизмом, фашизм с коммунизмом, сталинизм с троцкизмом. «Здесь, - пишет Троцкий, - сходятся либералы, демократы, благочестивые католики, идеалисты, прагматисты, анархисты и фашисты. Если сталинцы не имеют возможности примкнуть к этому "Народному фронту", то только потому, что “случайно” заняты истреблением троцкистов»[129].

Подобные отождествления были особенно присуще бывшему сторонику Троцкого американскому журналисту Максу Истмену, который не понимая и не принимая диалектики, абсолютизировал здравый смысл в осмыслении политики. В этой связи, Троцкий пишет: «Макс Истмен, сделавший себе из борьбы с диалектикой нечто вроде профессии, с неподражаемой уверенностью поучает человечество, что, если б Троцкий руководствовался не марксистской доктриной, а здравым смыслом, то он... не потерял бы власти. Та внутренняя диалектика, которая проявлялась до сих пор в чередовании этапов во всех революциях, для Истмена не существует. Смена революции реакцией определяется для него недостаточным уважением к здравому смыслу, Истмен не понимает, что как раз

Сталин оказался, в историческом смысле, жертвой здравого смысла, т. е. его недостаточности, ибо та власть, которою он обладает, служит целям, враждебным большевизму. Наоборот, марксистская доктрина позволила нам своевременно оторваться от термидорианской бюрократии и продолжать служить целям международного социализма»[130].

Впервые в истории социалистической литературы, Троцкий показывает нравственную природу сталинизма. Он пишет по этому поводу: «Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих. Нет, поэтому, большего преступления, чем обманывать массы, выдавать поражения за победы, друзей за врагов, подкупать вождей, фабриковать легенды, ставить фальшивые судебные процессы - словом, делать то, что делают сталинцы. Эти средства могут служить только одной цели: продлить господство клики, уже осужденной историей. Но они не могут служить освобождению масс»[131].

«Освобождение масс» от эксплуатации, нищеты и унижения - вот главный критерий морали и конечной цели революционного движения, дающий, по Троцкому, возможность судить и оценивать то или иное явление или средство политики. Этот критерий выводится из истории и классовой борьбы как ее движущего начала. В этом смысле мораль в антагонистическом обществе всегда приобретает двойственный характер, распадаясь на мораль господствующего класса и класса эксплуатируемого, буржуазную и пролетарскую мораль, «их мораль и нашу». «Буржуазный эволюционизм, - пишет Троцкий, - останавливается бессильно у порога исторического общества, ибо не хочет признать главную пружину эволюции общественных форм: борьбу классов. Мораль есть лишь одна из идеологических функций этой борьбы. Господствующий класс навязывает обществу свои цели и приучает считать безнравственными все те средства, которые противоречат его целям. Такова главная функция официальной морали»[132].

Внеклассовой, вечной морали, по Троцкому, не может быть в классово антагонистическом обществе. Говорить о ней можно, лишь выходя за пределы конкретного общества, а точнее за пределы земной жизни, т. е. искать ее по ту сторону человеческого бытия. Так и делают различные буржуазные идеологи, апеллируя к вечной божественной морали. Что касается мелкобуржуазных идеологов, то их признание «особой субстанции, "морального чувства", "совести", как некоего абсолюта» есть ничто иное «как философски-трусливый псевдоним бога». Троцкий пишет: «Независимая от "целей", т. е. от общества, мораль, - выводить ли ее из вечных истин или из

"природы человека", - оказывается, в конце концов, разновидностью "натуральной теологии" (natural theology). Небеса остаются единственной укрепленной позицией для военных операций против диалектического материализма»[133]. Вместе с тем, «кто не хочет возвращаться к Моисею, Христу или Магомету, ни довольствоваться эклектической окрошкой, тому остается признать, что мораль является продуктом общественного развития; что в ней нет ничего жизненного; что она служит общественным интересам; что эти интересы противоречивы; что мораль больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер»[134].

Современные критики Троцкого, пытаются доказать, что в его классовой трактовке морали есть глубокое противоречие: с одной стороны он считает, что в классовом обществе нет всеобщей морали, с другой, утверждая истинность пролетарской морали, сам возводит ее во всеобщность, т. е в ней мораль критикуется с моральной же точки зрения. Разделив общее понятие «мораль» на мораль господ и мораль рабов, Троцкий не понял ее формальной и потому всеобщей природы. Так, академик РАН А. Гусейнов в своих комментариях к его статье пишет: «Троцкий решительно отвергает сверхклассовую, надклассовую нравственность. Однако как только он отдает предпочтение позиции одного класса (угнетенных) перед позицией другого класса (угнетателей), он фактически становится на точку зрения надклассовой морали, ибо у него нет иных оснований для такого предпочтение, кроме нравственных»[135]. По мнению А. Гусейнова, лишь формальное и потому всеобщее понимание морали дает возможность объединять людей в обществе. Прибегая к образному языку, он пишет: «... Конечно, для человека, надевшего маузер, чтобы вполне категорично и конкретно убить другого, как и для группы, которая пошла стеной на другую группу, единая (вечная) мораль оказывается чужеродным явлением. Но это и значит, что она предназначена для другого, для соединения, а не для разъединения»[136].

Ради объективности следует отметить, что, акцентируя сугубо конфронтационный подход Троцкого к пониманию морали, его критики не всегда адекватно интерпретируют его подлинные мировоззренческие и этические взгляды. Например, они доказывают, что Троцкому как и всем марксистам, отрицающим существование внеклассовой морали, свойственно нигилистическое отношение к морали вообще. На самом деле, это не так: Троцкий отрицает правомерность использования внеклассовой абстрактной морали только в антагонистических обществах, в частности, для оправдания угнетения и насилия со

стороны правящих классов. Именно в этом он видит ее лицемерный и классово обусловленный характер. В тоже время, он считает морально оправданной и справедливой борьбу тех классов, которые выступают против подобного угнетения и насилия. Именно эта борьба и эти цели определяют средства и соответствующую мораль революционеров. «Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, - пишет Троцкий, - то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает, в качестве средств, все те низменные приемы и методы, которые противопоставляют одну часть рабочего класса другим его частям; или осчастливить массу без ее участия; или понижают доверие массы к себе самой и к своей организации, подменяя его преклонением перед “вождями”. Прежде всего и непримиримее всего революционная мораль отвергает угодничество по отношению к буржуазии и высокомерие по отношению к трудящимся, т. е. как раз те которые насквозь пропитывают мелкобуржуазных педантов и моралистов»[137].

Как марксист и коммунист Троцкий признает возможность существования гуманистической морали применительно к трудящимся классам и особенно к обществу будущего, где с неизбежностью исчезают классы и антагонистические противоречия, где «человек становится целью для другого человека». И здесь можно согласится с Ж.-П. Сартром в том, что угнетение им осуждается «от имени гуманистической морали». Но эта мораль не формальна: она наполнена реальным конкретным содержанием, связанным в перспективе с освобождением рабочего класса и всего человечества от угнетения и эксплуатации человека человеком. Не случайно Маркс в своих ранних работах называл такое общество «реальным гуманизмом». Троцкий также неоднократно об этом заявляет в своей статье, когда обсуждает «элементарные правила морали», выработанные человечеством «для жизни всякого коллектива», когда раскрывает нравственную обоснованность конечной цели революционного движения, или показывает гуманное отношение к товарищам по борьбе и простым людям со стороны Ленина[138]. Вместе с тем, отмечая действенность «демократической морали» в «эпоху либерального и прогрессивного капитализма», он в тоже время показывает как в условиях обострения классовой борьбы в новейшую эпоху, она разрушается и на смену ей приходит «мораль фашизма, с одной стороны, мораль пролетарской революции, с другой»[139]. Между прочим, весьма актуальная мысль для нашего посткризисного времени, чреватого войнами, революционными протестами, этническими конфликтами и международным терроризмом.

Социологический, классовый подход Троцкого к общественным явлениям дает ключ к пониманию его теории перманентной революции и движущих сил Февральской и Октябрьской революций. Он же объясняет его понимание советского государства и его политики. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Прежде всего, напомним, что социальную революцию Троцкий вслед за Марксом и Энгельсом понимает как переход власти от одного класса к другому. Такое сущностное понимание революции позволяет установить ее отличие, например, от реформы и других социальных изменений, которые совершаются без изменения существующей социальной структуры общества, и, прежде всего, положения господствующего класса. В тоже время, эти абстрактные истины нуждаются по Троцкому в конкретном историческом наполнении, то есть в учете исторической специфики каждого класса, его отношения к другим классам, его развитости или неразвитости. Опираясь на эту диалектическую методологию, Троцкий создает свое учение о перманентной революции.

Вот наиболее общее ее определение: «Перманентная революция, в том смысле, какое Маркс дал этому понятию, значит революция не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней реакции, революция, каждый последующий этап который заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества»[140]. Троцкий вычленяет три аспекта перманентной революции: проблему перехода от демократической революции к социалистической, реализацию социалистической революции в рамках той или иной страны, в которой путем непрерывной борьбы перестраиваются общественные отношения, в результате чего «общество непрерывно линяет»[141]. Наконец, международный аспект социалистической революции: социалистическая революция начинается на национальной почве и заканчивается на международной. «С этой точки зрения национальная революция не является самодовлеющим целым: она лишь звено интернациональной цепи. Международная революция представляет собою перманентный процесс, несмотря на временные снижения и отливы»[142].

Отличительным признаком перманентной революции является новое понимание исторической роли буржуазии и рабочего класса в условиях XX века. Для Троцкого, который был непосредственным участником и руководителем Советов в

революции 1905 года, стало ясно, что не буржуазия, а рабочий класс России будет гегемоном как буржуазнодемократической, так и социалистической революции. Именно он обеспечивает непрерывность или перманентность революции, которая начинается на национальной почве, а заканчивается на мировой. Вот что писал в 1919 году Троцкий в предисловии к брошюре «Итоги и перспективы революции», заключавшей в себе «наиболее полное изложение теории перманентной революции: «Таким образом, завоевав власть, пролетариат не может ограничить себя буржуазной демократией. Он вынужден принять тактику перманентной революции, т. е. разрушить барьер между минимальной и максимальной программой социал-демократии, вводить все более и более радикальные социальные реформы и стремиться к прямой и непосредственной поддержке европейской революции»... «Разрушить барьер между минимальной и максимальной программой» это и есть формула перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Предпосылкой такого перерастания является завоевание власти пролетариатом, который, логикой своего положения, вынужден «вводить все более и более радикальные социальные реформы»[143].

В условиях монополистического капитала только пролетариат является до конца революционной и прогрессивной силой общества. Полемизируя с меньшевиками, считавшими, что в буржуазно-демократической революции гегемоном должна быть буржуазия, Троцкий доказывал, что подобная точка зрения может привести только к поражению данной революции, ибо перезревшая к началу XX столетия буржуазия перестала быть революционной силой. В решающий момент революции она предает революцию, идя на компромисс с реакционными силами: помещиками, монархией, духовенством. Именно это, по его мнению, и случилось в русской революции с временным правительством, начавшим гонения против большевиков, а в китайской революции с Гоминданом, санкционировавшим кровавую резню коммунистов. Похожая ситуация возникла в Испании в середине 30-х гг. Главной ошибкой испанских революционеров Троцкий считал их наивную веру в прогрессивность своего буржуазнодемократического правительства и отказ от превращения демократической революции в социалистическую. Сугубо негативную, по существу предательскую роль здесь, конечно, сыграл Сталин, боявшийся победы социалистической революции в Испании и развязавший в этой связи репрессии против идейно близких к Троцкому испанских социалистов-интернационалистов из партии ПОУМ,

пытавшихся осуществить социалистическую революцию по российскому образцу.

По мнению Троцкого, к аналогичным взглядам на революцию в Апреле 1917 года приходит и Ленин, провозгласивший неожиданно для многих старых большевиков курс на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, выдвинувший лозунг полного недоверия временному правительству. В то время основная масса большевиков, включая Сталина, и все меньшевики считали, что временное правительство может выполнять прогрессивную функцию, «закрепляя» под давлением масс и Советов завоевания Февральской революции. Именно из этой среды в адрес Ленина были направлены обвинения в «троцкизме».

Данная проблема сегодня не менее актуальна, когда мы ставим вопрос о социальном субъекте, определяющим ход истории. Какой класс сегодня являются демиургом истории? Почему мы не видим революционной активности со стороны рабочего класса? Правы ли те, кто утверждает, что ему есть, что терять в современных исторических условиях? Исчерпала ли свои прогрессивные функции буржуазия, учитывая то, что она сумела осуществить НТР и компьютерную революцию, не меняя рамки буржуазного строя? Заменила ли сегодня рабочий класс интеллигенция, или некий средний класс? Если да, то почему не видна их революционная активность? Без ответа на этот вопрос невозможно понять настоящую и грядущую эпоху. В этой связи интересную мысль высказывал Троцкий, полемизируя с теми, кто считал, что на смену капитализму приходит не социализм, а «бюрократический коллективизм», «госкапитализм» и другие «измы», отдающие пальму первенства в истории не рабочему классу, а современной бюрократии, забывая о том, что последняя никогда не была и не может быть по определению классом в марксистском понимании.

Теория перманентной революции Троцкого во многом вытекает из его идее комбинированного развития истории, когда отсталые страны могут в определенный период перегонять страны передовые. Именно такой страной в начале XX века стала Россия. Характеризуя эту идею, Троцкий писал в предисловии ко 2-му тому своей книги «История русской революции»: «Россия так поздно совершила свою буржуазную революцию, что оказалась вынужденной превратить ее в пролетарскую. Иначе сказать: Россия так отстала от других стран, что ей пришлось, по крайней мере, в известных областях, обогнать их»[144]. Одной из такт областей была социальная сфера, связанная с появлением передового рабочего класса. По Троцкому, если

руководствоваться идеей комбинированного развития, при высоком уровне развития производительных сил, например, может быть незрелым рабочий класс и, наоборот, при низком экономическом уровне развития общества он может быть весьма зрелым и активным. В этом отношении, характерно его сравнение России и США: «Несмотря на то, что производительные силы индустрии Соединенных Штатов в десять раз выше, чем у нас, политическая роль русского пролетариата, его влияние на политику несравненно выше, чем роль и значение американского пролетариата»[145].

В этой связи вставал интересный вопрос о перспективах мировой революции, которую так хотел, но так и не дождался Троцкий. Каким будет соотношение СССР, вставшего после Октября на путь социалистического строительства и развитых стран мирового капитала? Сумеет ли Советская страна в короткие сроки «перегнать» их экономически, учитывая ее определенную историческую отсталость? Будет ли новый расцвет «загнивающего» капиталистического мира? Если будет, то нужна ли переоценка современной эпохи как революционного перехода от капитализма к социализму и роли рабочего класса в ней? Над этими вопросами он непрерывно размышлял, борясь в СССР со сталинской фракцией в РКПб в 20-е годы и в изгнании в последний период своей жизни.

Отвечая на эти вопросы, в своей знаменитой книге «Преданная революция», он цитирует нелегально распространенный документ левой оппозиции в 1927 году, прогнозирующий возможное развитие СССР и мирового капитализма: «Если допустить возможность его (капитализма - Б. С.) нового расцвета, охватывающего десятки лет, тогда жалкой пошлостью будут речи о социализме в нашей отсталой стране; тогда надо будет сказать, что мы ошиблись в оценке всей эпохи, как эпохи капиталистического загнивания; тогда Советская республика оказалась бы вторым, после Коммуны, опытом диктатуры пролетариата, более широким и плодотворным, но только опытом... Имеются ли, однако, какие-либо серьезные основания для такой решительной переоценке всей нашей эпохи и смысла Октябрьской революции, как звена международной? Нет!... Завершая в большей или меньшей степени, свой восстановительный период (после войны)... капиталистические страны восстанавливают, притом в несравненно более остром, чем до войны, виде, все свои старые противоречия, внутренние и международные. Это и есть основа пролетарской революции. То, что мы строим социализм, есть факт. Но не меньшим, а большим фактом, поскольку целое вообще больше части, является

подготовка европейской и мировой революции. Часть может победить только совместно с целым»[146].

Последние его ожидания мировой революции были связаны с последствиями начавшейся при его жизни второй мировой войной.

В этой связи Троцкий описывает два возможных сценария будущего общественного развития: пессимистический и оптимистический. Первый был связан с допущением осуществимости точки зрения его оппонентов из социалистической партии США, то есть приходу к власти мировой тоталитарной бюрократии. Он писал в этой связи: «Если бы вопреки всем вероятиям, в течение нынешней войны или непосредственно после нее Октябрьская революция не нашла своего продолжения ни в одной из передовых стран; если бы, наоборот, пролетариат оказался бы везде и всюду отброшен назад, - тогда мы несомненно должны были бы поставить вопрос о пересмотре нашей концепции нынешней эпохи и ее движущих сил. Вопрос шел бы при этом не о том, какой школьный ярлычок наклеить на СССР или на сталинскую шайку, а о том, как оценить мировую историческую перспективу ближайших десятилетий, если не столетий: вошли ли мы в эпоху социальной революции и социалистического общества или же в эпоху упадочного общества тоталитарной бюрократии?»[147]. По мнению Троцкого, «если бы международный пролетариат в результате опыта всей нашей эпохи и нынешней войны оказался не способным стать хозяином общества, то это означало бы крушение всяких надежд на социалистическую революцию, ибо никаких других более благоприятных условий для нее нельзя ждать...»[148]. Тем не менее, делает вывод Троцкий, «у марксистов нет ни малейших оснований (если не считать «правом» разочарование и усталость) делать тот вывод, что пролетариат исчерпал свои революционные возможности и должен отказаться от претензий на господство в ближайшее время»[149]. Таким образом, незадолго до смерти он оптимистически провозглашал «Наш путь неизменен. Мы держим курс на международную революцию, и, тем самым, на возрождение СССР, как рабочего государства»[150].

И хотя после второй мировой войны социалистический лагерь вышел за пределы одной страны, социалистической революции в развитых странах так и не произошло. Отсюда встает фундаментальный вопрос, а может быть мировая революция и не могла возникнуть в этих странах в связи с открывшимися новыми возможностями капитализма, преодолевшего в середине XX века свой кризис и успешно оседлавшим современную научно-техническую революцию?

Может быть материальной основой социализма следует считать не индустриальную, а постиндустриальную эпоху, о чем пишут многие современные ученые левой ориентации? Может быть только современные производительные силы начинают на практике противоречить капиталистическим отношениям, и тем самым создают реальные предпосылки для мировой революции и создания настоящего посткапиталистического общества, то есть может быть только к XXI веку возникает та необходимая материально-техническая база социализма, предпосылки которой закладывались в индустриальную эпоху девятнадцатого и двадцатого столетий?

Сегодня все чаще раздаются голоса, в том числе и на страницах левого журнала «Альтернативы» о том, что не индустриальная, а постиндустриальная эпоха показывает и доказывает историческую исчерпанность и устарелость капитализма, требуя подлинно социалистических отношений между людьми и народами. В этой связи есть основания думать, что и мировая социалистическая революция является не предпосылкой, а итогом становления глобального мира, формирующегося на основе новейших социальных, технологических и информационных революций, происходящих в каждой отдельной стране.

Законность этих предположений объясняется тем, что только в постиндустриальную эпоху производительные силы человечества приобретают поистине интернациональный и глобальный характер. Они сегодня, на самом деле, перешагивают границы национальных государств и целых цивилизаций. Лишь на рубеже двадцатого и двадцать первого века завоевания науки и появление нетрадиционных видов энергии делают реальной решение проблемы голода и нищеты на планете. Только теперь технический прогресс сделал возможным и необходимым замену тяжелого и нетворческого труда роботами и автоматами. Только теперь знания и творческий труд становится достоянием все большего числа людей. Только теперь появилась реальная возможность, минуя рынок, каждому человеку соотносится через ИНТЕРНЕТ с любым другим жителем планеты, свободно и быстро приобщаться к информации и достижениям мировой культуры, входить в связь с любыми политическими объединениями и общественными организациями.

Вместе с тем, нельзя закрывать глаза и на противоположные процессы, определяющие в настоящее время жизнь миллионов людей. Так нельзя игнорировать сохраняющиеся и обостряющиеся классовые противоречия между трудом и капиталом, ТНК и отдельными государствами, «золотым миллиардом» и остальным

населением Земли, Севером и Югом, Западом и Востоком, богатством и роскошью одних, нищетой и голодом других. По данным ООН сегодня двадцать процентов населения развитых стран потребляет восемьдесят процентов природных ресурсов, являются монополистами научных достижений и новейших технологий, в это же время более миллиарда человек живет на один доллар в день и каждый шестой человек в мире безработный. Не случайно на пороге XX и XXI веков начало складываться поистине интернациональное движение анти- или альтерглобалистов, направленное против современной капиталистической формы глобализации, от которой страдают не только трудящиеся массы, но и целые страны и народы планеты. Современная глобализация несет человечеству не только прогресс. Это еще раз подтвердил глобальный кризис XXI века, доказавший в который раз историческую исчерпанность мировой капиталистической системы. Его последствия до сих не преодолены. Они продолжают держать в напряжении весь мир, начиная с США и Европы с их хроническими финансовыми долгами и кончая Арабскими странами, говорящими весомое «нет» свои коррумпированным режимам власти.

На наш взгляд, есть все основания утверждать, что альтернативой современности является как возможность осуществления идеалов великих просветителей и революционеров о свободной и счастливой жизни людей, так и порабощение большинства человечества Железной пятой сверхмощной капиталистической державы и ее сателитов. Сегодня вполне реальны и прорыв человечества к высотам научного и социального прогресса, и его самоуничтожение в огне ядерной или иной катастрофы. Одним словом, человечество в XXI веке также стоит перед выбором: жизнь или смерть, прогресс или деградация, социализм или варварство.

Конечно, социальный прогресс не есть механическое следствие технического прогресса, а социальные революции не делаются по заказам идеологов, коммунистических или социалистических вождей. Тем не менее, как показывает опыт истории и функционирования первоначальных моделей социализма, окончательный успех революции всегда упирался в степень развития производительных сил общества, в решение главной проблемы человеческой предыстории: наделения всех людей куском хлеба и крыши над головой. Не смотря на успехи цивилизации, решение этой проблемы и сегодня является актуальным для большинства стран и народов мира.

В этой связи возникает один фундаментальный вопрос, который вводит нас в существо спора меньшевиков и

большевиков начала XX века о степени зрелости и готовности той или иной страны и человечества, в целом, для социалистической революции и социализма. Этот вопрос можно сформулировать так: каков тот уровень развития производительных сил общества, который дает основания утверждать, что он достаточен для начала осуществления социалистических преобразований в обществе? Как известно меньшевики (Плеханов, Мартов, Суханов) считали, что имеющиеся в России производительные силы не отвечают социалистическим требованиям. Большевики полагали, что для социалистических преобразований в России достаточно уже достигнутого в начале XX века уровня развития мировых производительных сил.

К сожалению, на данный вопрос нет однозначного ответа ни у классиков марксизма, ни у Троцкого. Касаясь его, все они называют разные сроки. Так Маркс и Энгельс связывали материальную подготовку социализма с уровнем развития производительных сил Англии конца XIX века. Ленин был уверен, что передовые страны Западной Европы и США достигли его в начале XX века. Троцкий вслед за Лениным также считал, что предпосылки социалистической революции в начале XX века, «если брать вопрос в европейском и мировом масштабе, уже имеются налицо»[151]. Он как и многие большевики ожидал мировую революцию в развитых странах сразу после Октябрьской революции в России. Затем ее осуществление связывал с исходом второй мировой войны. Вот, что он, в частности, писал в 1939 году: «Распад капитализма достиг крайних пределов, как и распад старого господствующего класса. Дальше эта система существовать не может. Производительные силы должны быть организованы в плановом порядке.... Вторая мировая война началась. Она представляет собою несокрушимое подтверждение того, что общество не может дальше жить на основах капитализма»[152].

Как мы знаем, это предсказание Троцкого осуществилось лишь частично. Не смотря на образование после войны мировой социалистической системы, на осуществление Китайской, Вьетнамской и Кубинской революций, капиталистическая система продолжала существовать и развиваться. Мало того, ей удалось выиграть соревнование с такими странами «реального социализма» как Советский союз и государства Восточной Европы, в которых на рубеже 90-х гг. произошла реставрация буржуазных отношений со всеми вытекающими отсюда негативными социальными последствиями для трудящихся.

В этой связи сам собою напрашивается вопрос: почему в этих странах произошла реставрация капиталистических отношений?

Были ли они материально готовы к созданию социализма? Не правы ли в этом отношении меньшевики, считавшие преждевременными социалистические преобразования в России? Среди отечественных и зарубежных исследователей есть три характерных ответа на эти вопросы.

Одни, вслед за меньшевиками, считают реставрацию капиталистических отношений закономерным следствием объективной неготовности России к социализму: ее технологической и экономической отсталости. Вторые (как правило, последователи Троцкого) объясняют этот факт невозможностью, вообще, построения социализма в отдельно взятой стране. Наконец, третьи (как правило, неосталинисты) считают реставрацию капитализма в России временной исторической случайностью, связанной с предательской ролью коммунистических вождей.

Мы придерживаемся иного мнения. С нашей точки зрения, социализм в отдельно взятой стране можно строить и построить только в том случае, если он в итоге технологически, экономически и политически окажется более передовым и производительным обществом, чем окружающая его капиталистическая среда. Мы видим главные причины крушения «реального социализма» в отходе правящих коммунистических партий от революционных традиций и идеалов Октябрьской революции, в ошибочной стратегии и тактики, допустивших технологическое и экономическое отставание социалистического содружества от развитых стран капитализма, в обюрокрачивании и отрыве правящей политической элиты от интересов трудящихся, в ее неспособности осуществлять на деле широкую социалистическую демократию.

Анализируя советское общество в своей знаменитой работе «Преданная революция» Троцкий показывает, что оно не может стать подлинно социалистическим до тех пор пока его производительные силы остаются неразвитыми, пока сохраняется взаимная конкуренция людей и классов за обладание элементарных жизненных средств. Полемизируя со Сталиным и Радеком, утверждавших что переход к социализму не обязательно связан со «значительным» улучшением материального положения масс, Троцкий писал: «Корнем» всякой общественной организации являются производительные силы, и что как раз советский корень еще недостаточно могуч для социалистического ствола и его кроны: человеческого благополучия» (курсив - Б.С.)[153]. В варварском обществе, по мнению Троцкого, конный и пеший составляли два класса. Автомобиль не меньше дифференцирует общество, чем лошадь под седлом. «Пока

скромный «форд» остается привилегией меньшинства, налицо остаются все отношения и навыки, свойственные буржуазному обществу. А вместе с тем остается и сторож неравенства, государство»[154]. И здесь трудно с ним спорить.

Рост бюрократизма этого общества он прямо связывает с желанием советской бюрократической касты получить и закрепить за собой определенные жизненные привилегии по отношению к другим слоям и классам общества. Он пишет: «... Чем беднее общество, вышедшее из революции, ... тем более грубые формы должен принять бюрократизм; тем большей опасностью он может стать для социалистического развития»[155].

Применяя свою социологическую теорию к анализу советского общества, Троцкий называет два характерных признака, обуславливающих его социально-экономическую природу: это общественная или государственная собственность на основные средства производства (национализированная экономика) и плановое ведение хозяйства. Например, именно эти признаки не дают смешивать внешне похожие тоталитарные режимы власти: сталинский и фашистский. По мнению Троцкого фашистские режимы никогда не доходят до полного огосударствления собственности. Они будут лишь координировать отношения частной собственности в интересах тоталитарного государства, но никогда не пойдут на ликвидацию частнособственнических отношений, составляющих суть современного буржуазного общества. В этой связи Троцкий, полемизируя с левым теоретиком Бруно Рицци, создавшим теорию «бюрократического коллективизма», писал: «Ошибочным является утверждение Бруно, что фашистский «антикапитализм» способен дойти до экспроприации буржуазии. «Частичные» меры государственного вмешательства и национализации отличаются, на самом деле, от планового государственного хозяйства, как реформы отличаются от революции. Муссолини и Гитлер лишь «координируют» интересы собственников и «регулируют» капиталистическое хозяйство, притом преимущественно в военных целях. Иное дело - кремлевская олигархия: она имеет возможность руководить хозяйством, как единым целым, только благодаря тому, что рабочий класс России совершил величайший в истории переворот имущественных отношений. Этого различия нельзя упускать из виду»[156].

Видя принципиальные классовые различия двух тоталитарных режимов, Троцкий в тоже время отмечал их определенную историческую связь и похожесть, обусловленную замедлением мировой революции. Он писал: «... Подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром

буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи»[157].

Будущее существование СССР и социалистического строя он связывал с двумя важнейшими факторами: умением советской страны превзойти развитые капиталистические страны по производительности труда и более высокому уровню жизни рабочих и крестьян, с одной стороны, развитием демократии и ликвидации сталинского бюрократического режима, с другой. В противоположном случае он прогнозировал перерождение советской власти и крушение Союза. «Чем дольше СССР остается в капиталистическом окружении, - писал Троцкий, тем глубже заходит процесс перерождения общественных тканей. Дальнейшая изолированность должна была бы неминуемо завершиться не национальным коммунизмом, а реставрацией капитализма.

Если буржуазия не может мирно врасти в социалистическую демократию, то и социалистическое государство не может мирно врасти в мировую капиталистическую систему»[158]. По его мнению, чем больше Советский союз продвинется вперед в росте своего хозяйства и уровня жизни трудящихся, «тем менее опасна для нас возможная интервенция дешевых цен, а следовательно и военная интервенция»[159].

Что касается сталинского тоталитарного режима, то он связывал его зарождение и существование с усталостью рабочего класса и с его своеобразной боязнью потерять в ходе устранения этого режима социалистические завоевания, рожденные Октябрьской революцией. Как показала история, в частности, противоречия перестройки, эта боязнь имела под собой определенные основания.

Двойственный характер советской бюрократии (с одной стороны, отстаивание своих привилегий, с другой, обслуживание интересов рабочего класса) делает ее хитрой, живучей и наглой. Троцкий писал: «Рабочие - реалисты. Нисколько не обманывая себя насчет правящей касты, по крайней мере, ближайших к ним низших ее ярусов, они видят в ней пока что сторожа некоторой части своих собственных завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестного, наглого и ненадежного сторожа, как только увидят другую возможность: для этого нужно, чтобы на Западе или на Востоке открылся революционный просвет»[160].

После запрета, а затем и насильственной ликвидации левой оппозиции, партия большевиков полностью потеряла свой традиционный контроль над бюрократией. Со временем, утратив свою революционность, она переродилась и сама подпала под

бюрократический контроль партийного и государственного аппарата. Исходя из этого, Троцкий считал, что «разбюрократить бюрократию» и устранить порожденный ею тоталитарный режим власти можно будет только одним способом - путем политической революции. «Революция, которую бюрократия подготавливает против себя, писал он, - не будет социальной, как Октябрьская революция 1917 г.: дело не идет на этот раз об изменении экономических основ общества, о замене одних форм собственности другими... Низвержение бонапартистской касты будет, разумеется, иметь глубокие социальные последствия; но само по себе оно укладывается в рамки политического переворота»[161]. Программа этого переворота предполагала устранение «бюрократического самовластия» и замены его «советской демократией», «восстановление права критики и действительной свободы выборов», «свободы советских партий, начиная с партии большевиков», «возрождение профессиональных союзов», «перенесение на хозяйство демократии», «радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся», «свободное обсуждение хозяйственных проблем», «освобождение от оков» науки и искусства, и т. д.[162].

Эта программа во многом напоминает программу горбачевской перестройки, которая стала в 80-е годы XX века настоящей политической революцией против бюрократии и остатков сталинского тоталитаризма. Не случайно она провозгласила «возвращение к идеалам Октябрьской революции». Не смотря на свою историческую незавершенность, она доказала, что ***социализм*** *с человеческим лицом в принципе не только возможен, но и вполне реален.* В тоже время она показала, что провозглашенный и создаваемый ею гуманной и демократической социализм только тогда может устоять, если вызвавшая его к жизни правящая партия опирается на поддержку широких трудящихся масс. Именно такую поддержку получили реформаторы в начале перестройки и потеряли ее в конце (здесь сказались двойственная природа партийно-государственной бюрократии, ошибки и нерешительность реформаторов в осуществлении стратегии партии). Как показал ход и конец перестройки в последнем случае плодами политической антитоталитарной революции завладевают антисоциалистические силы, направляя общественное развитие в противоположную от социализма сторону. В итоге происходит не демократическое обновление социализма, а тривиальная реставрация капиталистических порядков со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями.

Троцкий с поразительной точностью предвидел и такую

историческую возможность развития советского общества. Вот, в частности, что он писал по этому поводу: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию. Именно поэтому мы называем сталинский режим центристским, что он выполняет двойственную роль: сегодня, когда уже нет или еще нет марксистского руководства, он защищает своими методами пролетарскую диктатуру; но методы эти таковы, что облегчают завтрашнюю победу врага. Кто не понял этой двойственной роли сталинизма в СССР, тот не понял ничего»[163].

Как происходят в реальности такая контрреволюция мы могли наблюдать в августе 1991 года во время путча и сразу после него. За три дня путча проявились все основные политические силы общества: сторонники перестройки, консерваторы и неолибералы, называвшие себя «радикальными демократами». Первые отстаивали линию на превращение государственного социализма в демократический, вторые - требовали возврата к доперестроечным временам, третьи выступали за переход от социализма к капитализму. В первый день путча доминировали консерваторы неосталинского толка. Они создали ГКЧП и изолировали президента страны в Форосе. На второй день против них выступили разнообразные демократические силы, включая сторонников перестройки и «радикальных демократов». Они вызвалили из форосского плена Михаила Горбачева и арестовали инициаторов путча. В итоге, на волне массового сопротивления путчистам к власти пришли «радикальные демократы» во главе с Борисом Ельциным, оттеснив на политические задворки сторонников перестройки.

Таким образом, в результате активных действий двух противоположных политических сил - консерваторов и неолибералов общество было разорвано: сторонники перестройки оказались в изоляции - наступил конец перестройки как социально-исторического явления. Характерно, что представители консерваторов и неолибералов солидарно проголосовали в российском парламенте за ратификацию Беловежских соглашений, упразднивших СССР. Во время этого голосования политический разум явно ушел из страны, оставив место только для неразумения. Его плачевные итоги мы переживаем до сих пор.

С исчезновением Союза и утверждением у власти в России неолибералов во главе с Борисом Ельциным начался новый виток истории, означавший ликвидацию социалистического выбора и

реставрацию капиталистических отношений, принесших народу давно изжитые историей социальное неравенство, экономические бедствия и нищету. Эта новая парадигма истории является прямой противоположностью того, чего хотели и к чему стремились перестройщики. Попытки сблизить перестройку и постперестройку являются либо следствием невежества, либо сознательной идейной ангажированности.

Историческое значение перестройки и ее уроки пока полностью не осмыслены и не оценены. На многие вопросы пока нет однозначных ответов. Например, почему не реализовалась, по сути дела, первая в мире демократическая модель социализма, которую предлагали сторонники перестройки? Почему 70 лет спустя после Октябрьской революции смог произойти исторический откат к капитализму? Почему Горбачеву не удалось реализовать в целом прогрессивную стратегию перехода от тоталитаризма к демократии? Может быть, был прав Троцкий, считавший невозможным построение социализма в отдельно взятой стране? Эти и другие вопросы требуют сегодня глубоких научных ответов.

Есть мнение, что реставрация капитализма в 1991 году у нас произошла потому, что Октябрьская революция была преждевременным событием, ибо за короткий исторический промежуток времени с 1861 по 1917 гг. не смогли сложиться весомые материальные предпосылки социализма. На наш взгляд, эта новейшая интерпретация известной точки зрения меньшевиков не выдерживает критики: революции не зависят от мнения или желания тех или иных политиков и идеологов. Но даже если допустить правильность этого довода, то за годы советской власти данные предпосылки были созданы, и страна в экономическом отношении вышла на второе место в мире. По моему мнению, реставрация капитализма у нас произошла потому, что СССР не сумел вовремя освоить результаты научно-технической революции и, как следствие, стал отставать от развитых стран Запада и по производительности труда, и по уровню жизни большинства, и по завоеваниям демократии. Что касается перестройки, то она явно недооценила эту ключевую проблему. Был здесь и элемент самоуверенности руководства правящей партии, которая в течение длительного времени оставляла данную проблему «на потом». Оно, к сожалению, не понимало, что социализм в одной стране может существовать только как переходное общество, вынужденное постоянно одерживать победу и в технологическом, и в экономическом, и в политическом соревновании с миром капитала. Ленинский вопрос «кто кого?» остается актуальным до тех пор, пока остается

капиталистическое окружение страны, вставшей на путь строительства социализма.

Есть еще один момент - личностный, который нельзя сбрасывать со счетов, когда мы осмысливаем результаты перестройки. Я думаю, что за реализацию стратегии перестройки надо было бороться до конца и более решительными методами, чем это делал М. С. Горбачев. Особенно нельзя было спускать и прощать тех, кто распустил Союз. Не случайно Б. Ельцин после Беловежья боялся ареста: «знала кошка, чье мясо съело»! Здесь нужно было использовать самые решительные меры, вплоть до обращения к армии и народу. Основания для этих мер давал общесоюзный референдум. На мой взгляд, народ бы эти меры поддержал, и никакой гражданской войны не произошло бы.

Из сказанного выше следует очевидный вывод: за социализм необходимо бороться постоянно, используя все возможные силы и средства. В противном случае его поражение становится неизбежным. Вместе с тем, не следует впадать в отчаяние и забывать наследия двух не до конца оцененных исторических феноменов прошлого столетия: социалистических идей Троцкого и демократической практики перестройки. На наш взгляд, они доказали главное - социализм с человеческим лицом не только возможен, но и необходим людям труда.

История продолжается, поэтому есть все основания думать, - то, что было не завершено в XX веке, будет востребовано и завершено человечеством в будущем. Иначе нет смысла жить. Принять социальную парадигму, которую в прошлом насильственно реализовал сталинизм, или навязывает нынешняя власть радикальных либералов в союзе с консерваторами, значит повернуться спиной к страданиям миллионов трудящихся, держащих на своих плечах все тяготы современного глобального мира.

Глава 3. Марксизм и реальный социализм

1. Социализм и свобода

В начале третьего тысячелетия призрак социализма вновь появился на горизонте капиталистической действительности как прямое напоминание о возможном и, пожалуй, единственном способе эффективного решения острейших социальных и глобальных проблем человечества.

Многие факты прошлой и современной истории свидетельствуют, что буржуазное общество за последние столетия своего существования так и не сумело снять ключевое противоречие между трудом и капиталом: максимум, что ей удалось, - это смягчить и модифицировать его в развитых странах мира. Одновременно современный капитализм породил новые проблемы, связанные с противоречиями процесса глобализации: бедностью целых регионов планеты, международным терроризмом, экологической безопасностью населения Земли, растущим антагонизмом между Севером и Югом, бесправием иммигрантов в развитых странах, трагедией народов Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, высокой социальной поляризацией и падением жизненного уровня многих граждан России и других стран Восточной Европы.

Как показал глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг., нет никакой уверенности, что капитал в принципе может решить эти или подобные им проблемы. Там, где существуют корыстные интересы наживы, страдания простых людей будут продолжаться. В этой связи, все очевиднее становится идея об историческом исчерпании глобального капитализма как социально-экономической системы[1].

К аналогичным выводам уже пришли различные национальные, социальные и политические силы, вступая в открытую борьбу с властью глобальной финансовой олигархии. По сути дела, такая борьба уже идет в различных регионах мира. В последнее время она охватила многие континенты и страны, включая Россию. Весьма символичны лозунги, появившиеся в ходе этой борьбы. Они звучат так: «Иной мир возможен!», «Нет господству денег!», «Революция во всем мире навсегда!».

Новые формы борьбы трудящихся и молодежи способствуют повсеместно возрождению и росту левых настроений в мире. Отсюда явно возросший интерес к работам Маркса, Ленина, Розы Люксембург, Троцкого, Грамши, Лукача и других известных представителей международного революционного социализма.

Проявляются эти тенденции и в России, где реставрированный в 1990-е годы капитализм приобрел наиболее

варварские и разрушительные формы. Но, чем глубже в плоть российской действительности входят буржуазные отношения с их атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше россиян ищут им действенную альтернативу. Если не брать во внимание религию, которую сегодня российские власти буквально навязывают общественному сознанию, то такой альтернативой может быть только социализм с его идеалами свободы, равенства, справедливости, интернационализма и гуманизма. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Еще раз о понятиях «социализм» и «свобода»

Как известно, «социализм» - понятие многозначное. Оно связано с характеристикой общественного устройства, названием политических движений и партий, определенной идеологией и т. д. Существуют разные основания при различении типов социализма. Например, с классовой точки зрения говорят о феодальном, буржуазном, мелкобуржуазном и пролетарском социализмах. Характеризуя властные отношения, выделяют государственный, бюрократический, демократический и самоуправленческий социализм. С позиций познания и практической осуществимости рассматривают научный, утопический, идеальный, реальный, «мутантный» и др. виды социализма.

Понятие «социализм» было впервые введено в научный оборот сенсимонистом Пьером Леру в качестве альтернативы понятию «индивидуализм». В своей работе «Об индивидуализме и социализме», написанной в 1834 году Леру говорил о том, что он его придумал в 1814 году. При этом он выделял два фундаментальных начала в обществе: «стремление человека к свободе» и стремление человека к «общественности» («социальности»). Последнее начало он и называл словом «социализм», которое противопоставил, с одной стороны, индивидуализму и эгоизму, а, с другой, «абсолютному социализму», который он отождествил с государственной тиранией. По мнению Леру эти два начала напоминают собой два пистолета, направленные навстречу друг другу и в этом смысле они символизируют крайности, одинаково далекие от истины.

В этой связи задолго до возникновения в истории «казарменного социализма» Леру пророчески писал: «Пусть сторонники абсолютного социализма излагают свои тиранистские

взгляды, пусть они хотят нас организовать в полки ученых или в полки промышленников. Пусть они дойдут до признания вредности свободы мысли. В тот же момент вы почувствуете себя отвергнутыми. Ваш энтузиазм охладевает, ваши чувства индивидуальности и свободы восстают, и вы с грустью вновь обращаетесь к настоящему перед ужасом этого нового папства - подавляющего, всепоглощающего, которое трансформировало бы человечество в некую машину, где настоящие живые существа - индивиды - являются всего лишь необходимым материалом вместо того, чтобы являться арбитрами своей судьбы»[2].

Быть «арбитром своей судьбы» и означает «стремление человека к свободе и началам общественности»[3]. Здесь следует отметить, что уже Леру понимал особенность социальной природы человека. В отличие от христианских теологов он видел в человеке не часть «мистически понятого общественного тела», а «такой плод на дереве человечества, который в зародыше содержит дерево, его породившее»[4]. По его мнению, личность человека выражает свой век, свой народ и свое поколение. Она во многом суверенна и в этом смысле свободна.

Думаю, такая трактовка человеческой личности оказала свое влияние, как на немецких истинных социалистов, так и на основоположников марксизма. Первые сделали из нее выводы, абсолютизирующие роль личности в истории, и тем самым заложили основы теории анархизма (Штирнер, Бакунин и др.). Вторые, увидев в человеке индивидуальное проявление общества и государства, обосновали материалистическое понимание истории и сформулировали свой знаменитый социальный идеал, говорящий о том, что грядущее общество будет представлять собой ассоциацию, в которой, повторим, «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Обе эти ветви социализма связывали будущее человечество с ликвидацией государства как машины насилия над человеческой личностью и становлением общественного самоуправления. И социалисты и анархисты были убеждены в том, что там, где есть подлинная свобода, - не должно быть государства, а там, где есть государство, - не может быть полной свободы. Расхождения касались лишь путей устранения государства из жизни общества: марксисты связывали этот процесс с постепенным отмиранием классов, анархисты считали, что государство должно исчезнуть сразу после революции[5].

Вслед за Леру некоторые современные марксистские теоретики видят отличительную специфику социализма только в преобладании общественного начала над частным[6]. И хотя в такой интерпретации социализма есть доля истины, его не

следует преувеличивать. Дело в том, в этом случае понятие «социализм» приобретает во многом внеисторический, или абстрактный характер. Так, примат общего над частным можно наблюдать и в первобытных обществах, однако называть их социалистическими вряд ли возможно. Как известно, Маркс связывал специфику социализма, прежде всего, с материальными предпосылками его зарождения в недрах капиталистического общества, в частности, с тенденциями реального обобществления труда и наличием активного рабочего класса. *Социализм как реальность в научном понимании, конечно, начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов.* В этом смысле социализм выступает посткапиталистическим обществом, которое наследует у капитализма все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой и отрицает все, что связано с порабощением и угнетением человека.

Многомерность научного понятия «социализм» наиболее наглядно проявляется в его различных определениях. Так, с философско-исторической точки зрения социализмом называют первую фазу преодоления эксплуатации и всех видов социального отчуждения. С экономической точки зрения социализм выступает как результат реального обобществления производства. С точки зрения процесса строительства нового общества социализм - это «живое творчество масс». Наконец, с социально-политической точки зрения - это власть трудящихся, утверждение демократии, самоуправления и свободы личности.

Давая самое общее и простое определение понятию «социализм», можно сказать, что наука видит в нем такое общество, в котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов.

В обществознании понятие «социализм» часто связывают только с господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание социалистического общества явно недостаточно. Оно носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял социализм с переходом к гуманистическому обществу, где экономика становится не целью, а средством социального и духовного развития людей. Что же собой представляет социализм в его философской и научной аутентичности? Каковы его характерные и сущностные признаки?

Нам представляется, что *отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма, является идея свободы.* Она выступает действенной альтернативой непосредственной зависимости человека от капитала и социального отчуждения в

буржуазном обществе. В этой связи, *социализм означает не что иное, как рождение и нарастание реальной свободы человека.* При социализме начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как «человеку общественному». Здесь люди постепенно перестают противостоять друг другу как враждебные классовые индивиды. Они начинают дополнять и творить друг друга как сознательные и свободные существа.

На мой взгляд, сегодня необходимо возродить и развить понятие социализма как всеобщего дела свободы. В этом же смысле следует говорить и о всемирно-исторической миссии рабочего класса, людей труда, призванных, в конечном счете, освободить самих себя и все человечество от всех форм угнетения и порабощения, сделать труд каждого человека творческим и всеобщим. Можно сказать, что рабочий класс, трудящиеся являются объединителями человечества для высвобождения его творческих созидательных потенций и производительных сил. Логически и исторически верно заключение о том, что социализм есть такой феномен, который, преодолевая крайности индивидуализма, генетически связан с такими фундаментальными ценностями, как справедливость, солидарность, интернационализм, равенство, гуманизм и свобода. При этом свобода здесь не должна пониматься только через отрицание, только как свобода «от». В крайнем своем выражении подобная свобода есть свобода от всего материального. Понятно, что она не достижима в реальном мире: ее удел - это потусторонний религиозный мир.

Марксистское понимание свободы, напротив, позитивно и материалистично. В этом случае она определяется через такие понятия, как «власть», «могущество», «деятельность», «труд». Свобода - это власть человека над окружающей его природной и социальной средой, над реальными обстоятельствами жизни. Свобода без овладения властью - звук пустой.

Могут сказать, что идея освобождения человека - не марксистская идея, что она известна еще со времен Великой Французской революции (сравни ее известные лозунги: Свобода! Равенство! Братство!) и даже раньше. Что ж, с этим тоже можно согласиться. Маркс и Энгельс здесь не были оригинальны, однако они были оригинальны в другом: в новой трактовке понятия «свобода». Во-первых, в отличие от либеральных теоретиков, они связали осуществление свободы не только с отдельным индивидом, как правило, частным собственником, а со всем обществом, и прежде всего с рабочим классом, трудящимися. Во-вторых, в отличие от идеалистической трактовки свободы, как

только *осознанной необходимости* (сравни: Спиноза, Гегель), они дали ей историко-материалистическое обоснование и толкование. Свобода, с точки зрения марксизма, рождается в ходе революции и нарастает по мере роста материального производства, развития труда и научных знаний. Она есть не только осознание необходимости, но, повторим, основанная на этом осознании «власть», «могущество» «господство» человека, класса, общества «над обстоятельствами и отношениями»[7].

Свобода не только факт нашего сознания, но и результат практического действия. Свобода в этом плане, говоря словами Маркса, есть «преодоление препятствий»[8]. Раб, осознавший невыносимость рабства, еще не свободен: лишь встав на путь борьбы с ним, он обретает свободу. Пролетариат также лишь тогда добивается свободы, когда в ходе борьбы овладевает политической властью, становится господствующим классом в обществе. Вот почему классики научного социализма считали вопрос о власти «коренным вопросом всякой революции»[9]. Революция в этом отношении - первый шаг к свободе. Что касается социализма как реального общества, то он начинается тогда, когда рабочий класс, трудящиеся приходят к политической власти. Там же, где государственная власть отчуждена от трудящихся и заменена властью бюрократов, мы имеем дело либо с деформацией социализма, либо с отступлением от него. Это, говоря словами Маркса, «фальшивый социализм». Вот почему бюрократизм - враг социализма. Он прекращает живое творчество масс, ликвидирует их свободу, подменяя ее директивами и указаниями сверху.

Подчеркнем: *социализм как реальное общество начинается там и тогда, где и когда рабочий класс, трудящиеся берут государственную власть в свои руки; он завершается с ликвидацией классов, исчезновением государства, и, следовательно, самой политики, т. е. с наступлением коммунизма, который социалисты и коммунисты полностью, вслед за Марксом, называют «царством свободы» или «реальным гуманизмом». В этом смысле* ***реальный социализм остается переходным и социально противоречивым обществом***. Возможно его движение вперед, к осуществлению полной свободы, и движение назад, связанное с превращением в антагонистическое общество. Последнее происходит неизбежно, если политическую власть трудящихся перехватывает союз бюрократии и возникшей новой буржуазии. Примеры такого явления уже известны современной истории.

Маркс и Ленин использовали категорию «свобода» для обозначения конечной цели революционной борьбы рабочих далеко не случайно. Она наиболее полно выражает сознательное

отношение людей к условиям их жизни. Без нее невозможно научное управление общественными отношениями и ходом истории. В таком понимании свободы человек рассматривается не как пассивный объект управления, а как творческий и активный субъект деятельности или самодеятельности. Социализм с необходимостью возникает там, где власть используется в интересах трудящихся, для их полного освобождения от всех форм рабства и угнетения. Отсюда понятно, что свобода трудящихся, повторим еще раз, невозможна без взятия ими политической власти, призванной выражать их общие интересы.

Говоря о свободе, следует учитывать, что она по своему проявляется в различных сферах общественной жизни. Есть важный аспект технологической свободы, которая возвышает человека над природой, над отношениями вещей. Свобода иллюзорна при низком уровне производительных сил, при формальном или насильственном обобществлении. Овладение стихией производственных отношений определяет свободу в экономической сфере. Свобода в социальной сфере есть сначала смягчение, а затем и ликвидация зависимости от тяжелых условий труда и быта. Человек не должен страдать от тяжести физического труда, нищеты, убогости быта и сферы обслуживания. Решение этих проблем способствует росту степеней социальной свободы. Свобода в области культуры - это овладение людьми ценностями высокой культуры в противоположность владению стандартизованной массовой культурой. Только преодолев пропасть бескультурья, достигнув высот в духовном развитии каждого человека, можно говорить о свободе в этой сфере. Культура производства, обмена, торговли, общения и т. д. - лишь отдельные проявления такой свободы.

О собственности, плане и рынке

Хотя социализм не сводится к экономике, он не может быть реализован без нее. Не может быть свободы без экономической власти, т. е. без собственности на средства производства. Лишенный собственности человек не свободен. Частная собственность ведет к свободе частного собственника, общественная собственность - к свободе всего общества или отдельных объединений и ассоциаций трудящихся. Величина собственности служит мерой экономической свободы. В частнособственническом обществе свобода одних означает несвободу для других - «чужое» для них дело. Частная собственность всегда была источником глубинных социальных

расколов в обществе, и об этом нелишне было бы знать современным ревнителям повсеместной приватизации и абстрактной свободы.

Социализм устраняет господство частной собственности и вводит собственность общественную, тем самым он создает экономические предпосылки для освобождения трудящихся классов. Почему только предпосылки? Потому что есть две опасности, которые подстерегают здесь трудящихся. Первая, - это преждевременное введение общественной собственности там, где еще целесообразна частная. Вторая, - это передача контроля над общественной собственностью в руки государственной бюрократии, которая с ее помощью становится бесконтрольным властелином над обществом. И в том и в другом случае трудящиеся проигрывают, тормозится процесс их реального освобождения. Рассмотрим это более подробно.

Реальной свободой обладают те, кто владеет средствами производства и обращения. При этом производство должно экономически и технологически дозреть до обобществления, до ассоциированной собственности - материальной основы «свободной ассоциации» людей. Общественная или ассоциированная собственность - не сама по себе свобода, а лишь ее необходимая основа, условие, путь к ней. Классический марксизм рассматривает собственность как социальный феномен. То есть собственность это отношение между людьми по поводу средств производства и обмена. И в этом смысле она имеет зависимый от производительных сил характер. Опыт истории показывает, что процесс практического создания социалистического общества должен постоянно учитывать уровень реального обобществления производства, которое определяется уровнем развития производительных сил.

Игнорирование этого уровня на практике, как правило, приводит к стагнации экономики. Именно это явление имело место в сталинской политике обобществления сельского хозяйства, когда обобществлялись примитивные орудия и средства крестьянского труда. Сталин считал, что общественная собственность сама по себе выше, чем частная, безотносительно к росту производительности труда, безотносительно к развитости производительных сил. Это было, на мой взгляд, ошибочное мнение. По Сталину можно было обобществлять (кооперировать) крестьянина с сохой, а то и без нее. В результате такого сугубо формального обобществления сельское хозяйство на долгие годы становилось непродуктивным, не говоря уже о трагедии миллионов раскулаченных средних и даже бедных крестьян. По Марксу подобное обобществление ведет не к социализму, а к

возрождению «старой мерзости»[10], т. е. примитивному и малопроизводительному крестьянскому хозяйству.

Именно производительные силы (трудящиеся и их техника), определяющие отношение человека к природе, определяют и формы собственности — чем выше производительные силы, чем эффективнее и производительней труд, тем более эффективными и свободными должны быть формы собственности. Справедливо и обратное заключение: чем больше форма собственности стимулирует производство и рост производительных сил, тем более она исторически необходима, а преждевременный отказ от нее может только затормозить экономическое развитие страны.

Необходимость замены частной собственности на государственную и общественную возникает только тогда, когда первая полностью себя исчерпала как форма развития производительных сил общества. Так, сегодня очевидна целесообразность государственной собственности в сфере атомной энергетики, железнодорожного транспорта, космонавтики и т. п. Однако там, где частная собственность более эффективна, чем государственная, например, в сфере быта, мелкотоварного сельского хозяйства и т. д., нет необходимости ее упразднять раньше времени. Это может принести, и, как показывает практика, приносит большой урон обществу. Главным критерием здесь должна служить не идеологическая установка, а интересы трудящихся. Если последние удовлетворяются частником лучше, чем государством, частная собственность имеет полное право на существование. За рабочим, или социалистическим государством остается лишь право контроля за ней.

Может быть, наиболее популярным доказательством несостоятельности социалистической идеи является стремление буржуазных идеологов убедить людей в том, что социализм есть явление, противоречащее естественной природе человека, а капитализм, напротив, ее прямое следствие. Обосновывается это следующим образом. Поскольку природа человека сугубо индивидуальна, постольку частная собственность как основа капитализма ей полностью соответствует, а общественная собственность, составляющая основу социализма, полностью противоречит. Частная собственность, - писал в свое время идеолог «белого движения» Иван Ильин, - «вложена в человека и подсказана ему самою природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт». Отсюда вывод: «Бессмысленно вводить социалистической строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелепо воображать, что естество

человека можно переплавить в социалистическом духе...»[11].

На самом деле, не все так просто, как казалось И. Ильину. Частная собственность не является индивидуальным свойством человека. Как говорил еще Маркс, полемизируя со Штирнером, «я владею частной собственностью лишь постольку, поскольку я имею что-нибудь такое, что можно продать, между тем как свойственные мне особенности отнюдь не могут быть предметом купли - продажи»[12]. Отождествление частной собственности с индивидуальными или естественными свойствами человека есть прямое следствие того, что сугубо общественные отношения купли-продажи в буржуазном обществе стали основой всех других отношений.

Общественные отношения, вообще, не сводятся к естественным или индивидуальным свойствам человека. Мало того, все «естественное» в человеческом обществе модифицируются и «переплавляется», приобретая новое «социальное качество». Это относится и к телу человека (например, прямохождение), и к его инстинктам (которые осознаны), и к его мозгу, который развивается под влиянием трудовой практики. Что же касается категории «собственность» (включая все ее формы), то она выражает, прежде всего, отношение людей друг к другу по поводу средств производства и обращения товаров, и уже поэтому не может быть сугубо естественным началом.

Общность людей, их постоянное взаимодействие в процессе производства порождают потребность людей именно в общественной собственности, которая, между прочим, гораздо древнее частной. В этом смысле, общественная собственность более «естественна», чем частная, а социализм более соответствует природе человека, чем капитализм. Попытки приписать частной собственности статус «естественного» начала, а общественной собственности статус «противоестественного», противоречат, на мой взгляд, истине и лишь выдают классовую заинтересованность таких идеологов.

В этой связи есть смысл сжато остановиться на так называемой «коммунистической собственности», которую некоторые марксисты называют собственностью «каждого на всё». В качестве примера такой собственности часто приводят отношения людей к великим открытиям в науке (например, создание таблицы Менделеева, или разработка теории относительности Эйнштейна) и другим подобным результатам «всеобщего труда». На наш взгляд (и не только) в таком случае исчезает сама категория «собственности» подобно тому, как исчезает понятие «демократия», когда последняя начинает

выражать интересы абсолютно всех членов общества. То есть, до тех пор пока общество социально дифференцировано, необходимость в демократии сохраняется, когда же такая дифференциация исчезает (например, с исчезновением классов), социальная необходимость в демократической форме государственной власти (впрочем, как и в самом государстве) отпадает. На их место приходит общественное самоуправление в различных его формах (производственное, территориальное, школьное и т. д.).

У любой формы собственности есть свой исторический предел существования. Когда-то была первобытная коммунистическая собственность, которая взорвалась, под влиянием роста производительных сил. Наступила тысячелетняя эпоха господства частной собственности в ее различных исторических проявлениях. Лишь на высокой стадии капиталистического развития производительные силы начинают снова требовать новую форму собственности - общественную. По Марксу это происходит потому, что со временем капитал уже не вмещается в отношения частной собственности, выходя за ее пределы. Характерным проявлением этой закономерности сегодня являются мировые кризисы, приводящие к остановке производства, падению доходов и заработной платы, росту безработицы и т. д. Не менее наглядно об исчерпании частной, в частности, капиталистической собственности, говорят мировые и локальные войны, этнические, расовые и межцивилизационные конфликты, острейшие проблемы экологии и другие глобальные проблемы человечества. Эти и подобные им проблемы и кризисы - свидетельство иррационального характера современного капиталистического производства, основанного на частной собственности, показатель необходимости перехода сначала к государственной, а затем и собственно общественной собственности, позволяющей сознательно планировать и управлять социально-экономическим развитием стран, а в будущем и всем человечеством, в целом.

Существует распространенный прием либеральной и неоконсервативной критики социализма, отождествляющей его с тотальным директивным планированием. Так в свое время Милтон Фридман, утверждал, что в Англии начавшееся после двух мировых войн «коллективистское экономическое планирование и в самом деле ущемило индивидуальную свободу»[13]. Нечто подобное говорил и уже упоминавшийся Фридрих Хайек. Беря за основу своих рассуждений сталинскую модель планового социализма, он утверждал, что планирование общественной жизни, по сути своей противоположно идее

человеческой свободы, ибо политическая власть «вступив на путь планирования, чтобы достичь справедливости», создает условия, в которых люди начинают добиваться одного - «расположения власть имущих»[14]. Отсюда им и делался вывод о том, что социализм есть «дорога к рабству».

На самом деле, социализм как результат сознательного подхода к истории, не сводится только к планированию. Отождествление социализма со всеобщим директивным планированием весьма далеко от научного или марксистского его видения. В этой связи следует напомнить - известный спор Ленина и Плеханова по поводу содержания первой Программы социал-демократической партии России, где Плеханов пытался связать определения социализма только с планированием и удовлетворением потребностей людей. В ответ Ленин говорил, что планирование и удовлетворение потребностей осуществляется в определенной степени и при капитализме, например, трестами. Социализм есть нечто большее: это общество, где удовлетворяются потребности каждого гражданина за счет всего общества, где властный приоритет отдан трудящимся, где, в конечном счете, создаются необходимые условия для «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»[15].

Скажем коротко о проблеме соотношения плана и рынка при капитализме и социализме. Является ли план специфически капиталистическим явлением, а рынок специфически социалистическим, или они суть общецивилизационные механизмы производства и распределения в обществе, находящемся на определенной исторической стадии развития? Думаю, что и рынок, и план есть общецивилизационные механизмы функционирования более или менее развитой экономики. Но если это так, то и рынок должен поддаваться определенному государственному регулированию, и государственный план опираться на рынок, как на обратную связь с производством.

Любой общецивилизационный механизм, будь то рынок, будь то маркетинг, будь то план, имеет две стороны. Они могут работать в интересах трудящихся, и они же могут работать в интересах «верхних» ста тысяч. В условиях господства общественной собственности происходит удовлетворение интересов абсолютного большинства общества, при господстве частной собственности в первую очередь удовлетворяются интересы «верхних» ста тысяч. Это еще раз подтвердили, например, меры российского правительства, направленные на преодоление первого в истории глобального финансово-

экономического кризиса, когда миллиарды долларов из государственной казны пошли, в первую очередь, на покрытие финансового дефицита банков и частного олигархического капитала, а не реального производства и удовлетворения интересов и потребностей трудящихся.

В этой связи наиболее рьяным противникам плановой экономики хотелось бы сказать следующее: не план себя дискредитировал в СССР, дискредитировала себя бюрократическая форма директивного планирования, когда у нас сверху планировалось буквально все, вплоть до гвоздей и чайных ложек. Конечно, такую форму планирования следует отбросить. Но означает ли это, что в условиях современного развитого общества, и тем более, в условиях реального социализма следует отказываться от планирования и все отдавать на откуп свободного рынка? Думаю, этого нельзя делать. Напротив, исторический опыт говорит, что успехи экономики появляются там, где органически соединяется рынок и осуществляется научное и демократическое планирование.

О коллективизме и гуманизме

Освобождение всех производительных и творческих сил человека для достижения всеобщего блага - вот открытый Марксом закон, объективно пробивающий себе дорогу в истории человечества. Вместе с тем история учит, что искусственно форсировать данную тенденцию и насильственно навязывать людям «лучшее будущее» - значит блокировать развитие реального социализма. Опыт показывает, что любое нарушение меры в органике процессов становления и формирования социализма чревато формальной переорганизацией, абсурдом, тотальностью. Это и происходит в условиях мелочного и директивного планирования, расширения государственных функций до прямого вмешательства в личную и общественную жизнь. Здесь свобода превращается в произвол, коллективизм в тотальность, общее благо в выгоду государственных чиновников.

Чтобы избежать «ловушки тотальности» для социализма и свободы, следует помнить, что тоталитаризм может вырасти не только из частных, но и из абсолютизации коллективистских или государственных начал[16]. Тождество и различие, «то же и иное» - на этих принципах должны строиться основы самоорганизации социалистического общества. Философская формула «единство многообразного» применительно к свободе при социализме означает, что свобода людей должна гарантироваться

разнообразием видов общей и индивидуальной собственности, различными формами хозяйствования, политическим представительством многообразных социальных интересов, существующих в реальном обществе.

Выяснение сущности свободы подводит нас к более глубокому пониманию социализма. В отличие от свободы немногих в капиталистическом обществе социализм имманентно связан со свободой многих, т. е. большинства граждан общества. Повторюсь, трудящиеся достигают свободы лишь тогда, когда овладевают политической и экономической властью, когда используют ее в интересах всех объединившихся вокруг них индивидов, в идеале всего общества. Здесь корни подлинного коллективизма.

Социализм - это коллективистское общество, это движение людей труда ко всеобщему благу и свободному, творческому и всестороннему развитию человека.

Анализ античного, азиатского, феодального и, специально, капиталистического способов производства привел К. Маркса к выводу о естественно-историческом вызревании социально-экономических предпосылок социалистического общества, преодолевающего отчуждение, эксплуатацию человека человеком, индивидуализм и эгоизм. По его мнению, такое общество рано или поздно породит утверждающий коллективизм как гармонию личных и общественных интересов, как свободу и взаимопомощь, умножающие творческие возможности каждого индивида. Такое органическое *взаимодействие индивида и коллектива, личности и общества и есть осуществление свободы и конечная цель реального социализма,* который отличается, с одной стороны, от капитализма с его анархией и эгоизмом интересов, а с другой - от «казарменного социализма», в котором происходит тотальное поглощение личности государством. Отличается реальный социализм и от коммунизма как более высокой стадии (фазы) развития человечества, где по мере высочайшего развития производства и исчезновения общественного разделения труда постепенно исчезает рабочее время и начинают диктовать свою волю законы свободного времени и потребности всестороннего развития человеческой личности.

Для Маркса и его последователей индивидуальное проявление свободы возможно лишь в коллективе, в обществе, государстве. В условиях подлинного социализма свобода личности обеспечивается ассоциацией и посредством нее. Коллективность здесь выступает не противоположностью личности, а условием ее свободного выражения и развития. Здесь контроль трудящихся над государством - основное условие.

Настоящая свобода начинается там, где государство полностью подчинено и подконтрольно народу, где коллектив не противостоит личности, а продолжает ее.

Как известно, «принцип человека», или принцип гуманизма, восходящий к истокам Возрождения и Просвещения, был усвоен и по-своему переработан марксизмом. Он получил у Маркса социальное, в противоположность натуралистическому, прочтение и понимание. По сути дела, гуманизм, как учение о полном «возрождении человека» и его «всестороннем развитии», составляет основу марксовой теории освободительной миссии рабочего класса. Последний призван объективным ходом истории преодолеть все виды социального угнетения человека, рабскую зависимость людей друг от друга, одностороннее развитие личности. *Ассоциация свободных, духовно богатых и всесторонне развитых личностей - вот конечный идеал всех левых сил, который вытекает из общей направленности исторического процесса. Социализм начинает практическое осуществление этого идеала, коммунизм его продолжает и развивает в новых исторических условиях.*

Нередко в литературе понятие «коммунизм» связывается только с полным господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание будущего общества явно недостаточно. Оно, повторим, носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял коммунизм с «реальным гуманизмом», считал, что в этом обществе произойдет полная эмансипация человека, его чувств и взглядов. В нем исчезает всякое отчуждение, свойственное прошлой истории и происходит, как уже отмечалось, возвращение человека к самому себе как «человеку общественному».

Общество «реального гуманизма», или коммунизм - это не выдумка субъективного утопического сознания, а прообраз реального человеческого общества, взятого в его развитом или зрелом виде. «В коммунизме - писал известный советский философ Михаил Лифшиц, - общество находит соответствующую ему форму существования, становится обществом в собственном смысле слова, то есть соответствующим своему понятию»[17]. Как уже отмечалось, в нем люди не противостоят друг другу как классовые индивиды, а дополняют и творят друг друга как люди, наделенные разумом и сердцем. В этом обществе не прошлое господствует над настоящем, а настоящее над прошлым, не вещи и отношения господствуют над людьми, а люди господствуют над вещами и отношениями. Именно в таком обществе свобода каждого становится условием свободы всех.

Могут спросить, образ какой же реальности содержится,

например, в социалистическом идеале, если - он относится к обществу будущего? Ответ может быть только один: не только к будущему. Исторически социализм подготавливается всей предшествующей историей. В форме конкретного зародыша он появляется при капитализме в многочисленных фактах автоматизации производства, облегчающей и заменяющий физический труд человека, в попытках сознательного планирования и управления экономикой. Социализм можно увидеть в конкретных процессах ликвидации наемничества (в частности, на предприятиях с собственностью работников), в различных акционерных обществах и самоуправляющихся кооперативах, которые, по мысли Маркса и Ф. Энгельса, делают «лишними» буржуа и являются своеобразным «отрицанием капитализма в рамках капитализма», наконец в нарастании и повышении роли творческих и информационных процессов в жизни общества. Наряду с этим, для понимания социализма будущего также нельзя сбрасывать со счетов тот положительный опыт социалистического строительства, который накоплен в странах реального социализма, как бывших, так и ныне существующих.

Как показывает опыт истории, становление и развитие социализма это длительный, сложный и противоречивый процесс. Лишь в конечном счете в нем может произойти полная эмансипация человека от всех видов технологического, социального и духовного отчуждения, т. е. возникнуть общество «реального гуманизма».

Вместе с тем вопрос о «реальном гуманизме» не является вопросом только конечной цели рабочего движения: он всегда был и насущным вопросом. Так, В. И. Ленин и руководимая им РСДРП(б) осуществляли его уже в ходе революционных преобразований российской действительности, в повседневной работе советского правительства, добивавшегося на практике качественного улучшения жизни беднейших слоев общества, ликвидации безграмотности и детского беспризорничества, материальной поддержки ученых и деятелей культуры и т. п. В этом смысле осуществление гуманизма и становление социализма - совпадающие процессы. Однако это совпадение не всегда претворялось в жизнь, например, в условиях сталинского режима власти, чем и был нанесен существенный ущерб не только практике, но и самой идее социализма.

Критики марксистской теории социализма пытаются всячески принизить гуманистический характер самой социалистической идеи. По их мнению, ее реализация на практике приводит к подавлению личности обществом, растворению человека в классе,

нивелировке индивида в коллективе. Нет спора, что подобные явления имели место в условиях тоталитаризма, но его не следует отождествлять с реальной социалистической тенденцией, начало которой восходит к Октябрю и деятельности Ленина как основателя Советского государства.

Здесь уместно заметить, что марксизм никогда не отрицал идеала либерализма, провозгласившего свободное развитие индивида. Напротив, этот идеал по своему входит и в социалистическое учение, которое доказывает, что практическое его осуществление возможно лишь в обществе, где исчезают социальные антагонизмы, где «иллюзорная» коллективность частных собственников заменяется подлинной коллективностью трудящихся.

Эта коллективность людей труда, базирующаяся на общности интересов, по природе своей сознательна и деятельна. В этом смысле она противоположна как приказной казарменной коллективности, так и сугубо созерцательной религиозной соборности.

В теории научного социализма гуманизм не противостоит коллективизму. Напротив, они органически дополняют друг друга. Человек реализует свои способности через коллектив, а коллектив помогает их более полному раскрытию. Повторю, только в коллективе, по Марксу, возможно полноценное проявление индивидуальной свободы. На первый взгляд, это выглядит парадоксом, но на самом деле это не парадокс. Дело в том, что по своей сути, человек - существо коллективное, общественное. «Человек, - писал Маркс, - это мир человека, государство, общество»[18]. Он не может существовать вне общества, вне коллектива, вне общения с людьми. В своем индивидуальном развитии он во многом повторяет историю развития человеческого общества. Язык человека, его знания, мысль, культура, нравственность - это продукт и наследие общества. Он овладевает этим наследием и преумножает его. Вот почему человек не в состоянии вырваться из общества даже тогда, когда он находится в полном одиночестве. Как любил повторять В. И. Ленин: «... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»[19]. Но, если нельзя быть свободным от общества, то, следовательно, нужно быть свободным посредством общества, посредством того коллектива, того класса, той социально-профессиональной группы, которые связывают индивида с обществом, а общество с индивидом.

Наступающая постиндустриальная эпоха ставит в центр общественного прогресса целостного человека с его потребностями, интеллектуальными и творческими

способностями. Именно *свободный, творческий человек все очевиднее становится главной производительной силой XXI века.* Свободное развитие такого человека, сопряженное со свободой других людей, и создает тот общечеловеческий базис будущего, которое в современной литературе называют разными именами: постиндустриальным, информационным, посткапиталистическим, обществом знаний и, наконец, социализмом. Видимо не случайно большинство россиян, прошедшим школу современного дикого капитализма, по многим опросам общественного мнения ставят эту ценность на первый план - наряду со справедливостью, достатком и порядком. Прав был поэт, сказавший, что «все прогрессы реакционны, если гибнет человек»

Идея социализма включает в себя наряду с ценностями свободы, гуманизма и коллективизма, и такую ценность как равенство.

О равенстве, справедливости, демократии и самоуправлении

В последнее время в публицистике, в философской и научной литературе социальный идеал равенства трактуется в критическом и даже уничижительном плане. Здесь сказывается последствие его извращенного понимания и практического применения в нашей стране в форме принудительной уравниловки. Равенство, понятое как уравниловка, сегодня отвергается массовым сознанием. Специально сделаем ударение на словосочетании «социальный идеал», ибо проблему равенства пытаются трактовать сугубо натуралистически, доказывая, например, что равенство вообще невозможно, ибо люди от природы неравны. Никто не будет возражать против этого аргумента, но он никакого отношения не имеет к научному пониманию проблемы равенства.

Как известно, основатели научной теории социализма под равенством всегда имели в виду не природное, а социальное равенство, или неравенство людей. Они проявляются как социальное отношение, связанное с делением общества на классы, например, как возможность трудящихся распоряжаться общественным богатством, созданным их руками. Речь идет в первую очередь о равном отношении к собственности на средства производства, о равном доступе к политической власти и принятию политических решений, о равных правах человека и гражданина по отношению к всем сферам общественной жизни. В этом смысле идеал равенства является непреходящей ценностью социализма, неотъемлемой составляющей социалистической

идеологии. Социальное неравенство, вытекающее из противоположности труда и капитала, эксплуатации человека человеком, слабой социальной защищенности пенсионеров, молодежи, женщин, всегда будет злом, против которого боролись, борются и будут бороться сторонники социализма.

Особое место в социалистической идеологии занимает такая ценность, как справедливость. В России она всегда занимала одно из первых мест подобно ценности свободы у американцев. Ее обычно понимали (и понимают поныне) как правду человеческих отношений, включая отношения в процессе труда, отношения человека и государства, власти и общества. Ради справедливости россияне шли на баррикады, сражались с иноземными захватчиками, боролись за свободу и демократию. Поэтому создание социализма всегда мыслилось в России как создание справедливого общества, в котором происходит реальное преодоление социальной несправедливости в человеческих отношениях.

Понятно, что современное российское общество, испытывая на себе второе пришествие капитала, весьма далеко отстоит от реализации этой ценности. Главным его противоречием сегодня является противоречие между узким слоем богатой и сверхбогатой части общества, с одной стороны, и остальным, в основном, бедным населением, с другой. По накалу интенсивности это противоречие «превосходит все остальные межгрупповые взаимодействия в 1,5-2 раза»[20].

Исследователи социальной структуры российского общества обоснованно говорят о его «глубоком социальном разломе», породившем две противоположные России: Россию абсолютного меньшинства богатых и сверхбогатых граждан, для которых жизнь - это «поле чудес» и Россию большинства бедных и нищих граждан, для которых жизнь - это «море слез». Этот вывод полностью подтверждается статистикой, которая говорит о том, что в настоящее время около половины россиян - это малообеспеченные или бедные люди. Из них более 20% находится на грани бедности и нищеты, а 7% пребывает в состоянии глубокой нищеты. Различие в заработной плате верхних и нижних десяти процентов достигает 30 и более раз, различие в номинальных доходах 14 раз, а в фактических доходах - 17-18 раз, что в пять с лишним раз выше, чем в советские времена и в три раза выше, чем в современных развитых странах[21]. Прошедший глобальный финансово-экономический кризис, несмотря на оптимистические заявления российских властей, еще больше увеличил эту социальную пропасть.

Социальное равенство и справедливость невозможны без

освобождения трудящихся от всякой экономической зависимости, будь то зависимость от частного собственника или бюрократического государства. На социалистической стадии общественного развития это возможно только в одном случае, если власть и государство находится под их непосредственным контролем. Здесь экономика переходит в политику, превращаясь в проблему демократии. Непосредственное участие трудящихся в государственном управлении составляет суть социалистической демократии, Ленин рассматривал ее как необходимый элемент социализма, на деле реализующий идею свободы. Власть трудящихся, свобода, справедливость и реальная демократия лишь разные выражения, ипостаси, грани социализма.

Итак, *глубинным смыслом идеи социализма является освобождение трудящихся от эксплуатации и отчуждения путем полного овладения ими экономической и политической властью. Там, где этот процесс происходит, возникает подлинный эффект социалистичности. Там, где он прерывается, налицо деформация социалистической идеи, или отход от нее.*

Формула социалистической демократии: «власть трудящихся, для трудящихся и посредством трудящихся» является, на мой взгляд, определяющей для специфики социализма. В этом смысле демократия и социализм - понятия тождественные. При имевшихся в советской истории деформациях государства это коренное свойство социализма смазывается. Когда власть трудящихся узурпируется и от их имени начинает править один человек (вождь, генсек, президент) или узкая группа лиц (бюрократия), свобода масс исчезает, и нарастают многообразные процессы социального и политического отчуждения. Бюрократизм и формализм власти порождает отчуждение человека от человека, от результатов труда и самой власти. *Раскрестьянивание, чрезмерная работа на фабрике или заводе, антигуманизм в социальной сфере - примеры обратного движения от свободы к рабству, это прямое извращение социалистического идеала и социалистического бытия.* Именно это извращение и берется за основу при критике теории научного социализма.

Обычно, когда говорят о социалистической демократии, имеют ввиду, прежде всего, ее политический характер. При этом совершенно упускается из виду экономическая демократия, которая дает возможность преодолеть на практике наемный характер труда, что только и делает трудящегося человека полноценным хозяином общественного производства. Нельзя забывать, что *конечной целью аутентичного социализма всегда было освобождение людей от наемного рабства, составляющего основу капиталистического производства и всего буржуазного*

общества.

Как показывает практика «государственно-бюрократический социализм» эту проблему полностью не решает: в нем сохраняется отчуждение человека от средств производства и результатов его труда. Вместе с тем, решение этого вопроса вполне реально. Еще Маркс наметил пути его решения, исследуя явления акционирования капитала, возникшее во второй половине XIX века в практике кооперативных фабрик рабочих. Вопреки догматическим взглядам некоторых левых теоретиков[22], Маркс считал, что уже на этих фабриках «уничтожается противоположность между трудом и капиталом»[23], возникает «непосредственная общественная собственность» и «новый способ производства»[24]. Маркс увидел в этих самоуправляющихся фабриках рабочих ростки будущего, которые он выразил в следующей о многом говорящей фразе: «Упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства»[25].

Эта малоизвестная мысль Маркса показывают, как может функционировать социалистическое общество уже на первых ступенях своего исторического развития. Аналогичные мысли высказывал и Ленин в своих последних работах[26], анализируя проблему соединения частного и общественного интереса, роль кооперации и госкапитализма в условиях Советской власти. Суть этих идей состоит в принципиальной возможности преодоления социального отчуждения и наемного характера труда, присущего как капитализму, так и «государственно-бюрократическому социализму».

Нельзя забывать, что подлинный, а не «фальшивый социализм»[27] создается снизу, превращая каждого труженика в совладельца результатов коллективного труда конкретного предприятия и всего общества, в целом. Только таким путем можно преодолеть вековое наемное рабство и достичь подлинного производственного и общественного самоуправления трудящихся как конечной цели социализма.

Зачатки такого социализма неоднократно возникали и возникают в истории. Их можно увидеть в деятельности Парижской Коммуны, ряда трудовых коллективов в первые и последние годы советской власти, в самоуправленческих предприятиях, рожденных революциями на Кубе и в Алжире, в практике работы американских компаний, осуществляемых программу ЭСОП, в испанской ассоциации кооперативов «Мондрагон», в итальянских строительных компаниях, в израильских кибуцах и т. д. В 1990-е гг. в России также появились отдельные предприятия с собственностью работников,

внедряющие у себя различные системы самоуправления. Среди них был, например, известный Межотраслевой научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза» Св. Федорова, дагестанское сельскохозяйственное объединение, руководимое М. Чартаевым, Картонажный комбинат в Набережных Челнах, конфетная фабрика «Конфил» в Волгограде и др. предприятия, в том числе входящие в «Союз народных предприятий». На этих предприятиях все члены трудового коллектива имеют равные права с администрацией на получение дохода от акций, превращающих их в сохозяев производства, на котором они работают.

Как известно, впервые идею планового наделения акциями работников высказал американский ученый Луис Келсо, написавший свой знаменитый «Капиталистический манифест». Не зная текстов Маркса, посвященных анализу акционерных фабрик рабочих, Келсо критиковал К. Маркса за его недооценку роли капитала в создании стоимости. В свою очередь, он доказывал необходимость передачи капитала всем работникам предприятия. Главная идея Келсо - это превращение каждого труженика в сособственника капитала. Только тогда у него появляется заинтересованность в труде, развитии и совершенствовании производства, возможность постоянно увеличивать долю своего дохода. Не вдаваясь в существо полемики Келсо с Марксом (первый во многом не понимал второго), отметим, что идея Келсо о «народном капитализме» вплотную подводит к понятию «социализм», ибо капитал, переданный народу, по сути дела, превращает капитализм в социализм, который призван полностью ликвидировать институт наемничества.

Но если общество избавляется от наемного характера труда, то тогда более логично называть его не «народным капитализмом», а «народным» или «демократическим социализмом». На самом деле, если в обществе повсеместно преодолевается отчуждение работника от средств производства и результатов труда, тогда рушится основное противоречие капитализма между собственником и работником, капиталом и трудом. Если труд перестает носить наемный характер не на словах, а на деле, то с необходимостью исчезает и противоположное ему понятие «капитала» как отчужденного труда и его конечных результатов. А ведь о ликвидации наемного труда, всегда говорили и мечтали все подлинные социал-демократы, социалисты и коммунисты.

Социализм исторически мыслился как общество, противоположное капитализму и наследующее ему. Говоря точнее, это отрицающее капитализм посткапиталистическое

общество. Его основой являются высокие технологии и воссоединение непосредственных производителей со средствам производства. Только такие экономические предпосылки создают на практике основу для ликвидации векового социально-экономического отчуждения людей. И лишь на этой основе может развиться универсальная личность и полноценная свобода как конечная цель социалистического общества.

Сказанное выше представляет собой квинтэссенцию идейно-теоретических взглядов марксистов на социализм. Как эти взгляды реализовывались в истории России? Что способствовало и что мешало их практической реализации? Как интерпретируются эти взгляды сегодня современной официозной идеологией и соответствующей исторической наукой? Наконец, как следует в рамках марксизма понимать всю советскую историю, учитывая ее положительный и отрицательный опыт в создании реального, а не выдуманного социализма? Вот главные вопросы на которые следует ответить в первую очередь.

2. Понять, а не идеологизировать историю

Спиноза в свое время говорил: «Не надо плакать, не надо возмущаться, а надо понимать». Этот призыв великого философа можно непосредственно отнести к отечественной истории, без понимания которой невозможно подлинное просвещение и воспитание новых поколений.

Особенно необходим такой подход к советской истории, вокруг которой идет незатихающая идеологическая борьба. Наиболее остро она проявляется в оценках издаваемых школьных учебников. Дело в том, что учебники советских времен, пронизанные апологетикой правящей партии, сегодня явно устарели. Не менее идеологизированы учебники 1990-х годов с их воинствующим антикоммунизмом и субъективностью авторов. Не стихают дискуссии и по поводу современных учебников истории, авторы которых, руководствуясь патриотическими соображениями, подспудно оправдывают тоталитарные общественные порядки.

Поскольку издание учебников по обществоведению и истории связано с политикой, постольку они всегда будут подвергаться противоречивым суждениям и идеологическим оценкам. Так, учебники, приемлемые для власти, будут критиковаться оппозицией и, наоборот. Как показывает жизнь, наиболее объективные учебники по истории рождались во времена относительного равновесия политических сил и широкой демократизации общества. В такие времена хорошими считались те учебники и учебные пособия, в основе которых лежала продуманная научная концепция, препятствующая нарочитой идеологизации исторической науки или явному субъективизму авторов, пишущих на исторические темы. Именно такой концепции, на мой взгляд, сегодня не хватает специалистам, берущимся за изложение советской истории.

На наш взгляд, «идеологизация» - это субъективное или иллюзорное восприятие и воспроизведение действительности. Это всегда выпячивание и абсолютизация одной стороны политической жизни за счет другой, это одностороннее видение целого. Это, в конечном счете, навязывание обществу политических взглядов, не соответствующих диалектике реальной жизни и истории общества, это, наконец, пустые идеологические рассуждения и споры, не затрагивающие суть дела. Не стесняющийся в выражениях В. Ленин часто называл подобные идеологические споры простой «болтовней»[28].

Как известно, в прежней, сталинской трактовке советской

истории ее содержание, в основном, было сведено к истории одной правящей партии, ведущей незатихающую борьбу с врагами народа, с «левыми» и «правыми» оппозиционерами. При этом глубинные социальные причины этой борьбы оставались не выясненными. В итоге советская история идеологизировалась и искажалось до неузнаваемости. Суть ее сводилось к тому, что, не смотря на «преступные действия» многочисленных врагов народа, советское общество под мудрым руководством партии и ее вождя И. Сталина развивается «от победы к победе». В итоге такая, во многом вымышленная история, становилась полной противоположностью реальной истории, где действовали живые люди со своими интересами, страстями и трагедиями.

Как правило, сегодня глубокие и объективные исследования советской истории теряются в массе заказных, псевдоисторических поделок. Дело в том, что объективное видение этой истории невозможно без использования критически продуманной, т. е. подлинно научной методологии. Но такая методология есть. Это диалектика, являющаяся одновременно логикой и теорией научного познания. Именно в ней А. И. Герцен видел не только «алгебру революции», но и «эмбриологию истины». Нечто подобное говорил о ней и философ А. Ф Лосев, считая, что диалектика есть «непосредственное знание», есть «глаза, которыми философ может видеть жизнь»[29]. К сожалению, вместо использования такой методологии мы нередко сталкиваемся с различными «суррогатами истины»: субъективными и политически ангажированными оценками советской истории, затрудняющими ее объективное видение и понимание.

О ложных толкованиях советской истории

В подтверждение этому достаточно сослаться на нигилистическую оценку советской истории небезызвестной представительницы радикального либерализма Валерии Новодворской, которая считает, что она есть «клякса», в мировой истории. Мало того, она убеждена в том, что «Россия должна понять, что ее история - это история болезни и преступления»[30]. Близки к этому и утверждения о том, что Россия в советские времена «провалилась», «выпала из мировой цивилизации»[31]. И лишь к концу XX века Россия, де, стала постепенно в нее возвращаться. При этом, все основные события советской истории, будь то Октябрьская революция или Отечественная война, период застоя или перестройка рассматриваются этими

ангажированными авторами сквозь призму катастрофического сознания, а «мировая цивилизация», напротив, наделяется всеми признаками «земли обетованной», где человек получает полную свободу, достаток и счастье.

Однако, как уже отмечалось, сегодня эти взгляды начали срочно корректироваться в связи с банкротством либеральных реформ в России и негативными последствиями первого глобального финансово - экономического кризиса, когда понятие «свобода» у миллионов людей стало ассоциироваться с ростом цен, падением зарплаты и безработицей, с полной свободой одних грабить и беспощадно эксплуатировать других.

Наиболее типичной трактовкой советской, в частности, политической истории, разделяемой многими российскими историками и философами, является концепция традиционной «самодержавной» культуры российской власти, которая якобы заложена в ее социальных генах. Так, известный академик РАН Ю. Пивоваров в одной из своих лекций говорил: «Посмотрим, какой была политическая культура России в последние столетия? - Я бы назвал ее самодержавной. Основной ее признак - властецентричность. То есть я исхожу из того, что русская политическая культура властецентрична»[32]. В рамках этой концепции советская идеология, сталинский и брежневский режимы, наличие правящей партии и т. д. есть лишь историческая модификация соответствующих характеристик дореволюционной Российской империи с ее господствующим православием, самовластием царя, иерархией чиновников и т. д.

Скажем сразу, мы не разделяем перечисленные выше точки зрения и концепции. В реальной советской истории все было гораздо и сложнее, и противоречивее, и интереснее, чем полагают ее современные интерпретаторы, претендующие на научность. В 1917 году традиционная политическая система единовластия («самодержавия») была сломлена, причем сломлена снизу, и это проявилось не только в ликвидации монархии, но и в устранении социально-экономических основ прежнего буржуазного общества. И осуществили это рабочие, солдаты и крестьяне в ходе Февральской и Октябрьской революций. Они совершили, по сути дела, самую радикальную в истории социальную революцию, и они же установили созданную снизу Советскую власть, выражающую их интересы - интересы абсолютного большинства российского общества. Так началась советская история, имевшая свои качественно различные периоды развития, свои достижения и ошибки, свои победы и поражения.

В свое время известный итальянский марксист Антонио Грамши писал о том, что историческое развитие «не игра по

правилам», а реальная диалектика и реальная борьба различных социальных сил в обществе[33]. В российском обществе эта борьба шла в ходе Октябрьской революции и продолжалась после нее. Мало того, на первых порах она обрела острую форму гражданской войны, которая была, в частности, следствием того, что демократическим и социалистическим силам не удалось создать единое коалиционное правительство. Однако и после гражданской войны в стране продолжали отстаиваться различные социальные интересы и действовать противоположные политические тенденции. На мой взгляд, таких тенденций, в основном, было две: демократическая и антидемократическая.

Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего, многочисленного крестьянства. Эта тенденция проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Я ее связываю, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода в отсталой стране к политике НЭПа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженных в его последних работах. Эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция - антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная базировалась на выражении интересов тех слоев общества, которые устали от революции и войны. Это были, прежде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. И. Сталин стал их официальным рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство.

По сути дела, в борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история, которая еще ждет своего глубоко и объективного освещения.

Однако эта, казалась, простая истина до сих пор с трудом утверждается в научном сознании. Мешает господствующая ныне концепция «тоталитарной природы» советской власти и ее истории, утвердившаяся среди отдельных историков в постсоветский период[34]. На мой взгляд, эта концепция является зеркальным отражением сталинской интерпретации советской истории, только в ней плюсы заменены на минусы. Суть ее проста: советская история есть ничто иное как история тоталитарного режима советской власти. С этой позиции тоталитаризм в России возникает в Октябре 1917 года и существует до начала 1990-х годов XX века[35]. В рамках данной

концепции даже аргументы периода «хрущевской десталинизации» считаются «половинчатыми»[36].

Следует заметить, что использование идеи «тоталитаризма» для объяснения всей советской истории не является новым и оригинальным явлением в общественной науке. Это прямое заимствование старых «советологических концепций», которые уже давно подвергаются в литературе обстоятельной научной критике[37]. На мой взгляд, здесь мы имеем дело с политически ангажированной, а не научной точкой зрения. Цель подобной трактовки отечественной истории понятна: использовать концепцию тоталитаризма в качестве идеологического рычага, разрушающего объективные представления об истории советского общества и новой России. Последняя, видимо, напоминая по своему растущему влиянию Советский Союз, не нужна в современном раскладе мировых геополитических сил.

Но особенно неплодотворен такой подход в исторической науке, ибо ведет не к изучению реальных фактов общественной жизни, а к их подгонке под заранее заданную идеологическую схему. Выступая против подобной идеологизации науки, известный американский историк М. Левин отмечает две характерные ошибки в научном исследовании советской истории: «антикоммунизм» и связанную с ним «сталинизацию всего советского феномена»[38].

Анализ современной литературы показывает, что в основе идеи тоталитаризма лежит концепции «непрерывности», которая, как правило, автоматически ставит знак равенства между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев, Андропов и Черненко, Горбачев и Ельцин. В этом плане все они становятся лишь различными личностными проявлениями господствующего тоталитарного режима власти. По мнению американского историка С. Коэна, эта концепция слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину всей советской истории, включая взаимоотношения власти и оппозиции, противоречия внутри правящей коммунистической партии, своеобразную и неоднозначную роль ее политических вождей и т. д.[39].

Следует также отметить, что в рамках идеи тоталитаризма происходит отождествление таких разных понятий как «коммунизм» и «нацизм», «большевизм» и «сталинизм», «тоталитаризм» и «посттоталитаризм». В результате, как мы понимаем, здесь происходит полное игнорирование своеобразия и качественных различий не только известных идеологий, но и целых периодов советской истории[40].

На самом деле, для любого объективного исследователя

«нацизм» и «коммунизм», «сталинизм» и «большевизм» не только различные, но и прямо противоположные понятия и идеологии. Одни замешаны на расизме и великодержавности, другие на гуманизме и интернационализме. Разными являются и отдельные периоды советской истории. Одно дело ленинский этап революционного становления советского общества, другое - десятилетия господства тоталитарного сталинского режима, одно дело «оттепель», рожденная XX съездом партии, другое дело «неосталинизм» брежневского времени. Особенно наглядно противоречит идее тоталитарной природы советской истории период перестройки с ее открытостью, демократией и гласностью.

Напомню читателю, что исторически понятие «тоталитаризм» употреблялось для характеристики фашистского государства в Италии[41]. В годы «холодной» войны его стали сознательно использовать для дискредитации советского общества и его истории такие консервативно настроенные западные советологи, как Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский, Адам Б. Улам и др. При этом они, как правило, отождествляли понятия «режим» и «строй общества». С нашей точки зрения, в данном случае происходила явная подмена изучаемого объекта. Дело в том, что понятие «тоталитаризм» является, прежде всего, характеристикой политического режима власти, а не социально-экономического строя общества, который утвердился в результате выбора, сделанного народом России в ходе Октябрьской революции 1917 года.

Употребление понятия «тоталитаризм» может быть оправдано лишь при характеристики сталинского режима политической власти, просуществовавшего более двадцати лет, а не всей советской истории. Это хорошо, например, сознавала «левая оппозиция», выступая против сталинизма. В частности, она говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского строя. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические ценности и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступавшие против Сталина.

Советскую историю, конечно, нельзя сводить к существованию только одного политического режима: их было несколько, притом разных. Истина конкретна. За рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с подлинной демократией, рожденной Октябрьской революции, с противоречивой политикой «военного коммунизма», своеобразным либерализмом НЭПа, такими политическими

режимами, как авторитарно-демократическое правление Н. Хрущева, авторитаризм Л. Брежнева и переход от него к демократии времен перестройки М. Горбачева.

Таким образом, многообразная действительность советской истории полностью опровергает непрерывную линейную логику рассуждений сторонников тоталитарной концепции советского общества и его истории. Эта, по сути дела, идеологизированная логика времен «холодной войны» выглядит настоящим монстром в наше время. На мой взгляд, в науке от нее следует как можно быстрее избавляться. Говоря проще, не надо идеологизировать историю.

Рассмотрим ниже характерные примеры подобной идеологизации, в частности связанные с Октябрьской революции.

Мифы Октября и реальность

Прошедший юбилей Октябрьской революции показал с новой силой, что вопросы о значении этого великого события в истории страны и мира, не только не устаревают, а, напротив, становятся все более актуальными. Даже официальная власть России вынуждена по своему реагировать на это историческое событие, организуя и участвуя в проведении соответствующих выставок в центральных музеях и исторических залах Москвы. Правда, в отличие от советских времен, идеология этих выставок, в основном, направлена на то, чтобы идейно дискредитировать эти великие события страны. Вот, например, что спрашивали современные официозные историки С. В. Мироненко и А. П. Ненароков в каталоге к выставке «1917 год. Мифы революций»: «Можно ли назвать революцией насильственную реализацию тупиковых идей, обернувшихся в итоге трагедией для страны и народа? Можно ли считать социалистическими призывы к обострению классовой борьбы «вплоть до уничтожения одного класса другим», уничтожению частной собственности, попранию прав человека?». Данные вопросы задавал А. П. Ненароков и в своем выступлении на соответствующей конференции в Горбачев-фонде[42].

Каждому человеку понятно, что отрицательные ответы на вышеназванные вопросы вытекают автоматически. Умеют же задавать «нужные» вопросы бывшие партийные пропагандисты ЦК КПСС! Однако, к реальной истории Октября эти вопросы никакого отношения не имеют. Во-первых, идеи и цели этой революции были не «тупиковыми», а вполне реальными и достижимыми. Во - вторых, многие сознательные революционеры, делавшие

Октябрьскую революцию, всегда считали «теорию обострения классовой борьбы», выдвинутую в свое время Сталиным, извращением научной теории построения социализма, нанесшей советскому обществу большой вред. Спрашивается, зачем же так примитивно и грубо извращать историю Октябрьской революции.

В последнее время среди левой и либерально-консервативной общественности *стало модным утверждение о том, что истории России всегда была нужна эволюция, а не революция.* Эту мысль сегодня разделяют не только отдельные историки, но и многие известные политики. Вот лишь некоторые их фразы: «Нам нужна эволюция, а не революция» (Г. Явлинский); «лимит на революции уже исчерпан» (Г. Зюганов); цикл смены революций и контрреволюций «закончен», в будущем «не будет ни революций, ни контрреволюций!» (В. Путин), и т. д. Однако, не смотря на высокий статус авторов подобных утверждений, последние не выдерживают критики.

Дело в том, что развитие, вообще, и историческое, в особенности, не может обойтись без революций, которые являются необходимым условием качественных изменений в обществе. Эволюция в живых и общественных системах всегда содержит внутри себя революционные моменты, благодаря которым и происходят изменения биологических и социальных организмов. Мыслить эволюцию без революции невозможно ни в биологии (см.: дарвиновскую, или генетическую теорию), ни в обществе.

В последнее время все чаще можно слышать высказывания о том, что *Октябрьская революция на самом деле была не великим историческим событием, а «преступлением» большевиков.* Например, об этом постоянно говорит лидер ЛДПР Вл. Жириновский, доказывая тем самым незаконность и нелегитимность Октябрьского переворота и Советской власти[43]. Что можно сказать по этому поводу? Только одно: любая революция есть нарушение законов прежней власти, но от этого она не может считаться преступлением, ибо в ходе революции прежние законы лишаются легитимности, то есть массовой поддержки народа. Напротив, подлинная революция всегда легитимна, ибо она получает поддержку абсолютного большинства граждан страны. Именно таким явлением и стал Октябрь 1917 года, утвердивший Советскую власть, которую поддержало абсолютное большинство российского народа. При этом эта поддержка была не только политической: позднее Советскую власть защитили с оружием в руках миллионы рабочих и крестьян в Гражданской войне. Такова правда истории и ее невозможно изменить никакими мифологемами и

фальсификациями.

В настоящее время особенно распространен старый *миф о том, что Октябрьская революция была не революцией, а простым переворотом кучки заговорщиков, являющихся агентами германской, либо англо-американской разведки.* Сюда же относятся утверждения о том, что Ленин якобы делал революцию на немецкие деньги, а Троцкий выполнял указания американо-сионистского капитала. И это говорится о людях, которые были наиболее радикальными противниками капитализма и национализма, о революционерах, чьи идеалы определялись коренными интересами трудящихся России и всего мира.

Данный миф сегодня активно навязывается общественному мнению многими историческими передачами по ТВ, хотя он давно опровергнут серьезными отечественными и зарубежными учеными. (См. работы Р. Кеннана о коллекции Сиссона, Г. Соболева о тайне немецкого золота, В. Логинова о записках Платтена и др.) Сторонники этого мифа, как правило, считающие себя патриотами России, не понимают, что подобными утверждениями они сводят роль русского народа в истории до уровня простой марионетки, которой можно крутить кому угодно и как угодно. Чего стоит тогда их патриотизм?

Октябрьская революция, конечно, не заговор и не переворот кучки левых экстремистов, или зарубежных агентов, а мощное народное действие, стихийно возникшее и не зависящее ни от отдельных вождей, будь они семи пядей во лбу, ни от партий, ни даже от желания отдельных классов. Такой специалист по революциям как Маркс, говорил о том, что ни одна революция не может быть совершена партией, она совершается только народом. Аналогичную мысль неоднократно высказывал и Ленин, говоря о связи революционной партии и народа. По его мнению: «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров»[44].

Любому объективно мыслящему человеку понятно, что Октябрьская революция была бы невозможна, если бы к русскому пролетариату, составляющему меньшинство общества, не присоединилось крестьянство, составляющее тогда более 80% населения страны. Отсюда следует, что любые разговоры о том, что Октябрь породили какие-то революционные экстремисты, отдельные интеллигенты, или зарубежные агенты, не стоят и гроша.

Могут сказать, что Октябрьская революция называлась «переворотом» у самих революционеров, и что этот термин часто

использовали в своих работах В. Ленин и Л. Троцкий. Согласимся, но означает ли этот бесспорный факт, что Октябрь 1917 года не был революцией? Конечно, нет. Если не вдаваться в языковые тонкости, революция - всегда переворот, но не всякий переворот - революция. Революция - это глубокий социальный переворот, ведущий к смене классов у власти. Таким переворотом и была Октябрьская революция, впервые приведшая к власти на долгое время трудовые низы общества - рабочих и крестьян и связанную с ними интеллигенцию. В этом, в частности, и состоит ее величие и непреходящее историческое значение.

Чем же отличается социальная революция от обычной политической революции? Тем, что в ней происходит, как уже отмечалось, смена власти одного класса на другой. Это положение чрезвычайно важно, без него нельзя ничего понять в социальной революции. Возьмите Великую французскую буржуазную революцию, мы увидим эту смену классов, когда помещики были заменены таким представителем третьего сословия, как буржуазия. Тоже самое мы видим в Октябрьской революции, где на смену буржуазной власти, пришла власть рабочих и крестьян. Без классовой точки зрения невозможно понять социальное содержание революции. Что же касается политической революции, то это, как правило, смена политических элит в рамках одного и того же господствующего класса. Возьмите цветные революции на постсоветском пространстве: они все являются сугубо политическими революциями. Конечно, и в социальных революциях происходит смена политических элит, но элит, принадлежащих к разным классам. Любая революция по форме является политической, ибо ведет к изменению власти, но понять суть этой революции невозможно, не поняв в чьих социально - классовых интересах она совершается.

Октябрьская революция была великой не только по своим социальным, но и мировым последствиям. Именно она открыла революционную эпоху перехода многих стран к социализму, породила в мире две социально противоположные системы, определившие ход исторического развития в XX веке, способствовала началу крушения колониальной системы и появлению новых стран «третьего мира».

Существует еще один *давний миф, распространенный в свое время меньшевиками, что Октябрь на деле была не социалистической, а буржуазно-демократической революцией.* На первый взгляд, он соответствовал действительности. «Декрет о мире», и «Декрет о земле», в основу которого был положен известный крестьянский наказ эсерам, являются сугубо

демократическими акциями, не выходящими за пределы требований буржуазно-демократической революции. Все так, но, как известно, на этом Октябрьская революция не остановилась. Решив демократические задачи походя, она пошла дальше, утвердив Советы как власть рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проведя национализацию земли, превратив в государственную собственность железнодорожный транспорт, наиболее крупные банки, заводы и фабрики, придав законодательные функции Госплану и т. д.

К сожалению, в наши дни, как и десятки лет назад, тезис о том, что это была, по сути дела, буржуазно-демократическая, а не социалистическая революция, снова озвучивается в научной среде. Приведем более подробное подтверждение этому: «Итак, - заключал в своем выступлении в Горбачев-фонде доктор эконом, наук М. И. Воейков, - не остается ничего другого как признать Русскую революцию 1917 года единой революцией с двумя крупными этапами (Февраль и Октябрь), носящий в целом буржуазно-демократический характер»[45]. Что же заставляет автора этих слов сделать такой «новаторский» вывод? Как показывает анализ его высказываний на этот счет, они базируются, во-первых, на факте издания первых декретов Советской власти, которые на самом деле не выходили за пределы буржуазно-демократической революции. Во-вторых, на ложном представлении о том, что Россия была в начале XX века совершенно не готова для социалистических преобразований. Наконец, в-третьих, на отдельных цитатах В. И. Ленина, где он, в частности, говорил о том, что необходимо «буржуазную революцию довести до конца»[46].

Не будем еще раз останавливаться на аргументе исторической «неготовности России» к социалистическим преобразованиям. Как уже отмечалось, он достаточно разобран Р. Люксембург и самим Лениным в полемике с меньшевиками[47]. Отметим только, что он связан с неверным пониманием предпосылок социалистической революции, что в свою очередь определяется вульгарным прочтением марксизма, от которого в свое время отмежевывался сам К. Маркс. Такими предпосылками являются, прежде всего, зрелость мировой системы капитализма, наличие революционной ситуации в России и готовность к революции такого фактора как рабочий класс и его партия. Что касается отдельных цитат Ленина, то, как показывает их анализ, они не столько осмыслены М. Воейковым, сколько формально подверстаны им под заранее имеющийся вывод.

На наш взгляд, авторы, отказывающие Октябрьской революции в ее социалистическом характере, игнорируют тот

факт, что она была одновременно способом решения двух исторических задач, а не одной. С одной стороны, она решительно доделывала до конца буржуазно-демократическую революцию, с другой, шла дальше, решая собственно социалистические задачи. Выступая по поводу четырехлетия Октября Ленин говорил: следующее: «Но чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной,* социадиетической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования - говорили мы и доказали делами мы - есть побочный продукт пролетарской, то есть социалистической революции»[48]. По его мнению, вожди международной социал-демократии так и не поняли *«такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую»[49]. Можно было бы и дальше приводить ленинские слова о взаимоотношении двух видов революции в России, но и сказанного достаточно, чтобы думающие люди поняли, о чем идет речь.

Нельзя забывать, что Октябрь породил невиданную ранее творческую энергию массового созидания нового общества, воплотил в жизнь многие идеи интернационализма, приобщил прежние низы российского общества к высотам национальной и мировой культуры. Нельзя вычеркнуть из советской истории и энтузиазм масс, проявившийся в овладении новейшими достижениями науки и техники. В нем наглядно проявился революционный романтизм и героизм миллионов советских людей, вдохновленных идеалами Великой Октябрьской социалистической революцией.

Октябрьская революция заложила такую определяющую политическую предпосылку нового общества как власть рабочих и крестьян в форме Советов. Перед этой властью сразу встала задача, как осуществить движение России к социализму в условиях ее экономической отсталости, враждебного капиталистического окружении и разрушительных последствий

мировой и гражданской войн? Ответа на нее в учебниках марксизма не было, да и не могло быть, особенно, если учесть, что в социалистической теории тех лет господствовала положение о том, что социалистическая революция должна сначала произойти одновременно в нескольких развитых стран мира.

Сразу после победы Октябрьской революции возник принципиальный вопрос, как строить новую жизнь? Отвечая на него, пришлось «идти на ощупь», преодолевая объективные трудности, отказываясь от устаревших догм в теории, своевременно исправляя политические ошибки, возникающие в ходе построения новой еще не бывалой модели общества.

Только реальная борьба и практический опыт могли показать конкретные пути создания такой модели. И эти пути были найдены Лениным и его «командой».

3. Борьба Ленина за создание социализма в России

Следует отметить, что поиск реальных путей, ведущих к социализму, Ленину пришлось совершать в условиях определенного спада революционной волны в Европе и соответствующей стабилизации мировой капиталистической системы. В этой связи *пришлось отказаться от прежнего понимания мировой революции и создания социализма как акта, одновременно происходящего в нескольких развитых странах.* Жизнь показала, во-первых, что мировая социалистическая революция - это своеобразная цепь постепенного отпадения отдельных стран (не обязательно развитых) от мировой капиталистической системы. Во-вторых, что строительство социализма начинается сначала в одной стране, и лишь затем в качестве примера может переносится на другие страны. Наконец, в - третьих, что возможность построения социализма в отдельно взятой стране нельзя рассматривать как окончательную вне зависимости от уровня экономического развития данной страны, от уровня развития мирового капитала и борьбы международного рабочего класса. По Ленину социализм может победить в отдельно взятой стране лишь в том случае, если он сумеет одержать победу над капитализмом на экономическом и культурном фронте. Но эта победа не может быть полной и тем более окончательной пока сохраняется враждебное капиталистическое окружение. В этом смысле ***социализм исторически всегда остается переходным обществом по сравнению с коммунизмом, который только и может означать полную и окончательную победу над капитализмом во всемирном масштабе.***

Конечно, цель преобразований в самом общем теоретическом плане была ясна еще до Октябрьской революции. Она предполагала создание небывалого ранее социалистического общества, принципиально отличающееся от прежнего благосостоянием «низов» реальной свободой, социальной справедливостью и подлинной демократией. Не ясно было другое: как его строить конкретно, какую модель общественных преобразований выработать и использовать на практике? Ответить на этот вопрос мог лишь тот человек, который владел творческим диалектическим методом, кто не боялся нарушить догмы ортодоксального марксизма. Именно таким человеком и оказался В. И. Ленин.

Творческое начало

Две характерные черты были присущи Ленину: он был ученым в революции и революционером в науке и жизни. Эти качества выгодно его отличали от других лидеров, стоявших во главе Российской социал-демократической рабочей партии. Почти на всех его работах лежит печать неортодоксального, творческого марксизма. Если Георгий Плеханов был ортодоксом, распространителем и охранителем марксизма, то Ленин каждый раз по мере изменения действительности совершенно по-новому ставил и решал известные вопросы, будь то понимание исторической роли русской общины, рынка, империализма или революции.

Уже на заре своей научной и политической деятельности, когда многие социалисты думали о будущем развитии России через общину, Ленин в споре с народниками доказал, что Россия не является исключением из стран, ставших на путь капитализма, отрицавшего общинный уклад. Может быть, наибольшее непонимание вызвали ленинские идеи об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху господства монополистического капитала. Однако справедливость этих идей стала очевидной, когда большевикам пришлось доделывать то, что должна была осуществить буржуазия, находясь у власти после февраля 1917 года, т. е. отдать землю крестьянам, решить национальный вопрос и заключить мир с Германией.

Что же определяло творческую лабораторию ленинской мысли? Думаю, свойственный ему диалектический метод анализа действительности, унаследованный от Маркса и Гегеля. Его известные афоризмы о конкретности истины и о том, что нельзя понять логику «Капитала», не поняв логики Гегеля, можно отнести и к творчеству самого Ленина. Нельзя понять его труды, не зная метода на основе которого они писались. Этот метод, сжато описанный им в работе «К вопросу о диалектике», был прост и сложен одновременно. Прост потому, что во главу угла ставил не схемы и мифы, которыми во многом сегодня грешат некоторые лидеры левой оппозиции, а практику живой жизни. Сложен потому, что Ленин, как никто другой, умел находить и выделять в окружающей обстановке тот единичный элемент, который в будущем становился доминирующим и всеобщим. Так Ленину удалось открыть в первых Советах рабочих депутатов прообраз будущей политической системы. Он увидел новые качества кооперации и госкапитализма в условиях Советской власти, а также настоял на использовании буржуазных чиновников и специалистов в интересах рабочего государства.

Ленин обладал мощным творческим потенциалом в умении анализировать действительность, его анти-догматизм, порой, поражает. Даже из собственных ошибок, он извлекал научную пользу. Так из ошибочного бойкота царской Думы он сделал вывод о необходимости использования буржуазного парламента как трибуны, связывающей революционную партию с массами, из неудачного наступления Красной Армии на Варшаву он развивает концепцию о невозможности экспорта революции, из тупиковости политики «военного коммунизма» рождает и осуществляет идею НЭПа. Вся его работа «Детская болезнь левизны в коммунизме» построена на творческом осмыслении подобных ошибок в стратегии и тактике большевиков.

Современные «критики» Ленина пытаются его представить апологетом насилия, эдаким кровожадным монстром. На самом деле, Ленин видел в насилии далеко не единственное средство политики. Мало того, как в случае с Брестским миром, он считал «страшным и чудовищным» прибегать к насилию в тех случаях, когда мирные средства, в частности переговоры и дипломатия, могут дать действенный результат. Да, Ленин требовал высылки ученых и философов из страны, но это относилось только к тем деятелям, которые вели после 1917-го года активную идейную борьбу с Советской властью. Да, он отдавал приказы о конфискации церковных ценностей, но делал это ради ликвидации голода в Поволжье, ради спасения от смерти миллионов простых людей. Но разве аналогичные действия не предпринимали другие политики? Разве Петр I в свое время не отдавал приказы о снятии церковных колоколов для нужд войны, разве Николай II не ссылал в Сибирь российских социал-демократов только за то, что они отказывались вотировать за военные кредиты и вели пропаганду социализма среди солдат?

Конечно, Ленин не был пацифистом, но не был он и человеком, исповедующим культ силы. Он никогда не считал, что конечная цель оправдывает любые средства ее достижения. По его мнению, в политике цель всегда должна иметь адекватное, а не любое средство достижения.

Не отвлеченные идеи, а практика была для Ленина критерием истины. Она подсказала ему, в частности, необходимость создания профессиональной Красной армии в годы гражданской войны, отказ от методов политики «военного коммунизма» в условиях мирного времени, она помогла ему под влиянием Кронштадтского мятежа и личных встреч с крестьянскими ходоками прийти к важнейшему теоретическому выводу о сохранении товарно-денежных отношений в условиях неразвитости страны. В конечном итоге, диалектический разум

Ленина сумел разрешить, казалось, неразрешимую историческую загадку: как в отсталой капиталистической стране построить социализм.

Следует сразу отметить, что Ленин намечал реальные пути к социализму в сложнейших внешних и внутренних условиях существования России. Постреволюционная Россия столкнулась не только с разрушительными последствия первой мировой войны, но и навязанной силами старого режима тяжелой гражданской войной, породившей всеобщую разруху и голод в стране. Эти причины естественно накладывали дополнительные трудности на осуществление политической стратегии и тактики новой революционной власти.

Прежде всего, создание реального социализма в России осложнялось спадом революционной волны в Европе и соответствующей стабилизацией мировой капиталистической системы. В этой связи *пришлось отказаться от прежнего понимания мировой революции и создания социализма как акта, одновременно происходящего в нескольких развитых странах.* Жизнь показала, во-первых, что мировая социалистическая революция - это своеобразная цепь постепенного отпадения отдельных стран (не обязательно развитых) от мировой капиталистической системы. Во-вторых, что строительство социализма начинается сначала в одной стране, и лишь затем переносится на другие страны. Наконец, в - третьих, что возможность построения социализма в отдельно взятой стране нельзя рассматривать как окончательную вне зависимости от уровня экономического развития данной страны, от уровня развития мирового капитала и борьбы международного рабочего класса. По Ленину социализм может победить в отдельно взятой стране лишь в том случае, если он сумеет одержать победу над капитализмом на экономическом и культурном фронте. Но эта победа не может быть полной и тем более окончательной пока сохраняется враждебное капиталистическое окружение.

Итак, главный вопрос о том, как конкретно двигаться к социализму, оставался после Октябрьской революции во много открытым. Как известно, в этом отношении существовали две идейно противоположные позиции: одна из них предлагала фактически вернуться назад к политическому господству буржуазии и только затем, постепенно цивилизуясь, создавать технический и экономический фундамент будущего социалистического общества, другая - предлагала создавать предпосылки нового общества на основе уже существующей Советской власти. Наиболее образно первую точку зрения в свое время выразил Г. Плеханов, сказав, что «русская история еще не

смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма»[50]. Произнося эти слова, он фактически по своему «умывал руки». Ему вторил известный историк революции 1917 года левый меньшевик Н. Суханов, писавший в своей книге «Записки о революции» о том, что Россия еще не доросла до социализма «высотой» своих производительных сил. Аналогичную мысль высказывал и известный лидер меньшевиков Ю. Мартов[51].

Противоположную точку зрения последовательно отстаивал Ленин. В частности, соглашаясь с Сухановым в том, что для построения социализма в России нужны более развитые производительные силы, он считал, что этого можно добиться не возвращением назад к капитализму, а решительным движением вперед к социализму, используя для этого такую его реальную историческую предпосылку как Советская власть[52].

Говоря это, Ленин фактически подходил к данному вопросу не с узко национальной точки зрения, а с мировой. Это означало, что Россию следует рассматривать не изолированно, а как часть мировой системы капитализма. По его мнению: «Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму»[53]. С его точки зрения, общий вектор движения мировой истории не может измениться от того, каким конкретным образом и в каком порядке будет происходить рост производительных сил и формирование культурных предпосылок социализма в той или иной стране.

Рост производительных сил и культуры, по Ленину, может совершаться как в условиях политического господства буржуазии, так и в условиях диктатуры пролетариата. В последнем случае такой рост может быть даже более быстрым (не будет социальной поляризации, безработицы, больших затрат на военные цели и т. д.), в чем, кстати, остро нуждалась Россия, вступившая на путь капиталистического развития намного позднее западных стран. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[54].

Отказ от догм: «военный коммунизм» или НЭП?

Однако, данное общее решение вопроса о возможности продвижении Советской России к социализму, тем не менее, не давало знания того, какую конкретно политику следует избрать в создании и становлении нового общества. У Маркса и Энгельса, как уже отмечалось, на этот счет не было нужных ответов. Поэтому, исходя из самых общих теоретических соображений, и увлекаемое революционным энтузиазмом масс руководство страны решило приступить сразу к созданию коммунизма в отсталой и разрушенной войной стране. Отсюда родилась политика «военного коммунизма».

Она была не только вынужденной мерой в условиях начавшейся гражданской войны, как об этом писалось во многих советских учебниках: в ней помимо необходимых и реальных мер, была попытка осуществления явно утопических идей, связанных, например, с требованиями немедленной отмены денег, осуществления продразверстки, реализации на практике бесплатного жилья, столового питания, проезда на транспорте, почты, газет и т. д. Ленин прямо признавал: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, - и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[55].

Однако в ходе такой политики уже вскоре возник всеобщий политический кризис, проявившийся особенно сильно в Кронштадтском мятеже с его лозунгом «Советы без коммунистов» и вооруженном восстании крестьян в Тамбовской губернии. Крестьяне приняли Советскую власть, давшую им землю, но были против политики «военного коммунизма», не дающей им возможность эффективно и выгодно пользоваться этой землей.

В этой связи Ленин заговорил о самом большом общенациональном кризисе после Октябрьской революции, о крупной «ошибке» и даже «поражении» большевиков в этой политике. В частности он писал: «Мы рассчитывали - или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета - непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»[56].

В итоге, он предложил решительно от такой политики отказаться, то есть отменить непродуманную «кавалерийскую атаку» на капитализм, и осуществить своими руками своеобразный «термидор» в стране.

К «термидору» тогда призывали многие меньшевики в России и оппоненты Ленина за рубежом, предлагавшие, по сути дела, вернуться назад к капитализму. Но Ленин решает провести

«термидор» таким образом, чтобы сохранить общее направление и главный критерий социалистических преобразований - удовлетворение интересов трудящихся и, прежде всего крестьянства, составлявшего тогда абсолютное большинство народа.

Так началось осуществление новой экономической политики (НЭП), которая исходила из признания примата многоукладной экономики в России. Ее суть сводилась к борьбе таких экономических укладов как социализм и госкапитализм, с одной стороны, и мелкотоварное производство и частнохозяйственный капитализм, с другой. В этой борьбе вопрос стоял остро: кто кого? Либо Советская власть сумеет овладеть мелкобуржуазной стихией, либо ею овладеют капиталисты и тогда будет конец Советской власти. В социальном плане эта дилемма выглядела так: либо крестьяне пойдут за рабочим классом к социализму, либо они повернут назад к прежним буржуазным порядкам. Следует подчеркнуть, что после политического и военного свержения помещиков и буржуазии решение этой дилеммы могло проходить только в мирных формах экономической борьбы и конкуренции различных укладов.

В этих условиях Ленин приходит к совершенно нестандартным, даже парадоксальным идеям: *бороться против мелкотоварного производства с помощью его оживления и развития, бороться с капитализмом с помощью его подчинения госкапитализму, наконец, создавать социализм, объединяя усилия госкапитализма и Советской власти.* Решение этих вопросов облегчалось тем, что в собственности Советской власти находились основные средства производства и обращения: земля, крупные фабрики и заводы, железнодорожный транспорт, банки и финансовые рычаги. Трудности были связаны с разрушительными последствиями двух войн (мировой и гражданской), приведшими к остановке заводов и фабрик, деклассированности и люмпенизации рабочего класса, падению продуктивности сельского хозяйства, возникновению голода во многих регионах страны.

В первую очередь надо было ликвидировать голод, оживить сельское хозяйство и на этой основе восстановить мелкую и местную промышленность, а затем и промышленность крупную, на которой был сосредоточен в массе своей рабочий класс. Для решения этих насущных вопросов и была разработана новая политика. Наиболее эффективной мерой этой политики стала замена продразверстки, присущей периоду «военного коммунизма», продналогом, который в абсолютных величинах был вдвое меньше, чем требовала продразверстка. Тем самым он

резко повышал заинтересованность крестьян в производстве, позволяя крестьянину после уплаты налога обменивать излишки произведенной продукции на рынке. Решение этого вопроса позволяла в относительно сжатые сроки поднять производительность и продуктивность сельского хозяйства, наладить нормальный обмен товарами между деревней и городом, во многом покончить со спекуляцией, мешочничеством, уклоняющихся от любого государственного контроля.

В итоге продналог уже в первые годы новой экономической политики позволил решить проблему голода и оживить промышленное производство, разоренное во время войны. Однако продвижение вперед наталкивалось на незнание экономического механизма, который бы позволял относительно быстро решать насущные и перспективные задачи новой власти. Сначала ею была сделана попытка решать их путем прямого продуктообмена между городом и деревней, путем использования различных форм госкапитализма, как наиболее близких социалистическому укладу. В этой связи Советская власть добивалась повсеместного осуществления строгой дисциплины во взимании продналога, поставки в деревню техники и промышленных товаров, заключения зарубежных концессий, сдачи в аренду ряда промышленных предприятий (небольших угольных шахт, местных фабрик, развитие кустарного производства), поощрения различных формы потребительской и сбытовой кооперации и т. д. Вместе с тем, практика вскоре показала, что осуществление продуктообмена города и деревни повсеместно переходит в куплю-продажу, в товарно-денежный обмен. Жизнь подсказывала, что двигаться вперед к социализму невозможно без овладения рынком и торговлей.

Оценивая тактику и стратегию советской власти в условиях НЭПа Ленин пишет в 1921 году,: «Мы знали, видели, говорили: нужен «урок» у «немца», организованность, дисциплина, повышение производительности труда.

Чего не знали? Общественно-экономическая *почва* этой работы? На *почве* рынка, торговли или *против* этой почвы?»[57]. Решая эту проблему, Ленин признает, что «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»[58].

Признание рынка как экономического средства социалистического строительства диктовалось не только внутренними условиями, но и внешними, прежде всего господством мирового рынка. В этой связи он предлагает двигаться к социализму на почве рыночных отношений, на почве торговли. По его мнению, это определенное историческое

отступление, но если его не сделать, можно проиграть историческое сражение с капитализмом.

С теоретической точки зрения становилось понятно, что социализм, а точнее строительство социализма в одной стране не может не включать в себя овладение рыночными отношениями в полной мере, без чего выиграть соревнование с мировым капиталом невозможно. В этом смысле проблема рынка становилась стратегической, а не только тактической проблемой, не только проблемой «отступления».

Сравнивая в своей известной работе «О значении золота...» послевоенный уровень развития России с отдаленным будущим, когда исчезнут деньги и когда из золота возможно сделают «общественные отхожие места», Ленин констатирует, что до этих пор «беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле... Торговля есть единственная экономическая связь между десятками миллионов мелких землевладельцев и крупной промышленностью»[59]. Исходя из этого, Советская власть должна стать своеобразным оптовым торговцем, а коммунисты должны научиться цивилизованно торговать, привлекая тем самым на свою сторону крестьянство. Мало того, они должны научиться торговать даже лучше чем это делают их конкуренты - частные капиталисты. Без этого «лучше» не может быть победы над капитализмом.

Фактически здесь Ленин продолжал развивать свою парадоксальную диалектическую идею: *победа над капитализмом с помощью капитализма*, «сделать так, чтобы их руками работать на нас»[60]. Госкапитализм и различные смешанные общества становились здесь реальной практической школой управления для коммунистов.

Ленинская идея овладения рыночным отношениям, его призывы учиться хозяйству и управлению у капиталистов встретили неоднозначное отношение слева и справа. Критики слева считали, что НЭП противоречит Программе партии, принятой в 1918 году («рабочая оппозиция», Е. Преображенский и др.), а критики справа увидели в нем либо еще одно подтверждение своих прежних взглядов, отождествляющих Октябрь с буржуазно-демократической революцией (правые меньшевики), либо с буржуазным «перерождением» большевистской власти («сменовеховцы»).

Полемизируя с этими взглядами, Ленин считал позицию «левых» проявлением панических настроений отдельных коммунистов, связанных с неумением объективно видеть реальность в условиях перехода от капитализма к социализму. Что касается «правых», то он рассматривал их позицию как

«предупреждение» своих классовых противников о тех границах политики НЭПа, которые советская власть никогда не должна переходить. К сожалению, некоторые современные исследователи советской истории не в состоянии понять этой гибкой тактики и стратегии Ленина, приписывая ему якобы не преодоленную дилемму классической антирыночной трактовки социализма, с одной стороны, и необходимостью введения НЭПа, рыночную теорию которого он якобы молчаливо заимствовал у меньшевиков, с другой[61].

Можно спорить, кому впервые принадлежала идея НЭПа: меньшевикам, Троцкому или Ленину, но ясно одно, Ленину удалось ее не только выдвинуть, не только теоретически обосновать, но и блестяще осуществить на практике. На самом деле Новая экономическая политика в короткие сроки решила многие экономические и социальные проблемы. Постепенно страна ушла от голода, залечила раны и разрушительные последствия мировой и гражданской войн, установила прочный союз между рабочим классом и крестьянством. В итоге, уже во второй половине 20-х гг. был восстановлен довоенный уровень экономического развития страны и начал создаваться материальный и финансовый задел для постепенного, но реального продвижения к социализму.

На наш взгляд, новая экономическая политика стала во многом исторической предтечей экономических реформ в современном Китае, который осуществляет их сегодня в более радикальных формах, чем это сделала нэповская Россия.

Сегодня, как и в двадцатые годы, существует два типа критиков ленинского нэпа. Одни пытаются доказать, что нэп для Ленина был всего лишь временной уступкой буржуазии, политикой «ненадолго». Другие, напротив, педалируют фразу Ленина, что нэп это политика «всерьез и надолго». Думаю, что подобные интерпретаторы слишком упрощенно представляют взгляды Ленина в связи с нэпом. Он прекрасно сознавал, что создание социализма в России происходит в конкретной исторической среде, включая среду мирового рынка. Пока будет существовать мировой рынок и различные уклады, будут сохраняться и рыночные отношения. Нэп для Ленина был, конечно, «всерьез и надолго». Вместе с тем, «надолго, но не навсегда».

По мере практического осуществления НЭПа, на мой взгляд, все яснее проявлялись и основные черты ленинской модели социализма. Их концентрированное выражение находим в последних выступлениях и работах В. И. Ленина.

Как известно, Ленин, в последние годы своей жизни усиленно работал над статьями, названными позднее его «Политическим завещанием». На мой взгляд, в них с наибольшей силой проявился творческий гений основателя советского государства. К сожалению, они до сих пор недостаточно осмыслены идеологами левых партий. Главный вопрос, который волновал Ленина в этих статьях, - это вопрос о возможности построения социализма в стране невысокого экономического и культурного уровня развития, каковой и являлась в то время Россия.

Уже в марте 1922 года Ленин начал говорить об «остановке отступления», связанного с уступками капиталистам в рамках НЭПа[62] и четко формулирует общую стратегию движения к социализму, суть которой он видел в преодолении «разрыва» «между необъятностью задач и нищетой материальной и нищетой культурной»[63].

В начале 1923 года он повторит это в статье «О кооперации»: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все - таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной»[64].

Что же конкретно нужно было сделать для того, чтобы стать «вполне социалистической страной»? Прежде всего, реализовать, говоря современным языком, основные критерии социалистичности, которые принципиально отличают ленинскую модель советского социализма от сталинской модели, утвердившейся после смерти Ленина, и представляющую собой, говоря словами Маркса «казарменный» или «фальшивый» социализм.

Рассмотрим более близко эти критерии и вытекающие из них черты ленинской модели советского социализма

Прежде всего, следует отметить, что Ленин всегда считал, что *социалистическое общество в конечном счете должно выиграть соревнование с капитализмом, создав более высокий уровень развития производительных сил и производительности труда - этого общеисторического критерия прогресса, дающего возможность перейти к посткапиталистической формации.* Он

писал: «Производительность труда - это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден... тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»[65]. Необходимость достижения этой цели становилась особенно актуальной, если учесть невысокий уровень материально-технического развития России.

Исходя из этого, Ленин настаивает на поиске новых ростков и приемов деятельности, ведущих к социализму. В частности, данную задачу он предлагает решать путем решительного соединения лучших технических и организационных достижений западного капитализма с советской властью. В этой связи он писал в материалах к работе «Очередные задачи советской власти» о том, что необходимо «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм»[66].

Эта малоизвестная формула социализма принципиально отличается, например, от сталинской идеи «национального» или «державного социализма» тем, что носит сугубо интернациональный характер. В ней также проявляется излюбленная ленинская идея двадцатых годов - строить социализм, используя лучшие достижения капитализма и всей мировой цивилизации.

Однако, как известно, Ленин на этой формуле не остановился. В ней не было главного - указания на новейшую производительную силу - электрическую энергию, использование и распространение которой могло в сжатые сроки вывести России не только «из мглы» исторической отсталости, но и сделать ее передовой технической державой мира. Такая возможность стала реальностью после разработки плана ГОЭЛРО. В этой связи названная выше формула социализма трансформируется у него в новую уже конкретную формулу: «Коммунизм = Советская власть + электрификация всей страны»[67]. По мнению Ленина, «если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»[68].

Если к этим словам добавить ленинское отношение к науке, которую он считал важнейшей производительной силой, которой должны овладеть не только специалисты-управленцы, не только инженеры, но и широкие массы трудящихся, тогда становится

понятным какой всеобщий план подъема производительных сил и индустриализации готовил Ленин. На основе такого плана он и стремился не только «догнать передовые страны, но и перегнать их также и *экономически*»[69].

Здесь следует подчеркнуть, сугубо критический подход Ленина к освоению зарубежного опыта, связанного с развитием производства. По его мнению, перенимая «готовый опыт» передовых стран в области научных систем управления и организации производства (системы Форда и Тейлора), надо перенимать его таким образом, чтобы не допускать буржуазных способов «выжимания пота» из рабочих.

Считается, что Сталин осуществлял ленинский план индустриализации. Однако это не так: Сталин осуществлял индустриализацию по собственным меркам, весьма далеким от ленинских. Как известно, он сначала вообще отрицал необходимость быстрой индустриализации страны, которую в соответствии с планом Ленина предлагала «левая оппозиция» во главе с Троцким. Мало того, он насмехался над этим планом. По его мнению, например, планировать строительство Днепрогэса в России то же самое, что русскому мужику захотеть купить граммофон вместо коровы. Однако уже вскоре после насильственной расправы с «левой оппозицией» и ее лидером, он сам превращается в типичного «левака», выдвигая идеи «сверхиндустриализации» и «обострения классовой борьбы» в социалистическом строительстве, которые оказались намного левее того, что предлагала «левая оппозиция».

Сталин навязывал обществу противоположные Ленину взгляды и в вопросе о методах осуществления индустриализации. Его методы были не социалистическими, а добуржуазными, «азиатскими» методами. Осуществляя индустриализацию на практике он фактически выжимал последние соки из рабочих с помощью прямой интенсификации труда, прикрываемой, в том числе, пропагандой «стахановского движения».

Он полностью игнорировал научно обоснованные планы проведения индустриализации. Так, из двух возможных планов осуществления первой пятилетки, различающихся между собой темпами роста, Сталиным выбирается самый напряженный. Мало того, позднее рядом постановлений ЦК его показатели были увеличены еще один раз. При этом, был выдвинут лозунг: «Пятилетку - в четыре года», который затем по настоянию Сталина был фактически заменен лозунгом пятилетки за три года. В итоге, по официальным данным пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца, хотя по отдельным важнейшим показателям она была вообще не выполнена.

Одним из объективных сдерживающих факторов строительства социализма в СССР была отсталость деревни с ее низким уровнем производительности сельского труда, распыленностью мелкобуржуазных хозяйств, постоянно рождающих из себя капиталистические тенденции, сдерживающие строительство социализма.

Размышляя над этим противоречием и изучая практический опыт новой экономической политики, *Ленин приходит к своеобразному открытию - прогрессивной роли кооперации, позволяющей создать в СССР полноценное социалистическое общество.* По его мнению, если раньше социалисты третировали кооперацию как сугубо торгашеское и частное предприятие весьма далекое от социализма, то теперь в условиях советской власти и государственной собственности на все крупные средства производства, она становится тем звеном, которое может обеспечить, во-первых, союз рабочего класса с крестьянством, во-вторых, создает «все необходимое и достаточное для построения «полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[70].

Такую высокую оценку кооперации Ленин дает потому, что увидел в ней наиболее легкий для миллионов людей переход к «новым порядкам», т. е. ту степень соединения частного и общественного интереса, без которого невозможно построить социализм.

Открыв для себя «социалистическое значение» кооперации, Ленин, тут же показывал, что практически можно и должно сделать, исходя из «кооперативного» принципа. По его мнению, кооперация, во-первых, должна быть добровольной, во-вторых, она должна получить соответствующую имущественную льготу со стороны государства, например, в форме более низкого ссудного процента, чем тот процент, который ссужается частным предприятиям. Главное, что бы в деле кооперации на деле участвовали массы, а не только отдельные крестьяне, при том участвовали активно, сознательно и цивилизованно. Он подчеркивает: «Только это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму»[71].

Сознавая эпохальный характер перехода отсталой страны к социализму, Ленин отводил для него около одного-двух десятилетий. За это время он планировал достигнуть поголовной грамотности в стране, снабдить село электричеством, техникой (трактора, комбайны), добиться повышения культуры земледелия, создать необходимый фонд от возможных неурожаев и т. д. Ленин был уверен в том, что каждый новый строй возникает при

соответствующей материальной поддержке государства. Более того, он приходит к выводу, что «строй цивилизованных кооператоров» в условиях советской власти и «есть строй социализма»[72].

Отождествляя «рост кооперации» с «ростом социализма», Ленин был вынужден признать здесь «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»[73]. Поясняя эту новую точку зрения на социализм, он говорил о том, что если раньше они связывали с понятием «социализм» неизбежность политической борьбы, революции и завоевания власти рабочим классом, то теперь они с ним связывают «мирную», «организационную» и «культурную работу». «При условии полного кооперирования, - писал Ленин, - мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такой уровень культурности крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), который невозможно достичь без целой культурной революции»[74].

Последние работы Ленина конкретно показывали, как на самом деле нужно было осуществлять культурную революцию в отсталой стране. Эта революция предполагала сначала ликвидацию безграмотности миллионов людей, повышения роли школы и престиж учителя в обществе, развитие сети библиотек, постепенное привлечение на сторону советской власти ученых, инженеров, представителей литературы и искусства, развитие политического и технического просвещение масс, организацию культурного шефства над крестьянами со стороны рабочих.

Такое шефство, конечно, не означало, что нужно нести в деревню сразу «чисто и узко-коммунистические идеи». Ленин пояснял, что пока «в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма»[75]. К сожалению, это предупреждение вождя Октябрьской революции полностью проигнорировал Сталин, начав пропаганду и политику коллективизации без наличия соответствующей материальной базы в деревне.

Если для Ленина экономическая цель культурной работы в деревне означала добровольное и поощряемое государством массовое кооперирование, на основе которого упрочится и будет развиваться союз между рабочими классом и крестьянством, то Сталин понимал кооперацию крестьян как простой метод выкачивания материальных средств из класса, составляющего большинство населения страны, как дань, которую крестьяне должны выплачивать политическому режиму для достижения его целей.

Главным методом взимания такой дани должна была служить политика раскулачивания и быстрой коллективизации деревни, основанной на чрезвычайных и насильственных мерах, практически, по отношению ко всем крестьянам. Это было своеобразное возвращение к политике «военного коммунизма» в условиях отсутствия войны. Такая политика ничего общего не имела с социалистической политикой овладения рыночными отношениями, которую планировал Ленин. Как верно отмечают историки этого периода: «Глубочайший социальный переворот, составляющий по Ленину, целую эпоху («на хороший конец одно-два десятилетия»), у Сталина превратился в оперативную кампанию, которую можно, как и хлебозаготовки, проводить административными мерами»[76].

Проведя коллективизацию с помощью силовой политики раскулачивания не только кулаков, но и середняков, составлявших в то время основную массу производителей товарной продукции, Сталин ввергает сельское хозяйство на долгие годы в глубокий кризис. Эта политика породила жестокий голод во многих регионах страны, от которого умерли миллионы крестьян.

Потребовались долгие годы, чтобы под колхозы был подведен реальный технический фундамент, связанный с современной с/х техникой: тракторами, комбайнами и пр. Лишь тогда коллективная форма собственности в деревне наполнилась реальным содержанием и колхозы стали кормить страну.

О теории рабочего государства

Невозможно понять ленинскую модель социализма не поняв его теории рабочего государства. *По мнению Ленина в ходе Октябрьской революции удалось создать в лице Советов новый неэксплуататорский тип государства, выражающей волю и интересы рабочего класса и трудового крестьянства.* В отличие от мнения анархистов Ленин вслед за Марксом и Энгельсом считал, что государство не может исчезнуть сразу, его нельзя отменить никакими декретами: оно должно отмереть по мере исчезновения классов, роста производительных сил и превращения труда в первую жизненную потребность[77]. До этих пор на первой социалистической фазе развития, когда производительные силы не в состоянии дать изобилия продуктов, необходим строгий контроль за мерой труда и потребления со стороны государства.

Практика функционирования советского государства показала, что рабочий класс, если он хочет остаться у власти, не

может просто сохранить и пустить в ход старую государственную машину: он должен ее разрушить, перерезав ее связи с буржуазией. Здесь Ленин соглашался с левым социал-демократом А. Паннекуком, который в полемике с К. Каутским доказывал необходимость слома буржуазного государства в ходе пролетарской революции. Вместе с тем, Ленин считал, что такой слом не должен вести к уничтожению специалистов, банковских чиновников, других технических работников и служащих, готовых сотрудничать с советской властью. Здесь он уже ссылался на авторитетную мысль Каутского, который считал, что без специалистов в области государственного управления не организуешь работу десятков миллионов людей, не построишь новое пролетарское государство[78].

Взгляды Ленина на становление и деятельность такого государства нашли свое полное подтверждение в ходе революции, гражданской войны и послевоенного развития, когда действовали тысячи военспецов, ученых, инженеров и госчиновников, состоявших на службе у прежнего буржуазного государства.

Принципиально иное представление о переходе к социализму и функционированию пролетарского государства находим в работах и высказываниях Сталина.

Он, как правило, преувеличивал роль насилия в революции и обществе. В этой связи, он критиковал Энгельса и Ленина за их допущение ненасильственного перехода от капитализма к социализму, связанного с демократическими преобразованиями и возможностью выкупа у капиталистов их средств производства. Так, выступая на встрече с философами Института красной профессуры в конце 1930 года, он говорил: «И у Энгельса не совсем все правильно. Например, его письмо о перспективах войны между Россией и Германией. Это письмо использовал Каутский в 1914 году. Далее, в его замечаниях об Эрфуртской программе у него есть местечко насчет врастания в социализм. Это пытался использовать Бухарин... Ленин не без некоторой натяжки обходит это место в «Государстве и революции»[79].

Сталин открыто говорил об ошибочности классической марксистской идеи отмирания государства. Он вообще считал теорию отмирания государства, по его собственному выражению «гнилой». Он считал, что отмирание государства должно идти за счет усиления его централизации, иерархии и репрессивных функций по отношению ко всем «врагам народа». При этом к данной категории лиц он сначала относил своих политических противников из числа «левой» и правой оппозиции, а затем и всех остальных граждан, недостаточно лояльно относящихся к режиму его личной власти. «Репрессии в области социалистического

строительства, - заявлял он, - являются необходимым элементом наступления»[80]. Их он и сделал своим главным инструментом борьбы со своими противниками, оправдывая свои действия собственной теорией «обострения классовой борьбы» по мере «наступления социализма».

Подчеркнем, Сталину в отличие от Ленина всегда было присуще сугубо бюрократическое представление о методах строительства социализма, задачах и функциях Советского государства. Если Ленин был уверен, что социализм нельзя создать без инициативы снизу, без живого творчества масс и практического опыта народа, то Сталин рассматривал массы в качестве сырого материала, с которым можно проводить любые социальные и политические эксперименты. Ленин писал: «Живое творчество масс - вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[81]. Сталин, напротив, считал, что социализм должен создаваться сверху, с помощью аппарата и жесткого, нередко силового, администрирования. Он понимал Советы и общественные организации не как демократические институты осуществления власти трудящихся, а как бюрократические органы принятия нужных ему решений. Он писал в этой связи: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезде Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»[82].

Совершенно по иному понимали роль Советов и общественных организаций Ленин.

О профсоюзах и принципе социалистического распределения

Окончание гражданской войны и переход к мирному строительству социализма сразу поставил вопрос о месте и роли профсоюзов в советском обществе. Этот вопрос становился особенно актуальным в связи с тяжелым положением страны, общей разрухой, приведшей к значительной деклассированности рабочего класса, являющегося социальный опорой советского государства и правящей партии большевиков. В отличие от партии как сознательной части рабочего класса, профсоюзы были единственной организацией, охватывающей почти всю основную массу рабочих. Отсюда возникал ряд вопросов, каковы должны

быть взаимоотношения рабочего класса и партии, партии и профсоюзов, Советской власти и профсоюзов? Фактически это были вопросы, говоря словами Ленина, «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой»[83]. И хотя общетеоретические ответы на эти вопросы были сформулированы в Программе правящей партии, новые послевоенные условия жизни общества снова поставили их в повестку дня. Решение этих вопросов обострилось в связи с возникшей в конце 1920 года дискуссией внутри партии.

Главная проблема, к которой свелась эта дискуссия, состояла в том, способны ли профсоюзы с сегодня на завтра сосредоточить в своих руках управление всем народным хозяйством, или нет? Вопреки ныне распространенному мнению о том, что большевики якобы хотели доверить неграмотной кухарке управлять страной, Ленин, считал, что рабочие и крестьяне должны сначала научиться управлению, прежде всего в рамках своих профсоюзов, и лишь после того как иным станет их культурный уровень, когда исчезнут классы и будет полностью построено социалистическое общество, рабочие сумеют взять в свои руки управление народным хозяйством. Он говорил: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки...»[84]. По его мнению, профсоюзы как раз и есть та школа, где они должны будут учиться управлению многие годы. Пока же функцию управления государством осуществляет наиболее сознательная часть рабочего класса в лице коммунистической партии, которая ведет за собой не только рабочих, но и крестьян, составляющих большинство населения страны.

Что касается профсоюзов, то они хороши тем, что исходят из реального уровня развития рабочего класса (а этот уровень был достаточно низким в то время: часть рабочих и крестьян была вообще неграмотной). Тем самым профсоюзы превращались для рабочих в своеобразную школу, в которой рабочие сначала учатся управлять производством в рамках конкретных трудовых коллективов, а затем и целых отраслей промышленности. В профсоюзных организациях рабочие имеют возможность подымать свой профессиональный и культурный уровень, улучшать условия и производительность труда, защищать свои социальные права, бороться с бюрократизмом, воспитывать массы трудящихся в духе коммунизма. Вот почему Ленин называл их «школой коммунизма».

Возникшая в партии дискуссия о профсоюзах затронула многие вопросы теории и практики социалистического строительства. Для современного читателя эта дискуссия особенно интересна тем, что в ней на примере понимания роли

профсоюзов в обществе, раскрываются многие философско-теоретические представления Ленина о диалектике, о соотношении политики и экономики, о природе советского государства, о демократии и ее перспективах в советском обществе.

Так, полемизируя с «буферной» платформой Бухарина, пытавшегося примирить и соединить взгляды Троцкого, видевшего в профсоюзах прежде всего «административно-технический аппарат управления производством», и Зиновьева, отстаивающего идею профсоюзов как «школы управления», Ленин показывает эклектическую, или сугубо формальную, природу подобного «соединения». С его точки зрения, нельзя говорить, что профсоюзы, с одной стороны, «школа», с другой, «аппарат»: это не диалектика, а эклектика. Они *«со всех сторон»* школа. *«... Профсоюзы суть школа*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления»[85].

В ходе дискуссии оппоненты Ленина упрекали его в преувеличении «политического» подхода к профсоюзам, полагая, что в этом случае главным подходом должен быть подход «хозяйственный». Ленин, напротив, видел в попытках эклектического соединения «хозяйственного» и «политического» подходов, которые предлагал Бухарин, прямой отказ от «азбучных» истин марксизма и диалектики. Он писал об этом в брошюре «Еще раз о профсоюзах...»: «Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики - повторил я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем не сообразный, в устах марксиста совсем недопустимый, упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой»[86].

Данные рассуждения Ленина были, фактически направлены против так называемого «экономического детерминизма», дань которому в свое время отдавали его оппоненты, а сегодня отдают различного толка «творческие» марксисты. Слова Ленина о «первенстве политики над экономикой» во многом остаются не проясненными и не понятыми для многих. И хотя Ленин совершенно ясно дает понять, что первенство политики над экономикой существует потому, что политика есть «концентрированное выражение экономики», многие продолжают видеть в этих словах своеобразный отказ Ленина от материалистического понимания истории, которое исходит из понятия «первичности» экономики перед политикой. Что же означает ленинское выражение «политика есть концентрированное выражение экономики»?

На мой взгляд, оно означает то, что политика придает приоритетный и всеобщий характер тем классовым интересам, которые в данный момент господствуют в обществе. В этом смысле политика всегда «первенствует над экономикой». Происхождение политики из экономики (ее известная «вторичность») вовсе не исключает ее первенства перед экономикой и с точки зрения функционирования общества. Так, в буржуазном обществе политика, выражая («концентрируя») интересы господствующего класса буржуазии, всегда первенствует (господствует) над экономическими интересами рабочего класса и крестьян. В советском обществе, наоборот, государство, в первую очередь призвано выражать («концентрировать») интересы рабочего класса, ведущего за собой громадное большинство крестьян, против интересов капитала. Здесь, уже интересам рабочего класса придается всеобщий характер, здесь его интересы «первенствуют» над интересами других слоев общества и его отдельных производителей. Рабочие, по Ленину, это класс, «который миллионы разбросанных, распыленных крестьян объединяет своей промышленностью»[87].

Нарушение первенства политики над экономикой в условиях Советской власти, по Ленину, с неизбежностью ведет к крушению этой власти. Так, ошибочная трактовка Троцким, Бухариным и Шляпниковым роли профсоюзов в советском обществе вела фактически к расколу правящей партии и профсоюзов, а это и могло привести к падению Советской власти. «Если партия раскалывается с профессиональными союзами, - говорил Ленин, - тогда партия виновата, и это наверняка гибель Советской власти. У нас нет другой опоры, кроме миллионов пролетариев... Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок. В этом «если» вся штучка. Если мы вызовем раскол, в котором мы виноваты, все полетит по той причине, что профессиональные союзы не только ведомство, а источник, из которого берется вся наша власть»[88]. Вот почему, по его мнению, не решив сначала политического вопроса о роли профсоюзов в советском обществе невозможно правильно решить и другие более частные производственные, управленческие и воспитательные вопросы.

Дискуссия о профсоюзах интересна также тем, что на ней был поднят важнейший вопрос о социалистическом принципе распределения. Оппонируя Троцкому, считавшему, что в производстве должен быть принцип «ударности», а в потреблении принцип «уравнительности», Ленин подчеркивал, что такое понимание теоретически неверно, ибо противоречит материалистическим взглядам. Он писал: «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто...

Предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Без этого ударность - мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты. И рабочие материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса»[89]. Не следует забывать, что равное право, примененное к неравным людям, превращается в право неравное, несправедливое. Эти слова особенно актуальны, если учесть, что «уравниловка» в советские времена была одной из главных причин экономического и социального отчуждения трудящихся, приведшего в итоге к падению Советской власти в начале 1990-х гг.

Несмотря на ленинскую критику идеи уравнительности, она стала широко использоваться Сталиным в практике социалистического строительства. Так, в 1930-е гг. он, например, резко выступил против С. М. Кирова, который добивался улучшения продовольственного снабжения рабочих Ленинграда в связи с повышением ими производительности труда. В итоге «уравниловка», утвердившаяся в годы сталинского правления, стала одной из главных причин социально-экономического отчуждения трудящихся, способствующего падению советской власти в начале 1990-х гг.

Нельзя забывать также, что социализм по объективным причинам (в силу исторической неразвитости производительных сил) полного равенства дать не может, следовательно, в нем с неизбежностью сохраняется принцип распределения «по труду», а не «по потребностям». Поэтому здесь сохраняется и государство, призванное следить за мерой труда и мерой потребления граждан.

Необходимость реформы политической системы

По мере осуществления НЭПа все острее давали о себе знать проблемы, возникшие в политической сфере. Эти проблемы в основном касались неэффективного функционирования Советского государства, подвергнувшегося серьезной бюрократической деформации. Они были связано с тем, что за годы, прошедшие после Октября, большевикам не удалось радикально реформировать государственный аппарат, который по выражению Ленина был «заимствован от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». Представляя из себя «буржуазную и царскую мешанину», такой аппарат был, конечно «чужд» революционной практике создания нового общества[90].

По мнению Ленина, только наркомат иностранных дел отвечал в полной мере требованиям советской власти и ее

политики, что касается остальных наркоматов, включая Рабкрин, то они не справлялись со своей ролью государственного управления страной. Широко распространившийся бюрократизм блокировал исполнение многих политических решений, ставя под угрозу выполнение новой экономической политики, других важнейших политических решений, принимаемых политбюро и правительством страны. Ленин образно сравнивал действие этого аппарата с машиной, которая «едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»[91].

Исходя из данного факта, Ленин намечает политическую реформу, призванную радикально демократизировать советское государство. Эта реформа включала в себя ряд важнейших политических и организационных вопросов. Среди них вопросы: о реорганизации Рабкрина как орудия улучшения работы госаппарата в целом, о предании законодательных функций Госплану, об укреплении единства правящей партии и повышении ее роли в обществе, о решении национального вопроса, об образовании СССР и ряд других.

Современные исследователи нередко считают, что Ленин, намечая политическую реформу, исходил только из тактических, конъюнктурных моментов текущей ситуации в стране. На мой взгляд, такое мнение не точно и, следовательно, не верно. В любых тактических вопросах он пытался руководствоваться общей стратегией и ее конечными целями. Это непосредственно относится и к его реформе политической системы. Как уже отмечалось, он признавал, что имеющийся государственный аппарат достался в наследство Советской власти от прошлого, от культуры не только буржуазной, но и добуржуазной, т. е. от таких «махровых типов культур» как «чиновничья», или «крепостническая»[92]. Вместе с тем, он требовал при создании нового государственного аппарата овладения действительно «социалистической» культурой[93].

Отсюда его поиск соответствующих «кирпичей» для ее построения, начиная от привлечения в государственный аппарат «передовых» рабочих и кончая элементами «действительно просвещенными», «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения поставленной себе цели»[94]. Отсюда же вытекало и его общее требование к качеству работников нового аппарата: «лучше числом поменьше, да качеством повыше». Но именно данному требованию не удовлетворял наркомат Рабкрина, которым в свое время

руководил Сталин. В нем было много случайных людей, он не справлялся со своей главной функцией - ревизией других аппаратов, в нем господствовали бюрократизм и очковтирательство. Ленин считал, что «... хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего спрашивать»[95].

Исходя из этого, Ленин предлагает радикальную реформу Рабкрина, который должен стать образцовым контрольным учреждением, способным наладить работу всех других государственных учреждений: местных и центральных, торговых и чисто чиновничьих, учебных, архивных, театральных и т. д. В состав нового Рабкрина, по Ленину, должны были войти специалисты, сдавшие жесткий экзамен на знание как науки управления, так основных проблем функционирования советского аппарата. Эти специалисты должны получать достаточно высокие зарплаты, чтобы быть свободными от возможной коррупции в ходе проверки различных учреждений. Они должны использовать различные нестандартные приемы борьбы с бюрократами, «... подготовкой к ловле не скажу - мошенников, но вроде того...»[96].

Новый Рабкрин Ленин видел как учреждение академического типа, которое не только владеет наукой управления, но и на ее основе совершенстсвует работу других госучреждений, курирует научно-исследовательские институты, отбирает и издает лучшие учебники по проблемам научной организации труда и управления, внедряет науку в повседневную управленческую практику. Гарантию и успех в достижении всех этих целей Ленин связывал с объединением и даже «слиянием» контрольных функций партии и государства. Отсюда его план соединения Рабкрина и ЦКК партии, отсюда его идея расширения состава ЦКК за счет сознательных рабочих и крестьян, не испорченных бюрократической практикой советских учреждений. Как уже отмечалось, образец такого аппарата он видел в наркомате иностранных дел. Он писал в этой связи: «Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? *Я* думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату»[97].

Радикальную реформу государственного аппарата Ленин связывал со всей международной обстановкой в мире. С его точки зрения новый госаппарат должен работать таким образом, чтобы Советская республика могла продержаться до тех пор, пока

развитые «... западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»[98]. И здесь Ленин отмечает новые обстоятельства движение этих стран к социализму: «Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими...»[99]. И хотя конечная победа социализма в перспективе «безусловно обеспечена» благодаря общему перевесу революционных сил Востока над контрреволюционными силами Запада, тем не менее, тактически для того, чтобы продержаться до возможного военного столкновения Запада и Востока, и для того, чтобы «... помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»[100], Советской стране необходимо создать такое государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, и, как уже отмечалось, изгнать из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств, поднять, производительные силы страны на уровень самых новейших научно-технических достижений.

Место и роль правящей партии в политической системе

Разрабатывая реформу политической системы, Ленин не мог обойти проблему места и роли правящей коммунистической партии в советском обществе. Практика построения социализма предъявляла к ней особые требования, радикально отличающиеся от тех, когда партия только шла к власти. Ленин, прежде всего, видел в партии наиболее сознательную часть рабочего класса, которая ведет за собой не только рабочих, но и крестьян. Как правящая партия она определяет стратегию и тактику построения нового общества, разрабатывает и распространяет во всех слоях общества свое мировоззрение, свои социалистические идеи.

Ему была глубоко чужда идея монополии отдельных лиц на принятие политических решений. Эти решения, как правило, были плодом широких коллективных обсуждений и решений, принимаемых на съездах и конференциях партии. В итоге, каждый член партии имел возможность влиять на выработку политического курса страны и его воплощения в жизнь. Даже после вынужденного принятия решения о запрете фракций в партии, Ленин считал, что это решение не может остановить общепартийные дискуссии, которые широко публиковались в партийной печати.

Быстрое увеличение и расширение правящей партии за счет лиц и целых слоев, далеких по своему мировоззрению и поведению от рабочего класса могло привести и приводило к

размыванию социальной базы партии. В этой связи Ленин намечает ряд принципиальных шагов, которые должны были качественно улучшить состав партии, укрепить ее политическое руководство, резко повысить эффективность ее работы. В сентябре 1921 г. он публикует в «Правде» статью «О чистке партии», в которой подчеркивает необходимость предъявления новых требований членам партии, связанных с мирными задачами социалистического строительства и борьбой «... против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии»[101]. Эта стихия нередко приводила к отрыву отдельных членов партии от масс, порождала явления, позорящие «партию в глазах массы». Не переоценивая уровень развития масс, видя их определенную усталость от прошедших войн и общественных преобразований, Ленин отмечал их чуткое умение отличать честных и преданных революции коммунистов от «примазавшихся» к власти, от «закомиссарившихся» или «обюрократившихся». В этой связи он требовал «чистить» партию, считаясь с «указаниями беспартийных трудящихся»[102].

Для коммунистической партии Ленин, вообще, считал чрезмерным ее количество даже в 300-400 тысяч членов партии. Он ссылался на мнение белогвардейцев, которые делали ставку на «непролетарский состав нашей партии» и ее классовое перерождение[103]. В этой связи он требовал увеличения в партии количества рабочих, проработавших на заводах и фабриках не менее десяти лет и имеющих соответствующую «пролетарскую психологию». По его мнению, все эти изменения необходимо провести в связи с тем, что часто «... пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»[104]. Как известно, все эти опасения Ленина в будущем полностью подтвердились. Полное сосредоточение в руках Сталина политической власти и фактическое уничтожение им тончайшего слоя «старой партийной гвардии», привели к тому, что партийные решения стали со временем зависеть от воли одного человека, со всеми отсюда негативными и даже катастрофическими последствиями для страны.

Рассматривая отношение правящей партии с народом, Ленин допускал возможность ее падения в случае утраты связи с массами и превращения в зазнавшуюся партию. Он писал: «В

народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»[105]. Эта мысль Ленина во многом оказалась пророческой в связи с политикой Сталина в 1930-е гг., породившей глубокий политический кризис в партии и обществе, разрешение которого было отодвинуто начавшейся Отечественной войной.

Существует принципиальное отличие в понимании роли партии у Ленина и Сталина. Для последнего правящая партия была не выразителем интересов трудящихся, тесно связанная с народом, как полагал Ленин, а «своего рода орденом меченосцев внутри государства», ведущим постоянную войну со своими политическими противниками, «непреступной крепостью», откуда велся по ним непрекращающийся огонь[106]. Если для Ленина партия была союзом единомышленников, то партия при Сталине - это жесткая иерархическая и бюрократическая организация, которая может всегда «потребовать отчета за грехи против партии»[107].

Известно, что при Ленине генеральный секретарь партии был всего лишь секретарем, ответственным за организацию работы высших ее органов. При Сталине должность генсека становится всесильной и практически бесконтрольной. Считая себя по происхождению представителем рабочего класса (что было не совсем так), он вел себя в партии как хозяин. В этом плане он время от времени проходился «по рядам партии с метлой в руках»[108]. Такая «демократия» в партии, конечно, ничего общего не имела с ленинским пониманием революционной партии, как организацией единомышленников, где каждый член партии имел право высказываться по любым вопросам партийной жизни и свободно критиковать своих товарищей, не взирая на их должность и положение в партии.

Ленина особенно волновали вопросы, связанные с развитием внутрипартийной демократии. Как уже отмечалось, он особенно боялся превращения правящей партии в «зазнавшуюся партию», оторванную от народа. В этой связи он требовал в своих последних статьях и письмах укрепления ее руководства путем расширения состава ЦК за счет привлечения в него сознательных рабочих, планировал ряд организационных изменений в Оргбюро и Политбюро, включая устранение Сталина с поста генсека. По мнению Ленина, Сталин, став генеральным секретарем партии, сосредоточил в своих руках «необъятную власть», которой он не сможет осторожно пользоваться, и что уже приводит к ошибкам в

политике.

Национализм или интернационализм?

Одной из таких грубых ошибок было неправильное понимание Сталиным национального вопроса, и связанного с ним конкретных решений по проблеме создания СССР, взаимоотношений РСФР и других национальных республик, проявления шовинистических тенденций в руководстве РКП(б) и т. д. Именно национальный вопрос стал причиной острого конфликта Ленина со Сталиным в последние годы жизни основателя советского государства.

Суть этого конфликта была раскрыта и показана Лениным в его последних статьях и, прежде всего в статье по национальному вопросу, в которой он особо пристальное внимание уделил проблеме интернационализма, непонимание которого проявлял Сталин и многие другие руководители партии и страны[109]. По его мнению, это отрицательно сказывалось на межнациональных отношениях и образовании СССР. В этом смысле, национальный вопрос у него выходил на первый план. Он его напрямую связывал с кадровым вопросом, в частности, с местом и ролью Сталина в руководстве партией. Не смотря на ухудшение своего здоровья, Ленин готовился выступить с речью по проблеме интернационализма и взаимоотношений наций на предстоящем XII съезде РКП(б). К сожалению, текст, или конспект этой речи до сих пор не найден. На съезде он планировал всесторонне обосновывать настоятельную необходимость смещения Сталина с поста генсека, и прежде всего за серьезные ошибки в национальном вопросе. Здесь цельность и революционный характер натуры Ленина проявились наиболее полно. Он не боялся идти на конфликт даже с близкими людьми, изменившими интернациональным и революционным идеалам. При этом его не пугал тот факт, что против него объединились почти все члены Политбюро и Оргбюро, разделявшие сталинскую версию о том, что в последних работах Ленина говорит якобы не вождь революции, а «его болезнь».

Возглавляя наркомат по делам национальностей и, считая себя специалистом в национальном вопросе, Сталин был решительным противником ленинского плана образования СССР, основанного на равноправии и добровольном вхождения в Союз независимых национальных республик. Он считал, что Ленин, говоря о равноправии республик, входящих в будущий Союз, проявляет по отношению к ним своеобразный «национальный

либерализм». Он был убежден, что Союз следует строить по принципу автономного вхождения этих республик в состав РСФСР и их прямой подчиненности российскому центру. По Ленину эта идея «в корне была не верна и несвоевременна»[110]. Она порождала националистические настроения на местах, способствовала недоверию и дистанцированию от центра национальных республик. Ленин видел в реализации сталинской идеи «автономизации» требование бюрократического российского аппарата, что могло привести и приводило на практике к прямому нарушению принципа пролетарского интернационализма.

Ленин был уверен, что сталинский план создания СССР на основе «автономизации» есть результат его торопливости, администраторства и озлобления по отношению к националам вообще, и грузинским, в частности. Последние хотели входить в СССР на равных правах с русскими. Сталин же, считал это требование уклоном в «социал-национализм». Ленин, напротив увидел в таких обвинениях проявление великодержавного шовинизма со стороны великороссов. Он писал позднее: «Тот грузин, который пренебрежительно... швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...»[111].

Такая резкая отповедь Сталину со стороны Ленина была обострена последствием инцидента, который возник между Орджоникидзе, представлявшего власть центра в Закавказье, и одним из членов грузинской компартии (Кабахидзе), которого он ударил рукой в ответ на его устное оскорбление: Орджоникидзе был назван «сталинским ишаком». Так возникло так называемое «грузинское дело», которое больше других волновало Ленина и, о котором он в конце своей жизни думал не переставая.

Всестороннее осмысление этого дела привело Ленина к тому, что он стал готовить своеобразную «бомбу», которая должна была на съезде взорвать великодержавную политику, проводимую Сталиным в национальном вопросе. Ленин напрямую связывал «грузинское дело» с игнорированием отдельными руководителями партии принципа интернационализма как основы ее деятельности во внутренней и международной политике.

Именно в оценке «грузинского дела» особенно наглядно проявились две противоположные позиции, существовавшие в то время в партии: интернационалистская, которую отстаивал Ленин, и великодержавная, которой руководствовался Сталин. Не

случайно самый последний документ, продиктованный Лениным, посвящен именно этому «делу». Я имею в виду письмо к старым грузинским коммунистам П. Г. Мдивани и Ф. Е. Махарадзе, которых Сталин обвинял в национал-уклонизме. Вот его текст, написанный 6 марта 1923 г: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин»[112]. Узнав о содержании этого письма, Сталин на следующий день информирует Орджоникидзе о том, что Ленин в этом письме «солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо, имеется цель надавить на волю съезда компартии Грузии в пользу уклонистов»[113].

В чем же заключалось суть этого «дела»? На первый взгляд, оно выглядело как обычный конфликт, разгоревшийся между двумя не в меру темпераментными грузинами. На самом деле все было гораздо сложнее: поводом для конфликта послужило разное понимание линии партии на Кавказе у Орджоникидзе, проводившего в жизнь установки Сталина, и у коммунистов группы Мдивани. Возглавлявший в то время Закавказский краевой комитет РКП(б) Г. Орджоникидзе жестко осуществлял на Кавказе сталинский план объединения независимых республик в Союз на основе идеи «автономизации». Сопротивляясь осуществлению этого плана, руководство компартии Грузии на своем заседании принимает следующее решение: «Предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным».

Ленин в это время отсутствовал в Кремле по причине своей болезни, а созданная Политбюро ЦК РКП(б) комиссия для подготовки вопроса о создании Союза отклоняет резолюцию руководства компартии Грузии и принимает за основу образования Союза план Сталина. Ознакомившись с решением этой комиссии, Ленин пишет письмо Л. Каменеву для членов Политбюро, в котором решительно выступает против сталинской идеи «автономизации» и предлагает совершенно иной путь создания СССР на основе равноправия и сохранения независимости республик. Для него важно, чтобы «... мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик»[114].

Тем не менее, Сталин, явно не понимая интернационалистской сути плана образования СССР, предложенного Лениным, выступает против его критики проекта

автономизации. Как уже отмечалось, обвинив Ленина в «национальном либерализме», он одновременно доказывает ненужность двух ВЦИКов в будущем Союзе: российского и союзного. При этом он требует, в частности, от Каменева «твердости против Ильича». Как бы отвечая Сталину, Ленин пишет: «Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди:

Русский

Украинец

Грузин и т. д.

Абсолютно! Ваш Ленин»[115].

Такая решительная позиция Ленина привела к тому, что Октябрьский Пленум ЦК, рассматривающий проект создания Союза, встал на ленинскую точку зрения, отказался от идеи «автономизации» и осудил проявления великодержавности со стороны Сталина. Вот как итоги этого Пленума характеризовал Мдивани: «Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... Принят добровольный союз на началах равноправия», и «удушающая атмосфера против нас рассеялась...»[116].

Однако после этого Пленума конфликт между группой Мдивани и Орджоникидзе вспыхивает с новой силой. Камнем преткновения стал вопрос о том, как Грузия должна входить в Союз: через Закавказскую Федерации или самостоятельно, напрямую. Орджоникидзе настаивал на первом варианте, группа Мдивани - на втором. Начались взаимные обвинения в национализме и в великодержавном шовинизме. В этой атмосфере и состоялся инцидент с рукоприкладством Орджоникидзе. В итоге большая часть ЦК КП Грузии подала в отставку и обратилась в ЦК РКП(б) с жалобой на Орджоникидзе. В конце ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Ф. Дзержинским. 12 декабря 1923 г. Дзержинский доложил Ленину результаты работы комиссии, которые сводились к следующему выводу: линия Закавказского бюро и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной». Таким образом, комиссия Дзержинского, которая должна была внимательно и всесторонне изучить это «дело», фактически оправдывала рукоприкладство Орджоникидзе и его политику на Кавказе.

Грузинский конфликт и данный вывод комиссии Дзержинского глубоко потрясли Ленина, отрицательно повлияв на его здоровье. Узнав после разговора с Дзержинским о таком исходе конфликта, Ленин решает непосредственно вмешаться в него, не смотря на резкое ухудшение его здоровья. Позднее он скажет своему секретарю Л. Фотиевой: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло»[117]. Одновременно он продолжал борьбу со Сталиным, сделав из сложившейся ситуации в Грузии далеко идущие выводы. В итоге он полностью изменяет план образования СССР, представленный Сталиным и предлагает собственный план его создания, который основывается на полном равенстве прав каждой независимой республики, желающей вступить в Союз. Он предлагает «... оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»[118]. По его мнению, нужно сделать все для того, чтобы устранить любые несправедливости со стороны большой нации по отношению к нации маленькой, чтобы в условиях революционного пробуждения Востока, самим не попадать «... хотя бы даже в мелочах, в империалистические отношения к угнетаемым народностям...»[119].

Последний бой революционера

Несмотря на свою обострившуюся болезнь и невозможность выступить на съезде Советов, где в то время создавался Советский Союз, Ленин пишет свою знаменитую работу «К вопросу о национальностях или об «автономизации», в которой дает политическую оценку «грузинскому делу», осуждает поведение Орджоникидзе и его рукоприкладство как злоупотребление властью и проявление великодержавного шовинизма. «Орджоникидзе, - писал Ленин, - не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении»[120].

Ленин считал: «грузинское дело» показало, что многие руководители партии не разобрались в национальном вопросе и не поняли сути пролетарского интернационализма. В свою очередь, он подробно показывает, как эти вопросы следует понимать. По его мнению, надо отличать «национализм нации

угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»[121], что по отношению ко второму национализму «... почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того - незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений...»[122]. Из этого Ленин делает вывод, что для пролетарской солидарности надо максимум доверия со стороны инородцев, а этого можно достигнуть лишь хорошим отношением, компенсирующим недоверие и обиды, которые им были нанесены в прошлом правительством «великодержавной» нации[123].

В практическом плане Ленин потребовал «примерно наказать тов. Орджоникидзе», «... доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически - ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую капанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского»[124].

Однако на этом «грузинское дело» не заканчивается. Сталин втайне от Ленина проводит заседание Политбюро, где утверждает ошибочные выводы комиссии Дзержинского и рассылает соответствующее письмо низовым организациям партии. Ленин, в свою очередь, создает свою комиссию по грузинскому вопросу и просит предоставить ему соответствующие материалы комиссии Дзержинского. Сталин отвечает, что без решения Политбюро материалы «дать не может»[125]. Узнав об этом, Ленин заявляет, «что будет бороться за то, чтоб материалы дали»[126]. В итоге 1 февраля 1923 г. Политбюро разрешает их выдать Ленину. Получив необходимые документы, секретари Ленина обнаруживают в них отсутствие заявления потерпевшего. После соответствующего выяснения от Сталина получен ответ: оно «пропало».

Создав из секретарей свою комиссию для изучения поступивших материалов, Ленин предлагает ей определенные вопросы для анализа. Среди них: физические способы подавления («биомеханика»), линия ЦК РКП(б) в отсутствие Ленина и при нем, рассмотрение комиссией Дзержинского обвинений как против ЦК КП Грузии, так и против Заккрайкома и др[127]. Через три недели секретари Ленина представляют результаты своей работы и выводы, о которых почти не говорилось в печати. В частности, они показали, что начиная со второй половины 1922 г. произошло изменение курса ЦК РКП(б) по грузинскому вопросу. Если до болезни Ленина ЦК придерживалось линии,

сформулированной Лениным в его письме от 14 апреля 1921 г., где Ленин предлагал грузинским товарищам не применять у себя «русского шаблона», проявлять больше «уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству», то после заболевания Ленина эта линия изменилась. ЦК КП Грузии был обвинен в «националистическом уклоне». Этот уклон Сталин объяснял тем, что грузинские коммунисты «сделали фетиш из тактики уступок, между тем как теперь время не политических уступок, а наоборот, политического наступления».

Исходя из этого сталинского тезиса, ЦК РКП(б) поддерживал все действия Заккрайкома, которым руководил Орджоникидзе, допускавший администрирование и грубость по отношению к членам ЦК КП Грузии. В частности, расходясь с грузинскими коммунистами по вопросам вхождения Грузии в Закавказскую федерацию и СССР, он требовал беспрекословного подчинения себе, допускал «площадную ругань» и грозил репрессиями старым работникам компартии Грузии. Орджоникидзе снял авторитетного коммуниста Окуджаву с поста секретаря ЦК грузинской компартии и обещал, в случае несогласия с ним, «разгромить всю партию и создать новую из молодых». Считая себя «резким человеком в проведении политической линии партии», он допускал «случаи рукоприкладства» и «запугивания при голосовании» и т. п. Грузинские коммунисты обвиняли Орджоникидзе в «шовинизме» и «держимордовстве», применении «методов военного коммунизма». Они цитировали слова Орджоникидзе, который, повторяя Сталина, утверждал, что будет «каленым железом выжигать остатки национализма». К сожалению, комиссия Дзержинского не придала всем этим фактам должного значения. В своем заключении комиссия, созданная Лениным, констатировала, что вопрос о разногласиях в компартии Грузии носит «характер политический и должен быть выдвинут на предстоящем съезде компартии». (Здесь и выше приводились слова и положения, взятые из текста заключения комиссии, созданной Лениным по «грузинскому делу»[128]).

Параллельно с работой секретарей по изучению материалов «грузинского дела» Ленин готовил соответствующую речь по национальному вопросу, которая в Центральном партийном архиве отсутствует. Означает ли это, что она была в свое время кем-то изъята из бумаг Ленина? Ответа до сих пор нет. Предположение работников ЦПА о том, что ее (с их слов) не существует в природе, противоречит тому, что писал Ленин, который всегда выражался очень точно. Вместе с тем, содержание данной речи можно воспроизвести по тем ленинским запискам по

национальному вопросу, которые он нам оставил в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Проясняют позицию Ленина и следующие его слова, записанные 14 февраля 1923 г. Фотиевой: «... Намекнуть Сольцу, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал?»[129]. В этом же русле следует рассматривать и его последнее письмо грузинским коммунистам, о котором шла речь выше.

Итак, изучив материалы по «грузинскому делу», Ленин приходит к выводу, что оно во многом связано с неверной политической линией Сталина, курировавшего национальный вопрос в партии и правительстве. Учитывая это, а также другие существенные расхождения со Сталиным, в частности, по вопросу образования СССР, Ленин принимает решение обратиться к очередному XII съезду партии с решительной просьбой о «перемещении» Сталина с поста генсека.

В этой связи, следует рассматривать и его январское добавление к Письму к съезду, в котором ранее давались сжатые характеристики всем главным руководителям партии и государства, и которое могло быть, по предположению отдельных историков, непосредственной реакцией на грубое оскорбление Крупской. Вот это дополнение, о котором рядовые члены партии узнают лишь тридцать с лишним лет спустя: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение»[130].

Позднее, интерпретируя это письмо, Сталин скажет, что в нем лишь указывалось на его грубость. При этом он соглашался насчет своей грубости, оправдывая ее тем, что она якобы порождена борьбой против врагов рабочего класса. Однако, это была полуправда, а правда заключалась в том, что Ленин расходился со Сталиным почти по всем основным политическим вопросам. В итоге Ленину еще до съезда удается одержать ряд

внушительных побед. Он добивается существенных изменений в политике партии по вопросу о принципах образования СССР, о монополии внешней торговли, о совершенствовании функций Госплана и др. Планировал он на съезде одержать победу и над генсеком Сталиным. Однако это ему не удалось, хотя и остались многие документы, показывающие, что он предпринимал для решения этого вопроса.

Вот, что об этом вспоминает Троцкий, передавая соответствующую беседу Ленина с одним из его секретарей Гляссер: «"А вы не знаете, как относится к грузинскому вопросу Троцкий?", - спрашивает Ленин.

"Троцкий на пленуме выступал совершенно в вашем духе", - отвечает Гляссер, которая секретарствовала на пленуме. "Вы не ошибаетесь? ". "Нет, Троцкий обвинял Орджоникидзе, Ворошилова и Калинина в непонимании национального вопроса". - "Проверьте еще раз! " - требует Ленин. На второй день Гляссер подает мне на заседании ЦК, у меня на квартире, записку с кратким изложением моей вчерашней речи и заключает ее вопросом: "Правильно ли я вас поняла? " - "Зачем вам это? " - спрашиваю я. "Для Владимира Ильича", - отвечает Гляссер. "Правильно", - отвечаю я. Сталин тем временем тревожно следит за нашей перепиской. Но в этот момент я еще не догадываюсь, в чем дело... "Прочитав нашу с вами переписку, - рассказывает мне Гляссер, - Владимир Ильич просиял: ну, теперь другое дело! - и поручил передать вам все те рукописные материалы, которые должны были войти в состав его бомбы к XII съезду". Намерения Ленина стали мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры»[131]. Эти слова Троцкого во многом проясняют действия Ленина незадолго до его тяжелого третьего приступа болезни.

Ухудшение здоровья Ленина в начале марта 1923 г. заставило его форсировать национальный вопрос. Он пишет письмо Троцкому, в котором просит «... взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия»[132]. Троцкий, вопреки комментаторам Полного собрания сочинений Ленина, считавших, что Троцкий отказался от предложения Ленина[133], оставляет присланные документы у себя, намериваясь выполнить просьбу Ленина. Это намерение он

осуществит позднее, когда внесет свои поправки в тезисы Сталина по национальному вопросу.

Одновременно с написанием письма Троцкому Ленин пишет и передает через Л. Каменева, который едет в Тифлис для улаживания мира в грузинской компартии, копию уже цитируемого его последнего письма грузинским коммунистам. Каменев в письме к Зиновьеву пишет о том, что сделает все, чтобы добиться мира в компартии Грузии, но, по его мнению, «это уже не удовлетворит Старика (Ленина. - *Б. С.*), который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху»[134]. Под последним Каменев подразумевает устранение Сталина с поста генсека на предстоящем съезде партии. Характерно, что об этом он говорит не только Зиновьеву, но и самому Сталину. Таким образом, «грузинское дело» должно было разрешиться на XII съезде РКП(б) восстановлением ленинской линии в национальном вопросе, снятием Сталина, наказанием Дзержинского и Орджоникидзе. Это знали практически все члены Политбюро, но этого не произошло.

Через несколько дней после написания и отправки последних писем Ленина, в его здоровье наступает резкое ухудшение. 10 марта 1923 г. происходит третье, самое крупное кровоизлияние в мозг, которое лишает его возможности ходить, писать и говорить. Не надо долго объяснять, что Сталин был рад такому исходу событий. Новый приступ болезни фактически сделал невозможным выступление Ленина на XII съезде партии, а, следовательно, не могло состояться устранение Сталина от руководства партией, власть над которой он уже полностью держал в своих руках. Таким образом, последний бой Ленина, вопреки его желанию, был остановлен очередным приступом его тяжелой болезни, во многом спровоцированным поведением его главного политического противника - Сталина (инцидент с оскорблением Крупской, ужесточение режима «изоляции» Ленина, задержка публикаций ленинских статей и др.)

В это трудное время многие соратники Ленина ведут себя далеко не лучшим образом. Не успел Каменев прибыть в Тифлис, как его настигает телеграмма Сталина. В ней говорилось, что с Лениным произошел новый удар и он не в состоянии говорить и писать. В итоге Каменев, который намеревался провести в Грузии линию Ленина, фактически реализует линию Сталина. Что касается других мер, которые предлагал Ленин для развития демократии в партии, в частности, увеличение числа членов ЦК за счет привлечения в него сознательных рабочих «от станка», были использованы Сталиным в его личных интересах и целях. В

этом же русле «осуществлялись» и ленинские предложения о реформе государственных институтов. Характерным примером здесь может служить известное предложение Куйбышева с согласия некоторых членов Политбюро издать в одном экземпляре газету «Правда» с важнейшей статьей о преобразовании Рабкрина специально для больного Ленина, скрыв таким образом ее от партии и страны.

Еще при жизни Ленина начала меняться расстановка сил в руководстве РКП(б): Троцкий, с которым Ленин установил своеобразный блок в борьбе против Сталина и его ошибочной политики, фактически остается в одиночестве. Не смотря на это, ему все же удается сделать ряд принципиальных шагов для защиты соответствующих идей Ленина. Так, он оказывает свое влияние на корректировку предсъездовских документов по национальному вопросу. Публикует в газете «Правда» статью о партии с критикой «великорусского шовинизма». Пишет 28 марта 1923 г. письмо в секретариат ЦК с требованием внести в протокол обсуждения грузинского вопроса его предложения не только об отзыве тов. Орджоникидзе, но и «1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою «уклона» партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер - против неправильной политики тов. Орджоникидзе»[135]. Как мы видим, эти предложения вытекают из основных идей ленинской статьи «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

Однако они не были выполнены. На открывшемся в апреле XII-м съезде партии против этих предложений активно выступили Сталин, Орджоникидзе, Бухарин, Енукидзе и др. Причем последний, полемизируя с Мдивани и Махарадзе, пошел на прямую ложь, говоря, что якобы в своих последних статьях и письмах Ленин утверждал, что при «правильном освещении» национальных проблем Ленин «соглашался с политикой» т. Орджоникидзе, проводимой в Грузии. После этих выступлений Мдивани и Махарадзе были осуждены, не смотря на известные слова Ленина о том, что он находится на их стороне. На съезде подвергся резкой критике и сам Троцкий. Он был обвинен в нарушении единства партии и отходе от тезисов, утвержденных ЦК по крестьянскому вопросу и промышленности, в подмене понятия «руководящая роль партии» ошибочным тезисом «диктатура партии» и др.

После XII съезда конфликт сталинской фракции и Троцкого в руководстве партии то затихал, то возникал с новой силой. Он проявил сильные и слабые стороны самого Троцкого как политика. Его близкий друг Иоффе говорил незадолго до своей смерти о том, что Троцкий, оценивая крупные исторические события в большинстве случаев был политически прав, но в сравнении с Лениным, который боролся за свои идеи и принципы до конца, он «часто отказывался от собственной правоты», идя на «компромиссы» со своими политическими противниками[136]. И данная характеристика подтверждается многими историческими фактами. Так, исходя из ложно понятой скромности, Троцкий отказался от основного политического доклада на XII съезде партии, высказал желание «не поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек», т. е. не выступил на съезде с однозначным требованием снять Сталина с поста генсека, как того хотел Ленин. Однако избегание Троцким прямого столкновения со своими противниками нередко оборачивался против него самого. Так, его стремление «сохранить status quo» в руководстве партии закончилось тем, что он сам стал объектом нападения Сталина, который обвинил его в сокрытии от партии ленинских документов, переданных ему Лениным в марте 1923 г. И хотя комиссия, созданная для проверки этого обвинения, не нашла для него никаких оснований, значительный ущерб достоинству Троцкого и его авторитету был нанесен.

Таким образом, подготовленный Сталиным и его окружением XII съезд РКП(б) совершенно обошел вопрос о его устранении с поста генсека партии. Что касается оглашения ленинских записок по национальному вопросу, то они по предложению сталинского секретариата были рассмотрены в узком кругу отдельных делегаций съезда без права их не только воспроизводить, но и «цитировать». Как известно, ленинское «Письмо к съезду» с его характеристикой ведущих руководителей партии и особенно Сталина было оглашено уже после смерти Ленина сначала на закрытом заседании ЦК, а затем на XIII съезде партии.

Вот что о первом оглашении ленинского Письма к съезду вспоминал технический секретарь Сталина Борис Бажанов: «Центральный Комитет собрался на закрытое заседание в Кремле. Оно проходило в одной из небольших продолговатых комнат для заседаний. Каменев сидел во главе стола и вел заседание. По левую руку от него был Зиновьев. Сталин находился на некотором расстоянии от них, у края небольшого возвышения, на котором располагался стол президиума.... Он смотрел в окно, демонстрируя показное спокойствие, но чувствовалось, что отдает себе отчет: сейчас может решиться его судьба. Для

Сталина это было необычно, поскольку, как правило, он умел скрывать свои чувства. В тот момент у него были все основания беспокоиться о своем будущем. Можно ли было ожидать, что в атмосфере поклонения, которым был окружен Ленин и все, что он говорил и делал, ЦК осмелится бросить вызов четкому ленинскому предупреждению о Сталине и сохранит его на посту генсека?

Однако на помощь Сталину поспешил Зиновьев. Он произнес речь, по лицемерию ни с чем не сравнимую. Центральный Комитет, сказал он, уважает каждое слово Ленина, оно для него священно. Каждый член ЦК клянется выполнять указания Ленина. Но по одному пункту, продолжал он, Политбюро счастливо сообщить, что ленинские опасения не обоснованы: между Сталиным и его коллегами нет никаких трений. Всем известно, говорил Зиновьев, что они сотрудничают в полной гармонии, а потому было бы лучше всего по данному конкретному пункту не принимать во внимание ленинские пожелания.

Вслед за этим выступил Каменев, предложивший оставить Сталина на посту генсека и это предложение было принято простым поднятием рук. Я считал голоса, и никогда не перестану упрекать себя за то, что не записал фамилии воздержавшихся, их было не много. Троцкий, Пятаков и Радек проголосовали против»[137].

Так, вопреки воле Ленина было принято историческое решение, во многом определившее будущее Советской страны. Отметим, что на XIII съезде партии ленинское Письмо к съезду не обсуждалось, а его оглашение было осуществлено по отдельным делегациям съезда, что не могло повлиять на общее решение съезда. Было также решено, что в дальнейшем это письмо и другие ленинские документы, переданные съезду Н. К. Крупской, «воспроизведению не подлежат»[138]. В итоге общественность о них так и не узнала вплоть до XX съезда партии.

Что касается больного Ленина, то, не смотря на прекращение его политической деятельности в марте 1923 г., впереди оставалось еще много месяцев его мужественной борьбы за преодоление тяжелого физического недуга. Трагедия Ленина в этот период заключалась в том, что он стал немым свидетелем того, как его революционные идеи воплощается в жизнь с точностью «до наоборот». С этим он не мог смириться, но и изменить ситуацию был не в силах: болезнь сделала свое темное дело.

Еще при жизни Ленина начался фактически раскол в руководстве правящей партии, чего он боялся больше всего. Он привел, с одной стороны, к появлению сталинской фракции

(«триумвирата»: Сталин, Зиновьев, Каменев), с другой, к появлению оппозиции во главе с Троцким, предложившего «Новый курс» в политике, связанный с борьбой против бюрократизма и широкой демократизацией партии и общества. Вслед за Лениным Троцкий требовал повышения роли рядовых членов партии в решении политических вопросов и строгого подчинения партийного аппарата коллективно выработанным партийным решениям[139].

По сути дела, Сталин предлагал противоположную стратегию, направленную на полное подчинение партии ее аппарату во главе с генсеком. Оставшись вопреки желанию Ленина на посту главного руководителя партии, Сталин сделал все от него зависящее, чтобы в стране, первой вступившей на путь социалистического строительства, был создан режим, по сути дела, противоречащий этой великой исторической задаче.

Как известно, Сталин со временем становится настоящим диктатором в партии и стране. Оказалось пророческой мысль Ленина в его письме XII съезду партии, где он прямо говорил: «Сталин, сделавшись генсеком сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[140]. Как и предвидел Ленин, Сталин не только не сумел ею «осторожно пользоваться»: он, напротив, стал ею злоупотреблять, нанося прямой вред социалистической идее и той модели строительства социализма, которую разработал и начал осуществлять Ленин после Октябрьской революции

В этой связи, нам кажется глубоко ошибочным мнение многих исследователей правого и левого толка о том, что Сталин был продолжателем дела Ленина и строил свою тоталитарную модель советского социализма якобы по «ленинским чертежам»[141]. Подобные утверждения полностью противоречат фактам истории, связанной с принципиальной борьбой Ленина со Сталиным в последние годы жизни вождя Октябрьской революции. Разве можно, вообще, ставить на одну доску принципиальных антиподов в понимании социализма и левой политики, каковыми были интернационалист Ленин и национал-державник Сталин?

На наш взгляд, *уже давно пора понять, что в истории СССР было две прямо противоположные модели создания и функционирования советского социализма (ленинская и сталинская), а не одна якобы «ленинско-сталинская» модель!* Говоря точнее, лишь ленинская модель советского социализма отвечала подлинно социалистическим критериям, включая интернационализм и демократию. Что касается сталинской

модели, то ее вообще трудно отнести к модели левого толка. Как и предвидел Ленин, Сталин, в конце концов, открыто перешел на сугубо правые национал-державные позиции. Это проявилось в различной трактовке принципов создания СССР еще при жизни Ленина, в заключении договора с фашистской Германии накануне Отечественной войны, в роспуске Коминтерна, породившего глубокий кризис во всем левом антифашистском движении, в его борьбе с так называемым «космополитизмом» в Советском союзе и т. д.

Закономерно, что со смертью Ленина революция во многом пошла на спад и олицетворением такого спада стал Сталин как самовластный руководитель страны. *Если фигура Ленина была напрямую связана с осуществлением Октябрьской революции и становлением Советского государства как нового типа власти трудящихся классов, то фигура Сталина стала символом деформации этого государства и попрания завоеваний революции и идеалов социализма. Можно без преувеличения сказать, что Сталин был и останется в советской истории как основатель и главный воплотитель в жизнь тоталитарного режима власти, прикрывающийся на словах марксистской фразеологией и идеей диктатуры пролетариата.*

К сожалению, осмысление сущности сталинского тоталитарного режима, на мой взгляд, до сих пор не нашло адекватного отражения в научно-политической и философской литературе. Однако, без такого осмысления невозможно понять и всесторонне оценить сегодня всю семидесятилетнюю советскую историю.

4. Сталинский тоталитаризм и советская история

В этой связи закономерен вопрос: кому сегодня выгодно отождествление Сталина и его тоталитарного режима с ленинской эпохой и всей советской историей? Думаю, она нужна не только неосталинистам, но и тем, кому хочется во чтобы то ни стало окончательно дискредитировать левую социалистическую идею, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся В. Ленин, а не его псевдонаследник и «ученик» И. Сталин.

Что же собой представлял Сталин как личность и политическая фигура? Почему ему удалось на долгие годы захватить власть и фактически единолично править страной? Что собой представлял его тоталитарный режим власти? На эти и другие вопросы надо отвечать, иначе никогда не будет понята суть советской истории, специфичность ее периодов, и те события, которые привели к падению Советской власти и крушению СССР.

Отвечать на эти вопросы нужно и в связи с тем, что в последнее время по мере банкротства либеральных реформ в России стала буквально мифологизироваться роль Сталина в истории, как якобы выдающегося руководителя страны, незаурядного политика и стратега.

«Эффективный менеджер» или могильщик революции?

В научной среде и во многих средствах массовой информации в настоящее время широко распространился миф о Сталине как «недоктринерском», «умном» и «эффективном» менеджере, сумевшем провести на практике необходимую для советской страны коллективизацию и индустриализацию. К подобной точке зрения сегодня все чаще склоняются не только неосталинисты или националисты, но и некоторые либералы, и даже марксисты. Так, член редколлегии левого журнала «Альтернативы», доктор экон. наук А. И. Колганов на одном из «круглых столов», посвященных Октябрьской революции говорил: «Сталин не был доктринером. Он видел, что бухаринская программа не может быть реализована, но не по теоретическим соображениям, а в реальности. Кризис сельскохозяйственных заготовок 1928 г. показал, что крестьянин не хочет идти по предложенному социалистическому пути. Была и другая программа - Троцкого, не

очень ясно оформленная. Она заключалась в том, что мелкобуржуазные слои нужно прижать, но не сильно обижать, а ставку делать на развитие самодеятельной инициативы рабочего класса. Теоретически очень красивая программа, но не реальная в условиях советской России»[142].

По мнению А. Колганова, опираться в хозяйственном строительстве на пролетариат было невозможно, т. к. на роль руководителя он «не тянет», на буржуазию было нельзя, ибо она «враждебна». В итоге остается одна бюрократия, которая правомерно взяла «все рычаги власти» в свои руки в проведении индустриализации и коллективизации. При этом он делает следующий «оптимистический» вывод: тактика опоры на бюрократию «себя оправдала, но как длительная историческая перспектива она оказалась безуспешной»[143].

Что можно сказать по этому поводу? Эти рассуждения мало чем отличаются от прямой апологетики сталинской политики. Их автор даже не замечает собственной противоречивости. На самом деле, разве можно отрицать теоретические взгляды «правой» и «левой» оппозиции, если они не проверены на практике? Разве можно говорить о тактической «оправданности» политики Сталина в сельском хозяйстве, если она привела его к стагнации на многие годы. Наконец, как можно «оправдывать» тактику, которая в «перспективе» «оказалась безуспешной»? Надеюсь, читатель сам сумеет ответить на эти вопросы.

Считать Сталина «не доктринером», «творцом», «эффективным» менеджером и т. д. можно, только закрыв глаза на миллионы жертв его поистине каннибальской политики, ничего общего не имеющей с идеалами и ценностями социализма. Согласиться с вышеприведенными оценками его деятельности можно только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию НЭПа, с которой выступил Ленин, а сталинский возврат в начале 30-х гг. от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею постепенной добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный с коллективизацией, наконец, не проект дебюрократизации и реформы советского государства, предлагавшийся Лениным, а создание Сталиным тоталитарной системы, с ее незаконными массовыми репрессиями.

Утверждения о якобы «недоктринерской» и «творческой» натуре Сталина нам напоминает известное «творчество» Воланда из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Отличие только в том, что Воланд в писательском воображении применял метод «секир башка» только к отдельным нехорошим персонажам романа «Мастер и Маргарита», а Сталин пользовался им в реальной

действительности применительно к сотням тысячам ни в чем не повинных людей.

На самом деле, никакого «творческого», а тем более «эффективного менеджера» в лице Сталина не было. Он был хитроумным, но недальновидным политиком, допускавшим на практике весьма грубые ошибки. Это от него исходили нереальные цифры пятилетних планов, абсолютизация чрезвычайных мер в политике, стратегические просчеты в оценке предвоенной ситуации накануне 1941 года, полное пренебрежение ценностью человеческой жизни в ходе войны и т. д.

Как уже говорилось, у Сталина был свой доморощенный проект строительства нового общества, чуждый марксизму и научно обоснованному проекту Ленина. Нельзя забывать, что идеи индустриализации, кооперации и культурной революции принадлежали Ленину, а не Сталину. Ленин хотел и предлагал провести индустриализацию страны, прежде всего за счет повсеместной экономии средств в хозяйстве и радикального сокращения бюрократического госаппарата, а кооперацию - за счет строгого соблюдения принципа добровольности и механизации сельского хозяйства.

Ни тот, ни другой завет Ленина не были выполнены Сталиным. Мало того, по сравнению с этими заветами он делал нечто прямо противоположное им. В итоге, научно продуманный и мирный план создания социализма он заменил собственным произволом и насилием над людьми. Страшны «плоды» его диктаторского режима власти, когда физически и морально уничтожались лучшие люди страны: выдающиеся руководители партии и государства, талантливые ученые и представители культуры.

По данным доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК, только за 1935—1940 годы за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. Соответственно за 1937—1938 годы арестовано 1 548 366 и расстреляно 681 692[144]. В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время Ленин говорил, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами.

Сталинская политика, абсолютизирующая насильственные методы социалистического строительства, естественно встретила активное сопротивление ей как со стороны крестьянства (особенно на юге страны), так и внутри партии сначала со стороны «левой», а затем и «правой» оппозиции. Это сопротивление также проявилось в голосовании на XVII съезде

партии, в программном демарше Рютина, обличительном письме Раскольникова, в критических высказываниях Крупской, Пятницкого и других ветеранов партии[145].

Ответ Сталина был жестким и по-иезуитски расчетливым: он решил уничтожить всех свидетелей своих провалов в политике. Отсюда Большой террор конца 30-х гг. и превращение во «врагов народа» выдающихся деятелей революции и советской власти. Отсюда же «дело Кирова» и знаменитые фальсификации Московских процессов, гонения на «старых большевиков» и полная «зачистка» ближайших соратников Ленина, упомянутых в его Политическом завещании.

Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей подписью Сталин), не революция «пожирала своих детей», а лично Сталин со своими ближайшими соратниками уничтожили почти всю так называемую «ленинскую гвардию». Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали всепроникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Конечно, было бы антиисторично сводить все негативные стороны в строительстве социализма только к одной фигуре Сталина. Сталин был лишь вершиной пирамиды власти, которая в XX веке получила название «тоталитаризм». Что из себя представлял этот режим политической власти? Какие ему присущи общие черты, и в чем проявилась его специфика в рамках советской истории?

О понятии «тоталитаризм»

Как известно, впервые понятие «тоталитаризм» стало употребляться в Европе для характеристики режима государственной власти, охватывающего своим политическим влиянием практически все сферы общественной жизни в современном массовом обществе. Наиболее тесно понятие «тоталитаризм» связано с фашистскими режимами государственной власти. Как уже говорилось, это понятие вошло в оборот после его активного употребления Бенито Муссолини. Вот, например, что он говорил о роли фашистского государства в

обществе в своей известной статье «Доктрина фашизма»: «Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен...»[146]. По мнению Муссолини «вне Государства нет индивидов, или групп (политических партий, экономических союзов, социальных классов)»[147]. Оно организует нацию и является центральным мотивом человека, оно живет в его сердце, является своеобразной «душой души».

Как мы видим, Муссолини словом «тоталитаризм» характеризует всевластие и всеобщность государства, в котором он видит важнейший и отличительный признак фашистской доктрины, позволяющий отличить ее от социализма, либерализма, тред-юнионизма и других социальных учений. И в этом он совершенно прав: либерализм минимизирует роль государства в обществе, а социализм, как и анархизм, ставит своей стратегической целью ликвидацию государства, вообще. Что касается стремления Сталина, неосталинистов и наших современных «державников» связывать социализм, по сути дела, с вечным господством государства, доказывает лишь одно: они ближе к политической философии Муссолини, чем к марксизму и социализму.

Как известно, фашизм рассматривает государство как некую корпорацию, в которой объединяются все: буржуа и пролетарии, крестьяне и интеллигенция. Оно разрешает противоречия капитализма, личности, семьи и общества, подчиняя их единой политической воле. Фашистское государство является своеобразным духом нации, связывая различные социальные группы и различные поколения между собою. Такое тотальное государство не есть государство прошлого: оно плод XX века.

Аналогичное понимание тоталитаризма развивает знаменитая ученица немецкого философа Карла Ясперса Ханна Арендт. По ее мнению, тоталитаризм есть следствие атомизации личности в обществе, возникшей в XX веке. Только полностью атомизированный или изолированный человек, лишенный различных социальных привязанностей, порождаемых семьей, друзьями, сослуживцами, членством в партии, может быть предан вождю, тоталитарному движению или государству[148].

Как не парадоксально, но изолированность индивида возникает с возникновением массового общества, в котором нет четкой классовой или иной социальной структурированности, где люди перестают верить в политические партии, профсоюзы, организации местного самоуправления и т. п. Именно они составляют социальную базу тоталитарных режимов, которые

используют их безразличие, нейтральность и своеобразную маргинальность в своих интересах.

Крушение традиционной социальной стратификации и появление маргинальных и люмпенизированных масс после первой мировой войны в Германии и России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на неспособность социал-демократических правительств организовать социальный порядок на основе буржуазной конкуренции и тяжелых последствий послевоенной эпохи, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти.

Ханна Арендт считает, что Сталин «искусственно» создавал атомизированное общество, которое для Гитлера приготовили исторические события. В отличие от Ленина, который публично анализировал свои ошибки и всегда исходил в политике из учета различных общественных интересов, Сталин, на мой взгляд, нивелировал социальные интересы и почти всегда списывал свои ошибки на других. Так было при коллективизации, когда под видом борьбы с кулачеством экспроприировались середняки, так было во время индустриализации, когда стахановские методы организации труда волевым способом переносились на весь рабочий класс, так было в предвоенный период и во время Отечественной войны, когда ошибочные решения вождя переносились на отсутствие квалификации и исполнительности подчиненных.

Тоталитаризм предполагает характерное разделение общества на всевластного вождя и послушную некритическую массу. Интересно замечание Ханны Арендт о том, что высококультурные люди вовсе не противостоят массовым тоталитарным движениям. Даже, напротив, «развитой индивидуализм и утонченность не предотвращают, а в действительности иногда поощряют саморастворение в массе»[149].

Таково, в общем, основное понимание тоталитаризма как некой политической формы управления обществом. Не будем углубляться в другие трактовки его понимания, которых много в литературе. Отметим лишь, что разница между Арендт и Муссолини в интерпретации тоталитаризма состоит в том, что Муссолини отводил бюрократии определенное место в обществе и государстве, Арендт же считала, что бюрократия при тоталитаризме не имеет никакого самостоятельного значения.

До сих пор говорилось о понимании тоталитаризма, как оно

представлено в литературе. Наше видение тоталитаризма следующее. «Тоталитаризм» - это понятие, которое характеризует сугубо политический режим государства. И хотя этот политический режим может охватывать своим влиянием все стороны общества, от семьи, экономики до социальной и духовной сфер, он, тем не менее, выступает сугубо надстроечным явлением, которое не следует отождествлять с социально-экономическим строем общества. Надстроечный характер тоталитаризма позволяет нам лучше понять нашу советскую историю, которую нельзя сводить к существованию одного политического режима: их, конечно, было несколько.

Возникновение и социальная природа сталинского тоталитаризма

Из сказанного становится понятным, что режим тоталитарного типа в Советском Союзе мог возникнуть только с приходом к власти диктатора, ибо коллективное руководство партией и государством при Ленине подобное не допускало. Окончательно он формируется в первой половине 30-х годов, когда были ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 года.

С укреплением власти Сталина сворачивается революционная демократия, уничтожаются полностью все виды и формы политической оппозиции режиму, намечается определенный спад в литературе и искусстве. Первым шагом на пути становления такой диктатуры была ликвидация «левой оппозиции» во главе с Л. Троцким. Вторым шагом - фактическое возвращение к политике «военного коммунизма» и ликвидация «правой оппозиции» во главе с Бухариным. Провокация с убийством Кирова дала ему возможность расправиться практически со всеми его политическими оппонентами, стать бесконтрольным диктатором в стране, совершившей победоносную пролетарскую революцию.

В итоге, его правление стало настоящей трагедией для миллионов советских людей. ГУЛАГ и незаконные массовые репрессии, направленные против собственного народа - закономерное следствие сталинского режима. Только начавшаяся война с фашизмом временно приостановила его тотальные разрушительные действия.

Следует отметить, что первое критическое осмысление режима Сталина было начато не Хрущевым на XX съезде КПСС и не А. Солженицыным с его «Архипелагом ГУЛАГом», как считают

многие, а «левой оппозицией» сразу после смерти Ленина. Тогда сталинский режим называли разными словами: «диктаторским», «бонапартистским», «термидорианским» и т. д. Лишь позднее главный оппонент Сталина Лев Троцкий назовет сталинский режим «тоталитаризмом», и этот термин войдет в политический и научный обиход. Следует также отметить, что задолго до Солженицына сталинский тоталитаризм нашел свое художественное отражение в малоизвестных у нас романах Виктора Сержа - талантливого русско-французского писателя, публициста и революционера. Уже переведены на русский язык и изданы такие его основные произведения, как «Полночь века. Дело Тулаева», «От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера», «Завоеванный город» и др.

Какова же социальная природа сталинского тоталитаризма? *На мой взгляд (и не только), она коренится в двойственной природе бюрократии, составляющей его социальную базу. Эта двойственность во многом раскрывает «тайну» функционирования сталинского режима власти.* В частности, она объясняет многие, на первый взгляд, противоречивые и непонятные явления сталинской политики, включая, странный на первый взгляд, феномен ее массовой поддержки. Поясним более подробно данное явление.

Несмотря на распространенное мнение о бюрократии как самостоятельном классе общества (Бруно Рицци, Макс Шахтман, Милован Джилас, Тони Клифф и др.), она не является таковым. Бюрократия всегда выполняет (хорошо или плохо) сугубо обслуживающую социальную функцию в обществе. Если у власти стоит рабочий класс, она, чтобы жить и функционировать, вынуждена считаться с его интересами, если у власти - буржуазия, то бюрократия обслуживает ее классовые интересы. Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий властвующей касты. В этом плане советская бюрократия была вынуждена, с одной стороны, охранять интересы трудящихся, которые взяли власть в ходе Октябрьской революции, т. е. охранять национализированную экономику, плановое хозяйство, власть Советов, с другой - подтачивать корни революции с помощью постепенного разрастания своих привилегий, усиления бюрократизма, незаконных массовых репрессий, проводимых сталинским режимом власти.

Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей личной подписью Сталин), не революция «пожирала своих детей», а лично Сталин со своими

ближайшими соратниками уничтожили почти всю так называемую ленинскую гвардию. Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали всепроникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Почему же сталинский тоталитарный режим так долго мог существовать в СССР и почему в народе сохраняется его высокий рейтинг? Ответ на этот вопрос также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохраняла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику и общественный строй, возникший в ходе Октябрьской революции. Сегодня эта функция сталинского режима власти кажется верхом справедливости на фоне современной экономической разрухи, произвола коррумпированного чиновничества и безудержной жадности олигархов, представляющих новую российскую буржуазию. Отсюда вытекает и современный высокий рейтинг личности самого Сталина, боровшегося не только с политической оппозицией, но и с разными представителями криминальной среды, включая уголовников и чиновников - коррупционеров.

Двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в истории: в частности, такие противоречивые действия Сталина, как восхваление Ленина и враждебное отношение к нему, его защита НЭПа в 20-е гг. и фактическое возрождение политики «военного коммунизма» в ходе насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч революционеров-интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне Второй мировой войны и т. д., и т. п.

Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь также был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и ликвидировать ее социалистическую и гуманистическую направленность. Деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила социализму и идеалам Октября. Поэтому не следует смешивать сталинизм, или сталинский тоталитаризм, с сутью советского общественного строя, основы которого были

заложены Октябрьской революцией.

Было бы грубейшей ошибкой отождествлять понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм - это не только извращение социализма: он его прямой антипод. По мнению философа А. П. Бутенко, «сталинизм это - особо опасная форма насилия над историей, когда в жертву высокой и благородной цели - социально справедливому обществу - посредством социального волюнтаризма приносятся жизни и судьбы миллионов»[150].

С точки зрения главного идейного и политического противника Сталина Льва Троцкого двойственный характер бюрократии и сталинизма в Советском союзе не мог проявляться бесконечно долго. Он считал, что если не произойдет полной ликвидации тоталитарного сталинского режима в ходе политической революции, то бюрократия рано или поздно разменяет свою власть на собственность, превратившись в тривиальную буржуазию. В этой связи он очень точно и подробно нарисовал картину таких возможных изменений. Позднее она полностью совпала с теми событиями, которые произошли в нашей стране в 90-е годы. В частности, Троцкий писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию»[151].

Вместе с тем, непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм мало чем отличается от гитлеризма. Некоторые из них даже утверждают, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» советской[152]. Конечно, с формальной стороны и по своей кровожадности эти два тоталитарных режима во многом похожи друг на друга. Не случайно Риббентроп, побывавший в СССР накануне войны, говорил о том, что он в Москве попал в родственную компанию политиков. Мало чем отличались политические действия этих режимов и внутри государства. И там, и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В то же время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы: почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему развитые демократические государства в конечном итоге выступили на стороне СССР,

воевавшего против фашистской Германии, предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные антисталинисты в лице троцкистов и их главного лидера Троцкого выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность всесторонне понять сущность сталинизма и тем самым прийти к объективному суждению об этом политическом режиме власти.

Столкновение двух видов тоталитаризма (сталинского и гитлеровского) было обусловлено прежде всего противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, со временем узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Вот откуда его массовая поддержка со стороны многих людей, сохраняющаяся до сих пор. Что касается гитлеровского режима тоталитарной власти, то он возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой.

Можно согласиться с выводом Александра Зиновьева, считавшего, что Вторая мировая война в итоге «переросла в войну социальную» и «коммунизм вышел победителем из нее»[153].

Социально-классовая противоположность режимов Гитлера и Сталина во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Как уже говорилось, поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны гитлеровского фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера не был расистом, он все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал волосами своих жертв спальные матрасы и не выделывал из кожи заключенных абажуры[154].

Что касается таких последовательных противников сталинизма, как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не их компромиссом со Сталиным, а

стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской революцией.

Вместе с тем, совершенно очевидно тождество таких понятий как «сталинизм» и «тоталитаризм». Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, *сталинский тоталитаризм стал причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм - это во многом следствие сталинизма, который нанес сильнейший удар по всему левому движению. Не случайно его постоянно используют противники социализма в своих идеологических и политических целях.*

Сталинский тоталитаризм действовал, как правило, по логике физического уничтожения своих противников, а не по марксистской логике ликвидации классовых противоречий путем преобразования экономических условий существования классов. Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Тоталитаризм абсолютизирует логику классового насилия, перенося ее, например, из периода гражданской войны в мирное время. Именно это и было сделано Сталиным в нашей стране, когда он, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму, стал проводить политику чрезвычайщины в сугубо мирное время.

Был ли тоталитаризм неизбежным явлением в советской истории?

Здесь хочется особо подчеркнуть: классовая борьба не может и не должна сводиться только к насилию и тем более к физическому насилию. Существует масса различных форм государственного принуждения, не требующих физического истребления людей. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов репрессивной политики, которые были инициированы тоталитарным режимом сталинской власти. На наш взгляд, *никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был следствием отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных традиций в управлении обществом.* Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от

двух войн и революции, конечно, сыграли свою определенную роль в возникновении тоталитарного сталинского режима власти, но их нельзя абсолютизировать, тем более они не могут оправдывать незаконные массовые репрессии, присущие сталинизму.

Следует отметить, что вопрос о якобы неизбежности сталинизма нередко подымался и подымается среди левых историков и обществоведов. Удивительно, что даже у последователей выдающегося марксистского философа и, насколько мне известно, принципиального антисталиниста Э. В. Ильенкова, этот вопрос до сих пор не снят с повестки обсуждений. При этом часть из них прямо утверждает, что сталинизм был необходимым явлением в советской истории[155]. Главный их аргумент состоит в том, что внешняя обстановка, необходимость индустриализации и коллективизации страны якобы требовали жесткого руководства и такое руководство было реализовано «железной рукой» Сталина. По их мнению любой на месте Сталина делал бы тоже самое, будь то, например, Ленин, Троцкий, или Бухарин.

Скажу прямо, я категорически не согласен с подобной трактовкой сталинского феномена в советской истории, как раз потому, что не вижу фатальной необходимости тоталитарного режима власти в Советском Союзе. Против такой трактовки в свое время говорил и Ленин, полемизируя с Н. А. Рожковым, предлагавшему ему установить диктатуру личной власти[156].

Сталинский тоталитаризм - это, прежде всего репрессивный режим политической власти, создающий и уничтожающий своих врагов в лице любой оппозиции, будь то правые, или левые. Он действует, как правило, по логике физического уничтожения своих противников, а не по марксистской логике преобразования экономических условий существования классов.

Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение отдельных представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Сталинский тоталитаризм, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее, например, из периода гражданской войны в мирное время. Именно так и поступал Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму. Исходя из этой ложной концепции, он считал, например, целесообразным проводить «политику чрезвычайщины» даже в сугубо мирное время, что, кстати, не допускал Ленин, считая, что после окончания гражданской войны, только суд может выносить свои приговоры о виновности

или невиновности граждан перед обществом.

Люди не только рабы существующих условий, они могут эти условия познавать и изменять. Именно это Ленин имел ввиду, когда предлагал совершить в нашей стране настоящую культурную революцию, означающую не только ликвидацию безграмотности, но и органическое усвоение всех прогрессов капитализма, начиная с техники и кончая культурой. Ленин последовательно добивался раскрепощения труда путем добровольной его кооперации и ликвидации его принудительного, наемного характера. Что касается Сталина, то он пошел иным путем, путем насильственного принуждения людей к труду. Тем самым, он полностью дискредитировал идею социализма, связанную с освобождением труда, которую разделяли и разделяют все подлинные марксисты и социалисты.

Нельзя принять и тем более оправдать сталинизм и по сугубо идеологическим соображениям. Дело в том, что идеология сталинизма была далекой от марксистской науки, она, скорее всего, напоминала светскую религию, прикрывающуюся марксистской терминологией. Об этом, прежде всего, говорит и культ личности Сталина, который он в отличие от Маркса и Ленина, всячески инициировал и поощрял. В этой связи достаточно прочесть его редакционные заметки на тексте «Краткого курса истории ВКП(б)», в которых он неоднократно восхваляет самого себя.

Сталину нравилось, когда люди писали и говорили, что «Сталин - это Ленин сегодня, а Ленин - это Сталин вчера» (выражение Анри Барбюса). Пропаганда здесь сделала свое дело. В итоге, на основе такого отождествления Сталин и создал культ собственной «безгрешной» личности, достигший к концу его жизни фантастических размеров. Поощряемый им культ «вождя всех народов» подчас принимал откровенно религиозный характер. Вспоминается, в этой связи, празднование 70-летия Сталина, когда над Москвой был поднят на дирижабле его громадный светящийся портрет, видимый со всех сторон. Небо Москвы в этом случае превратилось в купол гигантского храма - города, где люди могли созерцать яркий образ «великого кормчего человечества». Так, некогда бывший «революционер» и «большевик» становился своеобразным земным божеством, а его учение о социализме превращалось в религию.

Все это, конечно, никакого отношения к подлинному Ленину и научному социализму не имело и не имеет. В этом смысле глубоко ошибочна «теория тождества двух вождей», которую и сегодня продолжают поддерживать и распространять политики и идеологи как левого, так и правого толка. В ней нет и доли

правды. Говорить о тождестве Ленина и Сталина, значит, на мой взгляд, приравнивать великого революционера и «могильщика революции», гениального политика и хитроумного политикана, интернационалиста и шовиниста, глубокого теоретика и примитивного эмпирика, основателя Советского государства и создателя тоталитарного режима власти. Одним словом, как нельзя приравнивать жертву и палача, так нельзя приравнивать Ленина и Сталина[157].

О преодолении сталинского режима

Особенно неприемлемо отождествление сталинизма с победой Советского Союза в Великой Отечественной войне. Эта победа была одержана не благодаря, а вопреки сталинизму, который вынужден был временно отступить, хотя репрессии продолжались и в это трудное время, в частности, по отношению к бывшим окруженцам и попавшим в плен не по своей вине. В тоже время, многие участники войны отмечают определенный демократизм, имевший место в годы войны особенно в отношении между рядовыми солдатами и их командирами, понимающими решающую роль солдат в достижении победы.

Следы демократизма и подлинного патриотизма в годы войны проявлялись как на передовой, так и в тылу. Особенно находили они свое отражение в стихах и песнях той поры, которые продолжают жить и сегодня. Конечно, победа в этой войне далась не легко: десятки миллионов советских людей отдали за нее свои жизни. Но нельзя забывать, что без этих жертв не было бы не только освобождения Советского Союза, но и всей Европы от «коричневой чумы» XX века. *Победа над фашизмом породила мощные освободительные и демократические настроения в советском обществе, которых так боялся и пытался ликвидировать Сталин сразу после войны. Позднее они сыграли свою положительную роль в подготовке и проведения XX съезда партии, решительно покончившего с культом личности «вождя всех народов»*

Не смотря на тотальный и длительный характер сталинского режима власти, он все-таки не сумел переделать в своем духе всех советских людей. Это хорошо прослеживается на его исторической судьбе.

В 50-е гг. наступает исторический предел его функционирования и развития. Взяв, в свое время, вверх над демократической ленинской традицией, он был вынужден, в конце концов, сойти с исторической сцены. Чтобы двигаться

вперед, советской стране нужно было вобрать в себя плоды начавшейся в мире научно-технической революции, размагнитить и освободить головы людей от прежних идеологических догм, осуществить на деле демократизацию общества. Однако выращенная Сталиным государственно-партийная номенклатура всячески этому сопротивлялась. Отсюда и возникла необходимость в XX съезде партии, который нанес по этому режиму сокрушительный удар, приступив к восстановлению ленинской модели социализма с ее демократическими нормами партийной и государственной жизни.

XX съезд во многом вернул изначальный смысл социалистической идее, искаженной теорией и практикой сталинизма. Решения съезда имели большой нравственный смысл, возвращавший людям веру в правду и справедливость. Было положено начало радикальным преобразованиям тоталитарной системы, обеспечению гражданских прав советских людей, реформированию и демократизации существующей политической системы. Характерно, что это сегодня не хотят замечать ни коммунистические, ни либеральные фундаменталисты. Первые даже пошли на то, чтобы дезавуировать решения этого съезда[158]. Однако прогрессивное значение XX съезда компартии Советского союза невозможно ликвидировать уже никому. Его решения привели к улучшению жизни миллионов людей, положили начало активной социальной политике и освобождению духовной жизни народа. Наступил период, названный в народе «оттепелью». Он привел к либерализации политики и культурной сферы. В этот период наблюдается резкий взлет науки и искусства: именно тогда возникло знаменитое поколение «шестидесятников», внесших существенный вклад в развитие литературы, поэзии, кино и др. видов искусства.

В истории советской страны найдется немного документов, которые сыграли решающую роль в ее продвижении к свободе и демократии. Среди них одно из первых мест, безусловно, занимает доклад Н. С. Хрущева XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях». Несмотря на свое малоговорящее название, он стал значительной вехой не только в советской, но и всемирной истории. В этом докладе не только осуждался «культ личности» Сталина: в нем впервые в советской истории было откровенно сказано о том, к каким трагедиям и человеческим жертвам может привести политика, игнорирующая ленинское идейное наследие и сугубо научное понимание социализма. Особенно, нельзя забывать, что доклад Н. С. Хрущева и принятые на его основе решения съезда привели на практике к

реабилитации сотен тысяч советских граждан. После этого съезда началось настоящее освобождение общественного сознания от догм и идеологических стереотипов сталинской эпохи, возникла всеобщая демократическая атмосфера в общественной и культурной жизни страны.

Что же касается «родимых пятен» сталинизма, оживших в годы «застоя», то их полностью ликвидировала Перестройка, показавшая на деле, что «социализм» и «демократия» во многом родственные понятия. Достаточно в этой связи вспомнить ее основной лозунг: «Больше социализма - больше демократии!». Раскроем эту мысль подробнее.

До сих пор бытует мнение, что у перестройщиков и их лидера не было никакой идеологии, никакой стратегии обновления советского общества. В свое время данную точку зрения наиболее наглядно выразил писатель Ю. Бондарев, сравнив перестройку с самолетом, который не знает куда лететь и где произвести посадку. Сегодня аналогичные взгляды высказывают многие критики перестройки справа и слева, считая ее «ездой в незнаемое». Тем не менее, с нашей точки зрения, эти взгляды далеки от объективности. Они верны лишь в той части, что теория перестройки не могла появиться сразу в готовом виде в голове ее инициаторов, а вырабатывалась постепенно на основе практического движения. Однако уже к концу 1988 года концепция перестройки, в основном, сложилась, что позволяло ее сторонникам с полным сознанием реформировать общество.

Это подтверждается многими официальными и неофициальными материалами и документами перестройки. Приведем в этой связи малоизвестный факт, связанный с написанием и подготовкой к изданию брошюры М. С. Горбачева «О социализме». Так, в августе 1988 года в разговоре со своим помощником М. Горбачев говорил, что он категорически не согласен с теми, кто утверждает, что мы не имеем теории и политики перестройки. При этом он подчеркивал: «Мы их имеем. Суть их в том, чтобы раскрыть потенциал социалистического строя, освободиться от деформаций, последствий культа, застойного периода, от всего того, что тормозило и мешало развитию социализма и привело к тяжелой предкризисной ситуации все наше общество.

Сердцевина нашей нынешней концепции в том, чтобы вернуть человека как главное действующее лицо в политический процесс, в экономику, в духовную сферу, до конца довести работу, которую начал Октябрь 1917 года. Преодолеть полосу отчуждения человека от производства, от власти, от культуры. Из этого вытекала необходимость перестройки, демократизации,

гласности, а затем и политической реформы, иначе говоря, необходимость коренного пересмотра политической системы, коренных изменений в промышленности, на транспорте, в торговле, в бытовом обслуживании»[159]. Примечательно, что в этом разговоре М. Горбачев называет перестройку «нашей новой революцией», совершившей «прорыв» не только в практике, но и «в области общественной мысли, в теории».

Исследуя эволюцию и политическую направленность процессов перестройки, приходишь к выводу о том, что к концу 80-х годов обновленческие процессы советского общества обрели во многом социал-демократический характер. Об этом свидетельствуют не только многочисленные контакты Горбачева с лидерами европейской социал-демократии (см. его встречи с Брандтом, Лафонтеном, Гонзалесом и др.), не только сотрудничество КПСС и социал-демократических партий по вопросам войны и мира, стратегии и тактики международного рабочего класса, но и многочисленные результаты самой перестройки.

Историческая истина не нуждается ни в улучшении, ни в ухудшении. Теория перестройки, на наш взгляд, развивалась в рамках концепции раскрытия демократического «потенциала социалистического строя», «социалистической перспективы» или «социалистического выбора». В одной из диктовок своей статьи М. С. Горбачев говорил, характеризуя идейные искания последних лет перестройки: «В чем только не ищут выхода? И в восстановлении полностью порядков, существовавших при царе, включая монархию. И в возрождении духовности только на один манер - через передачу монополии на духовность церкви, религии. И в насаждении капиталистических порядков, что называется, «в чистом виде», где каждый за себя, и слава тому, кому улыбнется удача, а остальные пусть выкарабкиваются, как смогут.

Иронизируют по поводу социалистического выбора, не видя того, что отторжение социализма в массовом сознании произошло потому, что социализм предстал в образе сталинизма. Но это - явление преходящее. И следующее поколение наверняка вернется к этой великой идее и надежде. Право и обоснованность этой идеи, ее укорененность в объективной логике человеческой истории признают даже антикоммунистические авторитеты - крупные ученые, известные философы»[160]. Актуальны эти слова и сегодня.

На наш взгляд, заслуга перестройщиков, прежде всего, состояла в том, что они раньше других это осознали, начав обновление советского общества на началах демократии и

гуманизма. По сути дела, *они начали трансформировать авторитарный социализм брежневской эпохи в демократический социализм.* Им многое удалось сделать на этом пути: провести окончательную амнистию незаконно репрессированных граждан, осуществить свободу слова, отменить цензуру, ликвидировать остатки тоталитаризма в методах руководства страной, реализовать плюрализм в политической и духовной сферах, наладить альтернативные парламентские выборы, разрешить свободный выезд граждан за границу, отодвинуть угрозу ядерной войны и т. д.

В этом смысле *перестройка была настоящим прорывом к свободе советского общества. Она фактически продолжила демократические и социалистические преобразования, начатые Октябрьской революцией и прерванные сталинизмом.* Очень жаль, что некоторые из тех, кто ее осуществлял в свое время, сегодня под влиянием политической конъюнктуры от нее отказываются или трактуют ее в сугубо либеральном ключе. Но это их дело, дело их совести, или ее отсутствия. Автор данной статьи, напротив, во многом остается поклонником этого подлинно демократического периода в развитии нашей страны, - своеобразной политической весны советского общества, пришедшей на смену заморозкам брежневского неосталинизма.

Не смотря на силовое прекращение перестройки во время путча и последующего прихода к власти радикал-либералов во главе с Борисом Ельциным, она сумела доказать возможность реального существования в советской истории демократического социализма. Короче говоря, *шесть лет перестройки показали, что не тоталитаризм, а демократия и свобода наиболее адекватны обществу реального социализма.*

Именно поэтому автора книги никогда не удовлетворяло стремление правых и левых радикалов, неолибералов и неосталинистов, намертво связывать тоталитаризм с социализмом и всей советской историей, начиная с Октября 1917 года и кончая перестройкой. С нашей точки зрения, понятие «тоталитаризм» нельзя переносить на совершенно различные периоды советской истории. Повторю еще раз: одно дело советская власть при Ленине, другое при Сталине, одно дело хрущевская «оттепель», другое брежневский неосталинизм. Не вмещается в это понятие и горбачевская перестройка, суть которой во многом состояла в отрицании и преодолении пережитков сталинского тоталитаризма.

К сожалению, по данным социологии, около половины российских граждан сегодня желает вернуться к сталинским порядкам. Чем это объясняется? Как уже отмечалось, это прямое

следствие современных радикальных реформ неолиберального толка, породивших невиданную социальную поляризацию и криминальный беспредел в обществе. Парадоксально, но люди ищут альтернативу этим явлениям не в развитии подлинной демократии, а в сталинском тоталитаризме, заложившем в середине XX века многие предпосылки перехода к современному дикому или варварскому капитализму.

Любопытна и характерна в этом плане современная реакция властей на «массовый неосталинизм». Боясь роста революционных настроений в российском обществе, они решили осуществить еще одну «десталинизацию» таким образом, чтобы искоренить из памяти людей все советское прошлое, начиная с Октябрьской революции и кончая перестройкой. Так, в частности, с идеей подобной «десталинизации» выступил относительно недавно Совет по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ. При этом члены данного Совета никак не хотели считаться с тем фактом, что реальная десталинизация уже была проведена XX съездом партии и позднее в ходе перестройки. По их же странному мнению, тогда она проводилась «кусочками», а «системно и масштабно никогда ничего не делалось»[161].

Почему же сегодня так негативно оцениваются меры, позволившие реабилитировать сотни тысяч невинно осужденных и репрессированных граждан, навсегда покончить с ГУЛАГом? Оказывается потому, что процесс десталинизации не стал процессом «десоветизации» и «декоммунизации» российского общества, что является, по-видимому, одной из главных целей нынешней власти[162]. Парадоксально, но факт: ее идеологи сегодня хотят сделать то, что не удалось даже Сталину, т. е. покончить с ленинской революционной традицией в стране.

В этой связи, хочется им напомнить, что, несмотря на то, что сталинизм в свое время глубоко деформировал социалистическую тенденцию в СССР, он не мог ее уничтожить до конца потому, что она выражала коренные интересы миллионов трудящихся советской страны.

Как уже отмечалось, она всегда существовала в СССР не благодаря, а вопреки сталинизму, точнее, в постоянной и незатихающей борьбе с ним. Поэтому, повторим, методологически ошибочно подменять сталинизмом всю советскую действительность, что постоянно делают как «неистовые» сталинисты, так и социально ангажированные критики СССР на Западе и в современной России. При этом они не понимают, а точнее не хотят понять одного: *в ходе Октябрьской революции и гражданской войны российский народ сделал свой*

исторический выбор, определивший на многие десятилетия социально-экономический строй советского общества. Ни Сталин, ни какой-либо иной диктатор не мог его радикально изменить. Его можно было деформировать, извратить, исказить, но не ликвидировать. Как Гитлер паразитировал в рамках буржуазного строя, не изменяя его частнособственнической природы, так и Сталин мог реализовать свою личную диктатуру лишь на базе общественной собственности, планового хозяйства, других революционных завоеваний Октября. Безусловно, его самовластная политика глубоко деформировала советское государство и общество, но она не могла уничтожить социальный выбор народа, сделанный в Октябре 1917 года. Он мог быть изменен лишь самим народом или с его молчаливого согласия, что и случилось на рубеже 90-х гг.

Историческая истина конкретна. За рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с подлинной демократией, рожденной Октябрьской революцией, с противоречивой политикой «военного коммунизма», со своеобразным либерализмом НЭПа, с такими политическими режимами, как авторитарно-демократическое правление Н. Хрущева, авторитаризм Л. Брежнева и переход от него к демократии времен горбачевской перестройки.

Таким образом, многообразная и противоречивая действительность советской истории полностью опровергает однолинейную логику рассуждений современных сторонников тоталитарной концепции советского общества и его истории. По сути дела, последние лишь возрождают идеологизированные оценки советологов времен «холодной войны», которые выглядят настоящим монстром в наше время.

К сожалению, определенную идеологизацию истории советского общества допускала не только буржуазная советология, но и официальные идеологи в СССР. Возвеличивая на словах автора «Капитала» и его диалектический метод, они сами почти никогда не использовала этот метод для анализа противоречий и перспектив развития советского общества. Их вполне устраивал сугубо идеалистический подход, лежащий в основе официальной партийной пропаганды. На седьмом десятке лет существования советской власти это был вынужден косвенно признать Ю. Андропов, сказав, что «мы не знаем общества, в котором живем». Об этом же свидетельствуют и известные выводы официальной партийной науки «о полной и окончательной победе социализма в СССР», «о построении материально-технической базы коммунизма», «о создании развитого социализма» и др. Несостоятельность и утопичность этих

«выводов» и оценок была очевидна для отдельных марксистов еще при советской власти. Тем не менее, они продолжали навязываться общественному и индивидуальному сознанию.

Как правило, они постулировались в программных партийных документах как нечто должное и обязательное для распространения. Однако, на самом деле они являлись результатом полного игнорирования диалектико-материалистической философии и теории социализма. Так, эта философия требовала при формулировании исторических оценок всесторонне учитывать конкретный уровень развития материальных возможностей социалистической системы, а теория социализма настаивала на непременно реалистическом понимании соотношения классовых сил в мире. Из этого следовало, что, по меньшей мере, было преждевременно делать вывод «о полной и окончательной победе социализма в СССР», особенно в условиях сохранения мировой капиталистической системы, которая технологически и организационно намного превосходила страны, входящие в социалистическую систему. Было ясно и то, что в условиях сосуществовании двух классово противоположных мировых систем, полностью сохраняется переходный характер нового общества и связанный с ним известный ленинский вопрос: *«кто - кого: социализм или капитализм?»*. Понятно, что без решения этого вопроса выводы «о полной и окончательной победе социализма» оставались в сфере сугубо желаемого, а не реального бытия.

Нельзя было также говорить и о наступлении «развитого социализма», тем более, «о создании материально - технической базы коммунизма» в условиях, когда мы троекратно отставали от США по производительности труда и освоению результатов НТР. Напомним, что в 60-е и 70-е гг. уровень физического труда в СССР составлял в промышленности приблизительно - 50%, а в сельском хозяйстве - 70%. Очевидно также, что коммунизм и доминирование физического труда в обществе - противоположные вещи. СССР также существенно отставали от западных стран по качеству товаров массового спроса, бытового обслуживания населения, решению жилищного вопроса и т. д. Но самое главное: в советском обществе сохранялись наемный труд и рабочее время, существовало отчуждение в экономике, социальной и политической сферах. Непонимание этих и других ключевых проблем марксистской теории социализма, подмена их решения чисто пропагандистскими средствами стало, на наш взгляд, одной из причин падения КПСС и Советской власти.

Здесь методологически важно подчеркнуть одно: для Маркса, как и для Ленина, социализм никогда не был обществом, в

готовом виде падающим с неба. Возникнув благодаря Октябрьской революции в многоукладной стране, он мог быть и был лишь переходным, или становящимся обществом[163]. В таком обществе сохранялись тенденции (уклады) прошлого и нарождались новые элементы будущего. За теми и другими элементами естественно стояли определенные социально-политические силы. Их нужно было увидеть, понять и наладить взаимодействие в интересах общества как целого. Главный вопрос состоял в следующем: как сделать так, чтобы новые тенденции одержали победу над старыми, превратив отсталую буржуазную Россию в передовую социалистическую страну? Поэтому вся советская история представляет собою своеобразную переходную эпоху. К сожалению, она и сегодня не адекватно понимается и в силу этого безмерно идеологизируется.

Культура как зеркало советской действительности

Одной из таких новейших идеологизаций является, например, позиция некоторых философов и культурологов, связанная с игнорированием или отрицанием не только социалистических начал в СССР, но и всей многонациональной советской культуры, которую они фактически подменяют дореволюционной или зарубежной русской культурой[164].

Отказываясь видеть социалистическую тенденцию в советской действительности, они также отказываются видеть и особенный характер советской культуры, в которой эта тенденция проявляется. Если они и говорят о своеобразии советской культуры, то только в уничижительном плане, сводя ее полностью к произведениям вульгарно понятого соцреализма.

Но так ли это на самом деле? Думается, что совсем не так.

На мой взгляд, основная методологическая ошибка этих теоретизирующих идеологов состоит в том, что они полностью отождествили сталинизм с советской действительностью, а догматически понятый соцреализм со всей советской культурой, литературой и искусством. На самом деле советская действительность и ее 70-летняя история, как уже отмечалось, намного шире, чем сталинизм, являющийся все-таки ограниченным во времени режимом политической власти и идеологии, не более того. То же самое можно сказать и о достижениях советской культуры, литературы и искусства: они гораздо многообразнее, чем те отдельные заидеологизированные произведения соцреализма, которых, вообще, трудно отнести к высокой культуре. Тем не менее, нам думается, что вкусовые

предпочтения здесь не должны подавать совет.

Не устаем повторять, сталинский тоталитарный режим был, безусловно, антиподом социализма, но для того, чтобы закрепиться в советской действительности, он был вынужден приватизировать, а иногда и защищать явно противоречащие ему ленинские идеи и те завоевания Октября, которые на деле были первыми живыми ростками социализма и коммунизма. Эти «ростки» проявлялись в ходе гражданской войны, присутствовали как уклад в экономике, воплощались в массовом социальном и культурном творчестве 20-х годов, зарождались в «коммунистических субботниках», на «комсомольских стройках» 30-х, 50-х и 60-х гг., реализовались в победоносной войне с фашизмом, в решениях XX съезда партии, нанесших сокрушительный удар по сталинизму. Их можно наглядно увидеть в политике «оттепели» и деятельности «шестидесятников», в советской космической эпопее, в противоречивых явлениях застойного времени, наконец, в не понятых и недооцененных до сих пор демократических преобразованиях перестройки, которую часто отождествляют с постперестроечным временем с его «шоковой терапией» и всеобщим обнищанием абсолютного большинства советских людей.

Советская культура потому и вошла в мировую культуру, что глубоко и блестяще отразила эти невиданные раньше исторические явления и процессы. По справедливому мнению культуролога Людмилы Булавки, советская культура стала «идеальным» проявлением того принципиально нового общества, которое создавалось борьбой и трудом советских людей[165]. Это был их настоящий исторический подвиг. Именно этих людей нынешние либералы, по известным идейным причинам, презрительно называют «совками». Но, суть дела в том, что без них не было бы ни поэмы «Двенадцать» А. Блока, ни стихов Маяковского и Есенина, ни «Тихого дона» М. Шолохова, ни произведений Бабеля и Платонова, ни «Броненосца Потемкина» Эйзенштейна, ни песен военных лет, ни раннего творчества А. Солженицына, ни «Теркина» Твардовского, ни правдивой лейтенантской прозы о войне, ни таких кинофильмов, как «Чистое небо», «Девять дней одного года», «Летят журавли», «Коммунист», ни пьес Розова, Шатрова и Гельмана, ни скульптур Мухиной и художественных полотен Б. Неменского, ни фантастических романов И. Ефремова, ни философских произведений М. Лифшица, Э. Ильенкова, А. Зиновьева и т. д.

Гуманизм советской культуры и литературы, ее идейная направленность и жизненная правдивость притягивают сегодня к

ней миллионы людей. Надо быть слепцом или идейно ангажированным человеком, чтобы этого не замечать. Став своеобразным зеркалом советской действительности, эта культура наглядно показывает, что сталинский тоталитаризм, как бы не хотели этого некоторые политики, философы и идеологи, не может заслонить, и тем более подменить собою сложную и противоречивую советскую историю. Он лишь часть этой истории, притом такая ее часть, с которой постоянно вели борьбу Ленин и преданные социализму советские люди, где бы они не находились, на воле, или в Гулаге, в стране, или за границей. История в их лице, конечно, одержала моральную победу над сталинизмом.

Уроки и перспективы

Тем не менее, несмотря на достижения и прогрессивный характер советской культуры, государство, в которой эта культура нашла свое неповторимое и емкое выражение, все-таки сошло с арены истории. Вместе с ним прервался и первый в истории социалистический эксперимент. Опыт истории показал, что рожденная в его недрах национальная модель реального социализма не смогла выдержать конкуренции с мировой системой капитализма. Глубинные причины этого еще полностью не осмыслены, но уже понятно, что строители нового общества не сумели сделать то, что должны были сделать по требованию марксистской науки. В частности, они не смогли на деле реализовать ленинские «критерии социалистичности», связанные с достижением наивысшей по миру производительности труда, обеспечить на этой основе более высокий, чем на Западе жизненный уровень народа, добиться всеобщей демократии и самоуправления трудящихся, своевременно отказаться от тех догм советской идеологии, которые воспроизводили ложную картину реальной жизни. Но главное: они не сделали своим основным приоритетом формирование свободной и творческой личности, как необходимого условия полного освобождения и прогрессивного развития советского общества.

По нашему мнению, политической причиной падения социализма в СССР было отчуждение правящей коммунистической партии от народа[166].

В итоге, она не смогла осуществить свои стратегические цели, связанные с созданием полноценного социалистического, а затем и коммунистического общества. Таков серьезный урок советской истории.

Не менее важны и другие уроки советской истории. Так, оглядываясь сегодня на непродолжительную, но поразительно насыщенную и плодотворную жизнь В. И. Ленина, невольно приходишь к выводу: если бы его Политическое завещание было выполнено, может быть, мы не столкнулись со зверствами сталинского режима, крушением многих революционных завоеваний, не были бы свидетелями современной варварской капитализации общества, заводящей страну в тупик? Вместе с тем история не признает сослагательного наклонения, она не морализирует, а учит. Должны и мы извлечь уроки из пройденного исторического пути, чтобы не повторять тех ошибок, которые во многом дискредитировали дело, начатое Лениным в Октябре 1917-го года.

Предвидение Ленина о том, что Сталин не сможет осторожно пользоваться властью, оказалось пророческим. Его политика, получившая название «сталинизма», была прямой противоположностью научных взглядов Маркса и Ленина, идеалов и целей рабочего класса и Октябрьской революции. В итоге, сталинизм привел к бюрократическому перерождению Советского государства. Тем самым он заложил исторические и социально-политические предпосылки его падения в конце XX века. К сожалению, он до сих пор остается незажившей раной левого движения, фактором, полностью дискредитирующим теорию и практику социализма.

После смерти Ленина советская действительность во многом развивалась по «державным» законам сталинизма, о которых с ностальгией сегодня вспоминают отдельные лидеры коммунистического движения в России и за рубежом. Однако какие это были законы, приведшие в конечном итоге к крушению СССР и падению КПСС, мы знаем лучше других. Но даже такой негативный урок всемирной истории имеет свою положительную сторону: левые, если они не хотят себя дискредитировать в глазах нынешних и будущих поколений, должны вырезать сталинизм как раковую опухоль из своей среды и начать учиться революционной науке не у Сталина, а у Ленина.

Сегодня под тяжестью негативных последствий так называемых «радикальных реформ» неолиберального толка одни ностальгируют по советскому прошлому и вообще не хотят слышать о каких-либо ошибках сталинского времени, другие, напротив, считают, что советское прошлое - это одна сплошная ошибка, где были только «ГУЛАГ», «карточки» и «пустые полки магазинов». На самом деле не правы ни те, ни другие. В советскую эпоху было все: победы и поражения, праздники и трагедии, полные и пустые полки магазинов. Повторим еще раз,

противоречия советской истории есть результат борьбы ленинской и сталинской линий в политике. Когда брала верх первая тенденция людям становилось лучше и легче жить, когда распространялся сталинизм, возникала трагедия миллионов.

Вместе с тем, никто не может отрицать, что в СССР была проведена индустриализация, превратившая его в одну из ведущих держав мира, заложены основы крупного с/х производства, реализована культурная революция, сумевшая решить не только проблему неграмотности, но и создать мощную систему образования и науки, позволившей вывести человека в космос. Что бы ни говорили сегодня о советской эпохе, но исторические факты таковы, что она дала скромное, но реальное благополучие абсолютному большинству советских людей, сумевших в тяжелые дни войны одержать великую победу над фашизмом.

В то же время мы понимаем, какой ценой это было достигнуто: сколько невинных жертв легло под молох сталинских репрессий и ошибок, сколько крестьянских семей пострадало от так называемых «перегибов» во время коллективизации и раскулачивания, сколько талантов было загублено благодаря неистовому ревнительству «рапповщины» и поиску «врагов народа» среди деятелей науки, образования и культуры.

Осмысливая путь, пройденный страной после Ленина, приходишь к выводу, что все это явилось тяжелой платой за отход компартии от ленинских идей, высказанных в его «Политическом завещании», и прежде всего за подмену «живого творчества народа» единовластной волей вождя, приведшей к извращению Советской власти и отрыву ее от народа. Именно этот отрыв от народа и послужил, в конечном счете, ее падению в 90-е годы.

В полной мере это относится и к правящей тогда партии. Забвение ленинских революционных традиций, бюрократизм и привилегии партгосноменклатуры не только оторвали КПСС от трудящихся масс, они сделали Советское государство невосприимчивым к развернувшейся в мире научно-технической революции, препятствовали демократическим процессам обновления, наметившегося в годы хрущевской «оттепели» и в начале перестройки. В итоге «реальный социализм» не смог одержать победу над капитализмом ни по производительности труда, ни по более высокому качеству жизни трудящихся, ни по политическим свободам.

Именно эти глубинные причины, а не некое «предательство вождей» объясняют, почему советский народ и рядовые коммунисты так легко восприняли уход КПСС с политической сцены. Но означает ли это тупиковость самого социалистического

пути, как утверждают сегодня либеральные фундаменталисты? Конечно, нет. Более справедливого и возвышенного идеала, чем демократический и гуманный социализм, человечество не выработало. Нужно только не повторять тех ошибок, о которых предупреждал Ленин и о чем забыли его исторические преемники.

Тем не менее, как говорится, «еще не вечер». Проигрыш битвы за социалистические и коммунистические идеалы в отдельно взятой стране еще не означает проигрыша всей всемирно-исторической кампании за реализацию этих идеалов. Мировая история в этом смысле не может успокоиться, пока не осуществит все заложенные в ней возможности создания свободного общества. А коммунизм, если его понимать как родовое явление, есть реальная возможность такого общества. В чем его сила и универсальность? В том, что его требует сама жизнь, ее прошлое, настоящее и будущее.

К сожалению, общепринятое понимание коммунизма сложившееся в отечественном, в том числе в марксистском обществоведении, сводится, как правило, к его узко экономическому пониманию. На наш взгляд, этого явно недостаточно для научного представления о нем. Не следует забывать, что для Маркса именно «человеческое», или точнее «свободное человеческое общество», которое он отождествлял с коммунизмом, было его основной точкой зрения на мир и историю[167].

Дело в том, что ростки коммунизма всегда существовали в истории в форме различных единичных или особенных явлений. Прежде всего, это происходило там, где отношения людей носили не вещный, а человеческий характер, где люди не противостояли друг другу как классовые индивиды, или агенты рыночных отношений, а дополняли друг друга, создавая, например, соответствующие общины, союзы и организации. Своеобразные зародыши будущего коммунистического общества можно увидеть сегодня в самоуправляющихся предприятиях с собственностью работников, в различных объединениях людей по научным и культурным интересам и т. д. Что касается коммунистической личности, то ее прообраз можно наблюдать в каждом поистине свободном и всесторонне развитом человеке, примеры которого можно встретить не только в времена Возрождения и Просвещения, но и в наш сугубо коммерческий, специализированный и компьютерный век. Именно подобные люди могут составить ту будущую свободную ассоциацию, о которой мечтали и говорили авторы Коммунистического манифеста.

Однако проблема здесь состоит в том, что эти реальные, но единичные факты общественного развития противоречили и противоречат до сих пор тем историческим формам общества, которые основаны на эксплуатации и отчуждении миллионов людей от труда, средств производства, власти и культуры. Разрешить это противоречие, т. е. создать общество, где «свобода каждого была бы условием свободного развития всех» и есть задача истории, впервые понятая именно марксизмом. В этой связи, не случайно историческую миссию рабочего класса Маркс выводил из его протеста против античеловеческих и чуждых ему условий существования в буржуазном обществе. Он считал этот протест закономерным следствием «возмущения, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы»[168]. Отсюда и его отождествление коммунизма с «реальным гуманизмом», чего никак не могут понять некоторые не в меру «ортодоксальные» марксисты и коммунисты.

Надо признать, что первые попытки решения этой исторической задачи оказались несовершенными, но от этого сама задача не перестала быть актуальной. Более того, в современных условиях достаточно высокого уровня образования и активности трудящихся она прямо стучится в двери истории. Очевидно, что наличие сословий, классов, рыночных отношений, как правило, уродуют общественную природу людей, делает их враждебными друг другу, превращает их в частичных, а иногда и просто глупых индивидов, видящих смысл жизни в таких суррогатах общественности, как деньги, вещное богатство, алкоголь, наркотики и т. п. В тоже время нельзя забывать, что настоящая эмансипация человека связана с «возвращением» ему его общественной или «человеческой природы».

Сегодня от человека требуется постоянное развитие и духовное обогащение своей личности. Таковы объективные требования современной технологической революции и социального прогресса, которым нужны не столько слепые исполнители команд властвующей бюрократической машины, сколько подлинно свободные, смелые и творческие люди.

Как показывают современные факты социальной борьбы в мире и России, люди не хотят быть вещью, не хотят быть рабами господствующих античеловеческих порядков. Они хотят не словесного, а «реального гуманизма», составляющего суть приближающегося посткапиталистического общества. Этого же требуют как неизмеримо выросшие производительные силы

человечества, так и индивидуальные творческие способности, таланты, умения и знания людей. Все дело за тем, пока неизвестным, политическим авангардом, который сумеет возглавить и осуществить переход к такому обществу.

Итак, сегодня опять возникает стратегическая задача соединения социалистического идеала с массовым движением трудящихся. От того, сумеют ли ее решить современные левые силы, будет зависеть их политическое будущее и будущее современной России.

5. Об исторических судьбах советского и китайского социализма

Уход с исторической сцены советского социализма и успехи реформ «социализма с китайской спецификой» заставляют вновь и вновь обращаться к осмыслению позитивного и негативного опыта реального социализма в этих странах. В свою очередь, такое осмысление невозможно без исследования и понимания наиболее острых методологических и теоретических вопросов современной науки о социализме.

В последнее время в литературе и устных выступлениях отдельных ученых часто можно слышать суждения о том, что явления общественной жизни и научные понятия относящиеся к теории социализма, сегодня размыты и нуждаются в переосмыслении. Не стало якобы его четких определений и критериев. При этом данный кризис теории социализма связывается не только с падением реального социализма в СССР, но и с более общими проблемами 21 века, проявившими якобы кризис всей системы просвещения, включая образование и науку. По их мнению, раз в истории действуют люди, наделенные сознанием, «общественная наука не может оперировать объективным критерием истины»[169]. Такого критерия просто нет в современном научном познании. Что же касается социализма, то его следует выводить не из объективных законов истории, которых, вообще, не существует, а из природы человека и его вечного стремления к «идеалу коллективизма и солидарности»[170].

Надо признать, что данные суждения не оригинальны. Они повторяют давно забытые идеи Риккерта и других последователей Канта прошлого и позапрошлого столетия. Однако, они не выдерживают критики. Не смотря на то, что в окружающем нас мире все меняется, это не исключает того, что в нем нет относительно неизменных или повторяющихся (закономерных) явлений. Уже в самом человеческом слове фиксируется связь явлений природной и общественной жизни. Вспомним ленинское рассуждение о слове, которое по своей природе всегда «обобщает», т. е. фиксирует повторяющиеся, свойства, явления и процессы.

Что касается объективного критерия истины, то он также никуда не исчезает, не смотря на растущую роль сознания и деятельности людей в обществе. Кстати, все это известно со времен Библии, призывающей, в частности, судить людей не по

их словам и сознанию, а по их делам и поступкам. Относится это и к идеям социализма, которые вырастают из практики и проверяются практикой на соответствие с действительностью, или с объективной истиной.

На мой взгляд (и не только), социализм как наука существует и продолжает развиваться, обобщая новые явления и извлекая необходимые уроки из становления и развития реального капитализма и социализма. Вопреки мнению современных постмодернистов, наука о социализме продолжает руководствоваться в познании законами общественного развития, которые только и могут дать объективную истину, не зависящую от сознания людей. Конечно, эти законы не носят механического характера: они выступают в форме тенденций, где случайность выступает формой проявления необходимости. Существуя объективно, эти тенденции, в свою очередь, оказывают решающее влияние на деятельность и сознание людей, на их политику и идеологию. Раскрыть и понять это влияние - важнейшая задача общественной науки. Неизбежность социализма заключается не в том, что он будет создан независимо от людей, а в том, что его рано или поздно осуществят люди, осознавшие объективные законы истории.

В частности, это прекрасно сознавал Маркс, создавая материалистическое понимание истории, и Ленин, полемизируя с Богдановым, который, отрицая объективность истины, полностью отождествлял общественное сознание с общественным бытием. Он писал: «Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоем образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию»[171].

Со своей стороны хочется заметить, как бы не было затруднено осознание объективной истины в общественных явлениях, как бы не были размыты некоторые определения социализма, как бы не были велики трудности его современной интерпретации, общественная наука продолжает существовать и давать соответствующие характеристики реальному социализму. Не смотря на его падение в СССР и странах Восточной Европы, он продолжает функционировать и развиваться в других странах, представляющих, по меньшей мере, четвертую часть населения Земли.

На самом деле, вопреки современным «истинам» постмодернизма, научные понятия и законы никуда не «исчезали»: исчезло лишь их субъективная метафизическая интерпретация, характерные для науки и философии прошлого. Тем более не исчезли основные понятия социализма,

выработанные долгим развитием марксистской науки. Они сохраняют свою эвристическую сущность, наполняясь каждый раз новым более современным содержанием. Как уже отмечалось, самое общее понимание и определение социализма, учитывающее его современную практику, состоит в том, что *это переходное общество, где власть принадлежит трудящимся* в отличие от капитализма, где она принадлежит капиталу. Но этим общим и кратким определением, конечно, понятие социализма не исчерпывается. Как уже отмечалось, Ленин неоднократно говорил о социализме как «живом творчестве масс» в отличие от чисто бюрократического понимания социализма как результата деятельности аппарата власти. Последнее было особенно характерно для Сталина и его команды, абсолютизирующих силу любых управленческих решений.

Не изменилось, по сути своей, и понимание социализма как первой фазы коммунистической формации, восходящее к Марксу. Только сегодня мы более ясно себе представляем длительность этой фазы, где не только не исчезают, но активно функционируют рыночные отношения и регулирующая роль государства. Настаивание на леваческом отождествлении социализма с бестоварным коммунизмом может нанести непоправимый вред практике реального построения нового общества, особенно в странах, имевших в прошлом неразвитый капитализм. Для всех стран важнейшим условием создания социализма является как реальное обобществление производства, так и преодоление на деле всех видов социального отчуждения человека.

Некоторые исследователи считают, что Маркс, вообще, ничего конкретного не говорил о социализме[172]. Это, конечно, не так: он писал о нем в «Манифесте», в газете «Социал-демократ», выступал против прусского закона о социалистах, обсуждал теоретические проблемы социализма в «Анти-Дюринге», где был автором целой главы, наконец, о проблемах социализма много говорится в переписке Маркса и Энгельса. В одной из своих последних работ, а именно в «Критике Готской программы», где он, не употребляя термина «социализм», подробно рассмотрел основные проблемы первой фазы коммунистической формации, названной позднее социализмом. Как известно, будучи молодым человеком, Маркс, вопреки мнению академика И. Р. Шафаревича (см.: его книгу «Социализм как явление мировой истории»), уже в ранних своих работах решительно отказался от примитивного понятия «коммунизм» в его платоновской интерпретации, как полного обобществления всего и вся.

Он отождествлял понятие «коммунизм» с «реальным» или «практическим гуманизмом», считая его своим социальным

идеалом. По его мнению, такие социалисты как Сен-Симон, Леру, Фурье, Оуэн и др. были гораздо ближе к истине, обращая внимание на научно-технические, социальные и гуманистические предпосылки будущего социалистического общества. Вспоминается в этой связи и рассуждения Фурье об освобождении женщин, как критерии человеческого прогресса, которые Маркс часто использовал в своих работах. По Марксу, появление утопического социализма, при всей его научной слабости, есть прямой показатель того, что частнособственнические отношения не вечны и что переход человечества к принципиально новому человеческому обществу не утопия, а реальность. Он критиковал утопистов, не за социалистические идеалы, а за то, что они не видели, как их реально осуществить на практике. Подобное доказывал и Ленин в своей работе «О кооперации»[173].

Как показал исторический опыт XX века, не видели этого не только утописты, но и те революционеры, которые пытались одним скачком перепрыгнуть из вековой отсталости в коммунизм. Таким представлениям отдали дань и большевики со своей политикой «военного коммунизма», и маоисты со своим «большим скачком» и «культурной революцией», и даже некоторые революционеры латиноамериканского континента, пытающиеся сегодня сугубо директивно вводить социализм в отсталых странах.

Много времени потребовалось русским коммунистам, чтобы понять, что без НЭПа, реального обобществления и ликвидации наемного труда подлинного социализма в СССР не построишь. А сколько потребовалось времени их китайским товарищам, что бы осознать, что преодолеть отсталость страны, совершившей революцию, надо усвоить все новейшие «прогрессы капитализма»? Десятки лет!

Советский социализм, по Ленину, имел свою специфику, связанную с осуществлением социалистической революции в одной стране, с ее невысоким уровнем экономического и культурного развития, с ее характерной многоукладностью и засилием бюрократизма. Не считая разрухи, вызванной двумя войнами, эти причины во многом обусловили специфическую природу социалистических преобразований в России в двадцатые годы. Как известно, после негативных последствий политики «военного коммунизма» и связанного с нею общенационального кризиса (Кронштадтский мятеж, Тамбовское восстание крестьян и т. д.), Ленин пересматривает свою прежнюю точку зрения на социализм как бестоварное общество. Он разрабатывает и осуществляет НЭП, который на основе введения рыночных отношений способствует быстрому подъему экономики. В своих

последних работах он намечает и обосновывает радикальную политическую и культурную реформу в стране, призванную привлечь к управлению государством сознательных рабочих, обеспечить широкую культурную революцию и покончить с бюрократическим извращением советской власти. Во имя этих целей он требовал и смещения Сталина с поста генсека, допустившего ряд грубых политических ошибок в области национальных отношений и управления государством.

Как уже говорилось, Ленину первому принадлежит идея широкого использования прогрессивного опыта развитых капиталистических стран для практического осуществления социалистической идеи. Так, известно его положительное отношение к иностранным концессиям и научным методам организации труда, используемых Фордом и Тейлором[174].

Спустя десятилетия, подобное стал говорить и Дэн Сяопин, разрабатывая теорию социализма с китайской спецификой. С его точки зрения без экономической реформы и открытости, позволяющей усвоить лучшие достижения мировой цивилизации, невозможно построить социализм в такой отсталой стране как Китай. Он пояснял: «... Необходимо смело заимствовать и изучать все достижения цивилизации человеческого общества, все передовые методы хозяйствования и управления зарубежных стран, в том числе и развитых капиталистических стран, отражающие закономерности современного обобществленного производства»[175]. В итоге, осуществление этих идей Китай сегодня вышел в мировые лидеры по многим экономическим и социальным показателям.

Благодаря экономическим преобразованиям в Китае сегодня нет недостатка в продовольствии и одежде. Цены на продукты и товары широкого потребления относительно низки и стабильны: китайцы накормлены и неплохо одеты. В целом по стране, насчитывающей более одного с лишним миллиарда человек, достигнут уровень средней зажиточности. Китайцы планируют догнать США к 2020 году, а к 2040 перегнать их в несколько раз. Уже сегодня Китай по объёму ВВП занимает в настоящее время второе место в мире после США. В 2013 году рост ВВП КНР составил 7, 5%, что являются лучшим показателем роста экономики в мире. В Китае имеется половина всех мировых валютных резервов позволяющих их эффективно вкладывать в развитие науки и производства.

Уже к началу XXI века Китай вышел на одно из первых мест по объемам промышленной продукции. Он, в частности, занимает первое место по добыче угля, выпуску автомобилей и строительству высотных зданий, производству зерновых, мяса и

др. с/х продуктов. КНР уже давно является «мировой фабрикой» товаров, которые продуются практически во всех странах мира, включая США, Японию, ФРГ и Россию. В Китае самая крупная в мире сеть скоростных и высокоскоростных железных дорог и самое большое число абонентов (свыше миллиарда) мобильной телефонной связи. Китай сегодня является третьей космической сверхдержавой, запускающей собственные пилотируемые корабли.

Некоторые сторонники левой идеи у нас и за рубежом считают, что в Китае нет социализма. Уверен, с этим тезисом никогда не согласится простой китаец, которого социализм и реформы подняли к лучшей жизни. Думаю, что он сможет им подробно объяснить, чем современный «реальный социализм» в Китае отличается от бывшего китайского «реального капитализма», при котором большинство китайцев вели нищенский образ жизни. Конечно, и сегодня, не смотря на впечатляющие успехи китайского народа, в стране сохраняется еще много не решенных проблем и трудностей. И хотя руководство страны пытается их последовательно решать, многие из этих проблем остаются актуальными. Так, до сих пор является острейшей экологическая проблема, достаточно велико социальное расслоение, остается значительной безработица, не изжиты бюрократизм и коррупция во властных структурах. Некоторые китайские исследователи считают, что, не смотря на включение в Конституцию положения о правах человека, Китай продолжает нуждаться в реформе политической системы, расширяющей права и свободы граждан[176].

Дэн Сяопин любил повторять, что только реальная практика социалистического строительства дает возможность сказать, что есть социализм на самом деле. Подобное в свое время говорил и Ленин, отмечая, что в старых марксистских учебниках ничего не говорится о том, как надо строить социализм. Существуют почти дословные совпадения многих высказываний Ленина времен НЭПа и Дэн Сяопина времен экономической реформы и открытости. Так Ленин сразу после окончания гражданской войны заговорил о необходимости быстрого роста производительности труда как главного критерия победы нового общественного строя. Дэн Сяопин также считал, вопреки «левакам», утверждавшим - «лучше бедный социализм, чем богатый капитализм», что только рост производительных сил может помочь Китаю избавиться от бедности и отсталости. По мнению главного теоретика модели социализма с китайской спецификой, бедность и социализм - это несовместимые понятия. По Дэн Сяопину, нельзя быть материалистом, не заботясь о росте

производительности труда и ликвидации бедности в стране, провозгласившей построение социализма[177].

В свое время, Ленин говорил, что в отсталой стране, приступившей к строительству социализма невозможно обойтись без широкого использования рыночных отношений и перспективного государственного планирования. Его идеи НЭПа и единого государственного плана ГОЭЛРО наполняли советскую модель социализма реальным содержанием, позволяя укреплять прочный союз рабочего класса с крестьянством - важнейшего условия стабильности советской системы. Сходны с этими идеями и утверждения Дэн Сяопина о том, что план и рынок не следует противопоставлять друг другу, или однозначно привязывать их к социализму и капитализму[178]. Его знаменитая фраза «неважно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей» показывает его нестандартный подход к методам организации социалистической экономики. Но особенно похожи мысли Ленина и Дэн Сяопина в отношении методов повышения продуктивности сельского хозяйства, связанные с использованием личной заинтересованности крестьян в труде: с одной стороны, на основе добровольной кооперации, с другой, на основе «семейного подряда».

В свое время Ленин резко выступал против левых коммунистов в партии, не принимавших идею НЭПа, который, по их мнению, мог привести к реставрации капитализма. Ленин называл эту позицию левых паникерством, показывающим их страх и бессилие перед трудностями экономического развития России. Здесь есть прямая параллель с борьбой китайских коммунистов против левой опасности в партии, связанной с неприятием реформ Дэн Сяопина.

В этой связи стоит отметить, что одной из характерных черт осуществления китайской модели социализма является отказ от леваческих идей Мао Цзедуна, проявившихся на практике в «большом скачке» и «культурной революции», нанесших значительный вред развитию страны. При продолжении подобной политики Китай мог бы на долгое время оставаться одной из самых бедных и отсталых стран в мире. В свое время, это лучше других понял Дэн Сяопин, перейдя к экономической реформе и открытости, начав быстрыми темпами развивать производительные силы страны, использовать эффективные методы развития сельского хозяйства, заимствовать лучший зарубежный опыт хозяйствования. В итоге, не отказываясь от стратегического планирования, были задействованы рыночные механизмы, создана многосекторная экономика, стала бурными темпами развиваться наука, как самая мощная и эффективная

производительная сила страны. В этой связи Дэн Сяопин пересмотрел прежние взгляды на рабочий класс и включил в него интеллигенцию.

Так постепенно складывалась и осуществлялась новая модель китайского социализма. Китайцы сегодня фактически реализует политику, во многом напоминающую ленинский Нэп, только они пошли значительно дальше по этому пути, сохраняя за правящей коммунистической партией основные командные высоты, чего в СССР, например, в начале 1990-х гг. сделать не удалось.

Как известно, исходя из ленинской теории НЭПа, Н. Бухарин в конце двадцатых годов выдвинул по отношению к крестьянам известный лозунг «обогащайтесь», призванный создать материальные предпосылки для успешной индустриализации страны. Есть много общего между этим лозунгом и словами Дэн Сяопина о том, что «стремление к обогащению не заслуживает порицания»[179]. Главное, с его точки зрения, чтобы такое обогащение не приводило «к поляризации общества», когда богатые становятся «еще богаче, а бедные - еще беднее». По мнению Дэн Сяопина отход от социалистических принципов означал бы катастрофу для Китая и всего мира. Он был уверен, что руководство компартии Китая никогда не допустит сильной поляризации. К сожалению, факты социальной поляризации в Китае продолжают расти. Они вызывают одобрение у сторонников либерального фундаментализма и недовольство у простых людей.

Утверждая, что социализм не может быть бедным обществом, нельзя забывать, что материальное богатство лишь необходимое условие осуществления более важных социалистических целей - создание гармонических общественных отношений, реальной демократии и формирование свободной и развитой личности. Надо отметить, что Советская власть при Ленине много делала для решения подобных задач. К сожалению, после его смерти, особенно после утверждения сталинского тоталитарного режима эти задачи отошли в тень, что нанесло большой вред советскому обществу.

Сегодня аналогичные цели ставятся в качестве главных руководством КПК, которое все чаще говорит не только о достижении всеобщей средней зажиточности, но и о создании «гармонического общества» и всестороннего развития личности. (См.: Материалы XVII, XVIII и XIX съездов КПК). В Китае уже сегодня многое делается в этом направлении: изменилась к лучшему и некогда отсталая социальная сфера. Развивается здравоохранение и пенсионное обеспечение. Сегодня пенсии получают более 200 млн. человек, работавшие как в

государственных, так и частных предприятиях. Создана общегосударственная система страхования по безработице, охватывающая более 100 млн. человек. Увеличилась занятость населения, так необходимая сегодня Китаю. Почти полностью решена проблема неграмотности: начальная школа - бесплатная, существует обязательное девятилетнее образование, сотни тысяч студентов посещают университеты. Даже проведение Олимпийских игр решало в определенной мере эти задачи.

Руководство КПК уверено, что социализм должен в своем развитии пройти несколько исторических стадий пока наступит его зрелая форма. Возможно, этот процесс займет жизнь нескольких поколений людей. В этой связи становится особенно ясной переходная сущность социалистического общества, о чем писал Маркс в свое время. Она обусловлена не только имеющимися внутренними проблемами, но и внешними причинами, в частности, наличием в мире мощной капиталистической системы, которая по природе своей стремиться противодействовать социализму. Как выжить в этих условиях социалистическому государству? Нет другого выхода, как постоянно наращивать производительность труда и успешно конкурировать своими товарами и услугами с капиталистическим миром. В этой связи вспоминаются слова Л. Троцкого о том, что Советское государство только тогда сможет сохранить свое существование, если сумеет выиграть соревнование с капиталистическим миром путем производства более качественных и дешевых товаров. Примерно то же самое говорил Дэн Сяопин, призывая китайцев превзойти Запад по производительности труда и себестоимости продукции. Этот призыв китайцы сегодня реализуют, заваливая мировой рынок своими относительно дешевыми товарами.

За счет чего мог произойти такой значительный рывок в развитии некогда отсталой страны? Китайское руководство считает, что это стало возможным благодаря новой модели социализма, которую они называют социализмом с китайской спецификой. В этой связи возникает закономерный вопрос, почему же рухнула во многом аналогичная модель в СССР и есть ли надежда на массовое возрождение в России социалистических идей?

Отвечая на эти вопросы, оттолкнемся от тех изменений в индивидуальном и общественном сознании, которые наступили в России на рубеже 1990-х гг. В этой связи поставим еще один вопрос: почему после крушения реального социализма, многие советские люди, считавшие себя коммунистами, моментально изменились и даже стали использовать ярлык «совок» по

отношению к тем, кто не захотел отказываться от идеалов социализма?

Напомню, что после падения советского социализма часть граждан оказалась просто духовно раздавленными, другие быстро сменили прежние убеждения, став открытыми неосталинистами, либералами, анархистами, консерваторами, националистами, и лишь немногие остались верны интернациональным социалистическим идеалам. Я знаю, например, человека, который писал Программу КПСС, а сегодня не оставляет живого места от теории и практики социализма в СССР. Что же произошло с советскими людьми?

Думаю, это прямой результат изменения социально-политического строя, результат реставрации дикого капитализма в стране, считавшейся некогда социалистической. Практика реставрации капитализма в современной России, как уже отмечалось, подтвердила старую марксистскую истину: с изменением бытия людей меняется и их сознание. Конечно, здесь в понятие «бытие» надо включать не только материальный базис общества, а все общество, включая политическую надстройку: государство, средства массовой информации и т. д.

Следует отметить, что часть людей, особенно, представители интеллигенции, всегда хотела жить в гармонии с властью, отсюда ее политический и идейный конформизм по отношению к власти вообще, и к новой, буржуазной власти, в частности. В этой связи вспоминаю, как в советские времена многие интеллигенты становились в очередь, требуя, что бы их приняли в КПСС. После падения Советов и правящей коммунистической партии, они стали демонстративно выходить из партии и даже сжигать партбилеты, показывая свою полную лояльность новым властям. Таким образом, прежняя убежденность в правоте социалистических идеалов у них оказалась на кончике языка.

В этой связи, настала пора дать прямой ответ на фундаментальный вопрос: почему пала советская власть и почти исчезла социалистическая перспектива в нашей стране? Как известно, правильно заданный вопрос уже предполагает половину ответа на него. В нашем случае очевидно: раз произошло падение советской власти, значит, что-то неистинное было в ней? Значит, были объективные причины, которые привели к краху и власть, и в целом советский социализм. Я думаю, было, по меньшей мере, несколько таких основных причин, о которых мы уже частично говорили.

Во-первых, понятно, что экономически модель советского социализма могла существовать лишь до тех пор, пока превосходила буржуазный мир по темпам роста

производительности труда. Как только это превосходство было утрачено, крушение советского социализма стало неизбежным. Напомню в этой связи известный марксистский критерий развитости и прогрессивности общества: по нему социалистическое общество должно быть более высокопроизводительным, чем капиталистическое.

Второй момент. Советское общество должно было дать трудящимся более высокий жизненный уровень, чем в буржуазных странах. К сожалению, этого не произошло. Конечно, советская власть решила проблему куска хлеба и крыши над головой для нуждающихся, но она не дала более высокого уровня материального обеспечения, чем в развитых странах Запада. Не дала, извините меня, тех модных «шмоток», тех джинсов и курток, которые хотели носить молодые люди второй половины XX века.

Третий момент. В СССР была проведена культурная революция, давшая хорошее образование миллионам простых людей, но оказалась нерешенной проблема овладения народом политической культурой, реализация широкой демократии и осуществление свободы человека. В условиях развернувшейся в мире научно-технической революции это было жизненно необходимо. Конечно, я говорю не о буржуазной демократии. Я говорю о демократии социалистического типа, которая, по определению, должна быть выше любой буржуазной демократии. Но советская демократия, родившись в недрах Октября, была задушена сталинским тоталитаризмом, и это не могло не сказаться на судьбе всей страны. И хотя после XX съезда партии и перестройки многое было сделано в плане создания полноценного демократического общества, этого оказалось недостаточным для сохранения социалистического выбора, сделанного народом в Октябре 1917 г.

Наконец, четвертая причина, она связана как раз с развитием интеллекта и духовного творчества советских людей. В мире наряду с научно-технической революций возникли новые вызовы, связанные с ростом глобальных проблем, экологией, безопасностью, развитием интернациональных гражданских инициатив, а в правящей КПСС царили махровой догматизм и начетничество, которые навязывались всему обществу. Особенно нетерпимы были жесткая идеологизация и запреты в науке, образовании и культуре. Они не давали возможности свободно мыслить и говорить. Даже после «оттепели» и публикации ранних гуманистических работ Маркса, после гласности и открытости перестроечных лет, руководители официозной советской идеологии и пропаганды продолжали делать все от них

зависящее, чтобы ограничить свободу слова, научного и культурного творчества.

Однако со временем официозная коммунистическая идеология пришла в полное противоречие с реальной жизнью. Многие руководители партии и страны начали быстро терять свой нравственный и политический авторитет, ибо призывали к тому, что сами не исполняли. Например, с высоких трибун они говорили о необходимости коммунистической скромности, а сами пользовались различными привилегиями: спецсанаториями, спецбольницами, спецмагазинами и т. д. В конечном счете, все это способствовало крушению авторитета КПСС как правящей партии. Ведь это парадокс: партию, насчитывающую миллионы человек, партию, за которой долгие годы шел советский народ, в одночасье запрещает ельцинское руководство страны, и ни один трудовой коллектив, ни одна партийная организация не выступает на ее защиту!

Такое стало возможным лишь по одной причине: руководство компартии оторвалось от ее рядовых членов, а партия в целом - от своей социальной базы - трудящихся. Запоздалая попытка решить эту проблему во время перестройки была прервана Августовским путчем и приходом к власти радикальных либералов, повернувших страну к капитализму.

В то время, как в СССР социалистическое обновление было прервано, в соседнем Китае, напротив, начиналась и разворачивалась экономическая реформа, заложившая основы быстрого социального прогресса в этой некогда исторически отсталой и традиционной стране. Анализируя опыт перестройки в Советском Союзе, Дэн Сяопин отмечал, что в истории возможны временные поражения социализма в отдельных странах.

Вместе с тем, он считал, что это не столь страшно пока существует социалистический Китай, насчитывающий пятую часть населения Земли.

Сегодня Китай идет своим путем, реализуя модель социализма с китайской спецификой. Главное в этой модели выражается такими понятиями: постоянное развитие производительных сил, экономическая реформа, открытость, становление передовой культуры, учет коренных интересов народа, раскрепощение сознания, развитие человека, гармония общественных отношений, стабильность.

Опыт экономических преобразований в Китае показывает, что способна сделать последовательная ориентация народа и правящей партии на социализм. В этой связи возникает закономерный вопрос, каким может и должен быть общий вывод из противоречивого опыта социалистических преобразований в

СССР? Для прежних и новых противников советского социализма такой вывод означает следующее. Поскольку социализм как идея и как система в СССР оказались несостоятельными, поэтому надо всем срочно возвращаться на «истинный» и «магистральный» путь мировой цивилизации - путь капитализма. Однако есть и другой вывод, основанный на обобщении позитивных и негативных сторон опыта СССР и Китая. Он звучит так: *надо исследовать и понять достижения и причины крушения советского социализма, понять ошибки и достижения китайского социализма, и на основе этих обобщающих исследований разработать новую модель современного социализма.*

Такой вывод стал особенно необходимым после того как массы столкнулись в нашей стране с реальностью дикого олигархического капитализма, породившего глубокий раскол общества на богатых и бедных, незатихающие межнациональные конфликты, небывалый рост преступности, ограничение гражданских и политических прав. Осознанию бесперспективности современного капитализма во многом помогает разразившийся в нулевые годы глобальный экономический кризис, породивший небывалый рост массовой безработицы и резкое ухудшение жизни простых людей во многих странах. На фоне этого кризиса социализм продолжает оставаться единственной позитивной альтернативой современного капитализма.

В своем последнем устном выступлении Ленин говорил: мы социализм протащили в действительность и теперь «должны разобраться». Думаю, этот призыв сегодня особенно актуален для всех, кто сохраняет свою преданность социалистической идее и левым ценностям. И осмысление такого исторического опыта уже началось. Оно связано с исследованием положительных и отрицательных сторон социалистического строительства в бывшем СССР и странах Восточной Европы, с обобщением современного опыта строительства социализма в Азии и Латинской Америке, длительной практики правящих европейских социал-демократических партий по созданию и функционированию социального государства.

Современный опыт истории подтвердил предвидения Маркса и Ленина о том, что практическое осуществление социализма даст широкое разнообразие его реальных моделей и форм, начиная от авторитарных и кончая демократическими. В этом смысле ошибаются те идеологи, которые рассматривают реальный социализм через идеалистические очки, мешающие понять и объективно оценить его историческую многовариантность.

Практика международного левого движения сегодня, как никогда разнообразна. Она нуждается в разработке новейшей теории социализма, учитывающей весь исторический опыт, проделанный различными странами, строящими социализм. Только тогда, на мой взгляд, левые силы смогут конструктивно ответить на вызовы современности. И здесь первостепенная роль принадлежит ученым и философам. Лишь разработав полноценную теорию современного социализма, можно надеяться, что за его идеями пойдут люди.

6. От «старого» социализма к «новому»

Современный «левый поворот» в мире прямо связан с банкротством идей и политики либерального фундаментализма с его игнорированием роли социального фактора в условиях становления постиндустриальной цивилизации. Необходимость такого поворота особенно сильно ощущается сегодня в России, перенесшей в 90-е годы печальные плоды гайдаровской «шоковой терапии» и грабительской приватизации, породивших в стране десятки миллионов маргиналов и нищих, невиданную в мирное время детскую беспризорность, растущую преступность и коррупцию во властных структурах. Одним словом: возникший в ходе радикальных реформ варварский олигархический капитализм оказался большим злом, чем его исторический предшественник - бюрократический социализм.

Понятно, что в этих условиях возникло естественное стремление найти некий «третий путь», противоположный исторически исчерпавшему себя бюрократическому социализму советских времен и современному олигархическому капитализму. В этой связи уже в 90-е гг. многие ученые и политики в России стало обращаться к осмыслению практического опыта мировой социал-демократии и теории «демократического социализма».

В итоге возник естественный вопрос: как применить или преломить западные идеи социал-демократии на российской почве? Со временем стало ясно, что ответ на этот вопрос не может сводиться к простому копированию идеологии и практики западной социал-демократии. Когда на выборах в Думу в 1995 году наши отечественные социал-демократы попытались это сделать, выдвинув лозунг: «Хочешь жить, как в Европе, голосуй за социал-демократов», то получился конфуз: за социал-демократов проголосовало меньше людей, чем необходимо для регистрации соответствующего избирательного объединения. В условиях повальной бедности населения подобный лозунг только раздражал российского избирателя. Он не хотели верить, что мало кому известная политическая организация социал-демократов, может в одночасье сделать их жизнь такой, как в Европе. Отсюда простой вывод: отечественные сторонники левой идеи, изучая опыт международной социал-демократии должны знать и учитывать специфику России, ее исторические особенности, традиции и менталитет народа.

Особенно нельзя игнорировать живую историю советского общества, которая, повторим, развивалась в постоянной борьбе двух тенденций: демократической и бюрократической, линий

Ленина и Сталина. Известно, что Сталин в свое время уничтожил миллионы людей, включая ленинскую когорту революционеров. Но этот же факт означает и другое: многие из этих людей отказывались принимать его тоталитарный режим. Мало того, они несли в себе антитоталитарные демократические начала, находясь к данному режиму в фактической оппозиции. Нельзя забывать, что на гулаговских нарах сидели меньшевики и большевики, плехановцы и троцкисты. Ясно одно, сталинизм как политический режим власти, нельзя отождествлять со всей советской историей. Как уже говорилось, в ней были и мрачные периоды господства тоталитаризма, и светлые годы демократизма 20-х годов, хрущевской «оттепели» и «перестройки», когда реформаторские силы в КПСС пытались придать реальному социализму в СССР «человеческое лицо».

Пока объективная политическая история СССР и России еще не написана. Дело в том, что историков сталинской школы быстро сменили в начале 90-х годов не менее ангажированные историки неолиберальной волны. Нам же надо четко осознать, что отделяет и что связывает современных российских социалистов и социал-демократов с прошлым.

Как мы знаем, российский народ в свое время отвернулся от социализма с бюрократическим, казарменным лицом, но хотел ли он получить вместо него современный полумафиозный капитализм с не менее бюрократическим лицом? Думаю, нет. Но если «демократию без социализма» и «социализм без демократии» российский народ отвергает, то отсюда следует логический и исторический вывод - в России должен прижиться «новый», демократический социализм, как конструктивная альтернатива нашему прошлому и настоящему.

Рассмотрим в этой связи некоторые актуальные и малоисследованные вопросы теории и истории социализма в России.

О некоторых «белых пятнах» теории социализма

Прежде всего, хочется затронуть один интересный и малоизученный вопрос о связи капитализма и социализма, а точнее о соотношении классового и общечеловеческого в этих обществах. Как уже отмечалось, здесь много запутанного сталинской школой фальсификации истории, рассматривающей социализм как сугубо антикапиталистческое общество, а капитализм только как антипод социализма.

Вместе с тем, любое социальное явление с точки зрения

марксистской диалектики имеет двойственный характер. В нем можно найти как общечеловеческие, общецивилизационные, так и конкретноисторические, классовые черты. Если с этой точки зрения подойти к проблеме исторической взаимосвязи социализма и капитализма, то мы увидим, что социализм наследует у капитализма все то, что имеет общечеловеческую, общецивилизационную природу. Так, он наследует у капитализма созданные им производительные силы, такие, например, явления, как «маркетинг», так называемую «капиталистическую бухгалтерию», работу на заказ и многое другое. Мы также увидим, что эти и подобные им явления не являются собственно капиталистическими или социалистическими. Это механизмы, которые имеют общецивилизационный характер. Безусловно, если мы не хотим остаться на сугубо схоластических и догматических позициях, эти элементы и явления должны «работать» и в условиях реального социализма.

В свою очередь, если социализм наследует от капитализма его технологический фундамент, стало быть он может и должен наследовать и многие экономические и организационные формы. В то же время, социализм не может наследовать у капитализма все, и, прежде всего, такие сугубо классовые явления, как эксплуатации, социальная и имущественная поляризация общества, распространение антигуманной «массовой культуры» и т. д. Напомню, когда Ленин обсуждал вопрос усвоения большевиками идей Форда или Тейлора, он подчеркивал, что научную сторону этих идей мы должны безусловно использовать, но без капиталистической практики «выжимания пота». Вот здесь и следует искать различие общечеловеческого и классового, которое вождь Октябрьской революции проводил в политике достаточно четко. Это означает, что общецивилизационные моменты, связывающие капитализм с социализмом, не отменяют классовые различия этих двух форм человеческого общества. Отсюда следует, что реальному социализму надо всегда развивать собственную промышленность, все время стремиться к использованию новейших технологий и научных достижений в сфере производства и обращения. Опора на собственные силы в экономике - залог независимости социалистической страны от возможных экспансионистских тенденций капиталистического мира.

Ряд современных идеологов считают, что реальный социализм и капитализм должны всегда соответствовать своим конечным идеалам, то есть быть в своем роде идеальными обществами. Практика показывает, что абсолютно идеальных обществ в истории не существует. Как капитализм имеет

диктаторские и демократические режимы правления, (вспомним чилийских Пиночета и Альенде), так и социализм на практике может быть с диктаторским и «человеческим лицом» (сравни Сталина и Горбачева). При этом исторический опыт показывает, что диктаторские режимы чаще всего проявляются в странах, не прошедших школы буржуазной демократии, и сохраняющими в себе многие следы и пережитки средневековья. Именно таковой и была Россия, вступив на путь социалистического развития.

Как уже не раз говорилось выше для нее было характерно проявление двух противоположных тенденций: демократической и авторитарной. Наличие этих тенденций дает нам возможность более аргументировано провести обоснование идеи демократического социализма на российской почве и его отличие от аналогичного явления на Западе. Здесь я имею в виду, прежде всего, «ценностное» обоснование демократического социализма в развитых странах Западной Европы и историко-материалистическое обоснование демократического социализма в существовавших и существующих странах реального социализма.

Как известно, проблема ценностного или этического подхода к социализму в основном разрабатывается социал-демократической и левой мыслью Запада[180]. Так, в докладе на съезде итальянских коммунистов, преобразовавшем Коммунистическую партию в Демократическую партию левых сил, бывший генеральный секретарь ИКП говорил, что они социализм связывают с теми ценностями, которые развиваются в рамках социал-демократической мысли, и прежде всего с такими, как «свобода, справедливость, солидарность». Причем эти ценности берутся как бы вне исторического контекста, выступают, как некоторые этические нормы и идеалы, к которым должно стремиться любое демократическое общество. Мне думается, что такое понимание социализма имеет под собой основания, прежде всего, в успешной практической деятельности современных социал-демократов и их правительств в Европе.

Но есть и иной подход в рамках марксистской школы, который продолжает существовать, не смотря на крушение советской модели социализма. Это - видение социализма, как посткапиталистического общества, вытекающего из глобальных общественно-исторических и культурных тенденций развития человечества, связанных с реальным, а не формальным обобществлением производства, с развитием действенной демократии и политической культуры масс, борьбой с бюрократическими извращениями властных структур в реальном социалистическом обществе. Подчеркнем, *сегодня существует не одна, а по меньшей мере две модели демократического социализма:*

модель, которую реализуют социал-демократы на Западе, пытаясь мирным путем трансформировать капитализм в социализм. И модель, преодолевающая на практике бюрократические и тоталитарные деформации в странах реального социализма.

Последняя модель, в частности, восходит к демократическим и антитоталитарным тенденциям, возникшими в ходе Октябрьской революции, в периоды НЭПа, хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки в России, в условиях так называемой Пражской весны в Чехословакии, в ходе принципиальной борьбы с бюрократизмом в Китае, Вьетнаме, на Кубе. Итак, повторим: с одной стороны, речь идет о модели демократического социализма, которую пытаются воплощать в жизнь социал-демократические партии в Западной Европе, с другой, - о модели демократического социализма, контуры которой складывались и складываются в различные исторические периоды в странах «реального социализма».

Что в этих моделях является общим и в чем состоит различие? Прежде всего, обе эти модели исходят из признания таких известных социалистических ценностей как свобода, справедливость, солидарность, гуманизм. Однако, их философское обоснование различно: одни аппелируют к этике, другие ищут им материалистические и социальные основания. Для сторонников той и другой модели является предпочтительным демократический способ реализации этих ценностей: т. е. эти модели отрицают или подвергают принципиальной критике различные проявления тоталитаризма, будь то сталинщина, маоизм или полпотовщина.

Продолжая сравнение этих моделей, следует отметить, что для модели демократического социализма, разрабатываемой многими партиями Социнтерна характерен упор на постепенную эволюцию буржуазного общества и отрицание революционных средств его изменения. Они исходят из признания решающей роли государства в улучшении жизни трудящихся не в отдаленном будущем, а в реальной текущей жизни буржуазного общества. Это направление связывает осуществление своих ценностей и идеалов с «социальным государством», которое, абстрагируясь в своей деятельности от классовой природы общества, призвано «работать» в интересах всех слоев и классов общества. Опыт истории показал, что западные социал-демократы способны не только провозглашать идею реформирования буржуазного общества, но и обладают способностью реализовывать ее на практике. Это относится, прежде всего, к их успехам в области социальной политики, в отстаивании прав и свобод личности, реализации демократических институтов

власти.

Похожие, но иные характеристики носит демократический социализм в бывших и существующих ныне странах «реального социализма». Так в Советском союзе интересен и во многом поучителен был опыт борьбы левой и правой оппозиции за демократические преобразования в партии и стране в послереволюционные годы. В условиях хрущевской «оттепели» мы имели такое позитивное явление, как борьба демократических сил в КПСС против «культа личности» и репрессивной политики Сталина. В условиях Перестройки был накоплен плодотворный опыт развития гласности и демократизации политической системы советского общества. В условиях современного Китая заслуживает пристального внимания и изучения проблема соединения частного интереса и общественного блага в экономической сфере, опыт решения сложнейших межнациональных проблем. В области социальной политики и самоуправления трудящихся имеет свои достижения социалистическая Куба. Нет сомнения, что современная теория социализма должна изучать и обобщать данный практический опыт. Современная социалистическая теория не может строиться только на опыте одной страны, как это было раньше. Она должна учитывать многообразие всех стран, строящих реальный социализм.

Требует также всестороннего изучения опыт взаимодействия двух вышеназванных моделей демократического социализма в практике взаимодействия коммунистических партий и западных социал-демократов в истории СССР, особенно в периоды разрядки международной напряженности и в годы перестройки. Мы имеем в виду, прежде всего проведение совместных акций в борьбе за мир и разоружение, решение экологических вопросов, обмен партийными и научными делегациями с целью развития социалистической теории и др. Этот небольшой, но ценный исторический опыт показывает, что в перспективе вполне возможно сближение этих разных моделей демократического социализма.

Есть еще один непростой вопрос теории социализма, связанный с отношениями страны, совершившей социалистическую революцию и окружающими ее буржуазными странами. В частности, перед Лениным этот вопрос со всей серьезностью встал сразу после польского объявления войны советской России. В ходе успешной защиты российских границ, у большевиков появилась возможность оккупации польской территории. Ленин решил использовать эту возможность с целью, говоря его языком, «прощупать штыком» готовность Польши к

революции. В итоге, как известно, наступление Красной Армии на Варшаву провалилось. Это заставило Ленина и большевиков признать ошибочность своих действий и решительно пересмотреть свои взгляды на возможность превентивного экспорта революции. В итоге большевики поняли, что идея экспорта революции в другие страны есть малоплодотворная и по сути своей теоретически порочная идея.

Сознавая это, Ленин выдвигает свой знаменитый план - успеть цивилизоваться молодой советской России до начала возможной мировой войны. В рамках этого плана он предложил свою идею всесторонней культурной революции, которая означала не только ликвидацию неграмотности в России, но и решение задачи широкого использования в хозяйстве передовой науки и техники, осуществление всеобщей электрификации и кооперации страны. Именно тогда он призвал большевиков «черпать обеими руками» лучшие образцы организации и управления производством в развитых капиталистических странах.

Ясно, что эти идеи в прежнюю классическую теорию социализма не вмещались, но на то и нужна была конкретная практика создания социализма, чтобы обосновано ответить на вопрос: верна ли старая марксистская теория перехода к социализму? Сегодня уже достаточно ясно, что проблема социализма и рынка - это проблема длительного переходного периода от капитализма к коммунизму, т. е. это проблема «первоначального» или «раннего» социализма, который в исторических масштабах занимает гораздо больше времени, чем думали большевики в 20-е и 30-е годы.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что строительство реального социализма будет только тогда успешным, когда будут реализованы по меньшей мере следующие условия: эффективная защита революции, наивысшие темпы экономического развития, создание более высокого уровня жизни людей, чем в развитых странах капитала, реализация широкой демократии. Без этих условий, как показал опыт истории, происходит крушение стратегии социалистического строительства, а известный ленинский вопрос «кто кого?» решается в пользу капитализма.

Итак, строить социализм в отдельно взятый стране можно, но как ему выжить в условиях мощного капиталистического окружения? На этот вопрос пока окончательного ответа нет. Его в свое время нащупывал Ленин в своей новой экономической политике в России, на него ответил Дэн Сяопин своими экономическими реформами в Китае. Однако пока нет твердых гарантий, что Китай не последует за Россией. Такие гарантии

будут только тогда, когда Китай на практике намного превзойдет развитые страны по уровню жизни и развитию демократии. Напомню еще раз, социализм может выжить и победить в одной стране только тогда, когда сумеет создать в ней наивысшую производительность труда, более высокий уровень жизни людей и более развитую и действенную демократию, чем в передовых капиталистических странах. Другого пути нет. Если бы Михаил Горбачев в свое время сумел решить проблему ускорения научнотехнического прогресса и создать политическую систему, в которой социалисты сменяли коммунистов во власти, то вышеназванная гипотеза могла бы реализоваться уже в Советском Союзе. Однако этого не произошло. Советского Союза нет, но существует коммунистический Китай. Учтет ли он все негативные уроки истории СССР, покажет будущее.

Что касается современного олигархического капитализма в России, то, как известно, он далек от каких либо цивилизованных форм и методов своего развития. Говоря проще: он нахрапист и воинственен, циничен и груб. Он никогда не будет считаться с тем, кого и как эксплуатировать. Как показывает практика, формы эксплуатации, применяемые им, самые варварские и жестокие. Это хорошо видно сегодня на примере эксплуатации не только миллионов «гастарбайтеров», но и отечественных интеллектуалов. Помнится, как «демократы первой волны» утверждали: мы будем по-настоящему ценить интеллектуальный труд, который якобы не умели ценить коммунисты в СССР. Сегодня мы видим, как ценится этот труд, когда профессора трудно отличить от уборщицы, а инженера от нищего.

С начала 1990-х гг. государство под названием «Новая Россия» является сугубо классовым олигархическим государством, поклоняющимся только одному всепроникающему культу - культу мамонизма. Прошедшие годы «радикальных» буржуазных реформ показали колоссальную индифферентность многих слоев российского общества, включая рабочий класс, интеллигенцию и крестьянство. Мы видим, что современный рабочий класс даже в условиях мирового кризиса не идет дальше экономической борьбы. Такое ощущение, что он вновь превратился в «класс в себе». Может быть, это объясняется тем, что долгие годы при Советской власти он был пассивным объектом патерналистской политики государства? Но то же самое можно сказать и о других слоях общества, демонстрирующих невиданное в мире терпение. Многие люди в России ждут чуда, но, как известно, чудес в природе не бывает.

Это не означает, конечно, что в России имеются какие-то «лимиты» на революцию, как утверждают современные

«поссибилисты» среди левых и правых политиков и идеологов. Несомненно одно: рано или поздно, трудящиеся России найдут наиболее эффективный способ осуществить в современных условиях идеал демократического социализма - общества, в котором трудящиеся будут обладать не только высоким уровнем жизни, но и экономической, и политической свободой.

Еще одна чрезвычайно важная и мало разработанная проблема: к какому обществу идет современное человечество? Многие исследователи сходятся на том, что это будет посткапиталистическое или постиндустриальное общество, дающее ответ на глобальные вызовы современной информационной эпохи и вбирающее в себя все лучшее, что накопило человечество за свою историю. В этой связи, все чаще в научный оборот входит понятие «третьего пути», или так называемого «народного капитализма», в котором развиты акционерные предприятии с собственностью работников, преодолевается отчуждение работников от результатов труда и средств производства, реализуется экономическая и политическая демократия. В таком обществе существует смешанная экономика, функционируют всеобщие системы социального страхования, развиты политические свободы и права человека.

В принципе, такое общество не только возможно, но и вполне реально, особенно учитывая такие его ростки, как осуществление на практике американской программы ЭСОП, охватывающей свыше 11 миллионов работников, многотысячный испанский кооператив «Мондрагон» и др. подобные примеры, существующие в разных странах мира. В тоже время, говорить о полных успехах таких порядков в мире говорить пока рано. Дело в том, что тенденция превращения предприятий из частных в коллективные является лишь тенденцией в рамках частнособственнического общества. Она не охватывает собой все общество, а составляющие ее предприятия с собственностью работников нередко терпят банкротство, подчиняясь суровым законам конкурентной борьбы на отечественном и мировом рынке.

О модели «старого» советского социализма

В последнее время все больше идеологов левого движения считают первостепенной проблему изучения и осмысления различных моделей социализма с целью теоретического обоснования модели «нового» социализма. Нам кажется, что это во многом не только нужная, но и во многом необходимая работа. В тоже время нельзя понять сущность «нового» социализма, не

исследовав природу и причины крушения «старого». Под «старым» социализмом мы имеем ввиду, прежде всего модель советского социализма, который сыграл свою историческую роль в XX веке.

Не будем вдаваться в дискуссию о том, была ли эта модель подлинно социалистической или нет. Об этом подробно говорится в последней главе настоящей книги. Во всяком случае, мы исходим из того, что «чистого», или абсолютно «идеального» социализма не может быть вообще и особенно в странах, впервые выходящих из буржуазной действительности со многими средневековыми пережитками. В первую очередь это относится к России начала XX века - стране, с невысоким уровнем технологического и социально-экономического развития, наложившим свой заметный отпечаток на весь период советской истории.

Как мы уже говорили, в этой истории было все: взлеты и падения, победы и поражения, завоевания и трагедии. Тем не менее, конечный результат ее известен: та модель социализма, которая утвердилась в СССР и странах Восточной Европы в первой половине XX века рухнула в его конце. Возникает вопрос: какая это была модель и почему она рухнула? Ответив на эти вопросы, мы получим обобщенную характеристику «старого» социализма.

Есть много типологических характеристик и определений советского социализма. Спектр их широк и многообразен: от апологетических неосталинистских, видящих в советском социализме идеальный образец нового неэксплуататорского общества, до негативистских либеральных, утверждающих, что социализм тождественен тоталитаризму и является прямой «дорогой к рабству». Нам думается, что эти крайности далеко отстоят от объективного анализа той реальной модели социализма, которая сложилась в СССР. Эта модель, конечно, была далека от идеала социалистического общества нарисованного в работах Маркса и Ленина, считавших социализм наиболее гуманным и демократическим строем. Тем не менее, это был первый плод ранних социалистических революций XX века, который требует пристального анализа и оценки.

Во-первых, специфика советской модели социализма состояла в том, что она утвердилась в одной, отдельно взятой стране. Как мы уже говорили, это противоречило классической теории, утверждавшей, что социализм возможен лишь как мировое явление. Во-вторых, советский социализм строился в многоукладной стране с большими пережитками средневековья, что не могло не сказаться на своеобразии экономической

политики советского государства. Наконец, в-третьих, советский социализм вышел из ожесточенной гражданской войны, что отложило свой след на характере политической власти и ее способах функционирования в СССР.

Сказанное выше позволяет определить советскую модель социализма, особенно сложившуюся после В. И. Ленина, как государственно-бюрократическую или «казарменную». Для этой модели присуще жесткая централизация и регламентация экономической, социальной и идеологической жизни общества, отсутствие полноценных рыночных отношений, доминирование госсобственности, однопартийность в условиях сохраняющихся разных социальных групп и их интересов, догматизация господствующей идеологии, идеологизация науки, образования и культуры.

Данную модель нередко называют мобилизационной, т. е. способной эффективно функционировать в чрезвычайных условиях предвоенного, военного и послевоенного времени. Тем не менее, следует отметить, что эта модель советского социализма не оставалась неизменной на протяжении своей истории. Как уже отмечалось, она пережила различные периоды своего политического развития, начиная от жестокого репрессивного тоталитаризма времен сталинщины и кончая попытками демократического обновления в период хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки. Следует отметить, что «старому» советскому социализму, несмотря на его бюрократический и даже «казарменный» характер, удалось решить много сложных социально-экономических проблем, включая индустриализацию, достижение среднего мирового уровня материального обеспечения граждан, осуществление реального права на труд, отдых, образование и здравоохранение, доступность науки и культуры для широких масс населения и т. д.

Вместе с тем, как показывает опыт истории, советская модель социализма не смогла в полной мере ответить на вызов времени, связанный с развитием научно-технической революции, трансформацией современного капитализма, вступившего в постиндустриальную эпоху, перехватившего у социализма способы эффективного решения многих социальных проблем, включая проблемы так называемого «человеческого фактора».

Какие же причины привели к крушению этой модели «реального социализма»? Как мы уже говорили выше, их несколько. Первая причина состоит в том, что «старый» социализм не сумел одержать экономической победы над капитализмом, т. е. не дал более высокую производительность

труда, которую Ленин считал важнейшим критерием прогрессивности и жизненности социализма. Вторая причина связана с первой. Социализм не дал более высокого жизненного уровня трудящимся по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Третья и, пожалуй, самая главная причина состоит в том, что социализм, который был у нас, не стал демократическим социализмом в подлинном смысле этого слова, ибо власть была во многом отчуждена от трудящихся, представляя прежде всего интересы партийной и государственной бюрократии. Вот почему в августе 1991 года эту партбюрократию в лице ГКЧП никто не поддержал. Наконец КПСС с ее концепциями «полной и окончательной победы социализма» и «развитого социализма» продолжала оставаться догматической партией, которая не только извратила на практике марксистские идеи социализма, но и часто мешала развиваться этим идеям. Все это мы должны осознать в полной мере, иначе мы ничего не поймем в нашем прошлом.

Подчеркнем еще раз: важнейшей из этих идей была ленинская идея использования рыночных отношений в ходе создания социализма. Как мы знаем, Ленин активно использовал ее при разработке новой экономической политики. В этой связи он пришел к выводу, что следует «пересмотреть» прошлые взгляды на социализм как на бестоварное общество. Обобщая сказанное, можно констатировать, что суть этого пересмотра состояла в следующем: в условиях господства мирового рынка и неразвитых экономических отношений внутри России, нельзя отказываться от рыночных отношений, которые могут поднять экономику страны, разрушенную мировой и гражданской войнами. Во-вторых, социализм может выжить в этих условиях только в том случае, если сумеет создать в сжатые сроки более высокий уровень производительных сил и общественного производства, чем в развитых капиталистических странах. Этого можно добиться путем решительного соединения лучших технологических и организационных достижений капитализма с Советской властью. Только в этом случае, можно надеяться на то, что вопрос «кто кого?»: социализм или капитализм будет решен в пользу социализма.

Надо отметить, что Ленин в отличие от своих последователей прекрасно сознавал, что социализм по сути своей есть не столько антикапиталистическое, сколько посткапиталистическое общество, впитывающее в себя все лучшее, что создано буржуазной цивилизацией. Как показал опыт истории, потеря такого понимания у руководства СССР и привела советскую модель социализма к кризису в 1970-1980 гг. и полному краху в

начале 1990-х годов.

Основные черты «нового» социализма

Отталкиваясь от понимания главных причин крушения «старого» социализма и современных условий общественного развития, можно обрисовать в общих виде основные контуры той модели «нового» социализма, которую можно взять на идеологическое вооружение всем лево-демократическим силам. Каковы же эти контуры, или черты?

Повторим, во-первых, «новый» социализм следует рассматривать как посткапиталистическое общество, берущее у исторически предшествующего ему буржуазного общества все лучшее, что накоплено капиталистической цивилизацией, как в области технологии и организации производства, так и в области социальных программ, включая сюда социальную защиту населения, здравоохранение, образование и науку.

Во-вторых, «новый» социализм должен создать адекватную себе технологическую и экономическую базу. Безусловно, что этой базой не может быть прежний индустриализм, считавшийся в прежней теории характерной чертой социализма. Исторический опыт показал, что индустриальные технологии, повышая совокупную производительность общественного труда, не гарантирует человеку ликвидации технологического отчуждения (и даже увеличивают его). Они рождают массу экологических проблем, повышают травматизм и долю профессиональных заболеваний. Все сказанное говорите том, что технологическая база «нового социализма» должна быть связана с развитием гибких технологий, робототехники, расширением доли электроники в производстве, безотходных и экологически чистых производств. Одним словом, речь идет о постиндустриальном и информационном характере общества и технологии. Только такие гибкие и изменяющиеся технологии могут создать материальные условия для более высокой производительности труда, чем та, которая существует в традиционном капиталистическом обществе.

Однако сами по себе новейшие технологии не смогут решить известного ленинского вопроса «кто - кого?» в пользу социализма без соответствующей экономической и социальной базы, включая сюда механизм заинтересованности работника в труде, проблему собственности, организации управления производством.

Отсюда, в-третьих, экономической основой «нового» социализма должны выступать такие формы собственности,

которые дают более высокую эффективность производства и более высокие стимулы к труду, чем господствующие в современном буржуазном обществе. Это возможно лишь при органическом соединении личного и общественного интереса, преодолении отчуждения работника (труженика) от средств производства и управления предприятием. То есть речь идет фактически о формах собственности, преодолевающих наемничество. Новое видение социализма не отрицает многообразия форм собственности, но при этом должны поощряться прежде всего те формы собственности, которые раскрепощают человека, превращая его из бесправного наемника в хозяина своего труда и его результатов.

Как уже отмечалось, критические марксисты всегда считали, что собственность, прежде всего, экономическая форма развития производительных сил. Если она стимулирует развитие этих сил, она исторически оправдана. Например, если преждевременно ликвидируется частная собственность, которая стимулирует развитие производительных сил, то общество, как правило, идет к стагнации. Но то же самое происходит и с непродуманной приватизацией госсобственности. Сейчас Россия по показателям удельного веса частной собственности впереди планеты всей. Не отсюда ли перебои с электричеством, с нехваткой горючего в сельском хозяйстве и угля в северных районах, массовые отравления алкоголем и т. д.?

В-четвертых, следует осознать, что «новый» социализм по своей гуманистической природе не может не быть «социализмом экологическим», т. е. активно внедряющим на национальной и мировой арене создание благоприятной среды обитания человека и человечества.

Подлинные социалисты всегда отличались тем, что отстаивали интересы не только «близких», но и «дальних». Интернациональная сущность «нового» социализма буквально требует активного вмешательства в вопросы предотвращения «ядерной войны», заражения окружающей среды техническими отходами, создания безопасной атмосферы и т. д. В этом смысле сторонники «нового» социализма должны быть открыты для сотрудничества со всеми общественно-политическими движениями, заинтересованными в сохранении здоровой окружающей среды обитания.

В-пятых, «новый» социализм - это социализм, отдающий приоритет человеку труда, его свободному и всестороннему развитию. В отличие от «старого» он должен не только возродить доступную для абсолютного большинства общества мощную социальную сферу, но и придать ей новое качество,

ориентированное на конкретно человека. И здесь не грех поучиться постановке социального дела у некоторых развитых капиталистических государств и, прежде всего, находящихся в Западной Европе, например у Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии и др., где накоплен соответствующий положительный опыт решения жилищной проблемы, здравоохранения, пенсионного обеспечения и других систем социальной защиты населения. Когда-то «реальный социализм» в СССР своими социальными программами заставил буржуазный мир открыться социальной проблематике. Теперь не грех российским левым этому поучиться у него.

В-шестых, в рамках «нового» социализма должна быть заложена широкая демократизация общества, начиная с элементов производственного и территориального самоуправления и кончая участием людей в решении общезначимых государственных проблем. Пора понять, что социализм сам по себе, автоматически, не дает демократии, тем более рабочей демократии без наследования широкого и разнообразного опыта демократических преобразований, развившихся в странах Запада, в том числе под влиянием классовой борьбы рабочих за свои экономические и политические права.

В этой борьбе все чаще принимают участия новые силы и движения, непосредственно не связанные с формальным подчинением труда капиталу. Это, как правило, люди занятые социально-творческой деятельностью, участвующие в альтерглобалистском движении, создающие некапиталистические формы «экономики солидарности», «демократии участия» и т. д. В этих новых формах и движениях все чаще проглядывают черты будущего подлинно свободного общества, в котором с неизбежностью будет преодолено глубокое социальное отчуждение трудящихся, органически присущее современному глобальному корпоративному капитализму.

Для новых социалистов и социал-демократов не может быть никаких политических и идеологических шор, мешающих выражать наиболее адекватно интересы трудящихся. Опыт парламентской борьбы, наличие политического и идеологического плюрализма, осуществление свободы слова и совести рассматривается ими как естественные параметры жизни современного цивилизованного общества, расширяющие возможность влиять на людей и вести их за собой

Хочется подчеркнуть, что сторонники нового видения социализма отбрасывают субъективистское и вульгарное понимание партийности, как автоматическое следствие

принадлежности к рабочему классу. Для них партийность есть результат строго научного анализа действительности и связанного с ним понимания интересов трудящихся в различные исторические моменты их деятельности. В этой связи, теория нового социализма предполагает в духовной жизни партии и общества живую конкуренцию научных идей и полный отказ от догматизма и схоластики. Главными своими ценностями новые социалисты и социал-демократы считают свободу, справедливость, равенство, гуманизм и солидарность. Здесь свобода понимается как власть человека над обстоятельствами и отношениями, как свобода от эксплуатации и угнетения одних людей другими; справедливость - как справедливое распределение общественного богатства, средств труда и власти; равенство - как равенство прав и возможностей человека; гуманизм - как основу человеческих взаимоотношений, как главный ориентир и критерий политики государства; солидарность - как взаимоподдержка и взаимопомощь людей труда, всех угнетенных наций и народов.

Наконец, в-седьмых, общество «нового» социализма - это общество, открытое внешнему миру, входящее в живой обмен товарами, людьми и идеями со всеми другими обществами и государствами. Сторонники «нового социализма», оценивая объективные процессы глобализации и интернационализации мирового хозяйства, считают, что они могут использоваться как во благо людей, так и во вред им. Они выступают за такой мировой порядок, который базируется на демократических началах, учитывающих интересы всех стран и народов, где сбалансированы не только разные полюса геополитических сил, не только интересы транснациональных монополий, но, прежде всего, интернациональные интересы людей труда.

Замкнутость, изоляция от внешнего мира, как показал прошлый опыт развития СССР и стран Восточной Европы, может привести только к стагнации и консервированию негативных сторон общественной жизни. Социализм, в конечном счете, всегда был и остается интернациональным явлением, результатом деятельности людей различных национальностей, рас и конфессий. «Новый» социализм всегда сохраняет свою генетически интернациональную сущность, что определяет его соответствующую национальную политику, которая базируется на идеалах равноправия всех народов и этносов, на солидарности трудящихся независимо от их национальной, расовой и конфессиональной принадлежности.

Практический опыт существования «старого» советского социализма показал, что потери им своей социальной базы с

неизбежностью ведет его к гибели. В этой связи встает вопрос, на какую социальную силу должен опираться и какой политики должен придерживаться «новый» социализм?

О социальной базе и политике левых демократических сил

Опыт истории свидетельствует, что ни капитализм, ни «государственно-бюрократический социализм» не ликвидируют наемный труд и потому они весьма далеко отстоят от конечного идеала социалистического общества, связанного с преодолением наемного рабства. Отсюда становится понятным, что главной опорой движения за «новый» социализм в России должны стать, в основном, люди наемного труда. К ним относятся не только рабочие и крестьяне, продающие свою рабочую, но и громадный корпус инженеров, научных работников, представителей творческих профессий, деятелей системы здравоохранения и культуры, специалистов, связанных с электронной и иной новейшей техникой, одним словом, речь идет о громадном слое интеллигенции, которая ранее в прежних концепциях социализма исключалась из состава рабочего класса. В тоже время, эти социальные слои современного общества, продавая собственникам средств производства свои знания и творческие способности, на деле часто подвергаются большей эксплуатации, чем ряд представителей физического труда.

Конечно, современные социалисты и социал-демократы не должны игнорировать традиционные слои рабочего класса: шахтеров, металлургов, энергетиков, машиностроителей, миллионов так называемых «гастарбайтеров», которые сегодня во многом оказались в идейно-политическом вакууме (как известно, коммунисты-державники часто обходят эти слои рабочего класса стороной). В то же время все они являются объектом разрушительных неолиберальных реформ, превращающих многих представителей рабочего класса либо в потенциальных безработных, либо в людей хронически не получающих заработную плату.

Особый интерес для социалистов представляет молодежь и, прежде всего, учащиеся. Они сегодня практически не могут существовать на те мизерные пособия и стипендии, которые им предлагает государство. Вынужденные довольствоваться случайными заработками, эта часть общества становится наиболее социально уязвимой: после окончания учебы она сталкивается с тяжелой проблемой занятости, разлагающим влиянием улицы и т. п. Отсюда и громадный рост преступности

среди молодежи, других видов безнравственности и антисоциального поведения.

Не менее остро сегодня стоит проблема пенсионеров, инвалидов труда и войны, составляющих треть населения страны. Уровень их пенсионного обеспечения в условиях инфляции и постоянного роста цен на продовольствие и коммунальные услуги в стране обрекает их на полуголодное существование и реальную перспективу потери жилья.

Как известно, современная финансовая политика существующего режима власти поставила всех, так называемых бюджетников, на грань нищеты, будь то пенсионер, учитель, врач, инженер или военнослужащий. Все они, осмысливая свое тяжелое положение, тяготеют к идее справедливости и, следовательно, нуждаются в организации, способной выразить их политические интересы. Социал-демократы, демократические левые, движение за «новый» социализм должны стать такими организациями.

Существует мнение, что социалисты и социал-демократы должны выражать интересы не только наемных работников, но и представителей капитала. Думается, что это ошибочная точка зрения. Как показывает опыт выборных компаний в Думу, профсоюзы и партии социалистической и социал-демократической ориентации, пытающиеся в прошлом создавать блоки, выражающие интересы не только труда, но и капитала, терпят сокрушительное поражение. Современные социалисты и социал-демократы должны учесть этот негативный опыт. Максимум, что они могут сделать, это выступить на защиту интересов той части мелкой буржуазии, которая испытывает на себе мощное давление и конкуренцию со стороны крупного национального и компрадорского капитала.

Интересы людей наемного труда, как главной опоры социалистов и социал-демократов, требуют разработки четкой социально-экономической политики. Такую политику условно можно разделить на два направления: первое, связанное с непосредственными задачами выведения страны из общего кризиса; второе, связанное с более отдаленной перспективой, с конечными стратегическими целями социалистического движения.

В рамках первого направления социалисты должны полностью отказаться от неолиберального монетаристского курса осуществления нынешних реформ, по сути дела, разрушающих отечественную экономику. Первый глобальный кризис это наглядно показал. Необходимо разработать новый курс подъема национальной экономики, опирающийся на исторический опыт стран, переживших у себя аналогичную кризисную ситуацию.

Прежде всего, имеется ввиду программа, аналогичная новому курсу Рузвельта, обеспечившего выход США из кризиса 30-х годов, или послевоенной программе восстановления экономики Германии и Японии. В этом же русле следует перенять позитивный опыт и современных экономических преобразований, проводимых коммунистами в Китае. России нужна не монетаристская концепция перераспределения общественного богатства, а концепция, делающая упор на развитие промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны, расширение внутреннего рынка, увеличения товарной массы за счет роста производительности труда. Одним словом, новые социалисты и социал-демократы нуждаются не в идеях Хайека и Фридмана, а в поздних идеях Ленина и Дэн Сяопина.

Прежде всего, необходимо сохранить от новой волны приватизации ту часть государственного сектора, который определяет научно-технический прогресс общества и безопасность государства. Социалисты и социал-демократы и их левые союзники должны последовательно выступать за многообразие форм собственности в сфере производства товаров народного потребления и оказания услуг населению. Они должны отстаивать такую приватизацию средств производства, которая передает промышленные и иные предприятия в собственность самим трудовым коллективам. Международный опыт показывает, что предприятия с собственностью работников нередко более эффективны, чем государственные или частные предприятия.

Жертвы советского народа, принесенные на алтарь создания «реального социализма» в прошлом, не должны пропасть даром. При этом вовсе не обязательно снова возвращаться ко временам первоначального «дикого капитализма» и поголовному господству частнокапиталистической собственности. Не надо бояться передавать предприятия тем, кто на них работает. Только в этом случае можно заложить реальные предпосылки экономической демократии, как составной части будущего демократического социализма.

Необходимо возродить в России производственную и потребительскую кооперацию. В целях сокращения, а затем и ликвидации безработицы, сторонникам «нового» социализма необходимо добиваться реализации тех крупных социальных программ, которые связаны со значительным расширением транспортной инфраструктуры общества (строительство дорог, мостов, общественных сооружений и т. п.), стимулированием жилищного строительства, созданием мелких и средних предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, выпуском товаров широкого потребления. Следует дать вторую

жизнь предприятиям ВПК, сориентировав их на создание технологий и продукции двойного назначения (военного и гражданского).

Нужна такая финансовая политика, которая бы стимулировала развитие промышленности и сельского хозяйства. В рамках этой политики необходима льготная система налогов для вновь создаваемых предприятий, строительного и сельскохозяйственного производства. В последнем случае нужна система налогообложения, аналогичная нэповским временам.

Что касается стратегических целей в развитии экономики, то современные социалисты и социал-демократы должны добиваться в перспективе создания такой технологической базы, которая сможет окончательно вытеснить тяжелый физический труд из сферы общественного производства, заменив его на такие виды всеобщего труда, как деятельность новаторов, изобретателей, ученых и других творческих профессий. Как уже говорилось, успехи России невозможны без развитием постиндустриальных и информационных технологий, автоматизации и роботизации производств.

Свою конечную цель в экономическом развитии общества все левые силы должны связывать с ликвидацией наемного труда и превращением всех тружеников в хозяев производства. Левые силы должны добиваться преодоления социальной поляризации общества, как и раньше отстаивать право каждого человека на труд, его своевременную и справедливую оплату, право на отдых и обеспеченную старость. Что касается социальной защиты населения, то следует восстановить те элементы советской системы, которые положительно зарекомендовавшей себя в прошлом, а именно: доступное и дешевое жилье, практически бесплатное образование и медицинское обслуживание, развитие широкой сети детских садов, летних лагерей труда и отдыха, эффективную охрану материнства и детства.

Как же прийти к обществу «нового» или «демократического социализма» в России? Как известно, есть всего два самых общих метода изменения общественных отношений в мире. Это метод постепенных реформ, то есть эволюционный метод и метол революционный. Вместе с тем, не следует забывать, что любая эволюция содержит в себе элементы революции, а любая революция имеет в себе элементы эволюции. Эти два метода часто путают с такими формами социальных изменений как вооруженная и мирная. Как известно, на Западе больше прижились эволюционные процессы и мирные формы социальных изменений. В России, напротив, всегда социальные изменения протекали в форме революций и контрреволюций, при этом

нередко осуществлявшихся в крайне насильственных формах: вооруженное восстание, гражданская война, военные мятежи и т. п. Многие отечественные политики и идеологи из этого сделали вывод, что русский народ устал от революций и войн. Мне кажется, что подобные рассуждения не имеют под собой научной почвы. Что такое революция? Это смена классов у власти. Она может проходить мирно и постепенно, а может насильственно и быстро. Это зависит от общего социального состояния общества, соотношения политических сил и политической культуры масс.

Если общество социально поляризовано, если в нем происходит обнищание большинства населения, если в нем творится политический и правовой беспредел, если зашкаливает уровень коррупции государственных служащих, и если верхи с этими проблемами не могут справиться - жди революции! Следует также учитывать, что революции не происходят по заказу вождей и партий, а являются стихийным явлением, возникающим по любому поводу: не дали вовремя зарплату в стране, не подвезли хлеба, забыли дать свет и тепло, то есть все то, что у нас происходит каждый день, но пока только на местном уровне.

Есть единственный способ избежать революций - это своевременное решение возникающих социально-экономических, национальных и политических проблем. Решением их и должны повсеместно заниматься как правящие, так и оппозиционные политические партии. Подобный опыт имеется у западной социал-демократии: перенять его не зазорно, и даже нужно. Но эффективное его использование возможно только тогда, когда отечественные социалисты и социал-демократы сами станут влиятельной политической силой.

Повторим, наемные труженики, составляющие подавляющую часть населения страны в условиях господства олигархического капитала наиболее подвержены дискриминации. Отсюда их протестные голоса нередко отдаваемые за представителей КПРФ. Вместе с тем большинство представителей наемного труда, включая учителей, врачей, научно-технической интеллигенции и квалифицированных рабочих не ассоциируют свои политические взгляды со взглядами традиционных коммунистов, которые до сих пор никак не могут выйти из «сталинской» шинели. Им ближе всего социалистические и социал-демократические идеи и ценности, оправдавшиеся международным опытом.

Вместе с тем, современные социалистические и социал-демократические организации и движения только тогда могут стать влиятельной политической силой, если они сумеют овладеть современными средствами массовой информации и коммуникации, если добьются доступа к телевидению, если

сумеет создать общенациональную газету, продвигающую левые идеи в широкие народные массы, включая современную молодежь.

При этом нужно хорошо понимать своеобразие нынешних молодых людей, которые буквально живут в Интернете и созданных им социальных сетях. Они никогда не поверят партийному пропагандисту, догматически излагающему идеи своей организации. Только читая и участвуя в политических дискуссиях, они смогут сформировать свое собственное мировоззрение. Только в котле коллективной идейной работы, где постоянно будет «вариться» творческая социалистическая и социал-демократическая мысль, может появиться действенная программа партии, которую смогут поддержать миллионы российских избирателей.

Глава 4. О чем спорят современные марксисты?

1. О социальной природе советского общества *(Размышление над книгой «СССР: незавершенный проект»)*

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как исчез с политической карты мира Советский союз. Однако дискуссия о его природе и причинах падения не прекращается. Новым подтверждением этому стала недавно вышедшая книга ряда отечественных и зарубежных авторов «СССР. Незавершенный проект» под редакцией профессора МГУ Александра Бузгалина и московского руководителя фонда Розы Люксембург Петра Линке[1].

В этой книге, насчитывающей более пятисот страниц, фактически представлено большинство точек зрения на историю и природу советского общества, которые на сегодня имеются среди левых ученых и публицистов, начиная от отрицания социалистической природы Советского союза и кончая апологией и отождествлением реального социализма со сталинизмом. Такая полярность мнений, зафиксированная, в частности, А. Бузгалиным в главе «Как изучать СССР»[2], заставляет думать, что исследование специфики природы и истории СССР должно продолжаться: большое видится на расстоянии. И дело здесь не только в познании истины, которая бывает «одна на всех», но и в потребностях современной практики левого движения, нуждающегося в объективной оценке первого длительного исторического опыта создания социализма в отдельно взятой стране. Изучение этого опыта, его достижений и трагических ошибок особенно необходимо тем странам и народам, которые избрали для себя путь социалистического строительства.

Несмотря на некоторые пессимистические пророчества о «конце истории», человечество продолжает идти вперед. Предсказанное Марксом появление в будущем единого, свободного и справедливого общества сегодня подтверждается многими прогрессивными явлениями. В частности, об этот говорят факты укрепления и развития ряда социалистических стран, усиление борьбы трудящихся за свои экономические, социальные и политические права в развитых и развивающихся странах, рост науки и появление новейших информационных и коммуникационных технологий, сближающих и объединяющих людей, возрастание роли творческой деятельности человека и гражданского общества в мире.

Наряду с этим, возникли новые угрозы человечеству, связанные с ростом финансовых и военных авантюр современного

монополистического капитала, увеличение акций мирового терроризма и этнических конфликтов, загрязнение окружающей среды, проникновение в сознание людей сугубо потребительских идеалов и низкопробной массовой культуры, принижающих человека и способствующие росту его эгоистических интересов и извращенных потребностей. В этой связи, ясно одно: становление нового свободного, справедливого и гуманного общества в современном мире идет более драматично и противоречиво, чем в прошлом. Такова специфика глобального исторического процесса в XXI веке. Она, конечно, требует от марксистской мысли более глубокого и творческого подхода к новым общественным явлениям и существующим социальным противоречиям.

Некоторые марксисты считают, что «в конце XX века» социализм практически и теоретически «проиграл капитализму», неолиберализму и постмодернизму[3]. На мой взгляд, это не совсем так, а точнее, совсем не так. Несмотря на поражение «реального социализма» в СССР и ряде восточноевропейских стран, продолжают развиваться в социалистическом направлении Китай, Вьетнам, Куба, отдельные страны Латинской Америки, опровергающие своим опытом известную либеральную идею о «смерти социализма». Продолжается и теоретическое осмысление исторического опыта бывших стран «реального социализма», в том числе Советского союза, о чем убедительно свидетельствует и рассматриваемая книга. Тем не менее, такое осмысление идет не просто: мешают накопившиеся в марксистской науке многочисленные догмы, препятствующие выяснению исторической истины и воссозданию на этой основе действенной теории социализма XXI века.

С чем это связано? На мой взгляд, дело в том, что после смерти Ленина официозная марксистская наука, испытав на себе тотальное влияние сталинизма, оказалась не в состоянии глубоко понять и оценить принципиальную новизну и противоречивость становления советского общества в первой и второй половине XX века. После научного прорыва, связанного с разработкой теории НЭПа и новаторских идей последних работ Ленина, показавших реальный путь создания социализма в России, официальный марксизм в СССР претерпел существенные изменения не в лучшую сторону.

Он, за редким исключением, перестал быть объективным диалектико-материалистическим методом анализа реальной действительности, превратившись в разновидность консервативной идеологии, скрывающей реальное положение вещей в стране и часто выдающей должное за сущее. Таковой, в

частности, стала сталинистская идеология, заменившая собою творческий марксизм Ленина. Напомню, что в рамках этой идеологии советским людям постоянно внушалась мысль о неуклонном движении СССР «от победы к победе». И это говорилось тогда, когда страна фактически в мирных условиях испытала на себе повторение политики «военного коммунизма», когда в ходе сплошной и насильственной коллективизации, произошла стагнация сельского хозяйства, приведшая к голоду миллионов людей, когда из-за волюнтаристского подхода к планированию, были провалены важнейшие плановые задания первых пятилеток по экономическому развитию страны.

Не менее негативными были последствия идеологии и политики Сталина на международной арене. Так, его рекомендации китайским коммунистам идти на тесный союз с партией Гоминдан в 20-е гг. привели в итоге к разоружению и расстрелу рабочих и коммунистов в Шанхае, Кантоне и других городах Китая. Аналогичные рекомендации он давал Коминтерну и коммунистам Англии в ходе всеобщей забастовки 1925 года. Как известно, она потерпела поражение благодаря предательству руководства английских профсоюзов, пошедших за спиной рабочих на сговор с капиталом. По сути дела, ту же линию ориентации коммунистов на сотрудничество с «партией власти» Сталин проводил и во время гражданской войны в Испании в 30-е гг. Осуществляя эту линию, он использовал репрессии против членов революционных интербригад, созданных по инициативе независимой от Кремля Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), что в конечном счете облегчило победу Франко.

Игнорирование Сталиным интернациональной сути марксизма привело в итоге к ликвидации Коминтерна, а вульгарное понимание теории социализма и диалектики породило такие взаимоисключающие теоретические выводы, как «неизбежность обострения классовой борьбы по мере строительства социализма», с одной стороны, и «полное исчезновение антагонистических классов» в СССР, с другой. К такому же типу «теоретических выводов» следует отнести и более поздние оценки и положения КПСС о «полной и окончательной победе социализма в СССР», о создании к 1980-ому году «материально-технической базы коммунизма», о «развитом социализме» и т. д. Напомню, что все это говорилось о стране, в которой физический труд составлял в промышленности 50%, а в сельском хозяйстве 70%, когда сохранялось отставание СССР от развитых капиталистических стран в сфере экономики, быта и уровня жизни основной массы трудящихся.

К сожалению, в рассматриваемой книге качественные изменения политики и идеологии СССР после смерти Ленина почти не анализируются, что является, на мой взгляд, ее определенным упущением. Авторы книги, за редким исключением (см: небольшую статью Даниэля Гайдо) прошли мимо работ лидеров «левой» и «правой» оппозиций в СССР, идей, содержащихся в «Платформе» М. Рютина и непосредственно связанных с характеристикой Сталина и его режима власти. Не представлен в книге и анализ трудов известных марксистов (М. Джиласа, Т. Клиффа, Э. Мандела, Т. Гранта и др.), писавших по проблемам социальной сущности СССР в послесталинский период.

Особенно вызывают возражения, на мой взгляд, суждения авторов книги, которые, стремясь понять и объяснить природу СССР, некритически повторяют аргументы концепции тоталитарной природы советской власти и ее истории, начиная с Октябрьской революции 1917 года. Так, автор главы «К вопросу о советском социализме» канадский профессор Пареш Чаттопадхъяй пытается доказать, что Октябрьскую революцию не следует считать успешной «пролетарской революцией», а власть большевиков подлинно «рабочей властью», поскольку они якобы никогда не опиралась на самих рабочих. «В октябре 1917 года, - пишет он, - судьба более 170 миллионов человек была решена несколькими людьми, не относившимися к пролетариату, далекими от реальных процессов производства, не подлежавшими при этом свободным выборам (и, соответственно, отзыву) со стороны трудового народа»[4]. И это говорится о большевиках и Ленине, которые считали, что социальные революции всегда творят широкие массы и что рабочие могут осуществить успешную революцию только в союзе с крестьянством, составляющим абсолютное большинство российского народа.

Весьма характерно, что свои оценки Октябрьской революции Чаттопадхъяй никакими фактами не подтверждает, если не считать за такой «факт» приведенную им фразу Ленина о том, что вооруженное восстание не следует привязывать ко времени проведения съезда Советов. Что же касается понимания социальной природы советского общества, то данный автор, оценивает ее также, опираясь только на догматически понятые им отдельные цитаты из произведений Маркса, говорящие в основном о нетоварной природе социализма. При этом, он никак не может допустить, что «в эпоху социализма», пусть даже на ее «низшей фазе», можно видеть бытие таких категорий как «товар», «рынок», «деньги» и т. д.[5]. Думаю, при таком подходе к пониманию социализма Ленин с его теорией НЭПа и известной

работой «О значении золота...»[6] оказывается просто вне марксизма.

Используя в своем исследовании, в основном, метод цитирования Маркса, а не его подход, например, к опыту Парижской Коммуны, профессор Чаттопадхъяй в итоге отказывается признать в СССР не только существование какой либо социалистической тенденции, но даже минимальных ростков или зародышей социализма. На мой взгляд, подобные выводы можно было бы получить еще до написания исследования, ибо его априорный метод цитирования не нуждается в знании реальной истории. Так, если заранее вложить в понятие «социализм» сугубо идеальные черты, присущие коммунизму будущего, включая сюда отсутствие капиталистического окружения, государства, классов, денег, рынка, и т. д., то, конечно, такого общества не было и не могло быть в советской стране сразу после революции. Тем не менее, реальное движение к социализму началось уже тогда, и его можно увидеть в самых первых шагах революции и политики советской власти.

К сожалению, сугубо априорный подход к пониманию природы советского общества используют и некоторые другие авторы рассматриваемой книги, доказывающие, например, невозможность создания социализма в советской стране по причине ее якобы абсолютной технической и экономической отсталости по сравнению с развитыми капиталистическими странами. При этом они совершенно упускают из виду реальное преодоление этой отсталости, которое было осуществлено советским народом, причем в сжатые исторические сроки. Победа СССР в войне с фашистской Германией, поставившей на службу себе материально-технические ресурсы Европы, подтверждает этот исторический факт особенно наглядно.

В тоже время, говоря о социально-экономической природе СССР, следует также учитывать, что в нем многие годы сохранялась многоукладность, без которой, невозможно понять *противоречивую природу советского общества как становящегося рабочего или социалистического государства. Наличие в нем пяти укладов* (первобытного, мелкобуржуазного, буржуазного, некапиталистического и социалистического) *объективно делало это общество переходным на ближайшую и отдаленную историческую перспективу*. Ленин не случайно ставил успех такого перехода от решения главного политического вопроса КТО КОГО: социализм или капитализм? А это означало, что до полной победы социализма, а тем более, коммунизма было далеко, особенно, если учесть, что мировая революция явно запаздывала[7]. В то же время, это не означало, что к социализму нельзя было

двигаться, опираясь на его реальные, а не выдуманные ростки и элементы будущего.

Я имею в виду, что в России сразу после Октября 1917 г. появились советская власть и рабочее государство, ставшие непосредственным орудием построения социалистического общества в некогда отсталой стране. В ходе проведенной этим государством национализации земли и крупных промышленных предприятий в советской стране возник и утвердился реальный социалистический уклад. Вместе с ним вырос и окреп рабочий класс, стала господствующей социалистическая идеология, появилась новая советская культура, развернулось массовое социальное и техническое творчество трудящихся, созданы многочисленные школы и союзы художественной интеллигенции, начали функционировать самоуправленческие молодежные организации, возникли в городах и сельской местности различные товарищества, коммуны, и т. д. Такова конкретная правда жизни и ее невозможно отрицать или игнорировать, говоря о социальной природе СССР. Тем не менее, отдельные исследователи, в том числе в рассматриваемой книге, об этом иногда забывают, создавая свои теории «не-социализма», «госкапитализма» и даже «феодализма» в СССР. В этой связи мне вспоминается один характерный анекдот, родившийся во времена политики «шоковой терапии» в России.

Идет разговор между левым интеллигентом и рабочим:

- **Рабочий** говорит: «Стало жить намного хуже, чем раньше: нет работы, нет денег, цены запредельные, позакрывали детсады, на их месте расположились конторы типа «рога и копыта», кругом воровство, коррупция и бандитизм. При социализме было намного лучше».

- **Интеллигент**: «Вы не правы: никакого социализма в советское время не было и не могло быть».

- **Рабочий**: «Хорошо. Тогда верните мне не то, что «не было», а то, что «было».

На мой взгляд, этот анекдот хорошо иллюстрирует два подхода к пониманию социализма в левой среде: абстрактный и конкретно-исторический. Для первого подхода, присущего нашему герою - интеллигенту, социализм сводится только к тому, что зафиксировано в общих нормах программных документов правящей партии. Если он не находит полное осуществление этих норм в действительности, то начинает с порога отрицать саму возможность существования социализма в обществе. Таков тип доктринального мышления: оно все в будущем, и ничего в настоящем.

Для второго подхода, разделяемого нашим героем - рабочим,

напротив, социализм - это, прежде всего реальность, связанная с решением конкретных жизненных проблем. Если в этой реальности есть работа, отсутствует эксплуатация, зарплата и пенсии гарантированы государством, имеется возможность приобрести нормальное жилье, повести детей в детский сад, иметь бесплатное образование и медицину, безопасность на улице, возможность свободно высказывать свое мнение и непосредственно влиять на принятие производственных и политических решений - это и есть социализм. То есть для него социализм не столько отвлеченное будущее, сколько реальное настоящее, в котором осуществляется и совершенствуется жизнь таких же, как он простых тружеников.

Конечно, это не значит, что сторонники конкретно-исторического подхода игнорируют теорию, роль общественного идеала и других программных норм в становлении реального социализма. Напротив, они ими руководствуются, связывая общие идеи и программные нормы с реальной жизнью. Еще Л. Троцкий отмечал: если развитие идет по линии воплощения программных норм в жизнь, мы имеем дело с социалистической тенденцией в политике и практике, т. е. с реальным построением социализма в стране[8]. Если же этого не происходит, то возникает обратный процесс деградации социалистической тенденции с одновременным усилением мелкобуржуазных явлений, что, в конечном счете, может привести к вырождению рабочего, или социалистического государства и реставрации буржуазных отношений в стране[9]. Последнее мы также могли наблюдать в СССР в конце прошлого века. Эта реставрация вызывает недовольство многих российских граждан. Их, по данным социологов, насчитывается в последние годы более 50% населения. Отсюда понятна их ностальгия по советскому прошлому, по большой и единой стране, каким был СССР[10].

Однако вернемся к рассмотрению книги «СССР: незавершенный проект». К сожалению, часть ее авторов, также как и наш интеллигент из анекдота, считает, что никого социализма и даже социалистической тенденции в советские времена не было и не могло быть по определению. Особенно рельефно это обозначено в главе, написанной профессором Михаилом Воейковым, «Природа социально-экономической системы в СССР». Ее автор считает и пытается обосновать, что Октябрьская революция и советское общество, по сути своей, были и остаются сугубо буржуазными феноменами. Он, в частности, пишет: «... Марксизм, как известно, считал, что социалистическая революция может произойти только в странах высокоразвитого капитализма. Это положение было

общепризнанным среди марксистов. Если строго придерживаться этой формулы, то становится трудным объяснить социалистический характер русской революции 1917 г. и последующее строительство социализма в отдельно взятой России. По классическому марксизму, общество не вольно выбирать: или ему еще какое-то время пребывать в лоне капитализма, или же сразу перескочить в социализм. Поэтому социально-экономической строй, который возник в России после революции 1917 г. мог быть только буржуазным. Он господствовал весь XX век в стране и продолжает господствовать и сегодня»[11].

Нет возможности разобрать все отдельные доказательства этого главного тезиса Воейкова, поэтому начну с простого риторического вопроса, имеющего методологическое значение. Если «общество не вольно выбирать свое собственное социально-экономическое устройство», то кто же тогда волен? Бог, «пришельцы из космоса», другие неизвестные и мистические силы? По мнению самого Воейкова, такой выбор, видимо, совершается автоматически под стихийным давлением развития техники и технологии. Он уверен: если страны «осваивают одну и ту же технику и технологию», они «имеют одни и те же закономерности развития»[12]. Отсюда следует, что переход к социализму в технически неразвитой капиталистической стране невозможен, в принципе, ибо она не обладает наивысшей техникой, имеющейся в развитых капиталистических странах. Эту мысль он поясняет следующим образом: не может быть такого, чтобы техника и производство были - «хуже, а отношения, которые развивались на основе этой техники - лучше. С точки зрения аутентичного марксизма - это абсурд. Да и с точки зрения формальной логики - то же абсурд»[13].

Согласимся на время с данным выводом, но тогда возникает естественный вопрос. Как же быть, когда на практике в ходе комбинированного исторического развития низшие страны обгоняют в социальном отношении более развитые, когда революция, вопреки формальной логике, все-таки происходит в отдельно взятой стране, причем стране, техника которой намного ниже, чем в более развитых капиталистических странах? Переформулирую этот вопрос ближе к содержанию текста Воейкова.

Какой же выбор должны сделать, например, революционеры, совершив победоносную революцию? Признать правоту формальной логики и, отказавшись от победы, вернуться к прежнему общественному «статус-кво», или, оставив данную логику в стороне, пойти вперед по пути строительства нового

общества? Ведь, именно так сложилась ситуация в России в Октябре 1917 года. Думаю, ответ здесь однозначен: для подлинного марксистского понимания реальной ситуации здесь нужна не формальная, а диалектическая логика, не технологический детерминизм Воейкова и вытекающий из него автоматизм смены общественных отношений, а признание детерминизма общественных отношений и человека по отношению к технике.

Напомню, что конечной причиной движения истории, по Марксу являются не техника, а люди, трудящиеся классы, которые не только создают технику, но и являются главной производительной силой общества. Они же являются и субъектами общественных, в том числе производственных отношений. Именно они делают свой выбор в истории, меняя буржуазные отношения на социалистические. Без такого подхода просто невозможно понять диалектику и логику движения истории, смену одного способа производства другим, капитализма социализмом.

К сожалению, своеобразный техноцентризм Воейкова заставляет его закрывать глаза не только на противоречивую динамику развития советского общества, но и на очевидную классовую разницу досоветского, советского и постсоветского периодов существования страны. Как мы видим, для Воейкова существует только одна страна - буржуазная Россия. В этом смысле, он, почти сто лет спустя после меньшевиков, продолжает считать, говоря словами Г. Плеханова, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма»[14].

В этой связи, повторю уже высказанную ранее мысль: социализм не падает с неба в готовом виде, до него надо доработаться, т. е. его надо последовательно строить, включая в это строительство, как создание новых общественных отношений, так и новой высокопроизводительной техники. С моей точки зрения, советское общество и было первым опытом такого строительства со всеми его противоречиями, которые нужно понять, а не с порога отрицать, ссылаясь на отдельные цитаты Маркса, который, говоря по аналогии с «Немецкой идеологией», никогда не был «святым» Марксом.

Я так долго говорю о рассуждениях профессора Воейкова потому, что его метод исследования и оценки социальной природы советского общества проявляется и у других его коллег по книге (преимущественно у экономистов). Как и он, они думают, что не борьба социалистической и несоциалистических тенденций в СССР и мире, в целом, обусловили рождение,

развитие и падение советской власти в СССР, а ее якобы сугубо техническая или материальная неготовность к созданию социализма (своеобразная «ловушка XX века», по выражению А. Бузгалина). И это, как не странно, говорится о стране, ставшей в свое время, второй сверхдержавой мира.

На мой взгляд, крушение советской модели социализма есть следствие не столько ее технологической отсталости от развитых стран (хотя в различные периоды истории такое тоже было), сколько результат неспособности тех социально-политических сил, которые не смогли (в силу ряда субъективных и объективных причин) отстоять свое социалистическое первородство в борьбе с тенденциями реально существующего, но исторически уже уходящего буржуазного мира.

Нередко спрашивают: каковы те объективные причины или предпосылки, которые говорят о необходимости перехода человеческого сообщества к социализму? Я думаю, они давно известны, но их, по социальным и идеологическим причинам, не все хотят замечать и озвучивать. На самом деле, разве недостаточно разрушительных последствий первого глобального финансово-экономического кризиса 21 века, неуничтожимой хронической безработицы в мире, всеобщего характера социального, духовного и нравственного отчуждения людей в современном буржуазном обществе, десятков миллионов жертв двух мировых войн XX века, грозящей экологической катастрофы, наконец, возможного ядерного Апокалипсиса в приближающейся третьей мировой войне, чтобы понять простую вещь: капитализм уже давно исчерпал себя как прогрессивная система? Перечисленные выше негативные факты мировой истории и есть те объективные предпосылки, та необходимость, которая в XXI веке требует перехода к социализму. Замечу, что данный вывод признают не только левые, не только социалисты, но и представители буржуазии, которые независимо друг от друга говорят о преходящем характере мировой системы капитализма.

Однако вернемся к обсуждению проблемы, связанной с определением социальной природы советского общества. В чем же состоит ее differencia specifika? По мнению доктора экономических наук Андрея Колганова она имеет двойственный характер, т. е. советское общество одновременно решало задачу буржуазной модернизации и задачу превращения постреволюционной России в социалистическое общество. Так, в главе «Проект «СССР»: что мы не смогли завершить?» он пишет: «… Выход из противоречий капитализма происходил, в силу небуржуазного социального состава движущих сил революции, не только на пути решения нерешенных задач капиталистической

модернизации, но и на пути превращения социально-экономического строя России в социалистическое общество»[15].

Казалось, дальше автором будут раскрыты и обоснованы эти, во многом важные теоретические положения, т. е. какой из этих путей являлся главным, а какой подчиненным? Какой в итоге складывался и сложился в СССР социально-экономический строй? Был ли он, в основе своей, буржуазным, социалистическим, или переходным от буржуазного к социалистическому? К сожалению точных ответов на эти вопросы читатель не получает. При этом, с одной стороны, Колганов считает, что вопрос об успешности построения социализма на базе «достраиваемой» на ходу материальной базы капитализма «остается открытым», а, с другой, что «СССР с этой задачей не справился». По его мнению, «можно спорить о том, каковы были шансы СССР превратиться в полноценное социалистическое общество. Но совершенно бесспорным является то, что именно не буржуазный вектор развития, заданный революцией, привел к беспрецедентным результатам в решении задач буржуазной по содержанию (но не по своей социально-экономической форме!) модернизации»[16].

Осмысливая эти противоречивые суждения и оценки автора, с неизбежностью задаешься рядом вопросов: так, что мы строили после Октября 1917 года? Если социализм, то в чем состояла «незавершенность» советского проекта? Если осуществляли «буржуазную по содержанию» модернизацию (индустриализацию), то почему вопрос о ее завершении «открыт»? Разве эта задача не была решена уже к концу 1930-х гг.? Наконец, каковы те экономические, социальные и идеологические причины незавершенности советского проекта и разрушения СССР?

Стремясь получить ответ на эти вопросы путем обращения к тексту автора, приходишь к выводу, что над ним, как и над его коллегой по книге Воейковым, постоянно довлела идея технологического детерминизма, мешающая ему понять противоречивый характер общественных отношений советского общества. Эта идея привела Колганова к тому, что он многие социалистические преобразования этого общества (обобществление основных средств производства, планомерный рост производительных сил, реформу политической системы, культурную революцию и др.) почему то отождествил с задачами только буржуазной, а не социалистической модернизации, которую должно было осуществить, по выражению Ленина, «рабочее государство».

Что же, с моей точки зрения, обуславливало «рабочий», а в перспективе, «социалистический» характер советского

государства? Прежде всего, государственная собственность на основные средства производства, с одной стороны, и сознательный или планомерный характер развития экономики и социальной сферы, с другой. Наряду с известными идеологическими и политическими причинами, именно эти объективные факторы заложили социалистический вектор развития советского общества, обеспечивающий в первую очередь удовлетворение интересов рабочего класса и трудового крестьянства.

Конечно, как экономист и сторонник левой идеи Колганов не мог полностью обойти в своем тексте этих специфических черт и преимуществ СССР по сравнению с западными странами. Так, он справедливо отмечает, важную роль «плановой экономики» и технического прогресса в успехах индустриализации, позволивших в 1920-1930-е годы и позднее опережать достижения развитых государств Запада. Мало того, он прямо говорит о социалистической направленности советского государства, связанной с созданием всеобщей системы социального страхования, отмечает влияние господствующей эгалитарной идеологии и политики, способствующей удовлетворению интересов трудящихся, росту их вертикальной мобильности, развитию социального творчества и проявлению революционного энтузиазма. Он отмечает «целый ряд социальных - как материальных, так и нематериальных - процессов и отношений: от ростков участия рабочих в учете и контроле, управлении, соревновании до спонтанной, народной инициативы по созданию успешно действовавших кооперативов и коммун, разрушенных сталинской коллективизацией»[17].

Последние слова, казалось, должны были натолкнуть его на выяснение непосредственно социальных причин, сдерживающих и деформирующих социалистическую тенденцию в стране. Я, прежде всего, имею ввиду, анализ сталинизма, как проявления мелкобуржуазной тенденции в руководстве страной, способствующей возникновению социального неравенства и идейно-политического перерождения правящей партии и советской власти. При этом следует иметь ввиду, что советская бюрократия выступала «субинститутом» не столько «устраненной буржуазии», как полагает Колганов[18], сколько самого рабочего класса, не сумевшего в ходе революции и гражданской войны приобрести необходимый опыт управления страной. Отсюда ее двойственный характер: охраняющей интересы рабочего класса и подрывающей его господство, обретенное в ходе революции.

К сожалению, Колганов сводит сталинизм лишь к «чрезмерным» и «авантюристическим насильственным мерам в

экономической политике»[19], которые, хотя и сдерживали развитие страны, но не имели решающего характера. По его мнению, правящая бюрократическая элита с тридцатых по пятидесятые годы была консолидирована с обществом и лишь к середине 1960-х гг. начинает проявлять свой антимодернизационный потенциал, связанный с удовлетворением собственных потребностей.

На мой взгляд, это не совсем так. Часть советской бюрократии уже со второй половины 1920-х гг. взяла курс на деформацию советского проекта, проводя политику насильственной, а не добровольной коллективизации, порождая новое социальное неравенство, извращая революционную политику и идеологию советской власти и правящей коммунистической партии. Именно в годы сталинского правления произошел отказ от коллективного принципа принятия политических решений в партии и стране, ликвидирован «партмаксимум», устранены от власти старые большевики и соратники Ленина, создан культ личности вождя и проведены незаконные массовые репрессии против представителей всех слоев и классов общества, будь то интеллигенты или рабочие, крестьяне или военные, комсомольцы или ветераны партии.

Такая политика, безусловно, деформировала советское общество и государство, она отчуждала партию и советскую власть от народа, исподволь подготавливая причины их падения и прекращения советского проекта. Здесь следует отметить новую природу противоречий, возникших в стране. Они не были похожи на противоречия капиталистического общества, но носили непримиримый характер[20]. Говоря обобщенно, эти противоречия возникали между теми советскими людьми, которые отстаивали революционные ленинские традиции, связанные с построением социализма, и теми, кто использовал преимущества советской системы ради собственного обогащения и карьеры.

Данные социальные противоречия пронизывали все слои, классы и сферы общества. Их можно увидеть в так называемой «советской элите», где постоянно велась борьба между сознательным и честным государственным чиновником, отстаивающим интересы народа, и бюрократом, обогащающимся за счет привилегий государственной власти, бескорыстным новатором и рвачом в рабочей среде, колхозником, отстаивающим общие интересы, и колхозником - стяжателем, пекущимся только о своей личной выгоде, откровенным «пофигистом» - интеллектуалом и интеллигентом - носителем высокой культуры и нравственности, подлинно идейным коммунистом - интернационалистом и «членом партии», у

которого коммунистические взгляды оказались на кончике языка, кто при смене общественного строя в 1990-е гг. демонстративно сжигал свои партийный билет, быстро превращаясь в обывателя, буржуазного либерала или державника - националиста. Перечисленные здесь типы советского общества нашли свое емкое отражение в советской культуре и литературе, в романах и повестях М. Горького и А. Толстого, М. Шолохова и А. Платонова, В. Сержа и А. Солженицына, в поэмах и стихах В. Маяковского и С. Есенина, К. Симонова и А. Твардовского, писателей - «деревенщиков», поэтов и кинорежиссеров - шестидесятников, и т. д. Именно их художественные произведения, вскрывающие правду жизни, облегчают понимание социальной природы советского общества.

К сожалению, А. Колганов, человек явно склонный к писательскому творчеству, совершенно проигнорировал художественные произведения в раскрытии и понимании сути советского проекта. В тоже время, этот проект невозможно понять, если не видеть реальных людей, которые его отстаивали до конца, и те, которые его похоронили в начале 1990-х гг. Я вспоминаю, как в это время противники социализма на одной из демонстраций несли плакат с надписью: «Хватит социалистического эксперимента, - пора переходить к капитализму!». Похожую мысль озвучил и бывший представитель высшей партийной номенклатуры Б. Ельцин, посетив в 1991 году Америку: «Россия, - говорил он, - сделала свой окончательный выбор. Она не пойдет по пути социализма, она не пойдет по пути коммунизма, она пойдет по цивилизованному пути, который прошли Соединенные Штаты Америки»[21]. Он и стал в действительности ведущим «похоронщиком» советского проекта, выиграв сражение у М. Горбачева, пытавшегося создать в СССР социализм с демократическим и человеческим лицом.

Следует отметить, что Андрей Колганов достаточно близко подошел к пониманию социальной природы советского общества, когда назвал ту силу, которая подготовила и обеспечила переход от социализма к капитализму. По его мнению, ею стала бюрократическая элита, появившаяся тогда, когда прекратились успехи «на пути продолжения модернизации», дававшие этой элите шанс на повышение и укрепление ее статуса. После потери данного шанса, она стала искать «иные пути для реализации своих интересов»[22]. Со временем, бюрократия вообще перестала замечать изначальный социалистический вектор развития страны, связанный с социальным творчеством масс, общественной самодеятельностью и демократией «для всех». В итоге, она сдала «в утиль социалистические лозунги и кинулась приобретать

буржуазные источники дохода»[23]. До открытого перехода на капиталистический путь у нее оставался один шаг, который она и сделала в начале 90-х гг. XX века.

Определив реальную силу, прекратившую осуществление советского проекта, Колганов, к сожалению, не заметил тех сил, которые противостояли ей в лице убежденных коммунистов и возникающих новых политических организаций и движений левой ориентации. Помнится, к одной из них («марксистская платформа») принадлежал и сам А. Колганов. В итоге, высказанное им в начале главы утверждение о том, что социалистический проект не был «обреченной утопией», осталось недоказанным. Мало того, на мой взгляд, он сам провозгласил «новую утопию», утверждая, что не индустриальная, а только постиндустриальная эпоха создает адекватную базу для социализма. На самом деле, данная эпоха, сама по себе, без социальной борьбы никогда не даст социализма, как не дала его индустриальная эпоха в США и Европе в XX веке.

Убеждение Колганова в том, что Советская держава погибла лишь потому, что не смогла создать в национально-ограниченных рамках постиндустриальную экономику, на мой взгляд, возвращает нас к уже *решенному* старому спору меньшевиков и большевиков о материальных предпосылках социалистической революции в России. На мой взгляд, автор гораздо ближе к истине, когда заявляет о принципиальной неспособности разных фракций бюрократии в условиях перестройки защитить коренные интересы трудящихся. По его мнению, их «не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее»[24]. А кто же все-таки хотел защищать? На этот вопрос, к сожалению, у автора нет ответа.

По словам Колганова, повторный приход капитализма в Россию оказался неизбежным, поскольку он якобы был «единственно реально существующей альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил, и к тому же занимающей господствующие позиции в мире»[25]. Наблюдая нарастание современных социальных протестов в Арабском мире, Европе, США и др. странах, думаю, что никакого соответствия производительным силам эта система не имеет. Напротив современные производительные силы (технические и человеческие) уже давно восстают против нее. Говоря о «единственно реальной» альтернативе, не следует также забывать и об опыте таких стран как Китай, Вьетнам, Куба и др.

Не думаю также, что социализм может появиться только после постиндустриальной модернизации капиталистических

стран и совершения в них одновременной мировой революции. Это какая-то ново-старая догма, которую сегодня выдвигают некоторые левые идеологи. Во-первых, по содержанию она больше соответствует не социализму, а коммунизму, а во-вторых, исходя из современного уровня становления постиндустриального общества и роста противоречий между капиталистическими странами, думаю, что подобная перспектива носит слишком абстрактный и потому весьма отдаленный характер. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда наступит такое благоприятное время!

Главное объяснение крушения советского проекта и его возможного возрождения в будущем я связываю не столько с появлением в России постиндустриальных технологий (хотя они исторически необходимы), сколько с отсутствием, или появлением в ней такого революционного фактора, как наличие левой партии и ее подлинно научной программы, отвечающей новым реалиям XXI века, партии, способной выразить насущные интересы большинства трудящихся. Только такая авангардная и массовая партия может повести за собой всех ограбленных, униженных и оскорбленных диктатурой олигархического капитала в России и мире.

Своеобразную позицию в понимании советского общества занимает профессор Григорий Водолазов, доказывающий в главе «Социалистическая теория и социальная практика СССР», что советское общество было абсолютно новой исторической формацией, которая лежит между капитализмом и социализмом. С его точки зрения, она представляет собой неизвестный ранее исторический феномен, противоположный как капитализму, так и социализму. Он пишет в этой связи: «Если обозначить центральную идею Автора (т. е. самого Г. Водолазова - Б.С.), к которой он постепенно шел с середины 1950-х по середину 1970-х гг. (и не отказался от нее впоследствии), то это будут тезисы:

- о «несоциализме» СССР;

- о том, что в Советском Союзе сформировалось новая общественная формация - несоциалистического (и некапиталистического) типа;

Формация социально-антагонистическая (но со специфическом типом антагонизмов, отличных от тех, что знала мировая история...)»[26].

Оригинальность текста этой главы состоит в том, что ее автор на примере анализа собственного научного и публицистического творчества показывает, как он исторически пришел к этим идеям. Обладая незаурядными литературными способностями, владея соответствующими философско-историческими знаниями, он

показывает, как в условиях советской действительности он постепенно подходил к открытию и формулировки вышеназванных тезисов.

Сначала под влиянием XX съезда партии и разоблачений преступной деятельности Сталина он понял, что реальный социализм в СССР получил существенные деформации, которые подлежат решительному исправлению. Однако позднее он приходит к убеждению, что данная проблема гораздо сложнее. Дело в том, что, по его мнению, сталинизм и диктатура бюрократии не исчезают, а продолжают сохраняться в советском обществе. В частности, он находил подтверждение этому в многочисленных фактах очковтирательства со стороны областных партийных руководителей (по поводу якобы перевыполнения планов производства с/х продукции), в государственном управлении наукой («лысенковщина»), культурой и искусством (травля писателей Дудинцева, Гранина, Пастернака) и т. д. Тем не менее, Автор не сразу пришел к своим радикальным выводам: он, как уже отмечалось, верил в то, что все эти проявления бюрократизма лишь частные факты, которые можно преодолеть «через партию, через реализацию решений, принятых на XX съезде»[27], мобилизуя народные и партийные «низы» на выполнение данных решений. Здесь примером для него служил герой очерков писателя В. Овечкина - секретарь райкома партии Мартынов, который борется с бюрократией, защищая от нее честных тружеников. Однако, наиболее острые проблемы общественной жизни в СССР все чаще толкали Водолазова к выводу, что для их решения бесполезно апеллировать к высшему партийному руководству, которое давно растеряло свои коммунистические убеждения и заботится только о своем благополучии и сохранении власти.

В этой связи, Автор начинает активно критиковать существующий в СССР политический режим, используя для этого эзоповский язык, подтексты и аналогии. Он, в частности, обращается к аналогичным, на его взгляд, историческим явлениям в Германии. Так, анализируя гитлеризм в своей новомировской статье «Суд над судьями», он вскрывает и показывает его антидемократическую и античеловеческую сущность. При этом его анализ здесь лишь повод для вскрытия недостатков сталинского, маоистского и шире, - советского тоталитаризма. Он полагает, что над ними также нужен суд, подобный Нюрнбергскому для выработки у народа соответствующего «иммунитета на будущее».

Более основательно и подробно свои идеи и мысли Водолазов обосновывает в своей книге «От Чернышевского к Плеханову»,

вышедшей в свет в 1969 году. Здесь он, размышляя о специфике теории русского социализма в его сопоставлении с западными теориями и концепцией социализма Маркса, уже целиком отказывается говорить о «деформациях» реального советского социализма. По его мнению, в СССР и странах Восточной Европы нет ничего социалистического, а есть «новая антагонистическая формация» «под ложным именем «социализм»[28].

В критике советской «тоталитарно-бюрократической системы» он особенно много уделяет внимание историческим аналогиям, взятым из эпохи царя Николая I. При этом «исторические факты и высказывания деятелей прошлого подбираются таким образом, что в них «нет ничего характерного *только* для николаевского периода..., а лишь то, что сближает этот период со сталинщиной»[29]. Одним словом, вслед за Герценом он считает, что это было, в основном, «время нравственного душегубства». И здесь трудно с ним не согласиться.

Затем он, анализирует правление царя Александра Второго, сравнивая его уже с эпохой Хрущева, которая, по его мнению, лишь убрала крайности сталинщины, но сохранила все от тоталитарной системы прошлого. По мнению Водолазова, эта эпоха во многом породила «иллюзии псевдодемократической «оттепели», которые нужно поскорее изжить. Короче говоря, в это время, как и при Сталине, «по-прежнему драли три шкуры с крестьян и работников, по-прежнему крепостной и полукрепостной труд давал низкую производительность и по-прежнему утесняемых гнали от парадных подъездов государственных учреждений»[30].

К чему же в итоге призывает Водолазов? Исходя из анализа текста, ответ у него таков: как и во времена Александра второго, надо идти по пути «Современника» и Чернышевского, т. е. по пути создания радикальной Программы и «народно-революционных действий», а не бороться с отдельными деформациями якобы существующего социализма.

Скажу откровенно, прочитав этот призыв, меня, человека социалистических убеждений, сразу что-то остановило. Тут же возник ряд вопросов: зачем автору, известному противнику сталинщины, нужны сугубо «революционные действия» против антисталинской политики, проводимой Хрущевым? Нет ли здесь у него определенного перехлеста в оценках и выводах? Почему они, как правило, совпадают с оценками тех «упертых» сталинистов, которые ненавидели и до сих пор ненавидят Хрущева? Корректно ли само отождествление эпохи Хрущева и времени Александра второго? По форме они, конечно, схожи, но

их конкретно-историческое содержание и задачи совершенно различны. Как известно, журнал «Современник» и Чернышевский были предтечами буржуазно-демократической революции в России, которая должна была покончить со средневековьем, а хрущевская «оттепель», по сути своей, должна была развенчать и покончить со сталинизмом, паразитировавшим на уже совершенной социалистической революции, что она фактически и сделала.

Нельзя же на самом деле игнорировать такие важнейшие исторические факты эпохи Хрущева, как избавление общества от ГУЛАГА и реабилитация сотен тысяч незаконно репрессированных советских граждан, ликвидация «крепостного права», введенного Сталиным в деревне, решение на деле жилищного вопроса, настоящий расцвет культуры и науки, позволившей вывести человека в космос. Напомню, что именно в то время был напечатан в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, в «Правде» «Теркин на том свете» Твардовского, был поднят «железный занавес», публиковались неизвестные у нас произведения зарубежных писателей, вышли в свет ранние гуманистические работы Маркса, массовым тиражом издано письмо Ленина XII-му съезду партии с призывом снять Сталина с поста генсека, и т. д., и т. п.

Разве все это было «иллюзией», обманом, а не реальным продвижением по пути десталинизации и социализма? Да, этот путь не был гладким: хрущевская «оттепель» вскоре сменилась заморозками брежневского «застоя», но на смену ему пришла перестройка с ее идеей создания в стране «демократического и гуманного социализма». Многие советские люди, в том числе известные представители интеллигенции (Евтушенко и др.) под ее влиянием объявили себя членами партии «перестройка». Не замечать этого, значит подменять сталинизмом всю советскую историю, начиная с Октябрьской революции и кончая перестройкой. Не замечать этого, значит, на мой взгляд, вообще отказаться от левой идеи и перейти на другой, уже «несоциалистический берег», на котором совершенно не видно принципиальной противоположности между фашизмом и большевизмом, тоталитаризмом и социализмом. В этой связи я вспоминаю одно из выступлений Водолазова, посвященное анализу журнала «Новый мир» А. Твардовского: насколько это выступление было объективнее и диалектичнее, чем его оценка хрущевского времени в рассматриваемой книге.

Как известно, XX век - это время появления и преодоления самых больших и небывалых ранее двух тоталитарных политических режимов правого и левого толка. При всей их

схожести, нельзя игнорировать их существенное социальное различие. Первый обслуживал интересы буржуазии, второй, не забывая о корыстных интересах советской бюрократии, был вынужден в определенной мере охранять завоевания Октября и интересы рабочего класса. Повторю, с моей точки зрения, СССР на протяжении всей его истории продолжал оставаться *переходным обществом*, в котором решался известный ленинский вопрос: «кто кого: социализм или капитализм?»[31].

Этот вопрос имел свою внутреннюю и международную логику развития. В отдельные периоды советской истории на первый план выходили внутренние противоречия страны. Они проявились, например, в борьбе Ленина со Сталиным по национальному вопросу, сталинской фракции сначала с левой, а затем с правой оппозициями, отстаивающих ленинские методы создания социализма в СССР, в чистках 1936-1937 гг., уничтоживших целое поколение революционных кадров в стране, в проведении XX съезда партии, нанесшего сокрушительный удар по сталинизму и возродившего многие ленинские традиции партийной жизни. Каждый раз в такой борьбе проявляли себя силы, ориентированные на подлинный социализм и силы выступавшие против него. Не менее наглядно они проявлялись и на международной арене, в годы Великой Отечественной войны и послевоенной гонке вооружений, в борьбе за мир и разрядку международной напряженности и т. д. Шло время, менялись политические режимы, но вопрос «кто кого?» оставался в СССР до начала 1990-х гг.

Следует признать, что многие теоретические рассуждения Водолазова, связанные с пониманием современности имеют неординарный характер (например, такова его интерпретация идеи «всемирности», предвосхитившая современную идею глобализации). Тем не менее, все они, по своему, игнорируют переходную природу советского общества[32]. А это, в свою очередь, ведет к тому, что он не замечает (или не хочет замечать)[33] существенные различия между сталинизмом и другими политическими режимами в советской истории (своеобразный либерализм НЭПа, авторитарно-демократическое правление Хрущева, авторитаризм Брежнева и демократия времен перестройки). В итоге у него живая советская история испаряется и вместо нее остается лишь сплошное господство одного тоталитарного режима власти.

Критикуя тоталитарную природу советского общества, которую он иногда называет «бюрократическим социализмом», Водолазов, как это уже отмечалось, пытается ее теоретически объяснить через понятие «новая формация». Эта формация, по его

мнению, представляет собою «принципиально особый и небывалый до селе тип общества», лежащий (по сравнению с Западом) на особым историческом пути развития России.

Ее основные характеристики таковы: «В СССР - не «социализм с деформациями», а - «несоциализм», особое социальное устройство несоциалистического (и не капиталистического) типа, в котором экономическая и политическая власть, собственность на средства производства принадлежит сословию государственных чиновников, бюрократии, а народ - их наемный (и, добавим, бесправный, не имеющий серьезного влияния на социальную и политическую жизнь) работник»[34].

При всем уважению к автору теории «новой формации», на мой взгляд, у читателя остается не очень ясным ее социальное содержание. На самом деле, негативное определение новой формации, которая одновременно противоположна и капитализму и социализму, мало что дает для ее теоретического понимания. Как известно, любое определение есть отрицание, но не всякое отрицание есть определение. Когда Водолазов говорит, что новая формация является «несоциалистической (и не капиталистической)», то сразу возникает вопрос, а какой же она является на самом деле: рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической? Где характерный для нее определяющий признак? Где тот класс, который является ее социальным носителем? Если таковым является бюрократия, то почему Автор ее называет «сословием»? Если бюрократия в СССР превратилась в класс, то каково ее место в развитии хозяйства? Почему она, в частности, не может распоряжаться собственностью на средства производства: не имеет возможности их продавать, передавать по наследству и т. д.? Почему Автор открыто не заявляет о той прогрессивной роли в социально-экономическом развитии общества, которая должна быть у любого нового класса, а значит и бюрократии? Наконец, не доказывает ли он своей идеей «новой формации» объективную необходимость сталинизма в истории?

Все эти фундаментальные вопросы требуют соответствующих аргументированных ответов. Попытка ответить на них словами, что «несоциализм» невозможно реформировать изнутри, и что для этого нужна новая революция не только против современного капитализма, но и против того «несоциалистического» строя, который сложился под именем «реального социализма», на мой взгляд, мало убедительна. Опыт истории показал, что советский социализм, не дожидаясь подобной революции, сам сошел с арены истории под влиянием внутренних и внешних социальных противоречий. При этом, он фактически уступил место не

«реальному гуманизму», о котором в своей главе говорит Автор, а агрессивному олигархическому капитализму, в котором прежняя советская бюрократия, как и было предсказано еще в 1930 гг., разменяла свою власть на собственность, превратившись из специфической социальной «касты» в правящий буржуазный класс. Таким образом, известный вопрос, «кто кого?», поставленный Лениным в свое время применительно к советской стране, был решен в пользу капитализма.

В этой связи, такие новации Водолазова, как наличие в современном мире синтетической «метаформации», возможность одновременной революции против советской бюрократии и капитализма, отказ от термина «социализм», оказались, на мой взгляд, не столь актуальными, как полагал их Автор[35]. Пока исторический опыт говорит о другом: никакого спасительного «синтеза» между трудом и капиталом, социализмом и капитализмом не обнаружено. Нет пока и той всемирной революционной ситуации и тех реальных сил, которые были бы способны одновременно ликвидировать «бюрократический социализм» и «олигархической капитализм». Объективные факты истории говорят о другом: современный международный рабочий класс во многом обезглавлен отсутствием у него революционной партии, способной выразить интересы наемного труда. В этой связи, надо ли, вообще, отказываться раньше времени от фундаментального понятия «социализм» лишь на том основании, что его изуродовали Сталин, Мао, Пол Пот и др.? В этой связи возникает аналогия с жестокими и массовыми преступлениями инквизиции, которые проводились во имя Христа. Как известно, они не уничтожили христианство. Мало того, сегодня признано, что они имели на самом деле антихристианский характер.

Теперь я остановлюсь на тех текстах авторов рассматриваемой книги, которые, с моей точки зрения, достаточно адекватно интерпретируют природу СССР и причины его падения. Таковым, в частности, является большой текст, состоящий из нескольких глав, профессора Александра Бузгалина, вошедший в книгу под рубрикой «Интерлюдия. СССР: оптимистическая трагедия».

Так, в главе «Причины возникновения и распада СССР: гипотеза «мутантного социализма» он пишет, что с его точки зрения в СССР сложился так называемый «мутантный социализм». Слово «мутантный» им заимствовано из биологии, в которой это понятие означает «стойкие изменения наследственных структур живой материи». Лично я не сторонник употребления биологических и иных естественно-научных терминов в обществоведении: они мало что дают для понимания специфики

социальных отношений, но в данном случае постараемся понять, какое содержание за ними стоит у автора.

Насколько можно его понять, применительно к обществу слово «мутация» означает изменение его основных признаков под влиянием развития производительных сил, форм собственности, социальной структуры, идеологии, культуры, международной обстановки и т. д. Вот как сам автор объясняет значение этого термина применительно к советскому обществу: «В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе, существенно отклоняющимися от оптимального пути трансформации»[36]. Среди таких «отклоняющихся» траекторий в советском обществе автор называет «процессы бюрократизации, развитие государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, неприспособленную для дальнейших радикальных изменений систему»[37].

Поскольку эволюция советского общества была связана с зарождением, развитием и падением социализма, то сразу возникает вопрос, как следует трактовать тот главный исторический процесс, в рамках которого эта эволюция или трансформация происходила? Как известно, в традиционной (по выражению автора «ортодоксальной») марксистской версии этот процесс назывался «переходом от капитализма к социализму», или точнее переходом от капиталистической формации к коммунистической, где социализм означал ее первую фазу. По мнению Бузгалина, в условиях конца XX и начала XXI века такое понимание оказывается недостаточно точным. Он считает, что в рамках «критического марксизма» следует рассматривать природу и эволюцию советского общества в более широком философско-историческом аспекте, означающим некую генеральную трансформацию человечества от «царства необходимости» к «царству свободы». Он пишет по этому поводу: «Для авторского понимания природы социального строя реального социализма ключевым является тезис о наличии общеисторической тенденции нелинейного заката царства необходимости и генезиса царства свободы как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX-XXI веков»[38].

Далее он поясняет, что такая предельно общая постановка вопроса ему нужна для того, чтобы охватить не только и не столько проблему «заката» капиталистического способа производства и «генезис» нового, более прогрессивного способа производства», который в советских учебниках называли

социализмом, сколько **«всей системы отношений социального отчуждения, характерных для царства [экономической] необходимости»**[39]**.** При этом под социальным отчуждением автор понимает не только устранение частной собственности, эксплуатации и наемного труда, но и общественного разделения труда, диалектическое снятие рынка и капитала, ликвидацию государственно - бюрократической власти и ее внеэкономического принуждения, преодоление отчуждения от природы, иллюзорных форм сознания, включая религию, идеологическую диктатуру и «масскультуру». Таким образом, речь идет не столько о переходе к социализму, сколько к будущему коммунизму.

С точки зрения Бузгалина, объективной причиной возникновения мутаций реального социализма стала технологическая и культурная отсталость советского общества, взявшегося строить социализм. Признавая, в отличии от Воейкова, возможность революционного перехода к социализму даже в сравнительно экономически и технологически отсталой стране, он полагает все же, что в таком случае данная страна попадает в определенную «ловушку», суть которой состоит в том, что она создает «тупиковую систему» реального социализма, которая не может успешно развиваться, и как следствие со временем сходит с исторической арены. Он, в частности, пишет: **«… Система «реального социализма» появилась не случайно. Это был ответ на вызов «ловушки XX века»,** когда новые общественные отношения должны были возникнуть в силу остроты социально-политических противоречий, но не могли возникнуть в адекватных формах в силу неразвитости технологической и культурной базы.

Именно **ловушка XX века стала причиной возникновения «реального социализма» и она же (как мы покажем ниже) стала причиной его гибели»**[40]**.**

Насколько мне удалось понять Бузгалина, в первом случае под ловушкой XX века он подразумевает отсутствие развитой индустриальной базы и низкой общей культуры масс в российском обществе, доставшихся ему в наследство от прежней царской России. Но, как уже отмечалось выше, эти причины были устранены в ходе индустриализации и культурной революции в СССР уже к концу 1930-х гг., т. е. данная «ловушка» фактически была снята ходом исторического развития. Почему же автор считает, что «она же» стала причиной гибели «реального социализма»?

Как следует из того же текста Бузгалина, дело оказывается в другом. «Эта система, - пишет он, - с момента своего рождения

была неадекватна тем объективным вызовам новому обществу, которые «предъявляют» условия рождения *постиндустриальной системы* (курсив мой - Б. С.), она могла относительно успешно жить лишь в прежних условиях. Необходимость перехода к новой экономике привела к объективной необходимости качественного изменения советской системы, что в СССР и странах ЦВЕ оказалось невозможно в силу социально-политических причин»[41].

Итак, оказывается «ловушка XX века» для советской модели социализма состояла не в отсутствии «индустриализма», а «постиндустриализма», но тогда зачем же говорить об одной и той же «ловушке XX века», породившей реальный социализм и погубившей его? Вообще эти рассуждения мне во многом напомнили слова его коллеги Колганова, который утверждал, что без постиндустриальной модернизации нельзя перейти к подлинному социализму. Как не странно, но здесь я опять вижу проявление тяжелой и жесткой руки технологического детерминизма, которая никак не может отпустить наших экономистов, испытавших на себе влиянии советского «истмата». Не устаю повторять: историю делают живые люди, классы, партии, различные политические и национальные движения. «Ловушка» истории - это не фатум: ее всегда можно избежать, обойти, изменить с помощью правильной политики, как это сделал Ленин, решительно перейдя от «военного коммунизма» к НЭПу.

Вообще, мне кажется, что понятие «ловушка» применительно к целостному историческому процессу не очень продуктивно: оно, на мой взгляд, скорее подходит к оценке поведения отдельных личностей, но не таких больших общностей как классы, государства, нации и т. п. Я думаю, автор это понимает, когда, например, говорит о «социально - политических причинах» падения СССР и «прогрессивных ростках» новой социалистической системы, когда показывает, нелинейный «процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму), включающий «в себя революции и контрреволюции», «социальные реформы и контрреформы», «волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений» в мире[42].

Вот, как он конкретизирует эти явления и процессы применительно к советской системе «мутантного социализма». Ему «были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе - раковая опухоль бюрократизма, на другом - собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых

проблем XX века. Но постепенно последние были задавлены раком бюрократизма. В результате мутантный социализм не смог развиваться именно в этих, благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях - условиях НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавших все больший вызов со стороны общечеловеческих ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис»[43]. Несмотря на такой пессимистический финал, автор считает, что «мутантный социализм» как «первую попытку «прорыва» к коммунизму», следует всесторонне изучать. По его мнению, одинаково плохо закрывать глаза как на трагедии и неудачи прошлого, так и предавать «забвению» героическую борьбу наших отцов и дедов за социализм. С моей точки зрения, такую диалектику подхода к пониманию природы СССР можно только приветствовать.

Соглашаясь с либеральными критиками в том, что «реальный социализм» оказался неподготовленным к глобальному обществу знаний, Бузгалин в тоже время принципиально не согласен с теми, кто считает, что из «тупика советской модели был лишь один выход к капитализму»[44]. (См.: соответствующие рассуждения Колганова). Аналогичные идеи он раскрывает также в другой главе книги под названием: «Реальный социализм»[45] в СССР: уроки кризиса». В частности, в ней названы те уроки, без которых невозможно понять наше советское прошлое и наметить реальные пути движения России в будущее.

К сожалению, рамки настоящей рецензии не дают возможность подробно на них остановится, поэтому ограничусь лишь самым общим их перечислением и кратким пояснением. По мнению Бузгалина, в экономической сфере Советскому союзу удалось, с одной стороны, создать постиндустриальный уклад, адекватный материальной базе социализма и более прогрессивный, чем создавали в то время страны индустриального капитализма. Это было связано с небывалым ранее развитием советской науки, появившимися высокими технологиями, всеобщим образованием и др. прогрессивными явлениями, позволившими советской стране впервые в истории человечества начать освоение космоса. В тоже время СССР продолжал отставать от буржуазного Запада по развитию сельского хозяйства, производству предметов массового спроса, жилищному строительству, качеству бытового обслуживания и т. д. Отсюда автор делает вывод: обществу, решившему строить социализм, наряду с развитием индустриального сектора «необходим скачок в постиндустриальную сферу», т. е. надо

«опережать не отставая». Для достижения этой стратегической цели следует правильно решить вопросы о соотношении плана и рынка, об оптимальном сочетании различных форм собственности и т. д.

Как известно, еще в годы НЭПа наряду с функционированием рынка, возникло сознательное и долгосрочное планирование развития различных областей народного хозяйства, включая сюда энергетику, промышленность, образование, науку и культуру. Все это позволило быстро залечить раны военного времени и в перспективе догнать самые передовые страны капиталистического мира. Однако, со временем, особенно в годы правления Сталина государственное планирование обрело жесткие директивные формы, рынок был свернут, усилился властный бюрократизм и внеэкономическое подчинение работников. Это привело к неравномерности развития различных отраслей хозяйства, уравниловке в заработной плате, огромному дефициту потребительских товаров и т. д. В итоге исторический опыт использования плана и рынка в СССР показал, что соотношение этих методов ведения хозяйства должно быть всегда научно сбалансировано. Дело в том, что абсолютизация плановых начал нередко порождает бюрократизм, формализм и отчуждение власти, а абсолютизация рыночных отношений приводит к социальной поляризации, товарно-денежному фетишизму и потребительству. Выход отсюда следующий: постоянно соблюдать меру в соотношении этих важнейших начал социалистической экономики, развивать демократическое планирование и регулирование, использовать рынок там, где планирование не дает должного эффекта. По мнению некоторых ученых, наиболее оптимально такое планирование, в котором рынок выступает его обратной связью.

Что касается собственности, то опыт СССР показал, во-первых, принципиальную возможность экономического развития большой страны без обращения к частной собственности. Во-вторых, что использование государственной собственности может ликвидировать безработицу, обеспечить обороноспособность страны, дать необходимые социальные гарантии каждому человеку, включая бесплатные медицину и образование, право на труд и его регулярную оплату и т. д. В тоже время, этот же опыт показал, что сосредоточение государственной собственности в руках только правящей бюрократии порождает отчуждение трудящихся от власти, способствует развитию патернализма и иждивенчества, мешает развитию самоуправления трудящихся, без чего социализм теряет свою специфику. Не случайно утрата способности трудящихся «самостоятельно решать общественные

проблемы», «защищать свои интересы» во многом объясняет их пассивное поведение во время развала СССР, равнодушное отношение к либеральной политике «шоковой терапии» и варварской приватизации начала 1990-х гг.

Из этих во многом верных суждений и оценок, автор, на мой взгляд, сделал несколько поспешный вывод о том, что «государственно - бюрократическая собственность - это не социализм», а обратная сторона частной собственности, или, говоря словами Маркса, «всеобщая частная собственность». Это утверждение в последнее время стало трюизмом. В этой связи, хочу напомнить: во-первых, Маркс называл бюрократическую госсобственность «всеобщей частной собственностью» в условиях существования сугубо буржуазного общества. Во-вторых, конечно, бюрократизация госсобственности не приближает, а отдаляет общество от социализма. В тоже время, в условиях перехода к социализму без государственной собственности и бюрократии не обойтись[46]. Здесь, для эффективного функционирования госсобственности и полезной роли бюрократии нужен лишь строгий и постоянный контроль за ними со стороны трудящихся, к чему и призывал Ленин в своих «Очередных задачах советской власти».

Интересны суждения Бузгалина о так называемой «интеллектуальной собственности». Вслед за философом В. Межуевым, он считает, что большинство таких культурных феноменов, как известные правила арифметики, научные идеи и теории, литературные произведения, плоды изобразительного искусства есть по своей природе «неограниченные блага» и, следовательно, должны быть объектами всеобщей собственности, т. е. «собственности каждого на все». Она, по его мнению, есть коммунистическая составляющая социалистических отношений. Ее роль резко возрастает в условиях становления «царства свободы», когда на первый план выходит творческая деятельность «ученого и педагога, художника и врача, инженера и креативного рабочего...»[47]. Отсюда вывод автора: в условиях реального социализма должно происходить постепенное «вытеснение частной интеллектуальной собственности и развитие всеобщей»[48]. Добавлю от себя: этот процесс возможен лишь по мере устранения товарно-денежных отношений в обществе. Как показывает история СССР преждевременные попытки форсирования похожего процесса (например, во время политики «военного коммунизма»), могут только навредить реальному продвижению социалистического общества к коммунизму. С другой стороны, что такое «всеобщая собственность»? Очевидно это собственность всех вместе и каждого в отдельности, но такая

собственность, на самом деле превращается в свою противоположность и перестает быть собственностью, вообще. Коммунизм и собственность, на мой взгляд, вещи несовместимые.

Однако вернемся к тексту Бузгалина. После анализа экономической сферы он рассматривает сферу социальных, политических и духовных отношений в СССР, извлекая из них соответствующие уроки. Обобщая можно сказать, что и в этих сферах советского общества проявлялись и боролись друг с другом две противоположные тенденции, ведущие к социализму и препятствующие ему. С одной стороны, это рожденное Октябрем стремление советских людей к социальному равенству, солидарности и общему благу, увлеченность романтикой неизведанного, постоянная тяга к просвещению и образованию. У этих людей всегда сохранялась память о Советах как подлинно демократической власти трудящихся. Она в периоды истории, связанные с Октябрем, решениями XX съезда и перестройкой, подкреплялась на практике непосредственным участием граждан в различных формах социального и культурного творчества, местного и производственного самоуправления, освоением и отстаиванием в общественной жизни ценностей высокой культуры, идеалов социализма и интернационализма.

В тоже время, советские люди видели постепенное разложение и перерождение советской и партийной номенклатуры, пользующейся огромными и незаслуженными привилегиями, распространением в ее среде ценностей потребительства, индивидуализма и карьеризма. В последние годы существования советской страны особенно бросались в глаза безыдейность и двоедушие представителей правящей государственной и партийной номенклатуры, использование ею двойных стандартов и правил поведения (одни - для «верхов», другие - для «низов»). Отказавшись на деле от официально провозглашенной коммунистической идеологии, номенклатура, в конечном итоге, обменяла государственную власть на частную собственность и капитал. Это стало возможным тогда, когда заручившись поддержкой руководства западных стран, советская бюрократия произвела политический переворот в стране, в результате которого были ликвидирована Советская власть, окончательно преданы интересы трудящихся, и полностью реставрированы буржуазные отношения.

Как же такое могло случиться? Думаю, дело в том, что силы, отстаивающие стратегию демократического обновления советского социализма, не сумели ее полностью реализовать. Левые партии и движения оказались раздроблены. Часть из них вообще не понимала, что происходит в реальности (например,

многие коммунисты голосовали за ратификацию Беловежских соглашений, распустивших СССР). В итоге, все они оказались бессильны против реставрации капиталистических отношений в стране. Их поражение стало фактом истории. Таким образом, социалистический эксперимент, начавшийся в Октября 1917 года, трагически завершился.

Сегодня многие граждане России, столкнувшись с пришествием олигархического капитализма, испытывают невиданные ранее жизненные перегрузки. Они связаны с падением их уровня жизни, возникновением уже давно забытой безработицы, постоянным повышением цен на коммунальные услуги и продукты первой необходимости, появлением богатых и бедных, ликвидацией многих социальных гарантий, ростом детской беспризорности, разросшейся наркоманией и алкоголизмом, разгулом преступности, всепроникающей коррупцией во властных структурах, взаимной отчужденностью людей, их идеологической и нравственной аномией.

Появление названных фактов в «новой» России есть своеобразный урок всем левым силам, который, к сожалению, ими пока не осознан до конца. Вместе с тем, только всесторонне поняв и осознав трудный и противоречивый опыт рождения, становления и падения реального социализма в СССР, можно увидеть новые пути его возрождения в России и мире. Таков общий вывод, который делает Бузгалин на основе своих теоретических рассуждений в книге.

Близки к позиции Бузгалина точки зрения двух западных ученых: американского профессора Давида М. Котца и немецкого историка Бруно Малова. Они не только видят в СССР реальную попытку создания альтернативной социалистической системы, впервые в истории бросивший «полномасштабный вызов» системе капитализма, но и конкретно показывают, что нужно понять и что необходимо сделать сторонникам левой идеи в XXI веке, чтобы не повторять ошибки создания реального социализма в СССР.

Так, Давид Котц уверен, что советская система базировалась на некоторых из ключевых институтов, без которых невозможно практически осуществить идею социализма. К ним он относит, прежде всего, «государственное владение предприятиями, экономическое планирование и производство ради непосредственного использования продукции, а не ради прибыли»[49]. Наряду с этим он отмечает, что СССР имел и ряд черт, которые не вписывались в классические представления о социализме. К ним он относит появление привилегированной бюрократической элиты, репрессивную деятельность государства против собственного народа, наличие авторитарных отношений

на производстве, строгий контроль административной системы над частной жизнью людей. По его мнению, попытка М. Горбачева реформировать такую систему путем устранения ее репрессивных и несоциалистических сторон, оказалась неудачной. В итоге она «прекратила свое существование и была реинтегрирована в капиталистическую систему»[50].

Как известно, по мнению, многих западных ученых (как правило, либералов) и соответствующих средств массовой информацией, сам факт исчезновения СССР свидетельствует о нежизненности или утопичности самой эгалитарной идеи социализма. Иное мнение у Д. Котца. Он считает подобные трактовки гибели СССР не выдерживают критики и не подтверждаются историческими документами и фактами. На самом деле, по его мнению, советская система, особенно в экономической сфере, была до самого конца достаточно жизнеспособной. Так, в конце 1980 гг. выпуск продукции не только не снижался, но даже медленно нарастал. И только в 1990-1991 гг. в связи с отменой централизованного планирования и с объявлением грядущей приватизации государственных активов и рядом других факторов, произошел спад в экономике. С его точки зрения, «советская плановая экономика не «рухнула», а была демонтирована политическими решениями»[51]. Этому способствовали, в частности непродуманные решения центральной власти (в частности, закон «О государственном предприятии»), породившие неконтролируемый рост денежных доходов населения, планируемая приватизация госпредприятий, заявление Б. Ельцина о суверенитете России и ее фактическом неподчинению союзному центру и др. Он считает, что благодаря именно этим факторам линия «прокапиталистической коалиции взяла верх над социалистическими реформаторами», стремившихся осуществить превращение «государственного социализма в демократический»[52].

Д. Котц уверен, что точные представления о недостатках советской системы, способствующие ее падению, с другой стороны, могут подсказать реальные пути, ведущие к грядущему социализму XXI века. Знание их даст в будущем возможность завершить на практике незавершенную перестройкой стратегию движения российского общества к демократическому социализму. В этой связи, автор выступает оппонентом тех критиков, которые доказывают, что *советская система государственного социализма была нереформируема*. (Курсив мой - *Б.С.*). По его мнению, при более благоприятных временных и политических условиях, демократическое реформирование советской системы могло бы успешно завершиться.

При этом Д. Котц выделяет три взаимосвязанных изъяна советской системы. «Во-первых, в противоположность ее притязаниям на то, чтобы быть государством рабочих, она управлялась привилегированной *элитой.* Во-вторых, государство, посредством которого эта элита правила, было авторитарным, оно отказывало населению в гражданских правах и свободах. В-третьих, как политические, так и экономические институты были крайне *централизованными и иерархическими*, все важные решения в них принимались в центре небольшой группой высших должностных лиц, в то время как остальное население, как предполагалось, «должно было просто выполнять их указания»[53].

Можно спорить о том, насколько формулировка двух первых изъянов советской системы полностью соответствуют реальной действительности: не всегда советская элита была привилегированной (например, при Ленине), были в истории и демократические периоды развития (мы их уже называли). Однако бесспорно то, что со временем советское государство переродилось, став полностью бюрократическим и иерархическим, что привело его на практике к отчуждению от народа и, как следствие, к падению СССР. Прав автор, когда говорит: «В целом в советской системе отсутствовали институты, через которые люди, - в роли потребителей, производителей, членов сообществ, - могли бы участвовать в принятии решений, касающихся производства и распределения. В ней было экономическое планирование по форме - но не было важнейшей сути планирования»[54], связанного с участием в нем самих граждан общества.

Сделав данное обобщение, Д. Котц из названных выше трех основных изъянов выводит соответствующие три основные урока для социалистической системы будущего. Это, прежде всего, создание «демократического государства», в котором «должны соблюдаться личные права граждан». Это использование в управлении вместо централизации и иерархии альтернативных институтов. Наконец, это наличие институтов, «предотвращающих формирование привилегированной и доминирующей элиты»[55].

Обращаясь к историческому опыту перестройки, автор признает, что тогда удалось вплотную подойти к созданию демократического государства, введя свободные и альтернативные выборы, конкуренцию политических организаций, принять законы о независимости судебной власти и СМИ. Вместе с тем, и тогда, по его мнению, сохранялась однопартийная система, которая «не может служить элементом демократии», ибо, в принципе, не имеет возможности

представлять интересы всех граждан общества. Исходя из сказанного, автор ищет реальные средства, способствующие демократизации будущей системы социалистического общества, и находит их в трактовке идей рыночного и самоуправленческого социализмов. В первом случае, с его точки зрения, демократия будет осуществляться путем конкуренции отдельных предприятий, а не «представителями центрального планирующего органа», во втором случае осуществится «демократическое, или партисипативное, планирование, где составление планов передается местным и региональным органам власти, оставляя центру роль координатора экономической деятельности. И в первом, и во втором случае принятие решений невозможно без прямого участия самих работников. Не допускается здесь и концентрация частной собственности в одних руках, что исключает главный «источник господства элиты»[56].

Надо отдать должное Д. Котцу. Осмысливая различные варианты демократического социализма, он самокритически признает, что только «позитивный исторический образец успешного демократического социализма» может стать критерием истины. Такового пока история не знает, но его следует добиваться в жизни, исходя из того, что в лице советской системы потерпела поражение «искаженная версия социализма, а не социализм как таковой»[57].

Фактически с этим выводом солидарен и другой иностранный автор рассматриваемой книги Бруно Малов, написавший главу под названием «Двадцать лет спустя: уроки и вызовы социализму XXI века». Во-первых, для данного автора является очевидным факт, что «Октябрьская революция изменила мир, и многие достижения советского периода оказались прорывом для прогресса всей человеческой цивилизации»[58]. Во-вторых, по его мнению, осмысление этого периода не должно идти по методу бухгалтерского баланса - плюсы-минусы, или по принципу «с одной стороны - с другой стороны»[59]. Он уверен, что здесь есть «определяющая сторона, связанная с жизнью целых поколений», и это сторона, насколько я понял, означает *доминирование в советском обществе социалистической тенденции.* Наконец, в-третьих, в оценке советской системы нельзя ограничиваться только теоретическим разбором без учета человеческого фактора. Учет такого фактора в советской истории - отличительный признак краткой, но емкой главы автора, чего, на мой взгляд, не всегда присуще его коллегам по книге.

Прежде всего, Б. Малов считает, что большевики, выдержав испытание царскими тюрьмами, революционной борьбой, неисчислимыми трудностями гражданской войны, не смогли

выдержать испытание временем и властью. Спустя более 70-ти лет после революции выяснилось, что они потеряли доверие трудящихся масс, что сразу приблизило падение их собственной власти. Он цитирует Ленина, который предупреждал: «Ничто не может так навредить нашей революции как мы сами». Советскую власть не удалось победить ни в гражданской войне, ни через интервенцию, ни в Великой Отечественной войне против немецких фашистских агрессоров. Более того, решающий вклад Советского Союза в победе над фашизмом спас человеческую цивилизацию»[60]. Тем не менее, он не устоял перед внутренними и внешними антисоциалистическими силами. В итоге мы стали свидетелями «исторического регресса, реванша реакционных сил», разрушивших СССР.

Автор задается вопросом, почему так случилось? И говорит, что ответ на этот вопрос надо начинать не столько с выяснения экономических и узко политических причин, хотя это тоже важно, а с того, каким было **«обращение с марксизмом-ленинизмом, опытом мирового революционного движения и социалистических стран?»**[61]**.** По его мнению, все дело в том, что на практике произошел «отход от коренных положений, Маркса, Энгельса, Ленина. Этот отход не может быть оправдан одними историческими условиями, которые классики не могли предвидеть. Нарушены… были на практике многие азы политэкономии, исторического материализма, научного социализма»[62]. Мало того, автор считает, что марксистское учение со временем превратилось в своего рода «вероисповедание», в начетничество и жонглирование цитатами, а исторические закономерности были сведены к своеобразному автоматизму общественного развития. Что касается диалектики - этой живой души марксизма, то руководство советской страны ее практически игнорировало, не замечая или обходя реальные противоречия социалистического строительства. Автор уверен, что без учета этого негативного опыта СССР, нельзя решить современные задачи, связанные с поиском реальных альтернатив современному капиталистическому миру.

Б. Малов призывает современных левых учиться науке строительства социализма у Ленина. Прежде всего, его умению слышать голос масс, знать их насущные потребности, отталкиваться в политике от их практического опыта, а не провозглашать абстрактные идеи или готовые схемы. Здесь он в пример приводит осуществление ленинской политики НЭПа, которая была основана на учете практического опыта масс. Особенно автор ценит у Ленина его творческий, осторожный и самокритический подход к строительству нового общества. В

частности, предупреждение последнего о ненужном забегании вперед в деле создания социализма, об осторожном и внимательном отношении к крестьянству. По Ленину, в отношении с крестьянством необходимо использовать не общие лозунги и призывы, а «силу примера», учитывать его житейский опыт, особенно взвешено подходить к преобразованию частной собственности, соблюдать принцип добровольности в деле кооперации и создания коллективных хозяйств, в экономических вопросах вообще отказаться от принципа насилия. Именно эти ленинские идеи позднее были полностью проигнорированы Сталиным, что породило «серьезные деформации и большие жертвы в ходе индустриализации и коллективизации»[63].

По мнению автора, и после смерти Сталина в руководстве страной допускались грубейшие ошибки. Так, не были осознаны существенные деформации советской системы, связанные с уравниловкой, волюнтаризмом, развитием теневой экономики и др. В итоге руководство страны проспало возникшее отчуждение трудящихся от собственности и производства, проигнорировало серьезные изменения в политической системе, связанные с бюрократическим перерождением правящей партии и государства. Все это способствовало будущему крушению СССР. Вместе с тем, на взгляд автора «фатальной неизбежности разрушения социалистической системы», не было. Ее можно было избежать, если бы на XX съезде КПСС, партийное руководство не ограничилось «разоблачением культа личности» и общим призывом «к возврату к ленинским принципам партийной и общественной жизни». По мнению автора, этот съезд «оказался незавершенной симфонией»[64]. После него также были допущены политические и идеологические ошибки: например, нельзя было принимать программу строительства коммунизма в условиях незрелого социализма, допускать застойные явления и догматизм в теоретической работе партии и т. д.

По мнению Б. Малова, все сказанное говорит о том, что дело было «не просто в смене руководства, а в коренном изменении принципов функционирования общества»[65], его экономического и политического механизма. Подтверждением здесь может служить факт того, что советское руководство не смогло реализовать даже свой правильный лозунг об органическом соединении НТР с достижениями социализма, сделать необходимые выводы из нового характера современной эпохи и быстрого приспособления империализма к новым условиям, изменившим общее соотношение политических сил на мировой арене.

Я считаю недостатком данной главы лишь то, что свой анализ человеческого фактора в функционировании советской системы

Б. Малов не довел до конца, т. е. практически ничего не сказал по поводу реальной политической борьбы в СССР и мире, идущей в ходе перестройки советской системы. Хочется надеяться, что это замечание он учтет в других своих исследованиях.

Что касается рассматриваемой главы, то автор ее заканчивает перечнем следующих вызовов, перед которыми оказались левые силы в поисках социализма XXI века. Это, прежде всего, всестороннее осмысление трагического исторического опыта революционного движения в мире. Изучение новых подходов в странах Латинской Америки (и не только) к решению социальных проблем. Необходимость анализа и решения новых глобальных проблем человечества ради спасения мировой цивилизации. Осознание современной специфики главного противоречия между трудом и капиталом. Наконец, создание широких движений, союзов, новых форм и методов их взаимодействия, включая результаты информационной революции в мире.

На этом я заканчиваю данную рецензию. Исхожу из того, что у меня нет никакой возможности проанализировать в рамках одной рецензии все взгляды на природу СССР, содержащиеся в книге. Успокаивает лишь то, что эти взгляды не находятся в прямой противоположности друг с другом. Уверен, что не затронутые данной рецензией тексты будут проанализированы в других рецензиях на эту, большую и уникальную в своем роде, книгу. Во всяком случае, она этого заслуживает.

2. Актуальные проблемы экономической теории

Ниже приводятся выступления автора книги на научном семинаре по проблемам экономической теории марксизма, проведенного в Институте экономики РАН в 2007-2013 гг. Выступления даются в сокращении[66].

Левые должны оставаться левыми при любых изломах истории

(Выступление при обсуждении доклада В. Л. Иноземцева по проблемам марксистской теории истории)

В докладе В. Л. Иноземцева дано понимание истории как единого мирового процесса восхождения от низших его форм к высшим. Это, конечно, не заслуга одного докладчика, а, прежде всего, К. Маркса, который впервые посмотрел на историю как на единый процесс «становления человека человеческим трудом», обуславливающий, в конечном счете, все другие явления и формы общественной жизни.

На мой взгляд, задача, которую решал Маркс всю свою жизнь, заключалась в том, что бы показать реальную возможность практического осуществления общества, в котором полностью преодолены все формы социально-экономического, политического и культурного отчуждения, т. е. создания общества реального гуманизма (коммунизма), принципом которого является «свободное развитие каждого как условие свободного развития всех». И своими работами, начиная с ранних философско-экономических рукописей, Манифеста коммунистической партии и кончая главной своей книгой «Капитал», он сумел это осуществить.

По Марксу, капитал при своем функционировании и развитии постоянно сталкивается с объективным противоречием: как совместить частный интерес собственника с технологическим и общественным прогрессом? Особенно наглядным это противоречие становится в условиях появления постиндустриального общества. Если мы мысленно представим себе, с одной стороны, полностью автоматизированное частное производство, а, с другой, освобожденное от него трудовое

население, то становится ясно, что в подобных условиях, данное производство функционировать не может. Капиталист должен либо бесплатно отдавать произведенные товары неработающему населению, либо прекращать производство товаров, вообще. И в том, и в другом случае частное производство становится невозможным. Таким образом, стремясь к максимальной прибыли за счет освобождения от живого труда, капитал приходит к собственному отрицанию. Мировые экономические кризисы это хорошо демонстрируют. По настоящему выйти из этого противоречия возможно лишь одним путем - превращением частного производства в общественное.

И такое превращение уже началось в истории, начиная с Октября 1917 года. Дело в том, что в реальной жизни, а не в гипотетической модели будущего, трудящиеся массы никогда не допустят такого состояния, когда они будут полностью вытеснены из материального производства. Задолго до него они берут судьбу в собственные руки и ликвидируют частный характер производства со всеми его негативными последствиями.

По Марксу, капитал есть отчуждение результатов наемного труда, поэтому он исчезает одновременно с исчезновением последнего. Вместе с ними исчезает и деление на необходимый и прибавочный труд, на необходимое и прибавочное время. С этого момента общественное производство развивается уже по совершенно новым законам - законам свободного времени. Что это за законы? Думаю, что они определяются спецификой свободного творческого труда и общественными потребностями. Очевидно, что человечество постепенно идет именно к такой стадии своего исторического развития. Говоря словами Маркса, «крот истории роет в этом направлении». В будущем коммунистическом обществе результаты творческого труда не будут измеряться стоимостью или аналогичными измерителями, характерными для частного производства. Вместе с тем, измерять их придется. Может быть, этим измерителем будет общественно необходимое свободное время, или скорость удовлетворения общественных потребностей, или масштаб общественного признания? Однако, ответить на подобные вопросы может лишь практика будущих поколений.

Я согласен с докладчиком, что логика материалистического понимания истории нередко приходила у Маркса в противоречие с его политическими прогнозами ближайшего будущего, в частности, с возможностью осуществления в некоторых странах социалистической революции. Однако, данные ошибки, не меняют правильности его общего предвидения направленности и характера будущей истории. Дело в том, что капитал в XIX веке

только начинал свое поступательное развитие. Сегодня мы это хорошо понимаем. Даже в такой классической капиталистической стране, как Англия времен Маркса, не было создано всех необходимых материальных предпосылок для полного самоотрицания капитала и, следовательно, для социализма. Лишь XX век заложил эти предпосылки, особенно в условиях перехода к постиндустриальному обществу.

Вместе с тем, это не означает, что нужно игнорировать возможность пролетарских революций уже на первых стадиях развития капитализма, подобно тому, как это случилось в России в начале XX века. На мой взгляд, Плеханов был не прав, говоря о преждевременности Октябрьской социалистической революции и доказывая, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма». В споре с ним и меньшевиками оказался прав Ленин, считавший, что раз рабочие взяли власть в свои руки, они обязаны двигаться к социализму, а не возвращать ее обратно буржуазии. По Ленину, революционеры не могут рассчитывать на идеальные условия перехода к новому обществу, на создание всех необходимых предпосылок для него. Социалистические революции совершаются не по заказу ученых и политиков, а являются следствием конкретных исторических условий и реальных стремлений трудящихся масс. Тем не менее, после совершения революции, эти массы будут все-таки вынуждены создавать те материальные и культурные предпосылки социализма, без которых он, как показывает опыт истории, вырождается в псевдосоциализм.

Как можно решать данные проблемы теоретически Ленин обосновал в своих последних работах и выступлениях. А своей политикой НЭПа он показал, как это нужно делать на практике. Нечто подобное сегодня осуществляется в Китае. Только китайские коммунисты пошли гораздо дальше нас в применении идей НЭПа и добились на этом направлении поразительных успехов.

Докладчик поставил вопрос: что делать сегодня левым силам в условиях падения социализма в СССР и в других странах бывшего социалистического лагеря? На мой взгляд, левые должны оставаться левыми в любых исторических условиях, при любых кризисах социалистической политики и идеологии. На чем базируется основная идея левых сил? На отмене наемного характера труда, на ликвидации всех видов социального угнетения и отчуждения, на превращении каждого человека в творческую и свободно развивающуюся личность. Пока эти проблемы не решены, левые должны действовать во всех сферах

общественной жизни, отстаивая интересы униженных и бедствующих слоев и классов общества.

В этой связи, продолжает оставаться актуальной традиционная борьба трудящихся против капиталистической эксплуатации во всех ее разнообразных формах, начиная с экономической борьбы и кончая политической и идейной. Левые должны организовывать и возглавлять такую борьбу не только в национальных, но и в глобальных масштабах, не только среди рабочих, но и постоянно растущих отрядов интеллигенции. Нельзя забывать, что наемным трудом сегодня охвачено абсолютное большинство деятельной части населения в развитых странах.

Маркс в «Капитале» показал, как могут преодолеваться противоположности между наемным трудом и капиталом. Одним из таких путей он считал акционирование капитала, когда работники становятся его совладельцами. Создание акционерных предприятий он рассматривал как «преодоление капитала в рамках капитала». В этой связи, я считаю, что одной из конкретных задач левых сил может быть борьба за создание предприятий с собственностью работников на основе передаче работникам контрольного пакета акций. Создание таких предприятий уже идет полным ходом в развитых странах (США, Германии, Испании, Италии и др.).

Другой важнейшей задачей является преодоление социального отчуждения наемного труда в сферах нетрадиционных видов производства: информации, бытового обслуживания, культуры и т. д. Однако, только с социализма начинается реальное уничтожение наемного труда и связанное с ним социальное отчуждение работников. Как известно, наемный труд и социальное отчуждение существуют всюду, где есть частная собственность, где распространены интенсивные методы работы, где нарушаются трудовые договоры, где эксплуатируются не только физические, но и творческие возможности человека. В этом смысле труд программистов, инженеров, работников культуры тоже может быть отчужденным трудом. Как вы знаете, сегодня бастуют сценаристы и киноактеры в Голливуде. Все эти факты есть проявление новейшего типа эксплуатации творческого интеллектуального труда.

В заключение я хочу коснуться дискуссионной проблемы создания социализма в отдельно взятой стране. Как известно, социализм мыслился Марксом и Энгельсом как всемирно-историческое явление. В своих ранних работах они допускали возможность мировой революции одновременно в нескольких развитых странах. Однако, после того, как началось

неравномерное развитие капиталистического производства, стало ясно, что социалистические революции могут возникнуть либо отдельно взятой стране, либо в ряде стран, причем стран среднеразвитых. Впервые об этом написал Ленин и его взгляд полностью подтвердился в 1917 году в России и позднее в других странах мира.

Понятно, что из возможности социалистической революции в отдельно взятой стране с неизбежностью вытекала и проблема создания в ней социализма. Это противоречило прежней классической марксистской теории, говорящей о нерыночной природе социализма. В этой связи Ленин выдвигает новаторскую идею переходного периода, объясняющую возможность построения социализма первоначально в национальном масштабе, а затем, после революции в развитых странах, создания его в мировом. Однако революция в развитых странах не происходила. Это потребовало пересмотра прежней теории и ответа на вопрос, каким может быть социализм в рамках отдельной страны или ряда стран. На мой взгляд, ответ здесь мог быть только один: надо критически отнестись к классической теории марксизма и перенести идею переходности также на создающееся социалистическое общество, т. е. надо перестать отождествлять его с коммунизмом, который предполагает для своего становления совершенно иную материальную базу, и, по определению, не может быть сугубо национальным явлением. Маркс был прав, когда говорил о длительном периоде изживания «родимых пятен» капитализма на первой фазе коммунистической формации. И это было, на наш взгляд, обусловлено не только внутренними, но и внешними условиями существования нового общества.

На самом деле, если социалистический прорыв происходит в одной стране, а весь мир остается капиталистическим, то спрашивается возможно ли создание социалистического общества, которое бы не испытывало влияния мирового окружения? Ясно, что такое невозможно. Если в мире господствует рыночные отношения, то они не могут не влиять на экономику социалистического государства. Но если социализм в одной стране нельзя изолировать от мирового рынка, то необходимо, чтобы он полностью им овладел. Уже отсюда следует, что социализм в отдельно взятой стране может быть только рыночным. Спасибо за внимание.

«Стоимость» и «рабочее время» - преходящие категории

(Выступление при обсуждении проблемы: «Теория стоимости: трудовая, полезностная или их синтез». Докладчики В. А. Медведев, А.Д. Некипелов, Л. А. Абалкин)

Я - не политэконом, но как все думающие люди читал К. Маркса и даже написал небольшую книгу о нем. В связи с этим, у меня есть ряд соображений, которые могут вас натолкнуть на некоторые нестандартные мысли по поводу обсуждаемой темы, хотя, впрочем, могут и не натолкнуть.

Леонид Иванович Абалкин говорил, что самая предельная абстракция у Маркса в анализе буржуазной политэкономии - это стоимость. Я бы сказал, что это не совсем так. На мой взгляд, такой предельной абстракцией в теории Маркса является все-таки труд. И обсуждать проблему стоимости вне анализа труда и его двойственного характера, мне кажется, не совсем верно. Как известно, стоимость товара определяется общественно необходимым количеством труда, следовательно труд более высокая абстракция чем стоимость.

Труд вообще есть своеобразная субстанция человеческой истории, ее глубинная причина. Маркс видел суть истории в «становлении человека человеческим трудом». Как это следует понимать? Дело в том, что труд проявляется как двоякое отношение: человека к природе, и человека к человеку. Благодаря первому отношению происходит обмен веществ и энергии с природой, то есть производится и воспроизводится человеческая жизнь, благодаря второму отношению происходит обмен между людьми, складываются общественные отношения, общественная жизнь человека. Первое отношение определяет второе. Чем более универсальны отношения человека с природой, тем более совершенны его общественные отношения. В этой связи, думаю, что противопоставление трудовой теории стоимости Маркса и теории предельной полезности не совсем корректно. Они исходят из разных предпосылок: в основе теории Маркса лежит труд как объективное явление, без которого невозможна человеческая жизнь. В основе теории предельной полезности лежит субъективное представление людей о ценности товара, его редкости и т. д.

Теперь несколько слов о двойственном характере труда, заключенным в товаре. Это было открытие Маркса, сделанное на основе диалектики. Здесь говорили о философии, что она «не наука», или «полунаука». Но ведь Маркс пользовался именно философскими категориями, анализируя понятие «труд». Философия или диалектика у него работала как наука. Говоря проще, Маркс рассмотрел труд с его качественной и

количественной стороны. Эти две стороны и составили то, что называют двойственным характером труда.

Напомню, по Марксу, полезность товара, его качество определяется конкретным характером труда, т. е. его способностью удовлетворять человеческую потребность. Отсюда же потребительная стоимость товара. Но откуда возникает меновая стоимость? Чем она определяется? Маркс показал, что возможность обмена товаров связана с абстрактным трудом, т. е. с затратой человеческой энергии вообще. Маркс называет ее «затратой» рабочей силы «безотносительно к форме этой затраты», или «сгустком лишенного различий человеческого труда»[67]. Именно этот «сгусток» труда, не имеющий «различий», и есть количественная сторона труда, абстрагированная от его качественной стороны. Меновая стоимость товара прямо вытекает из такого абстрактного труда, позволяя сравнивать друг с другом, казалось, качественно несравнимые вещи: сюртук с пшеницей, розы с мороженным, апельсины с танками, и т. д. Деньги как эквивалент товара связаны именно с этой количественной стороной труда. Величина прибавочной стоимости также зависит от количества абстрактного труда. Без него нельзя понять и механизм получения прибавочной стоимости.

В общественных отношениях, основанных на частной собственности и рынке конкретный труд подчинен абстрактному, потребительная стоимость меновой. В обществе, основанном на общественной собственности и плановом регулировании экономики, напротив, доминирующим становится конкретный труд и потребительная стоимость.

В последнее время, в литературе существует противопоставление творческого или всеобщего труда труду абстрактному, под которым подразумевается физический труд рабочего. На мой взгляд, такое противопоставление ложно. Творческий труд противостоит нетворческому, а всеобщий - частному, в отдельных случаях, частичному. Материальное и духовное богатство человечества создавалось и создается до сих пор, как физическим, так и умственным трудом, как творческим, так и нетворческим.

В этой аудитории не раз затрагивалась проблема соотношения сложного и простого труда. Сводится ли сложный квалифицированный труд к простому? Все дело в том, как понимать сложный и простой труд. Когда Маркс говорил о сведении сложного труда к простому, он имел в виду капиталистическое производство, которое основано на категории *«рабочее время»*. Эта категория позволяет сводить любой сложный труд к простому. В этом случае сложный труд будет суммой

простых видов труда. Вместе с тем, Маркс считал, что в будущем, когда исчезнет рабочее время, и на его смену придет *свободное время,* такое сведение будет невозможно и не нужно. Труд, осуществляющийся по законам свободного времени - это, прежде всего творческий труд, труд как потребность здорового организма. С падением рыночных отношений и исчезновением рабочего времени сведение одного труда к другому будет не нужным делом. В условиях господства свободного времени труд будет взвешиваться не на денежных весах, а на весах общественного признания. Он будет измеряться другими категориями, например, степенью удовлетворения общественных или личных потребностей.

Я поясню эту мысль. В одном из фильмов о Ленине, старый мастер-часовщик на просьбу молодого человека как можно быстрее починить редкие часы отвечает, что это невозможно сделать в принципе: здесь требуются усилия головы, а не просто затрата времени. Любая творческая работа измеряется свободным, а не рабочим временем. Сегодня она остается уделом немногих людей, но со временем она станет доминирующей работой, но это, наверное, будет уже не капиталистическое, а посткапиталистическое общество, которое Маркс отождествлял с обществом реального гуманизма. Социализм здесь выступает переходным обществом.

Творческий интеллектуальный труд, о котором мы сегодня говорим, что он приобретает все большее значение в общественном производстве, как раз подтверждает приближение такого общества. В этой связи разговоры об интеллектуальном капитале для меня не очень понятны: здесь есть противоречие в определении: капитал и интеллект - вещи разные. Интеллект, по сути дела, противоречит капиталу, лежит за его сферой деятельности.

Медведев В. А.:Это всё правильно, свободное время - это великое дело. И значение его возрастает. Но можно ли заменять рабочее время свободным временем? Т. е. можно ли отрицать рабочее время?

Славин Б. Ф.:Я не отрицаю рабочее время. Когда существует относительно неразвитое производство, где существует простой, как правило, физический труд, существует и рабочее время. Сегодня мы работаем, исходя из рабочего времени (6, 7, 8 часов) и оплачивается наш труд, как правило, по затрате рабочего времени. Но кто из нас здесь сидящих ученых сводит свой труд только к этим шести часам? Для любого интеллектуала, за вычетом сна, время работы далеко выходит за рамки формального рабочего времени. Мало того, даже во время сна

многие ученые делали нужные открытия. Говорят, что формула бензола была увидена во сне, есть мнение, что и Менделеев сочинил свою таблицу периодических элементов во сне. По сути дела творческий труд не может измеряться только рабочим временем, он совершается за его пределами потому, что требует полной свободы мысли.

Медведев В. А.:Тогда наоборот, рабочее время замещает свободное время. Если формально свободное нерабочее время наполнено творческой деятельностью, это уже значит рабочее время.

Славин Б. Ф.:Это Вам так кажется, а Маркс говорил, что рабочее время исчезает как категория с исчезновением капитала. Рабочее время - это категория капиталистического производства (частично оно сохраняется при социализме). С его исчезновением рабочее время исчезает, заменяясь категорией свободного времени, которая является основой будущего посткапиталистического, или, если хотите, коммунистического общества.

Медведев В. А.:А где товар, а где же стоимость?

Славин Б. Ф.:И стоимости не будет. Товар и стоимость бывают только в рыночном производстве.

Медведев В. А.:Но продукт будет или нет?

Славин Б. Ф.: Продукт - это же не товар. Товар - это продукт, вынесенный на продажу. А такое возможно лишь в условиях современного рыночного общества. С исчезновением рынка товар исчезает.

Об этом же говорит и марксистская категория «богатство». Богатство по Рикардо и Смиту - это совокупность вещей-товаров, которое создается в процессе общественного труда. А Маркс говорит, что подлинным богатством является не совокупность вещей, а совокупность способностей человека, его интеллекта и развитых культурой его чувств. В будущем обществе такое понимание богатства сольется с понятием «производительные силы человека» - важнейшей категорией общественной науки, как и свободное время.

У Маркса был своеобразный метод оценки существующего буржуазного общества. Он смотрел на него с позиций «свободного человеческого общества», или «обобществившегося человечества»[68]. С этих же позиций он анализировал частнособственнические отношения, писал «Критику политической экономии», т. е. буржуазной экономической науки, которая в превращенном виде описывала капиталистическое общество.

И здесь я хочу немного полемизировать с первым

докладчиком насчет робинзонады. А. Д. Некипелов использовал робинзонаду как модель новой российской политэкономии, которую он написал в качестве своего учебника. У него робинзонада является моделью современного буржуазного общества. Маркс, напротив, критикует робинзонаду как метод анализа искажающий суть буржуазного общества. Одновременно у него есть один момент рассуждений, когда он говорит о хозяйстве Робинзона как модели возможного будущего общества. Дело в том, что Робинзон на необитаемом острове пытался планировать производство и распределение продуктов своего труда. По Марксу такая картина может быть только в будущем, когда общество как целое можно будет представить в виде одного гигантского хозяйства коллективного Робинзона. То есть он допускал робинзонаду как метод анализа общества, но понимал ее совершенно противоположно тому, что предлагает А. Д. Некипелов, который вообще отказывается от каких-либо квантитативных величин в общественной науке. Не случайно в своем тексте он говорит о том, что современная общественная наука не оперирует законами, что понятие «закон» в общественной науке исчезает. Нечто подобное на прошлом заседании говорил и Ю. А. Красин, с чем, конечно, невозможно согласиться. В современной общественной науке исчезает не закон, а механистическое представление о нем. Что такое закон? Это повторяющаяся связь явлений, своеобразная тенденция в естественных процессах или общественной жизни, это необходимость, пробивающая себе дорогу через множество случайностей. Без нее невозможна - ни естественная, ни общественная наука. Это первый момент.

Второй момент, о котором я хотел бы сказать, связан с понятием «историзма» в науке. Когда философию начинают противопоставлять науке, то о какой науке идет речь? Как правило, речь идет о такой естественной науке, как механика. Но механика лишена категории «историческое время». У нее нет такого времени, ибо она оперирует вещами, которые не знают развития. Но Маркс всегда говорит о науке, которая учитывает фактор исторического времени, то есть рассматривает явления в их историческом развитии. В этом смысле он считал, что будущее естествознание включит в себя науку о человеке, а наука о человеке - естествознание. Это будет одна наука. Без исторического, или диалектического подхода к действительности невозможно понять ни буржуазную экономику, ни экономику будущего общества. Спасибо.

Медведев В. А: Спасибо, Борис Федорович. Мои реплики вызваны желанием найти более общий язык с философской

точкой зрения.

Глобализация сделала марксизм актуальным

(Выступление при обсуждении докладов С. С. Дзарасова, А. Б. Вебера, Л. В. Никифорова по проблеме: «Теория прибавочной стоимости и современность»)

С точки зрения марксистского мировоззрения как целого узкая специализация в обществознании не всегда полезна для решения общих, а точнее, глобальных проблем. Но именно эти проблемы сегодня вышли на первый план в социально-экономическом развитии человеческого сообщества.

В этой связи, несколько слов об актуальном характере марксизма. Все выступающие, по сути дела, говорили об одно и том же, а именно, что современная действительность требует несколько иного взгляда на Маркса и на его учение, чем в прошлом. Одновременно была высказана мысль, что у Маркса имеется ряд непреходящих фундаментальных идей, которые сегодня не менее актуальны, чем вчера. С этим, я полностью согласен. Со своей стороны считаю, что многие научные идеи Маркса, особенно имеющие отношение к будущему, пока у нас мало разработаны и с некоторых пор, вообще, не являются объектом исследования. Таковы, например, проблема общественного идеала Маркса, идея самоотрицания капитала в теории и на практике, роль интеллектуальной, творческой деятельности в производстве, проблема интернационализации мирового хозяйства и др.

Солтан Сафарбиевич прав, доказывая, что мы не можем подходить к анализу современной действительности, не замечая принципиальных социально-экономических различий и противоречий между странами Юга и Севера, Востока и Запада. Истина не будет полной, если мы будем исходить из действительности только развитых стран и на этой основе анализировать, например, социально-экономические отношения в странах Африки. В то же время мы должны исходить из того, что существует мировой рынок и связанная с ним эксплуатация одной части мира другой частью. В этом отношении, на мой взгляд, марксова теория прибавочной стоимости сегодня хорошо работает в глобальном масштабе.

Права была Роза Люксембург (и не только она), утверждая, что при капитализме происходит эксплуатация развитыми

странами неразвитых. На самом деле, около одного миллиарда человек в мире сегодня живет примерно на один доллар в день, то есть менее 30 долларов в месяц. В то же время, если возьмем развитые страны, средний рабочий на Западе получает от 3-х до 5-ти тысяч и более долларов в месяц. Сравните 30 долларов и 3 тысячи - это разница в несколько порядков. За счет чего она существует? Думаю, что за счет прямой эксплуатации неразвитых стран Юга со стороны развитых стран Севера. Иногда вопрос ставится так: всегда ли различие в жизненном уровне Юга и Севера происходит за счет эксплуатации? Нет, конечно: нельзя сбрасывать со счетов географические и историко-культурные различия стран и народов. Но то, что эксплуатация здесь существует, это очевидно.

Некоторые экономисты и историки (В. Иноземцев, Г. Попов, Б. Орлов и др.) считают, что народы неразвитых стран сами виноваты в собственной отсталости. Думаю, этот тезис не учитывает современного мирового разделения труда и связанного с ним, мягко говоря, неэквивалетного обмена между различными странами и народами. При этом глобализация мирового хозяйстве резко увеличила эту неэквивалетность. Товары постоянно идут с Севера на Юг и с Юга на Север. В одном случае в виде дорогих потребительских товаров, в другом, в виде дешевого сырья. То же самое относится к неэквивалентности обмена рабочей силой: дешевая рабочая сила на Юге и Востоке и дорогая на Севере и Западе. Даже в рамках Европейского союза мы видим это различие, когда отсталые и грязные виды производства перемещаются с Запада на Восток только потому, что на Востоке более дешевая рабочая сила.

Что же происходит в самих развитых странах, вступивших в постиндустриальную эпоху? Слова Маркса о том, что развитые страны показывают неразвитым их будущее, требует своего переосмысления в условиях непрерывной технологической революции и появления новых организационных и экономических форм в современном хозяйстве. Я полностью согласен с тем, о чем здесь говорил академик Л. Абалкин, отмечая подобные явления в развитии современного капитализма. С моей точки зрения, они перекликаются с теми явлениями, которые Маркс в «Капитале» назвал «отрицанием капитализма в рамках капитализма». Он, в частности, обсуждал тогда проблему акционерного капитала, при котором работники промышленных предприятий становятся их собственниками. Как известно, сегодня акционирование капитала стало мощной тенденцией. Только в США по программе ИСОП работают более 11 миллионов человек. Подобные явления существуют и в других странах:

Мондрагонское объединение кооперативов в Испании, строительные кооперативы в Италии, и т. д. У нас до недавнего времени также было около 50 подобных «народных предприятий», но они, к сожалению, постепенно исчезают: их скупают различные мафиозные структуры, да и российское правительство, находящееся под влиянием неолиберальных догм, их не очень жалует.

Возникает интересный теоретический вопрос: есть ли на акционерных предприятиях эксплуатация, или нет? На мой взгляд, есть, если мы их рассматриваем в более широком контексте, учитывающем конкуренцию с другими предприятиями, в том числе частного характера. Однако внутри отдельного акционерного предприятия, особенно со 100 процентной собственностью работников, она исчезает: здесь капитал перестает противостоять наемному труду.

Еще одну мысль я хотел бы зафиксировать. Здесь А. Вебер уже частично коснулся этого вопроса. Можем ли мы представить сегодня, исходя из развития технологической революции, полную автоматизацию производства? Теоретически можем. Но с какими противоречиями мы тогда столкнемся? Если допустить такую возможность возникает ряд парадоксов. Первый из них связан с излишней рабочей силой, которая высвобождается в ходе автоматизации и роботизации производства. Куда эта рабочая сила должна деваться. Переводить всех на пособие по безработице нерационально, да и невозможно в принципе. В сфере бытового обслуживания, использующего автоматы и роботы также нет свободных мест. Невольно приходишь к выводу, что полная автоматизация и роботизация производства противоречит капиталистическим отношениям. Можем ли мы допустить, хотя бы мысленно, реализацию такой модели, которая будет сохранять, с одной стороны, частнособственнические отношения, с другой - всеобщее автоматизированное производство? Думаю, нет. В этом случае становится неразрешимыми проблемы сбыта товаров, проблема занятости, проблема прибыльности производства и т. д., и т. п. Однако практика движется в этом направлении: физическая и нетворческая рабочая сила все больше заменяется автоматами и робототехникой. Напомню, что еще Маркс в подготовительных рукописях к «Капиталу» говорил о том, что со временем механизация производства с необходимостью должна дойти до степени автоматизации.

Говорят, что абсолютная автоматизация производства, в принципе, невозможна. Согласен: всегда будут нужны люди, которые конструируют, налаживают и управляют автоматическим производством. Но это, как говорится, техническая сторона дела:

она, видимо, будет всегда. Что касается господствующих буржуазных отношений, то всеобщая автоматизация требует их радикального изменения. Я имею ввиду то, что наемные работники никогда не допустят своего полного освобождения от необходимости трудиться. Альтернатива здесь такова: либо государство должно взять на себя полное обеспечение высвободившейся в ходе автоматизации рабочей силы, что сегодня частично делается с помощью пособий по безработице, либо наемные работники ликвидируют капиталистический характер производства, Первый вариант, по понятным причинам невозможен: на пособие по безработице не может жить большинство общества. Следовательно, единственно возможной остается второй вариант - создание посткапиталистического производства, т. е. переход к социализму, где производители сами являются и собственниками и работниками. Именно здесь происходит полное самоотрицание капитала, о котором в свое время говорил Маркс.

Из зала: Автоматизация сохраняется?

Славин Б. Автоматизация сохраняется, но уже в новых социальных условиях, где нет частного производства, следовательно, нет лишней рабочей силы и безработицы. Понятно, что в этих условиях исчезает эксплуатация и противоположность рабочего и свободного времени. Да и сама трудовая деятельность приобретает творческий характер, т. е. начинает совершаться не по законам рабочего времени, а по законам свободного времени. Вот и все. Таков конечный пункт диалектической логики «Капитала» Маркса. Однако реальная проблема состоит в том, что человечество пока не достигло в своем развитии данного уровня: его нет нигде - ни в Японии, ни в США, ни в ФРГ. Мы только приближаемся к нему. Причем приближаемся разными путями, в том числе путем диффузии собственности, о котором говорил предшествующий докладчик.

Остановлюсь еще на одном актуальном моменте. Научная мысль сегодня бьется над проблемой творческого труда. В частности, возникают вопросы: участвует ли творческий труд в создании стоимости, и каково его место и доля в товарном производстве? Происходит ли эксплуатация творческого труда? Возьмите к примеру Силиконовую долину в США и труд компьютерных программистов. Последние мне лично говорили, что эксплуатация их труда настолько велика, что они после рабочего дня интеллектуально буквально выжаты как лимоны. При этом они произносили фразы совершенно аналогичные тем, которыми Маркс характеризовал отчужденный труд: «После работы хочется одного - расслабиться, пропустить стаканчик в

баре, заняться сексом, убежать на природу» и т. д.

Мы, конечно, находимся в XXI веке на новой стадии социальноисторического развития. Она отличается от того, что было в XIX веке, когда писался «Капитал» Маркса. И это требует критического осмысления новых проблем в экономике, социальной сфере и политике. Все говорят о возрастающем значении интеллектуального капитала. Однако здесь остаются открытыми многие вопросы: о самом понятии «интеллектуальный капитала», о его роли в производстве и создании прибавочной стоимости, о возможности и условиях его эксплуатации и т. д. К сожалению, как мне думается, современная научная мысль: и экономическая, и философская, и историческая в этом отношении очень отстает от действительности: она пока не дает нам полноценных ответов на эти и другие вопросы. На мой взгляд, ключевым здесь является вопрос о специфики творческого труда и его участии в создании стоимости и прибавочной стоимости. Априори думаю, что эта роль достаточно велика: творческий наемный труд требует для своего воспроизводства гораздо меньше затрат, чем те его результаты, которыми пользуются капиталист. Творческий труд, на мой взгляд, сегодня существенно продлевает жизнь капиталу. Но это продление не бесконечно с учетом того, что я говорил выше о возможной всеобщей автоматизации и роботизации производства.

Из зала: Безлюдного производства не может быть.

Славин Б. Я ничего не говорил о «безлюдном» производстве. Я такого термина, вообще, не употреблял. Я говорил о «полностью автоматизированном производстве», в котором, конечно, сохранятся и наладчики, и контролеры, и инженеры, и менеджеры. Тем не менее, я спрашиваю, куда вы денете рабочую силу при полной автоматизации производства? Вот какую проблему я ставлю. Уже в кризисах производства она себя обнаруживает наглядно, когда останавливаются заводы и нет сбыта товара. В этом случае, как известно, возникает огромная резервная армия труда, которую нужно либо бесплатно и долго кормить, что в принципе невозможно, либо отдавать средства производства, т. е. фабрики и заводы в собственность их работникам, а это и есть подлинный социализм, которого мы так и не смогли по настоящему реализовать в советские времена.

На этом я, пожалуй, закончу свое выступление.

«Царства свободы» не достигнуть без солидарности

(Выступление при обсуждении проблемы «Ответы критического марксизма на вызовы Постиндустриальных трансформаций». Докладчик А. В. Бузгалин)

Мне близка позиция автора основного доклада в том, что мы объективно движемся к обществу, где не будет денег, рыночных отношений, коммерциализации и всего того негативного, что мы получили с приходом частнособственнических буржуазных отношений в нашу страну. Но как ученый я должен задать Вам простой вопрос: как совместить картину будущего, которую Вы нарисовали и которая полностью совпадает с основной идеей Маркса о коммунистическом «царстве свободы» с реалиями сегодняшнего дня, т. е. с современным «царством необходимости»? Ведь будущее свободное общество не может прийти само по себе: его должны создать люди. Это первое. Второе. Это общество должно родиться из реальных экономических, социальных, политических и идейных тенденций, которые должны себя в настоящем наглядно проявить.

Почему же мы их сегодня не наблюдаем, т. е. не наблюдаем похожих тенденций, которые мы, например, могли видеть в начале XX века? Как известно, тогда было мощное движение рабочего класса и крестьянства, активность различных левых социал-демократических и социалистических течений и партий, стремление всех прогрессивных политических сил скинуть существующую власть, а с нею и всю капиталистическую оболочку общества? Напомню, это движение было мировым. Оно периодически прорывалось то в Венгрии, то в Германии, то в Китае, то на Кубе.

Воейков М. И.: В Китае не было рабочего класса.

Славин Б. Ф.: Почему не было? Он был и довольно активно действовал, например, в г. Кантоне. Но это наш старый спор с Вами: какой удельный вес рабочего класса был в России в начале XX века. Например, А. Колганов, как и Вы, считает, что у нас в России, вообще, не было нужного рабочего класса для совершения социалистической революции и т. д. Однако факт остается фактом: рабочие в России сделали не только Февральскую, но и Октябрьскую революцию. Чисто количественный подход здесь не работает, хотя согласно Л. Троцкому (а он достаточно объективный исследователь) вместе с семьями рабочие в России составляли накануне Октября 1917 года около 20 миллионов человек. А это довольно внушительная цифра.

Повторюсь, количество рабочих и их революционность не всегда совпадает. У нас, например, сегодня рабочих много, а соответствующей экономической и политической активности у

них почти нет. Однако, это отдельный разговор. Я просто хочу заметить, если Вы, Александр Владимирович, говорите сегодня о «креативных» людях в обществе, как о самой революционной силе современности, то этому должны быть конкретные доказательства и примеры. На мой взгляд, антиглобалистское движение, о котором вы часто упоминаете, пока носит очень рыхлый и политически неопределенный характер. Его сетевая организация пока не страшна капиталу, мало того, она часто служит ему для выпуска политического пара. Насколько мне известно, это движение сейчас начало сходить «на нет». Оно количественно и качественно вырождается, все больше уступая место провокаторам, бьющим витрины магазинов. Правда, признаюсь: здесь я недостаточно информирован.

Что касается России и ее сферы образования, то да, мы видели как в 1990-е гг. бастовали учителя, протестовали, ученые, но это были факты стихийного протеста, это не было политически организованное движение: основные политические партии остались от него в стороне. Поймите меня правильно: я за то, чтобы возникла организация или партия, которая бы смогла объединить интеллигенцию, творческих людей, за то, чтобы она смогла придать политическую силу интеллектуальному движению, но пока такой организации нет как заметной и активной политической силы. Мало того, пока интеллигенция и Ваши «креативные» люди всячески себя дистанцируют от людей физического и «некреативного» труда. И в этом, на мой взгляд, главная беда левых сил. Тем не менее, традиционные рабочие и сельские труженики до сих пор составляют большинство наемных работников в современном обществе - этих объективных антагонистах капитала. Здесь также следует учитывать факт того, что не все люди физического труда являются нетворческими или некреативными людьми. Конечно, на конвейере они, в основном, исполняют нетворческие функции, но за пределами рабочего времени, они могут быть и часто бывают очень креативными. В этой связи, на мой взгляд, интеллигенция в отрыве от рабочего класса и других представителей наемного труда, вообще, никогда мощной политической силой не станет.

Если мы хотим создать будущее общество, где люди будут не враждовать, а дополнять друг друга, то есть создать подлинно гуманистическое общество, мы должны исходить из того, что для этого недостаточно простого обобществления производства. Здесь речь должна идти о становлении общества, которое ставит в центр человека, как общественного индивида со всеми его способностями, талантами и стремлениями. Именно о таком «реально гуманистическом» обществе говорил и писал Маркс,

приравнивая его к коммунизму. Если мы хотим достичь такого общества в будущем, то для этого нужно сначала создать не только мощную материально-техническую базу, не только современную инновационную экономику, даже не только всесторонне и профессионально образованных людей (т. е. всего того, чего пока нет в России), а надо, прежде всего, воспитать сознательных и политически активных граждан, которые не за страх, а за совесть, по личному убеждению будут бороться за новый подлинно свободный мир, за всех униженных и оскорбленных существующей практикой наживы, эгоизма и насилия.

При этом мы должны учитывать все ошибки и промахи первого исторического опыта создания социализма, который у нас был во многом с «нечеловеческим лицом». Сегодня ясно, что это был глубокий кризис всей предшествующей советской или квазисоциалистической идеологии и политики, от которых в конце прошлого века отвернулись трудящиеся не только в нашей стране. В итоге *сегодня стоит большая задача - вернуть социализму человеческий облик.* Левая интеллигенция наиболее близка к решению этой задачи. Вместе с тем, здесь предстоит большая работа в плане научного и идеологического обоснования социалистического идеала, придания ему сугубо современного гуманистического измерения. Это чрезвычайно сложная задача, но без ее решения невозможна ни идейная, ни политическая консолидация левых сил.

Я не сторонник того, что здесь говорили Л. И. Абалкин, В. Л. Иноземцев, Ю. А. Красин, доказывая устарелость социалистических идей и соответствующих понятий марксизма. Они исходят из того, что вся прежняя понятийная база, включая такие понятия и категории, как «труд» и «капитал», «социализм» и «капитализм», «классы» и «классовая борьба» давно устарели. Я не думаю, что это так на самом деле. За каждым вышеперечисленным понятием скрывается своя реальность, свои экономические и политические факты и отношения, которые невозможно игнорировать. При всех новейших изменениях капитализма эксплуатация труда капиталом сохраняется, классовая борьба продолжает сотрясать страны Европы и Латинской Америки, с понятием «социализм» продолжает связывать свои успехи и реформируемый Китай и другие страны социалистической ориентации т. д. Можно говорить об устарелости социалистических понятий только тогда, когда устаревает реальность, которую они отражают: от того, что мы не будем употреблять понятия «труд» и «капитал», «капитализм» и «социализм» реальность, стоящая за ними не исчезнет.

Не так давно в телепередаче, «Что делать?» ее ведущий журналист Виталий Третьяков стремился нас, участников передачи, убедить в том, что мы оказались идейно не адекватными современным реалиям. По его мнению, такие понятия как «новое мышление», «социализм», «перестройка», «гуманизм» и т. п. сегодня не имеют научного значения, потому, что они противоречат современным тенденциям, связанным с использованием политики силы в международных отношениях. По его мнению, в современном мире господствует своеобразный социальный дарвинизм. Мы ему возражали, что в мире существуют другие силы, которые не желают жить по закону «сильный выживает, - слабый погибает». Это, как правило, левые силы, выражающие интересы труда, мира и социализма. Их можно игнорировать, не признавать, но они существуют. Мало того, мы уверены, что за ними будущее.

Медведев В. А.: Это он говорил без осуждения?

Славин Б. Ф.: Он говорил без явного осуждения, апеллируя к современным мировым реалиям. По его мнению, раз наши высокие понятия «мира», «перестройки», «социализма» не соответствуют современным реалиям, следовательно, мы должны признать своё поражение, должны признать свою идеологическую неадекватность нынешней действительности. Для него, говоря гегелевским языком, «все действительное разумно», но при этом, что характерно, он не хочет включать в эту действительность те миллионы людей, которые жить по законам социального дарвинизма не хотят. Вопреки Фукуяме, история не заканчивается. Поживем - увидим: разум часто пробивал себе дорогу через неразумение.

И здесь я еще раз выражаю поддержку основному докладчику, в частности его перспективному видению будущего. Вместе с тем, нужно много работать, чтобы найти и поддержать реальные ростки этого будущего, т. е. ростки нового гуманистического общества, которые во многом определяют и мой личный смысл жизни. Невозможно жить, возводя в идеал ныне модные максимы: «у кого сила, тот и прав», «кто смел, тот и съел», «если ты такой умный, то почему такой бедный?»... Как говорил Маркс, можно повернуться спиной к мерзостям и несправедливостям жизни, делая вид, что их не существует, но от этого мир не становится лучше. Значит, за лучший мир следует бороться каждому, в ком сохраняется совесть и чувство свободы. А бороться можно всегда, причем тем способом, который ты знаешь лучше других.

Для ученого это разработка теории, которая показывает пути становления лучшего мира. Как я уже отмечал, такая теория сегодня нуждается в актуализации и углубленной экономической

и социально-политической проработке. Повторюсь, следует не только констатировать, что «царство свободы» лучше, чем «царство необходимости», но показывать реальные пути перехода от одного к другому, не забывая слова Маркса о том, что «царство свободы» может расцвести только на базе достигнутого в «царстве необходимости». Благодарю за внимание.

Нужна идеология, адекватная реальности

(Выступление при обсуждении проблемы: «От экономического детерминизма к системному подходу» Докладчики: Богомолов О. Т., Степин В.С.)

Я хочу высказать свое мнение по нескольким позициям, которые здесь услышал. Сначала несколько слов о «туманном» понимании основного философского вопроса, т. е. о соотношении бытия и сознания, их первичности или вторичности. Я думаю, что это не столь сложный вопрос. Когда встает вопрос об историческом происхождении идей из материальных предпосылок, мы говорим о первичности материального и вторичности сознательного. Когда же мы рассматриваем функциональное отношение сознания к реальной жизни, подчеркивается созидательная роль идеального. Ленин писал в этой связи: «Мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важна для истории»[69]. Известная реакция Маркса на попытки французских учеников трактовать его учение в духе экономического детерминизма: «Если они правы, то я не марксист», - говорил Маркс. Говоря подобные слова, Маркс имел ввиду тесную диалектическую связь материальных и духовных факторов в производстве и жизни. Маркс очень высоко ценил роль идей, сознания, и мысли в индивидуальном и общественном развитии. Он писал в своих ранних работах: «Идеи, которые овладевают нашей мыслью... - это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»[70]. Об активной роли сознания в своих работах неоднократно писал и Ф. Энгельс, доказывая, что «историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»[71].

Недооценка активной роли идей и сознания в нашей жизни

связано с тем, что очень многие вещи вошли в нашу голову под влиянием сталинского Краткого курса истории ВКП(б). Но Сталин многие работы и идеи Маркса не знал, и не понимал. В частности, он был далек от гуманистической трактовки марксизма с его пониманием подлинного богатства, как совокупности человеческих способностей, идей и талантов.

Активную роль человеческого сознания в истории и жизни трудно переоценить. Только в социально отчужденном обществе его роль либо принижается, либо сводится к простому механическому отражению действительности. Хотим мы это или не хотим, сегодня мир через противоречия движется в сторону резкого возрастания роли идей и информации в жизни человеческого общества. Не случайно же говорят о наступлении целой «информационной эпохи», об «обществе знаний», «креатосферы» и т. п., что делает вышеназванные замечания классиков марксизма о роли идей в обществе чрезвычайно актуальными.

На мой взгляд, Маркс никогда не был сторонником жесткого «экономического детерминизма» в жизни общества. Ведь вся его критика буржуазной политической экономии есть критика ложного, или иллюзорного понимания экономики. Маркс был критиком, а не сторонником вульгарной политэкономии с ее вещными категориями. К сожалению, в научной и философской литературе существует ошибочное мнение, что Маркс понимал под идеологией только «ложное» или «иллюзорное» сознание. Это не точно, а, следовательно, и не верно. Он говорил, например, о «ложности» идеологию младогегельянцев, которая страдала идеализмом, но не говорил вообще о ложном характере любой идеологии. Есть идеология и идеология. Одна отражает мир верно, другая - ошибочно, является сознанием неадекватным или иллюзорным.

Типичным примером последнего в наши дни является экономическое сознание тех политиков и ученых, которые разделяют идеи «Вашингтонского консенсуса». Банкротство подобных идей сегодня стало уже очевидным. Возьмите другой пример, связанный с идеями знаменитых книг Д. Белла и Ф. Фукуямы о конце идеологии и истории. Эти авторы еще относительно недавно уверяли, что с утверждением либерализма и крушением советской идеологии наступает своеобразный конец не только идеологий, но и самой истории. Так, Фукуяма прямо говорил, что либерализм предлагает «окончательно рациональную форму общества», в котором «разрешены все прежние противоречия и удовлетворены человеческие потребности»[72]. Однако история сегодня насмехается над

подобными заявлениями и научными претензиями. Глобальный кризис, возрастание роли светских и религиозных идеологий в современной жизни делает подобные суждения не только ложными, но и ничтожными.

Вчера на Давосском форуме Саркози сказал, что надо пересмотреть наши прежние экономические представления, когда придавали большое значение финансовым институтам и не уделяли должного внимания реальному производству, наемному труду и человеку труда. И это говорил тот Саркози, который буквально три года тому назад, когда он приходил к власти, сказал: «Я пришел для того, чтобы покончить с идеологией 68-го года», т. е. с революционной идеологией.

Начал говорить почти социалистическими словами и Барак Обама, критикуя финансовый капитал и внедряя в жизнь медицинское страхование для рабочих и простых жителей США. Только наш Гайдар, отвечая на вопрос корреспондента о том, сожалеет ли он, что своей политикой приближал мировой кризис, сказал, что не о чем не сожалеет, и что все идет нормально в современной мировой экономике. По его мнению, как и по мнению редактора либерального журнала «Форбс», «спасти капитализм может только капитализм»[73]. Ясно, что с подобной идеологией покончить с мировыми экономическими кризисами нам никогда не удастся.

Какая же идеология нужна сегодня России с учетом того, что мы уже отбросили и «сталинский тоталитарный социализм», и «гайдаровский либерализм» с его «шоковой терапией»? Я думаю, что единственный выход для нас - это создать идеологию, полностью адекватную реальности. А какова наша современная реальность? Реальность наша такова, что реформы, которые у нас были осуществлены удовлетворили лишь 20% населения, выигравшего от этих реформ. Что касается оставшихся 80% населения, то оно от них не только не выиграло, а многое потеряло, особенно в социальной сфере. Невиданная ранее поляризация общества, бедность, безработица, коррупция, наркомания, детская беспризорность - вот результаты подобных реформ. Спрашивается, как в этих условиях начинать модернизацию страны? Уверен, не решив проблемы бедности населения, коррупции во властных структурах, других острейших социальных проблем, добиться модернизации и создания инновационной экономики не удастся. Значит, нам нужна такая идеология, которая бы адекватно отражала интересы большинства общества, а не только узкие интересы олигархов и их свиты.

Спрашивается, на какой базе следует создавать

инновационную экономику? Ведь у нас за прошедшие 20 лет произошла настоящая деиндустриализация страны. Без восстановления индустриальной базы невозможны никакие инновации, никакие современные гибкие технологии. Ведь не случайно Чубайс, получив в свое ведение область нанотехнологий, в течение полутора лет смог потратить деньги только на высокие зарплаты и бонусы своим чиновникам. Мне говорили специалисты, что сейчас Чубайс ищет предприятия, которые могут походить на создание нанотехнологий, чтобы со временем предъявить их как некие результаты его организаторских способностей. То есть на уже созданные технологии будет навешен новый ярлык «нанотехнологий». С такой идеологией и практикой, мы, конечно, далеко не уедем. Эта идеология сугубо частных, клановых, а не общественных интересов.

Тем не менее, уже пора понять (об этом говорит катастрофа на Саяно-Шушинской ГЭС, регулярные падения самолетов, старение различных инфраструктур и т. д.), что без продуманной идеологии и стратегии, выражающих интересы абсолютного большинства населения страны, мы двигаться дальше не сможем. И в этом значительную роль должны сыграть не только инженеры и ученые, но и философы, экономисты, все деятели культурной сферы. Однако в культуре у нас, к сожалению, продолжает править бал та самая массовая культура, которая кроме иллюзий и сомнительной нравственности ничего полезного гражданам не дает. Я напомню вам слова Бжезинского, который в своей книге «Великая шахматная доска» сказал, что хотя массовая культура не очень отвечает стандартам подлинно высокой культуры, но ей увлекается молодежь, а за ней будущее.

Какое же будущее мы хотим и создаем для наших детей? Думаю, совсем не то, которое предлагает нам массовая культуры в СМИ, или современная реформа школа, сделавшая главным методом образования и воспитания учащихся метод зубрежки и натаскивания. На таком методе получения знаний, конечно, невозможно модернизировать страну. Нужно вернуться к лучшим образцам нашей отечественной культуры, образования и воспитания. Нужно сделать так, чтобы наша молодежь училась на этих образцах и новейших достижениях науки. В этой связи можно только приветствовать то, что Институт экономики начал заниматься проблемой не только изучения экономических факторов общественного развития, но и факторов внеэкономических, включая философские, идеологические и культурные проблемы. Без них невозможна успешная модернизация страны, без них невозможно войти в

постиндустриальную эпоху.

Погоня за сверхприбылью готовит новый глобальный кризис

(Выступление при обсуждении проблемы: «Реальный и виртуальный капитал в современной экономике». Докладчики: М. В. Ершов и А. И. Колганов)

Обсуждаемая проблема меня больше волнуют в социальном отношении, т. е. с точки зрения решения социальных проблем. Однако, последние нельзя понять, не поняв причины прошедшего первого глобального кризиса человечества.

Для меня, как и для многих марксистов очевиден неизжитый человечеством факт стихийного развития капиталистического общества и как его следствие возникновение региональных и глобальных экономических кризисов, ведущих к периодическому перепроизводству товаров, падению и остановке фабрик и заводов, массовой безработице, росту социальных конфликтов и соответствующих протестов трудящихся. Не избежала кризиса и господствующая экономическая наука, оплодотворенная либеральными идеями. Вот лишь несколько характерных подтверждений этому. По данным английской газеты «Гардиан» в октябре 2008 года Алан Гринспен, руководивший Федеральной резервной системой (ФРС) США около двадцати лет, будучи вызванным «на ковер» Конгресса, посчитавшего, что он ответственен за образование пузыря на рынке недвижимости США, подтолкнувшего кризис, признался, что «происходящие события перевернули его понимание о том, как вообще функционирует рынок»[74]. Весьма примечательно: человек, управлявший самым крупным рынком мира, не понимал законов его функционирования.

В отличие от Гринспена, наш бывший «гуру» в области экономической науки А. Гайдар в отличие от американца не посыпал голову пеплом за свои прежние призывы идти в русле либеральной экономики и политики. По его мнению «Раз в 5-10 лет экономика крупнейшей в мире страны или крупнейших в мире стран существенно замедляется… Это не закон. Но это реальность. Если двести лет так было, то с какой стати полагать, что больше так не будет?»[75]. На вопрос корреспондента МК: «Кто виноват или что тут виной: воровство, некомпетентность, безответственность людей или некий неподвластный человеку закон экономического развития?» Гайдар, забыв свою

предыдущую фразу, назидательно ответил: «Неподвластный человеку закон экономического развития»[76].

Как мы видим, в этих суждениях и ответах А. Гайдара наша официальная экономическая мысль фактически расписывается в своем полном бессилии понять современные кризисные явления и процессы мировой экономики. Ее идеи на этот счет не выходят за рамки простых обывательских суждений, скользящих по поверхности экономической действительности. Так, бывший министр экономики, а ныне руководитель Сбербанка России Герман Греф с апломбом заявляет, что причина мирового кризиса кроется в простом «перепотреблении» граждан. И это он говорил в то время, когда миллионы граждан Европы и России, лишившись работы, не могли позволить себе купить элементарные продукты первой необходимости, когда в мире сотни миллионов людей просто голодают[77].

Более близко к пониманию сути глобального кризиса приблизился Владимир Путин. Выступая в свое время на Давосском форуме, который продемонстрировал свою полную растерянность перед началом мирового кризиса, он сравнил экономический кризис с «идеальным штормом», когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одной точке и кратно умножают свою разрушительную силу. Такое заявление, видимо, потребовало от председателя правительства определенного мужества, если учесть, что его министры и он сам долгое время уверяли, что России не грозят никакие кризисы, что в случае их возникновения она их переждет в «тихой гавани»[78]. Похожие заявления делает сегодня и Д. А. Медведев, считая что вторая волна кризиса не скажется серьезно на России.

На самом деле, глобальный экономический кризис есть результат стихии, но не природной, а общественной. Он с необходимостью вытекает из частнособственнических отношений и глобальной конкуренции современного финансового и промышленного капитала. Это кризис не «перепотребления», а искусственного стимулирования международным капиталом потребления, кризис перепроизводства товаров и услуг, в основе которого лежит безудержная погоня за сверхприбылью даже в тех сферах, где, она на первой взгляд, не может существовать (операции с ценными финансовыми бумагами, вторичными акциями, облигациями, векселями и другими «деривативами»).

Как показали сегодня основные докладчики, глобализация капиталистической экономики резко расширила возможности спекулятивного использования финансовых возможностей, вплоть до полного отрыва ценных бумаг и мировых денег от реального производства и обращения товаров, эквивалентом которых они

должны являться. Так, по данным экономиста С. Меньшикова «рынок производных» «более чем в 35 раз превышает весь валовой продукт США»[79]. Отсутствие какого либо контроля за этими сугубо непрозрачными процессами и приводит к стихийному созданию так называемых «финансовых пузырей», которые, лопнув осенью 2008 года, во многом стимулировали начало глобального финансово-экономического кризиса.

Как же следует выходить из глобального кризиса с наименьшими потерями для людей? На этот вопрос также нет вразумительного ответа со стороны современной либеральной науки, выросшей на идеях фатального обожествления капитала. Что сегодня говорит эта наука по поводу выхода из кризиса? Ее главный ответ: перетерпите, но только не трогайте основы капитализма, не подымайте руку на частную собственность, банки и капитал. «Нас может спасти только капитализм». Как уже здесь отмечалось, это слова главного редактора либерального журнала «Форбс» Стива Форбса, который считает, что пора «перестать криминализировать ошибки финансистов... Предпринимателю надо дать право на риск и на ошибку»[80]. Как следует понимать фразу не надо «криминализировать финансистов»? Означает ли это, что они могут продолжать идти на риск, скупая ненадежные акции только потому, что они обещают большие дивиденды? Как показывает практика, финансовый капитал сегодня продолжает надувать новые мыльные финансовые пузыри, приводящие к банкротству предприятий, падению зарплаты рабочих и невиданный ранее безработицы, достигающей в таких странах как Греция, Испания и Португалия более 20% и более процентов. Среди молодежи она достигает более 30%.

Меры, которые предлагаются сегодня правительствами разных стран пока не дают должного результата. Чему свидетельствуют непрекращающиеся массовые политические протесты в США и Европе, направленные против попыток правительств входить из кризисных ситуаций путем переложения долгов отдельных частных банков на гражданское население. Уже всем очевидно: необходим строгий контроль государства не только за надежностью отдельных финансовых институтов, но и, говоря словами Обамы «за стабильностью всей финансовой системы в целом»[81]. Аналогичные меры предлагают и некоторые российские экономисты - последователи кейнсианской модели развития. По их мнению, если общество не хочет отказываться от капитализма, то надо изменить «способ его функционирования», т. е. стимулировать потребительский спрос, увеличить рабочие места, увеличить и социализировать инвестирование в реальное

производство, добиться централизированного контроля за занятостью, найти компромиссные формы сотрудничества государства и бизнеса[82].

В этой связи особенно интересен опыт Исландии, которая после острой политической борьбы отказалась платить европейскому финансовому капиталу долг в размере трех с половиной миллиарда евро за счет простых граждан, а не тех частных банков, которые эти долги породили[83]. Отказавшись выплачивать не свои долги, исландцы сегодня довольно успешно выходят из дефолта. Не случайно этот уникальный в своем роде опыт фактически замалчивается официозными СМИ многих европейских государств, включая Германию, в которой Меркель совместно с «тройкой» - МВФ, ЕЦБ и Европейской Комиссии упорно доказывают грекам, итальянцам, испанцам и португальцам будто приватизация их государственного сектора является якобы единственным решением вопроса о государственном долге.

К сожалению и в России подобные советы радикальных либералов продолжают доминировать в экономике и политике. Как известно, в годы кризиса первые крупные денежные транши, переданные банкирам и олигархам правительством России, были брошены ими не на помощь реальному производству, а на закупку резко подешевевших акций западных предприятий. Как показывает практика, для них прибыль важнее любых разговоров о поддержки отечественной экономики. Характерен в этом отношении был и публичный конфликт между известным олигархом О. Дерипаской и В. Путиным, состоявшийся на заводе города Пикалево по поводу нежелания олигарха давать деньги на производство и оплату труда рабочих. Этот конфликт наглядно показывает, чего стоят на деле антикризисные меры, выработанные правительством и утвержденные Думой.

Критика этих мер со стороны оппозиционных партий в Думе оказалась справедливой. Пока банки не будут поставлены под жесткий контроль государства, пока не будет поднята норма накопления капитала, наконец, пока не будет адресной помощи промышленным предприятиям и их трудовым коллективам, антикризисные меры выполняться не будут, а следовательно будет расти социальная напряженность в обществе.

Вчера Меркель заявила, что если мы не договоримся, рухнет евро и распадется весь Евросоюз. Отсюда следует простой вывод: она видит устойчивость Евросоюза лишь в рамках сохранения прежней неолиберальной парадигмы развития. А это значит, что в ближайшей перспективе будут сохраняться те причины, которые породили долговой кризис отдельных государств, входящих в

Евросоюз. Об этом же говорят и нестихающие протесты рядовых граждан Европы и США, стремящихся поставить под гражданский контроль деятельность финансового и олигархического капитала.

В Европе продолжают сохраняться две тенденции. С одной стороны, тенденция к централизации, объединению и интеграции, с другой - не прекращается в рамках национальных экономик деятельность капитала, ориентирующегося не на общую пользу страны, а на получение максимальной прибыли путем сверхэксплуатации трудящихся, создания долговых обязательств, надувания финансовых пузырей и спекуляций деривативами, которые уже давно оторвались от реального капитала. Продолжение этой деятельности и порождает условия будущего долгового кризиса и финансового банкротства отдельных стран и возможно всего Евросоюза.

Как же выходить из подобной ситуации? Здесь, мне кажется, есть две стороны вопроса. Выходить из нее возможно либо за счет урезания потребностей и возможностей банковского финансового капитала, либо за счет, как здесь уже сказал С. С. Дзарасов, за счет «затягивания пояса» рядовых граждан. Поскольку последние, как показывают их протесты, затягивать пояс не хотят, остается один выход: поставить под правительственный и гражданский контроль деятельность самого капитала.

Нельзя забывать, что революция происходит не тогда, когда граждане страны живут бедно, а тогда, когда происходит снижение их жизненного уровня по сравнению с прошлым, когда не удовлетворяются уже возникшие потребности людей. Если сегодня определенная масса людей в течение нескольких лет удовлетворяла свои потребности на одном уровне, а ему предлагают за счет снижения его жизненного уровня выйти из кризиса, то, конечно, согласия здесь не получится.

Я думаю, что в этом отношении мы переживаем момент, когда мы все являемся свидетелями новой спирали развития социальных антагонизмов. От того, как эти антагонизмы будут решаться, зависит и будущее отдельных стран и всего мира, в целом. К сожалению, реальных ответов на этот вопрос, мы не слышим не от правительственных организаций, не от действующих политических партий и общественных движений.

Марксистская теория экономики и опыт истории

(Выступление при обсуждении проблемы: «Политическая экономия: быть или не быть?» Докладчик: В. А. Медведев)

У меня к политэкономической науке есть свой социально-философский интерес. Мне импонирует, что экономисты в России снова заговорили о Марксе и его трактовке политической экономии, об использовании его диалектического метода в решении экономических проблем. Работа семинара дает многое для понимания современной экономической ситуации в мире и экономической науке. В этой связи я хотел бы высказать несколько своих соображений.

Прежде всего о необходимости использования творческого марксистского наследия для понимания современных экономических отношений и экономики будущего. Я согласен с тем, что идеи Маркса следует развивать с учетом специфики исторического опыта (в том числе советского) и особенно в свете развития современных экономических отношений в Новой России и мире.

Напомню, что Маркс смотрел на политическую экономию как на общественную науку, выражающую определенные социальные интересы. Его анализ капиталистического общества - это, прежде всего, анализ классовых интересов. Я думаю, что, говоря об экономике, мы нередко забываем, что пока существуют классы и классовые антагонизмы, будет сохраняться и теория классовой борьбы. Она оказывает и будет оказывать соответствующее влияние на выводы экономической науки. Об этом, например, сегодня наглядно свидетельствует экономическая политика руководства Евросоюза, связанная, с реакцией на массовые протестные движения в Европе. Об этом же говорят соответствующие противоречивые меры российского правительства по социальному реформированию общества, наконец, о том же говорят революционные преобразования в ряде стран Латинской Америки и т. д.

В выступлениях участников семинара говорилось, что сейчас руководство нашей страны печется о новой волне приватизации. Что же толкает российское правительство сегодня вновь начать приватизацию государственных компаний? Как известно, подобный процесс в начале 1990-х гг. нанес существенный ущерб стране и был осужден обществом и экономической наукой. Зачем же повторять подобное? Напомню, именно тогда приватизация привела к возникновению в стране дикого олигархического капитализма, фактически ограбившего целые поколения советского народа. К сожалению современные политэкономы редко касаются этой темы.

Теперь несколько слов поводу анализа советского общества и созданного в нем реального социализма. Я не могу согласиться с

тем, что у нас был некий «недоношенный» социализм или некий его «мутант». Это не научный подход. Ну, хорошо, недоношенным он был в 1920-е годы, а в 1970-е - 1980-е годы он тоже был недоношенным? Вот, например, М. И. Воейков утверждает, что в СССР никогда не было материальной базы, необходимой для создания социализма. Ну, хорошо, в 1917 году ее не было, но в 1980-е годы, когда СССР стал второй мировой державой, она была или нет? Можно проигнорировать выражение Ленина о том, что мы в перспективе должны были создать эту материальную базу на основе индустриализации и культурной революции. Можно не замечать его слов о том, что, мы все-таки социализм как уклад протащили в действительность и здесь «должны разобраться». Но, на мой взгляд, нельзя делать вид, что задача, о которой говорил Ленин, не была выполнена и материальная база социализма не создана. Что же тогда позволило СССР выиграть войну с такой развитой страной как фашистская Германия, или создать собственное ракетно-ядерное оружие, первыми начать освоение космоса и т. д.? Конечно, долгие годы, в силу замедления мировой революции советское общество оставалось переходным, но утверждать, что никакой социалистической тенденции в ней не было, значит противоречить действительности.

С моей точки зрения можно говорить, что советская модель общества была деформированным, или неразвитым социализмом, но отрицать его в СССР полностью невозможно. В чем же состояли деформации советского социализма? Прежде всего в том, что в нем преждевременно были уничтожены, например, мелкая частная собственность, потребительская кооперация, кустарничество даже там, где они были достаточно полезны и эффективны. В том, что волюнтаристски была проведена коллективизация, приведшая к стагнации сельского хозяйства на многие годы, наконец, в том, что советская демократия подменялась авторитарными и тоталитарными методами руководства страной. Именно эти и подобные им существенные деформации подготовили почву для реставрации капитализма в России. Эти уроки нашей истории нельзя забывать.

Многие из них сегодня учел Китай в своей экономической политике, сделавшей эту страну второй державой мира. Некоторые либералы и близкие к ним ученые и идеологи считают, что успехи Китая существуют только благодаря частной собственности. Думаю, что не «только»: и благодаря государственной, и коллективной собственности тоже. Нельзя сбрасывать со счетов то, что государственной собственностью там охвачены стратегически наиболее важные средства производства. Именно они сегодня определяют динамику и прогресс страны. В

Китае налицо смешанная экономика. *Я* четыре раза был в Китае. В последний раз спрашивал китайских товарищей: «У вас от социализма что-нибудь осталось, или нет?». Они отвечали, что и не думают от него отказываться. По их мнению, государственная собственность в промышленности и частная собственность в быту и торговле дают возможность наиболее полно удовлетворять постоянно растущие потребности людей.

Китайцы во многом проводят политику аналогичную нашему НЭПу. По моему мнению, ошибка Сталина и его команды заключалась в том, что они слишком быстро ушли от ленинской идеи новой экономической политики, которая нащупала реальные промежуточные ступени создания социализма в отдельно взятой стране. А китайцы за эту идею ухватились и пошли дальше. Если у нас НЭП представлял собой приблизительно 30% произведенной продукции крестьянского хозяйства для личного потребления, 30% - на рынок и 30% - государству, то в Китае государство себе забирает у крестьян 10% урожая, а 90% оставляет на селе. Сейчас в Китае говорят, что вообще нужно снять налог с крестьян, чтобы стимулировать их заинтересованность в труде. А как иначе накормить почти полтора миллиарда населения страны?

То, что специфический китайский социализм существует, не вызывает сомнения. Китайцы сегодня накормлены и неплохо одеты. Цены на продукты питания низкие. Промышленные товары в избытке. Китай ими снабжает весь мир. Страна уже давно стала космической державой. Она вышла на первое место в мире по производству риса, морепродуктов, автомобилей, телевизоров, мобильных телефонов и т. д. Думаю, современный социалистический Китай - это большая головная боль для США.

Говорят, что китайцы не очень хорошие изобретатели, но хорошие копировщики. Да, наши конструкторы говорили мне, что помогали им делать аэродинамическую трубу для испытания самолетов, но сегодня они самостоятельно делают не только аэродинамические трубы, но и производят самолетов больше, чем мы. Конечно, у них еще много острых проблем: плохая экология в городах, высокая социальная поляризация и безработица, значительная коррупция во властных структурах, но китайцы видят эти проблемы и пытаются их решать. Насколько эффективно - другой вопрос.

Надо не игнорировать, а изучать и перенимать китайский опыт. Мы, похоронив советскую модель социализма, сегодня вообще отказались от социалистической идеи, а китайцы нет. Социализм - это интернациональная, международная идея: она обогащается опытом разных стран. Специфику ее реализации в

разных странах следует знать. Потеря социализма в нашей стране не означает проигрыша в борьбе за социализм в других странах. Нужно полнее и всестороннее анализировать международный опыт создания социализма, что сегодня для этого в России делается очень мало. А ведь этот вопрос весьма актуален: например, за счет чего удается Китаю так долго давать самые высокие темпы экономического развития в мире? Как известно, под влиянием мирового кризиса он давал более 7% прироста ВВП, а до этого было 12%, и китайцы сознательно тормозили экономику. Значит у них есть что-то такое, чего нет в других странах. Это «что-то» следует понять, а не тупо повторять либеральную мантру: «Китай идет по капиталистическому пути».

С моей точки зрения, в современном мире продолжается классовая борьба двух противоположных систем и двух путей исторического развития: капитализма и социализма. Она и впредь будет идти с переменным успехом. Задача заключается в том, чтобы эта борьба не перерастала в мировую войну. Но мирную экономическую конкуренцию двух противоположных общественных систем остановить нельзя. Ленинский знаменитый вопрос «Кто кого?», «Социализм или капитализм?» остается в силе и сегодня. По моему мнению, лишь тот строй выйдет на первое место, который сумеет создать в итоге более эффективную и жизнеспособную экономику. Все это достаточно очевидные вещи.

Как известно, у нас, в России уже давно нет социализма, а что есть? Олигархический капитализм спекулятивного толка. Он продолжает уже достаточно исчерпавшую себя в мире политику либерального фундаментализма. При этом его сторонники и защитники часто ставят нам в пример экономику США. Но эта экономика, особенно после глобального кризиса, испытывает большие трудности. Уже для многих очевидно, что сама система капитализма сегодня перестает отвечать вызовам современности. Об этом все чаще говорят сами западные экономисты: Дж. Стиглиц, Н. Рубини, Дж. Сорос, Клаус Шваб и др. Думаю, Россия должна прислушаться к их мнению и смело отказаться от либерального фундаментализма как неоправдавшегося метода экономического развития.

К сожалению, руководство России пока это не осознало. Например, В. В. Путин в своей предвыборной кампании выдвинул, на мой взгляд, странную идею: создать 25 миллионов новых рабочих мест в условиях, когда страна за последние десятки лет фактически дендустриализировалась. Спрашивается как эту цель возможно осуществить в реальности? Совершенно не ясно, какие будут созданы для этого новые заводы, фабрики, современные

технологии и т. д. Говоря откровенно, что это российская маниловщина или сознательный «пиар»? К сожалению, многие наши ведущие экономисты по этому вопросу молчат. В этой связи, напомню, в свое время руководство страны выдвинуло две стратегически важные идеи: ликвидировать бедность и удвоить нашу экономику к 2020 году. Пока первая проблема не решена. Посмотрим, как будет решаться вторая проблема: осталось уже немного лет.

Несмотря на мою критику современных российских экономистов, я считаю, что семинар, который здесь проходит, во многом интересен. Его связь с современными экономическими, политическими и идеологическими проблемами очевидна. В этой связи я хотел бы закончить свое выступление темой, с которой его начинал. Мы сегодня мало говорим о том, что у Маркса была четкая философская или мировоззренческая позиция, с которой он критиковал буржуазное общество и соответствующую ему экономическую науку. Это была фактически позиция грядущего господства людей труда в обществе, т. е. он говорил о необходимости развития политэкономии труда, а не только капитала. Сегодня особенно нужна такая позиция в науке. Дело в том, что в современном буржуазном обществе, несмотря на господствующую в нем религию непротивления и идеологию потребительства, продолжает расти социальное отчуждение трудящихся. Отсюда же нарастание в мире массовых экономических и политических протестов. Маркс в свое время показал, как из такой ситуации следует выходить. К сожалению, большинство современных экономистов весьма далеки от его революционных выводов, сделанных в «Капитале». Они предпочитают больше обсуждать частные проблемы современной науки, забывая простую истину: не решив общих проблем, нельзя глубоко понять их частные проявления. Повторюсь: отрадно, что нынешний семинар является исключением из этого правила.

3. Кризис социалистической идеи или левой политики?

(Следующий текст выступления автора книги является реакцией на статью известного экономиста и политолога В. Иноземцева «Кризис великой идеи», опубликованной в журнале «Свободная мысль» №1. 2011 г.

Выступление прозвучало на «круглом столе», организованном журналом «Альтернативы» в здании Госдумы[84]. Основой дискуссии на «круглом столе» послужили соответствующие доклады В. Иноземцева и А. Бузгалина)

Я не буду говорить о всех вопросах, которые затронул в своей статье «Кризис великой идеи» наш уважаемый докладчик. Хочу сразу сказать, что со многим в его статье я согласен. Например, с его критикой идеи «державности» в программных документах КПРФ, отсутствием подлинного интернационализма у некоторых современных левых партий, отождествлением социалистической идеи с христианской идеологией, потерей современной социал-демократией своей социально-классовой идентичности и т. д. Скажу лучше о том, с чем я не согласен с докладчиком, что у меня вызывало протест при чтении его статьи.

Если говорить о кризисе великой идеи социализма, о чем заявляет докладчик, надо, прежде всего, понять на какой уровень критики он сам себя ставит? На мой взгляд, этот уровень, по крайней мере, не ниже того, на что претендовал в свое время Эдуард Бернштейн или автор книги «Либеральный социализм» - Карло Россели. Думаю, что замахнувшись на такой уровень, В. Иноземцев должен был в своем докладе высказать, хотя бы в сжатой форме, свое отношение к этим историческим фигурам и их критике марксистского социализма. Однако он этого не сделал, и тем самым вывел себя за скобки большого спора, ведущегося не одно десятилетие в социалистической среде.

Нет в докладе Владислава Леонидовича и вразумительного ответа на главный вопрос, что же он сам понимает под левой идеей, или идеей социализма? Докладчик много говорит о том, что левая идея связана с социальным неравенством и перераспределением богатства. На мой взгляд, *левая идея в марксизме, или в научном социализме состоит в ликвидации наемного труда, на котором базируется весь капиталистический способ производства.* Любое распределение богатства есть величина, зависимая от способа производства. Измените

последний - изменится и распределение богатства. Левая, или социалистическая идея кратко выражена в известном словосочетании марксистов: «Освобождение труда!». Не случайно эти слова были поставлены Г. Плехановым (одним из первых критиков Э. Бернштейна) в название его группы, занимающейся распространением марксизма в России. Левые, которые не понимают данной идеи, не могут, на мой взгляд, считаться ни левыми, ни социалистами, ни марксистами.

Не следует забывать, что социалистическая идея генетически вытекает из проблемы взаимоотношения труда и капитала, точнее из противоречия и борьбы этих сторон друг с другом. Как известно, по Марксу капитал сам есть отчуждение результатов живого труда рабочего. Пока сохраняется такое отчуждение, сохраняется эксплуатация и другие социальные антагонизмы, присущие капиталистическому обществу.

Некоторые политики и ученые говорят, что пора перестать проводить дихотомическое деление на капитализм и социализм. Я им возражал, что тогда следует отменить противоположность труда и капитала, которая сегодня некуда не исчезла. Она лишь изменила свою форму проявления. Так вместо тяжелого физического труда в производстве все больше используется квалифицированный или интеллектуальный труд, но сам наемный характер труда, его отчуждение и эксплуатация остаются. Мало того, современные формы его эксплуатации, порой, приобретают не менее варварские формы, чем в прошлом, выматывая наемного работника полностью. Как известно, после длительного сидения за компьютером у людей резко снижается их работоспособность. Программисты мне говорили, что в итоге такой работы возникает желание в конце рабочего дня расслабиться за рюмкой виски, уткнуться в телевизор, или заняться сексом. Эти слова мне напомнили то, что писал Маркс о природе наемного труда в своих ранних работах, утверждая, что она уродует человека, превращая его сугубо человеческие свойства в свойства, присущие животным.

На мой взгляд, нельзя доказывать, как это делает автор статьи и докладчик, что сегодня якобы исчезает сам факт эксплуатации наемного труда благодаря повышению доли творческого труда в процессе производства. На самом деле современный капитал очень умело эксплуатирует носителей творческого труда, монополизируя в своих руках научные лаборатории, доступ к сложным техническим приборам, возможности выставочных залов, научных публикаций и т. д.

Говорят, что принцип наемности не совпадает с принципом классовости. Думаю, это не совсем так. Дело в том, что вопрос о

классовой принадлежности проясняется другим дополнительным параметром - величиной дохода или зарплаты наемного работника. Так, одна зарплата равна средней стоимости рабочей силы, другая намного ниже или выше ее. В последнем случае - мы имеем сверхвысокие оклады и бонусы топ-менеджеров и банковских служащих, значительные гонорары известных звезд кино и эстрады, различных телохранителей и т. п. Понятно, что оплата труда таких категорий работников зависит не столько от квалификации или творческого содержания их труда, сколько от величины прибыли собственника средств материального и духовного производства, т. е. с классовой точки зрения эти работники, конечно, буржуа, а не пролетарии. Этот вывод также подтверждается «гламурным» образом их жизни, соответствующим сознанием и поведением.

Никуда не исчезла и эксплуатация людей физического труда, занятых, например, в традиционном индустриальном производстве с его постоянно повышающейся скоростью движения конвейера, увеличением тяжелых погрузочно-разгрузочных работ, наличием вредных производств и т. д. Я уже не говорю о возрождении в XXI веке полурабского труда миллионов гастарбайтеров в развитых странах.

На мой взгляд, левая идея Маркса говорит не только о конечной цели рабочего движения, но и отвечает на вопрос: как человечество будет двигаться к ней? Как будет на практике разрешаться основное антагонистическое противоречие между трудом и капиталом. Пока это противоречие сохраняется, левым силам есть, что делать. Прежде всего, они должны продолжать защищать интересы труда, а не капитала, показывать наиболее разумный путь движения к социализму, выступать за создание предприятий с собственностью работников, где фактически происходит, говоря словами Маркса, «преодоление капитализма в рамках капитализма» и т. д. Левые силы, конечно, должны организовывать и возглавлять различные протестные движения трудящихся, постоянно вести борьбу за реализацию их экономических и политических прав. Попытки уйти от этих задач на практике превращает левые оппозиционные партии в сугубо оппортунистические организации, отчуждает от них современный рабочий класс. Это отчуждение нередко и называют кризисом социалистической идеи. Но на самом деле это кризис не столько социалистической идеи, сколько кризис политики, проводимой левыми силами, включая сюда ряд организаций современных социал-демократов, социалистов и коммунистов.

В тексте обсуждаемого доклада много говорится о якобы уже существующем на Западе постиндустриальном или

информационном обществе, снимающего многие социальные противоречия прошлого. Но так ли это на самом деле? Я знаю, что Владислав Леонидович Иноземцев неоднократно бывал в Европе и Америке, часто общался с известным теоретиком постиндустриального общества Д. Беллом. Наверное под его влиянием он создал соответствующий центр по изучению постиндустриального общества в России. Считаю эту его деятельность во многом полезной. В том числе, исходя из того, что развитые страны показывает неразвитым их будущее. Тем не менее, и здесь я согласен с его оппонентом А. Бузгалиным, что во многих категорических оценках уровня развитости западных стран у Иноземцева есть явные преувеличения.

Месяц назад я побывал в таком постиндустриальном обществе как США. Половину месяца прожил в Нью-Йорке. Что же меня поразило в этом городе, помимо ряда устаревших небоскребов и быстро меняющейся погоды? Как ни странно, большой удельный вес рабочих, занятых физическим трудом в строительстве, на ремонте дорог и офисов, в сфере обслуживания и быта. Кстати, в Нью-Йорке оказывается такие же плохие дороги и такие же пробки как в Москве. Громадное количество жителей города (особенно черных, латинос, китайцев, представителей других рас и народностей) заняты в сфере обслуживания. Чем они занимаются? Точно так же, как на рынках в Китае, стоят по несколько человек за прилавком на вещевых рынках и в магазинах, ходят, рекламируя прохожим различные товары (одежду, обувь, косметику и т. д.), занимаются охраной или уборкой офисов, дворов и улиц.

По-прежнему в США много ручного физического труда в сырьевых отраслях, машиностроении, не говоря уже о металлургии и сельском хозяйстве. Глядя на все это, у меня невольно возникал вопрос, как будет функционировать экономика и информационное общество в США, если в одночасье исчезнет традиционный рабочий класс в материальном производстве и сфере обслуживания? Думаю, исчезнет сама сфера обслуживания и остановится производство. В этой связи, не завышаем ли мы в своих теоретических рассуждениях уровень вхождения современного мира в информационное общество? Не спешим ли мы, говоря сегодня, что традиционный пролетариат это устаревшее понятие? Думаю, завышаем, и спешим.

По мнению нашего докладчика в материальном производстве уже сегодня почти исчез не только физический труд, но и труд, вообще. В этой связи резонно задать ему вопрос, а какое содержание он вкладывает в понятие «труд»? Разве интеллектуальный труд не является трудом? Думаю, что

Иноземцев просто отождествляет общее понятие труда с конкретным физическим трудом, а понятие «рабочий класс» только с людьми физического труда. Конечно, в мире происходит общее сокращение людей занятых сугубо физическим трудом. Но этот процесс идет не так быстро, как об этом говорят теоретики постиндустриального общества. Не происходит сегодня и общее сокращение представителей наемного труда. Напротив, по данным статистики класс наемных работников растет, достигая в отдельных странах 80-ти и даже 90% населения.

Повторю, на мой взгляд, не следует связывать понятие «рабочий класс» только с людьми физического труда, как это было в XIX веке. Маркс понимал под рабочим классом, прежде всего наемных работников. С ними он связывал и историческую миссию рабочего класса, который должен рано или поздно покончить с наемным рабством.

Как известно, Маркс в отличие от социалистов - утопистов не считал наемных рабочих только страдающим классом. Он видел в них созидающий класс, который в лице лучших своих представителей тянется к просвещению и творческому труду. Он наблюдал, как отдельные рабочие в Германии и Франции в свободное время читают работы Леру, Прудона, Дицгена и др. ученых и философов. По его мнение именно такие рабочие могут и должны вести борьбу за свое освобождение. Значительные успехи рабочего движения в конце XIX и начале XX века в разных странах полностью оправдали эти надежды основателя научного социализма.

Да, сегодня нет мощного рабочего движения аналогичного прошлым временам. Молчат и представители интеллектуальной части рабочего класса. Нередко рабочие голосуют за правых политиков, не проявляя былой революционности и интернационализма. С чем все это связано? Конечно, есть ряд объективных факторов, которые способствуют такой ситуации. Среди них повышение общего уровня жизни трудящихся, особенно в современных развитых странах. Крушение «реального социализма» в СССР и странах Восточной Европы, большое пропагандистское влияние современных официозных СМИ и т. д. Вместе с тем, я думаю, главной причиной здесь выступает такой фактор, как отсутствие действенных политических партий, способных объединить рабочих и возглавить их борьбу с капиталом. Распространенный оппортунизм, имеющийся у ряда левых партий, во многом снижает эффективность борьбы рабочих за свои права.

Исходя из этого факта, Ленин в своих последних работах делал вывод о том, что социализм в перспективе будет вызревать

не столько в развитых странах Запада, сколько начнет свое движение с Востока, со стран, подвергающихся сверхэксплуатации. XX век и наше время во многом подтверждает это предвидение. Достаточно в этом плане обратиться к опыту революционных преобразований и реформ в Китае, к приходу к власти левых сил на Кубе и в других странах Латинской Америки, наконец, современному пробуждению народов северной Африки и арабского мира. Все эти события говорят о том, что трудящиеся, рабочий класс в целом, в отличие от мнения Владислава Леонидовича Иноземцева, не перестает быть субъектом социально-исторических изменений. Я убежден, что он еще не сказал своего последнего слова, в том числе и в развитых странах Запада.

Никуда не исчезли социальные антагонизмы в современном мире, стало быть, не исчезла и потребность в левой социалистической идее. Повторю, по моему мнению, *мы столкнулись сегодня не столько с кризисом левой идеи, сколько с кризисом социалистической практики и левой политики.*

Так, кризис современного левого движения исторически во многом связан со сталинской политикой. Как известно, сталинский «казарменный социализм» не только сохранял наемное рабство, но и довел его с помощью ГУЛАГа до «космических» масштабов (вспомним подневольный труд зэков на лесоповале, или «творческий» труд в «королёвской» «шарашке»). Я уже не говорю, о враждебном отношении Сталина к марксистской идее «реального гуманизма», которую Маркс связывал с коммунистическим переустройством мира и переходом от «царства необходимости» к «царству свободы». Одной из характерных черт социалистической идеи является постепенное отмирание государства. Сталин считал эту мысль классиков «гнилой», заменив ее на теорию «обострения классовой борьбы» по мере построения социализма. Сталинизм вообще есть отрицание научного или марксистского социализма. К сожалению, это мало кто сознает в современном левом движении.

Подчеркну еще раз, сегодня, на мой взгляд, нет необходимого и должного политического оформления протестного движения людей наемного труда, нет подлинно сознательных и активных политических организаций левого толка, которые могут вести эффективную социальную борьбу с капиталом. Многие левые партии (коммунисты, социалисты, социал-демократы) в развитых странах страдают тривиальным приспособленчеством. В итоге происходит определенное сращивание левых партий с буржуазной властью. Это проявляется в идеологии и тактике, когда левые начинают отказываться от революционных методов

борьбы. Достаточно напомнить, как Зюганов говорил в 1990-е гг. о том, что Россия исчерпала свой «лимит на революции». К сожалению, об устарелости революции говорит сегодня и такой специалист по Марксу, как В. Иноземцев.

На самом деле, как показывает практика, революционные методы борьбы далеко не устарели. Социальная борьба в мире продолжается. Мы видим это на примере деятельности альтерглобалистского движения, социальных протестов во Франции, когда миллионы трудящихся солидарно отстаивают свои права на труд и пенсионное обеспечение, когда греки и португальцы выходят на улицу с требованием остановить перекладывание негативных последствий мирового экономического кризиса на плечи трудящихся, остановить рост безработицы и т. д.

В обсуждаемой статье есть мысль о том, что социализм как общество будущего предполагает господство пролетариата. Эта мысль, на мой взгляд, не совсем точна: социализм, а тем более коммунизм предполагают постепенное исчезновение господства не только буржуазии, но и самого пролетариата. Если рассматривать социализм как переходный период, то, в нем, конечно, сохраняется господство пролетариата до тех пор, пока сохраняется возможность реставрации буржуазных отношений и пока не созданы передовые производительные силы, позволяющие резко повысить жизненный уровень трудящихся по сравнению с капиталистическими странами. С решением этих проблем отпадает всякая необходимость в существовании классов, тем более в необходимости диктатуры пролетариата и его орудия - государства. На смену рабочему государству рано или поздно должно прийти общественное самоуправление.

Говоря коротко, по мере прогрессивного развития социалистического общества и ликвидации социального отчуждения наступает время осуществления социального идеала Маркса, т. е. создание общества «реального гуманизма», в котором, как уже говорилось, «свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех». Такое общество Маркс называл «свободным человеческим обществом», где люди не противостоят, а дополняют друг друга, где на место наемного труда и рабочего времени приходит свободный творческий труд, осуществляющийся по законам свободного времени. Всеобщая автоматизация и информатизация производства - необходимая технологическая предпосылка такого явления.

Современная жизнь показывает, что в таком идеале нет ничего призрачного или утопичного, как кажется отдельным обывателям и буржуа. На его практическое осуществление

сегодня работают развитие науки и новейших глобальных технологий, становление информационного общества, и, конечно, непрекращающаяся революционная борьбы трудящихся за свои социальные и человеческие права.

Учитывая опыт последних лет, связанный с разрушительными последствиями глобального кризиса капитализма, можно предположить, что человечеству рано или поздно придется сделать свой исторический выбор: перейти к «социализму с человеческим лицом», или продолжить жить в условиях современного господства капитала, все чаще ставящего под вопрос существование самой человеческой цивилизации.

4. Правда и ложь идеологии: марксизм и постмодернизм

Критерием жизненности любой идеологии всегда является ее конечное соответствие действительности. Каждый раз, когда идеология отвечала вызовам времени и потребностям масс, она стимулировала поступательное движение общества, и, напротив, отрыв идеологии от реальной жизни приводил к политическим ошибкам и человеческим трагедиям*.

Среди современных философов и идеологов левого и правого толка распространено однозначное мнение о «ложном», или «иллюзорном» характере любой идеологии. Как же смотрели на идеологию Маркс и Энгельс? По моему мнению, они никогда не считали идеологию проявлением *только* «ложного» или «иллюзорного» сознания. Эти эпитеты, как правило, относились у них к носителям сугубо идеалистической философии или представителям «вульгарной» политэкономии, не желающих замечать противоречий собственных взглядов и реальной действительности.

Есть идеология, и идеология. Говоря о научном происхождении идеологии и ее специфики, классики марксизма писали: «... Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности»[85]. Как отмечает современный исследователь творчества К. Маркса А. Баллаев, здесь нет ни слова «о лжи» идеологии, что лишний раз, по его мнению, подтверждает последовательное следование Маркса глубокой традиции «философии тождества»[86]. К сожалению, сам А. Баллаев, критикуя тех, кто считает идеологию только «ложным сознанием», в свою очередь, приходит к выводу о том, что «в своей основе идеология - самообман, иллюзия». По его мнению, она составляет «иллюзорную часть» или «сторону сознания»[87]. На мой взгляд, такой вывод не менее односторонен, чем критикуемые им утверждения о «ложном» характере идеологии.

Следует отметить, что трактовку идеологии как сугубо «ложного», или «иллюзорного» сознания нередко переносят на сам марксизм, подвергая его критике за утопизм и неадекватность действительности. При этом марксизм объявляется то своеобразной «светской религией» (Э. Гелнер), то «утопией» (К. Манхейм), то орудием «манипуляции» (Р. Пайпс). При этом критики марксизма никак не хотят замечать принципиального различия взглядов его основателей и той идеологии советских времен, которая базировалась на догматических установках «Краткого курса истории ВКП(б)», являющегося на самом деле фальсификацией марксизма, сближающего его со светской религией.

С точки зрения марксизма, в идеологии, принадлежащей к сфере «идеального», отражается социальная практика человека с ее нравственными и правовыми нормами, политикой, мировоззрением, искусством, литературой и т. д. Являясь совокупностью идей и взглядов, в которых осознается отношение людей к окружающей их действительности и друг к другу, идеология выступает важнейшей стороной современного общества. Она во многом определяет смысл жизни людей, их духовную и гражданскую идентичность.

Особенно следует отметить органическую связь идеологии и политики: идеология во многом выступает концентрированным выражением политики, ее стратегии и тактики. Поскольку политика насквозь пронизана классовыми интересами, постольку идеология выражает, или концентрирует эти интересы: т. е. идеология всегда имеет классовый характер. В этом смысле различают феодальную, буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую идеологии, в которых выражено отношение этих классов к действительности.

На самом деле, идеология бывает правдивой и ложной, реальной и иллюзорной, она может возвышать и принижать человека; одним словом, ее роль в обществе трудно переоценить. XXI век с его глобальными экологическими проблемами, атаками международного терроризма, мировыми экономическими кризисами, межнациональными и социальными конфликтами, предъявляет жесткие требования к идеологии, призванной объяснить противоречия и перспективы развития современного человеческого сообщества.

Идеологию нередко пытались и пытаются обосновывать с помощью аргументации, в частности, таких естественных наук, как физика, география, биология и др. При этом нередко данные науки используются для того, чтобы доказать неизменный и даже вечный характер общественных отношений и идей, выражающих

эти отношения. В этом смысле естественнонаучное обоснование идеологии выполняло и выполняет консервативно-охранительную функцию в обществе.

Однако, с развитием естественных наук, все большую роль в них начинают играть методы, связанные с анализом качественных изменений природных объектов. Это сближает их с общественными науками. В этой связи становится более понятной утверждение основателей марксизма о том, что «мы знаем только одну единственную науку, науку истории»[88]. Здесь речь идет не столько о традиционной исторической науке, сколько об историзме как принципе или методе, одинаково необходимом для рассмотрения как общественных, так и природных явлений. Отсюда становится прозрачной и другая их мысль о том, что со временем «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»[89]. К сожалению, сближению естественных и общественных наук, на мой взгляд, мешает философская традиция, подвергающая сомнению саму возможность существования общих законов исторического развития природы и общества[90]. Но такие законы есть, их и фиксирует диалектика как логика и теория познания.

Рассмотрим теперь, что же связывает общественную науку и идеологию, и чем они отличаются друг от друга? Прежде всего, для общественной науки и идеологии общей является та реальная действительность, которую они отражают как специфические формы общественного сознания. Различие состоит в том, что общественная наука отражает эту действительность в теоретических понятиях и законах, а идеология не только в понятиях, но и в образах, ценностных суждениях, политических программах, лозунгах и т. п. Общественная наука всегда на стороне объекта, идеология - на стороне субъекта. Занимаясь познанием социальных объектов, наука ставит своей целью выявление истины, не зависящей от сознания человека. Идеология напрямую обращена к людям и их сознанию. В частности, она выражает политические идеи и взгляды различных общественных объединений, социальных групп, этносов, наций и т. д. Идеология часто использует понятия и выводы общественной науки, но наука не терпит «идеологизации», которая мешает ей объективно смотреть на мир. Конечная цель науки - познание мира, цель идеологии - его изменение. В этом смысле идеология связывает науку с практической деятельностью людей. Особенно это относится к научной идеологии, которая по своему определению должна исходить из науки и опираться на ее выводы. Историки науки и идеологии часто отмечают

противоречивое взаимодействие и взаимовлияния этих двух сторон общественного сознания. Думаю, здесь правы те, кто считает, что не только в идеологии есть элементы науки, но и в науке элементы идеологии, связанные с мировоззрением людей[91].

Повторим, идеология, как часть общественного сознания может адекватно и неадекватно выражать действительность. По мнению Маркса, неадекватность, «ложность» или «иллюзорность» идеологии является следствием «ограниченности» «материальной деятельности» людей и их «общественных отношений»[92]. Ограниченный, или более точно, отчужденный характер общественных отношений - вот конечная причина «иллюзорного» или «ложного» характера, например, буржуазной идеологии в современном обществе. С преодолением такого отчуждения (теоретического или практического) исчезает и иллюзорный характер идеологии. Именно такой идеологией и стал, в частности, социализм, который Ф. Энгельс вполне сознательно, а не «неосторожно объявил» (А. Баллаев) наукой. Это была новая *наука об условиях и законах освобождения рабочего класса и всего человечества от эксплуатации, несправедливых и антигуманных отношений в современном мире.* Ее новизна заключалось в том, что она была не отвлеченным академическим теоретизированием, а основой практического изменения общественных отношений. На этой основе и сформировалась научная социалистическая идеология, призвавшая массы трудящихся к изменению несправедливого мира. Говоря философским языком, в такой идеологии органически соединялся теоретический и практический разум. Вот почему слово «социализм» одинаково применимо и к названию науки, и к названию идеологии.

Марксизм - это целостное мировоззрение, органически включающее в себя как материальные, так и идеальные стороны реальной жизни. Его не следует трактовать как сугубо экономическое учение, противостоящие духовным ценностям и идеалам[93]. Сторонникам такого, по сути дела, вульгарного прочтения марксизма можно возразить известной фразой Маркса о том, что если они считают себя марксистами, то в этом случае «ясно одно, что сам я не марксист»[94].

К науке и научной идеологии всегда тяготели зарождающиеся прогрессивные силы, нуждающиеся в объективной картине мира. Напротив, старение этих сил вело их к отказу от науки, с одной стороны, и к критике научной идеологии, с другой. Методологическим инструментом подобной критики сегодня является философский релятивизм, находящий свое наиболее полное выражение в идеологии постмодернизма.

В свое время Герберт Маркузе, критикуя буржуазное

общество, в котором партия, защищающая капитализм, называется «социалистической», деспотическое правительство считается «демократическим», а сфабрикованные выборы объявляются «свободными», очень удивлялся тому, что подобную ложь может принимать «общественное и частное мнение»[95]. Сегодня он, удивился бы гораздо больше, узнав, что постмодернисты предлагают, вообще, отказаться от категории объективной истины, и основанных на ней идей и научных концепций («метанарративов»). По их мнению, рассуждения о научной истине, высоких моральных ценностях, социальных идеалах есть атавизм, есть пережиток давно ушедшей эпохи Просвещения, эпохи Модерна и т. д. Один из авторов понятия «постмодернизм» Ж. -Ф. Лиотар писал, что оно «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века»[96]. По мнению ведущих представителей постмодернизма необходимо разорвать связи с прошлым и заменить «современность» «постсовременностью». (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гватари и др.).

Родившись как своеобразное отрицание авторитарных и тоталитарных порядков современного мира с их некритической догматикой в духовной сфере, с «языком тотального администрирования» и действительностью похожей на общество, описанное Оруэллом, постмодернизм предлагает сделать основными средствами познания такие сугубо абстрактные понятия, как «текст», «ризома» (отсутствие какой-либо структуры и центра), «след», «смысловая неразрешимость» и т. д. (Соссюр Ф., Деррида Ж., Фуко М.). Мало того, с позиций последовательного постмодернизма, даже в этих явно не субъектных понятиях не следует искать какого-либо объективного содержания, ибо определенность в языке и политике может способствовать лишь манипулированию сознанием людей. Как известно, любая истина с точки зрения постмодернистов «репрессивна»[97].

В результате такого сугубо релятивистского подхода к явлениям современной общественной и культурной жизни происходит полное смешение обыденных, научных и нравственных понятий, становятся неразличимыми такие фундаментальные ценности человечества, как жизнь и смерть, добро и зло, истина и заблуждение, наука и утопия. В итоге подобной «игры» с важнейшими понятиями науки и нравственности становится невозможной, вообще, познавательная деятельность человека, не говоря уже о сознательном формировании научного мышления, функционировании систем образования и воспитания, осуществляющих связь поколений.

В этом плане, наиболее радикальные критики постмодернизма убедительно показывают всю ложность его отказа от объективных критериев в науке, идеологии и нравственности. «Идея отрицания объективной истины, - пишет философ Л. К. Науменко, - влечет за собой утверждение объективной истины. Ибо отрицание истины тоже выдается за истину. *Лучшее опровержение Делеза - сам Делез.* Если истина репрессивна, то и репрессивность истина. За что же тогда упрекать истину? И за что упрекать палача, насильника, диктатора, наконец, - просто хама? Ведь если бог истины умер, а с ним и субъект, то остается только «аппетит», а он не подсуден, не истинен и не ложен, не нуждается в «смысле», ибо он сам и есть этот смысл»[98].

Однако, несмотря на свою внутреннюю противоречивость и познавательную иллюзорность, идеология постмодернизма до сих пор остается в моде. Мало того, по рыночным меркам она цениться достаточно высоко. Не случайно на основе постмодернистского «разума» сегодня пытаются анализировать экономические и политические явления общественной жизни, пишутся философско-эстетические трактаты, создаются произведения литературы и искусства. И хотя теоретическая и эстетическая ценность подобных трудов невелика, они дают определенный духовный срез современного общества, демонстрируя при этом его отчужденное и кризисное состояние.

В этом плане постмодернизм есть своеобразный «диагноз» нашего времени с его откровенной ложью верхов и пассивностью низов, с его постоянным извращением понятий истины, добра и красоты. В этом убеждаешься каждый раз, когда современные средства массовой информации и пропаганды в угоду своих хозяев называют, например, вооруженную агрессию крупнейшей сверхдержавы против небольшой азиатской страны «защитой демократических ценностей». Когда с трибуны ООН официальные представители этой сверхдержавы вводят в заблуждение мировое общественное мнение относительно подлинных причин такой агрессии. Когда постоянно отождествляются интернациональные ценности левых организаций с правыми взглядами националистов и неофашистов. Когда массовое движение антиглобалистов представляют как сборище хулиганов, бьющих витрины магазинов, не более того. Когда возводится в ранг высокой культуры сенсационные поделки и даже физиологические откровения известных представителей так называемого «современного искусства». На мой взгляд, относясь терпимо к подобным методам оболванивания людей, и даже поощряя их, современное общество начинает постепенно

отрицать само себя, ибо оно не сможет долго существовать без использования подлинно научных понятий и всеобщих идеалов правды, справедливости, добра и красоты.

Постмодернисты часто называют себя «клиницистами» современной культуры. И они в определенной мере таковыми являются. Но, отождествив себя с этой культурой и ее болезнями, они не в состоянии их лечить. Поэтому правы те критики постмодернизма, которые не верят в «искренность» его идейных установок и деклараций. По их мнению, постмодернизм «не играет, он нас *разыгрывает.* Его улыбка - это маска. И верить ей нельзя»[99].

Что же собой представляет современный постмодернизм как идеология? Каково его влияние на сознание людей и, в частности, на представителей художественной интеллигенции России?

На мой взгляд, постмодернизм есть идейное течение современной буржуазной мысли эпохи зарождения глобального капитализма и крушения советской модели реального социализма. Классический капитализм эпохи модерна рухнул, социализм в его тоталитарной, сталинской версии тоже «приказал долго жить». Одним словом, «все смешалась» и «перевернулось» в новом глобальном доме. Это смешение и переворачивание породило соответствующую идеологию: ею и стал постмодернизм. В этом смысле постмодернизм есть реакция на современный капитализм, где разрушены границы добра и зла, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного.

На самом деле эти границы и критерии, конечно, существуют, но господствующая духовная элита буржуазного общества это не хочет замечать. Ей выгодно, когда говорят, что теория социализма устарела, что уже давно нет классов, эксплуатации, истины и справедливости. Отсюда многие сюжеты и тексты постмодернистов, которые философски обосновывают подобные утверждения. В действительности, конечно, продолжают существовать эксплуатация, классы и классовая борьба, стремление миллионов людей к справедливости, истине и красоте, однако все это постмодернизм объявляет устаревшими высказываниями (нарративами), лишенными содержания. Все течет, и в этом глобальном потоке социальной жизни нет ничего, за что можно было бы ухватиться: нет центра и периферии, нет высокого и низкого, даже смерть и жизнь являются истинами относительными, которыми можно пренебречь. Одним словом, все относительно в этом мире.

Откуда, например, возникла идея постмодернизма об устарелости и ложности больших нарративов? Думаю из реальной действительности. Например, долгое время считалась

истиной сталинское высказывание «о полной и окончательной победе социализма» в СССР, но оно оказалось ложным. Ложными оказались и великие нарративы буржуазной эпохи модерна с его ценностями: Свобода, Равенство, Братство. В этом смысле постмодернизм по - своему «ухватил» реальность, но «ухватил» односторонне. В чем его гносеологический недостаток? В релятивизме. От того, что многие большие нарративы и ценности оказались ложью, вовсе не следует, что все нарративы и ценности есть ложь. От того, что многие идеологии оказались иллюзорными, вовсе не следует, что все идеологии есть ложь и иллюзия, как думают постмодернисты и подыгравшие им некоторые марксисты. Так, исходя из ложности «немецкой идеологии» младогегельянцев, вовсе не вытекает ложность марксистской идеологии, как думают некоторые отечественные критики «русского» марксизма.

Идея постмодернистской деконструкции есть, по сути дела, ложная релятивистская идея, не признающая возможности существования абсолютной истины и правды. Это идея фактического разрушения любого смысла, любых нравственных, научных и идеологических ценностей. Что же тогда остается, за что же тогда ухватиться? По мнению бывшего либерального марксиста, а затем православного священника Сергея Булгакова, человек не может нормально и осмысленно жить, если он не стоит на твердой почве. Поскольку все материальное, включая Землю, не может являться такой почвой, (все материальное течет и изменяется во времени), то Булгаков приходит к идее Бога, как вечного и неизменного творца этого мира.

Но для постмодернистов Бог тоже есть большой нарратив, который не может обладать истиной, поскольку последняя сугубо относительна. Где же тот пункт, на который можно опереться в познании и жизни? На чем «сердце может успокоиться»? У постмодернистов ответа на эти ключевые вопросы нет. Практики, как критерия истины, для них не существует. В этом смысле постмодернизм переживает кризис и возможно он скоро сойдет со сцены[100].

Однако, чтобы окончательно сойти со сцены, на мой взгляд, постмодернизм должен был дойти до крайности, до своего собственного отрицания. И, на мой взгляд, он уже к этому подошел, в частности, в литературе наших русских постмодернистов. Посмотрим это на конкретном примере. Неделю назад супруга принесла мне одно из последних литературных произведений В. Сорокина с просьбой прочитать и дать ему оценку. С ее слов она ничего в нем не поняла, а хотела бы обсудить со студентами. Я не хотел читать, потому что знал

более ранние вещи этого автора и имел о них свое, в основном, негативное мнение. Жена меня уговорила. Стал читать его рассказ «Настя». Никто из Вас не читал? Советую это сделать, хотя заранее предупреждаю: для его прочтения нужны крепкие нервы.

Рассказ начинается с описания главного его героя молодой и романтичной девушки Насти. Она во многом напоминает светлый образ Наташи Ростовой у Льва Толстого. Настя смотрит в открытое окно и радуется жизни. Ей исполнилось 16 лет. Она полна безоблачных мечтаний и надежд на лучшую и красивую жизнь. Приходят гости, чтобы отметить ее день рождения, дарят ей подарки. Один из родственников дарит ей «золотую брошь с латинской надписью.

- „Transcendere! ", - прочитала Настя. - А что это?

- „Преступи пределы! " - перевел Лев Ильич.

- Ну, брат! - Отец замер с вилкой у рта, покачал крутолобой головой. -А меня упрекаешь в буквальном понимании!»[101].

О каком же «буквальном понимании» сказал отец Насти? Оказывается, речь идет о философии Ницше, которая была предметом обсуждения родственников незадолго до застолья, посвященного, чему Вы думаете? Не много, не мало, как предстоящему зажариванию и съедению Насти в ее день рождения. Автор долго, и в сугубо натуралистической манере описывает данный процесс. Он специально углубляется в детали, подробно раскрывая процесс привязывания живой Насти к лопате, погружения этой лопаты в печь и т. д.

Участники дискуссии: Дальше не надо!

Б. Ф. Славин: Я хочу, чтобы Вы почувствовали современный постмодернизм в его «лучших» литературных формах. Итак, В. Сорокин подает свою зажаренную героиню к столу и подробно описывает процесс ее коллективного поедания под философские разговоры о смысле жизни. При этом он не упускает различные детали и вкусовые нюансы этого совершенно иррационального пиршества. Вот такой «простенький» пример современного постмодернистского литературного творчества.

Скажу сразу, на мой взгляд, этот рассказ есть апогей всей современной постмодернистской литературы. Здесь автор нам в образной форме показывает, что в человеческом мире не существует никаких границ: ни интеллектуальных, ни нравственных. Это «выход за любые пределы» и любые табу в человеческих отношениях.

Откровенный каннибализм - вот единственная положительная ценность современной эстетики постмодернизма, пропагандируемая В. Сорокиным. Абсолютов ныне нет ни в

жизни, ни в искусстве, все относительно, и все возможно, вплоть до воспевания смерти и сугубо физиологических потребностей. Напомню, что каннибализм был закономерным явлением, когда человек только начал выходить из животного состояния. Он возрождался лишь в экстремальных условиях человеческого существования типа блокадного Ленинграда, но никогда не был и не мог быть сутью человеческой жизни, ибо жизнь есть отрицание смерти, есть борьба с ней.

Не свидетельствует ли искусство слова, воспевающая смерть как единственную ценность, о глубоком кризисе этого искусства и эстетики, лежащей в его основе? Нужен ли современному обществу такой постмодернистский «подарок»? Мне жена рассказала, что обсуждение соответствующего рассказа В. Сорокина в студенческой аудитории вызвало у абсолютного большинства студентов негативное к нему отношение, и лишь одна студентка пыталась трактовать этот рассказ как «символический протест» против «потребительского общества». Оставим подобную трактовку на ее эстетической совести.

Однако, в чем же идеология постмодернизма отражает современность? Прежде всего, в том, что она фиксирует в ней всеобщее отчуждение и антигуманизм общественной и политической жизни, когда уничтожаются в войнах и террористических актах ни в чем неповинные люди, когда в одночасье миллионы людей остаются безработными, когда духовной ценностью называют то, что таковой не является. На самом деле разве может быть ценностью такие явления и процессы современной жизни, когда мертвое и вещное возводится в предмет культового поклонения, а все живое и человеческое объявляется тривиальностью?

Что же следует противопоставить подобным тенденциям? На мой взгляд, одно - возвращение к идеологии и ценностям, выражающим истины и интересы подавляющего большинства человеческого сообщества.

Прошедший мировой экономический кризис наглядно показал, что нынешний буржуазный мир не вечен, не вечна и его идеология постмодернизма. Люди не хотят соглашаться с системой, которая порождает насилие, «финансовые пузыри», безработицу, коррупцию и другие «прелести» буржуазных отношений. Они требуют иного мира, где нет виртуальных денег и капитала, где понятия «нравственность» и «справедливости» не являются ложными нарративами, где труд господствует над капиталом, а жизнь над смертью. Старый мир должен уйти, об этом все чаще говорят простые люди и трезвые политики. Не случайно сегодня раскупают «Капитал» Маркса, показавшего как

можно избавиться от кризисного развития человечества. Этот нарратив Маркса как никогда актуален. Уверен, что с уходом старого мира, уйдет и постмодернизм, уступив место новому реалистическому мировоззрению и новой классике в литературе и искусстве.

Послесловие

Книга закончена и в этом смысле ее автор может уйти в тень, оставив читателю право самому оценивать ее содержание.

Однако происходящие сегодня события в России, на Украине, да и во всем мире снова и снова ставят вопросы, от которых невозможно уйти, не высказав своего отношения к ним. Почему, например, после «Арабской весны» жизнь простых людей в этих странах резко ухудшилась? Почему после прошедшего первого глобального кризиса не прекратилась борьба трудящихся против безработицы и спекуляций финансовой олигархии в Европе и США? Почему в Украине, люди которые желают «войти» в свободную Европу, выражает свое стремление с помощью насилия, махрового национализма, антисемитизма и русофобии? Почему с особым озлоблением они уничтожают памятники Ленину и одновременно с радостью возрождают культ Степана Бендеры, запятнавшего себя сотрудничеством с фашистами? Наконец, почему Россия, вступив в 1980-е гг. на путь социального прогресса, демократии и гласности, сегодня, пятится назад, отвергая с порога атеистическую мысль и левую альтернативу? Почему ее нынешнее руководство навязывает гражданам в XXI веке средневековые традиции, правые взгляды и самодержавные ценности? И все это происходит с молчаливого согласия, а иногда и одобрения ряда либералов и «державных» коммунистов, делающих вид, что все само собой успокоится и стабилизируется, ибо «лимит на революции» якобы «исчерпан», и, стало быть, следует, вопреки «устаревшему» Марксу, не изменять несправедливо устроенный мир, а постоянно приспосабливаться к нему.

Но объективные факты говорят о том, что современный мир, к сожалению, не думает стабилизироваться. Более того, он неумолимо катится к «войне всех против всех», которая, рано или поздно, может привести его к глобальной катастрофе. Где же выход из создавшегося положения? Есть ли ему реальная альтернатива? Что говорят об этом ученые, представители современной социально-философской и политической мысли?

К сожалению, многие из них, забыв о том, что человек есть Альфа и Омега развития человечества, как правило, ограничиваются технократическим видением будущего, связывая его, например, только со становлением информационного, или постиндустриального общества. Однако современный опыт истории показывает, что в век гибких технологий, информации и компьютеров отчуждение человека резко возросло, о чем

свидетельствуют нарастающее количество психических расстройств, суицидов, девиантного поведения людей, вспышек социального, национального и политического экстремизма и т. д. В этом плане, проблема человека выходит на первый план, становясь ключевой для понимания перспектив развития не только России, но и всей человеческой цивилизации. Прав был поэт, сказавший: реакционны все прогрессы, если гибнет человек. Отсюда все яснее становится необходимость создания такого человеческого общества, в котором свободой будет обладать не только отдельный индивид, не только властвующая элита, но и все без исключения граждане.

Как известно, человек - существо общественное. Он представляет собой своеобразное общество в миниатюре. В этом его особенность, его природа, которая отличает его от других живых существ. Не следует забывать, что человек может находиться в гармонии с господствующими общественными отношениями, а может им противоречить и выступать против них. Это происходит тогда, когда человека низводится до уровня раба, вещи, простого средства или винтика в условиях антагонистического или тоталитарного общества. Именно в подобных обществах возникает историческое противоречие между общественной природой человека, предполагающей взаимное творчество и дополнение людей друг с другом, с одной стороны, и теми античеловеческими формами общества, которые противопоставляют человека человеку, с другой. Наличие сословий, классов, абсолютизация рыночных отношений, как показывает опыт истории, уродуют общественную природу людей, делает их изначально враждебными друг другу, превращает их в частичных, а иногда и просто глупых индивидов, видящих свой смысл жизни в таких суррогатах общественных ценностей, как деньги, вещное богатство, алкоголь, наркотики и т. д.

Вместе с тем, ничего фатального в истории нет. Сознательное изменение существующих социальных отношений может привести к изменению не только бытия, но и сознания большинства людей. И такая возможность появляется именно в XXI веке, как прямая альтернатива возможному уничтожению человечества. При этом надо признать, что предыдущие попытки создания нового гуманного и справедливого общества оказались несовершенными, но от этого сама задача не перестала быть актуальной. Более того, в современных условиях достаточно высокого уровня образования и активности граждан она прямо стучится в двери истории.

Как показывают современные факты социальной борьбы в мире и России, люди не хотят быть вещью, не хотят быть рабами

господствующих античеловеческих порядков. Они хотят не словесного, а «реального гуманизма», составляющего суть будущего уже, видимого посткапиталистического общества. Об этом же говорят продолжающиеся негативные последствия первого глобального кризиса, этого требуют как неизмеримо выросшие производительные силы человечества, так и творческие способности, умения и знания миллионов людей.

До недавнего времени мне казалось, что подобная перспектива достаточно далека от современности, но в последнее время все чаще появляются факты, говорящие об обратном. Поясню это на конкретном примере. Недавно мне пришлось услышать вопрос о возможном альтернативном устройстве человеческого сообщества, поднятый на радиостанции «Свобода», который прозвучал, как это ни странно, в передаче, посвященной 90-летию со дня смерти В. И. Лента. Участники этой передачи[1], после определенной дани критике идей Ленина и марксизма, в итоге пришли к выводу, что современный национализм является не альтернативой, а спутником капитализма. По их мнению, действенную альтернативу глобальному капитализму, рынку и потребительскому обществу следует искать не столько в их совершенствовании, сколько в сознательном переходе к обществу «социальной справедливости» и «солидарности людей». Мало того, с точки зрения одного из участников передачи, современные людям сегодня нужно не «авторитарное», не «потребительское» общество, а «демократический и гуманный социализм», который, в свое время, провозгласила перестройка.

Парадокс подобного вывода состоял в том, что предложенная его участниками глобальная альтернатива современному капитализму была впервые сформулирована не ими, а известными основателями марксизма, которые назвали ее «свободным человеческим обществом», или «ассоциацией», в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Кто бы мог подумать еще недавно, что современная жизнь может заставить даже идейных противников марксизма, какими являются, по долгу службы, журналисты самой большой либеральной радиостанции в мире, заговорить языком Маркса и Лента, но это случилось. Значит еще не все потеряно в этой жизни, значит стоит говорить и писать о марксизме, продолжающим испытывать себя не только прошлым и настоящим, но и провозглашенным им идеалом грядущего справедливого, свободного и человечного общества.

Борис Славин
январь 2014 г.

notes

Примечания

1

Термин «критический марксизм» наиболее полно выражает суть антидогматического мировоззрения рабочего класса, которое формировалось и развивалось Марксом и его последователями путем глубокой и содержательной критики предшествующей буржуазной науки и философии. Введенный в научный оборот итальянским философом Антонио Лабриолой в конце XIX века, этот термин востребован сегодня как никогда.

2

За последние годы только в России вышло, по меньшей мере, десяток книг, где их авторы, принадлежащие к школе критического марксизма, рассматривают различные аспекты творчества Маркса, Энгельса, Ленина в контексте современных проблем общественного развития. См.: Социализм 21: 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М. 2009; Марксизм: Альтернативы XXI века. М.: URSS, 2009; Славин Б. Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М.: URSS, 2010; Ленин on-line: 13 профессоров о В. И. Ульянове - Ленине. М.: URSS, 2011; Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин. М.: URSS, 2011; Науменко Л. К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М.: URSS, 2012; Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения. М.: URSS, 2013; Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) М., 2013; Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию. М.: URSS, 2014.

3

См. изложение его выступления на http://finance.obozrevatel.com.

4

См.: Рубини Нуриэль, Мим Стивен. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к потрясениям. М. 2011.

5

См. в этой связи интервью Зигмара Габриэля 7 ноября 2011 г. на http://www.socialistinfo.ru/apriori/936.html

6

См.: например, статьи и устные выступления политолога А. Ципко, который, напрочь забыв, что некогда был марксистом, сегодня утверждает, что Маркс был не только утопистом и автором «аморальной» теории классов и классовой борьбы, не только предтечей политики сталинизма: оказывается он «еще шулер был, это известная вещь». Смотри его интервью журналу «Гефтер» под названием «Истоки сталинизма»: обратный путь? (Гефтер.ру. 27.11.2012). И эти слова произносит человек, который прекрасно знает, что теория классов и классовой борьбы была открыта задолго до Маркса французскими историками, и что коммунизм для него был равен «реальному гуманизму».

7

См. выступление Яковлева А. на заседании РАН, посвященного 20-летию Перестройки, где он рассматривает марксизм как «идеологию насилия». Яковлев А. Н. Суда истории не избежать. // Перестройка для страны и мира: как она видится двадцать лет спустя: материалы Междунар. конф. В Российской академии наук 7 апреля 2005 г. М.: Наука. 2007. С. 22-28.

8

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е издание. Т. 3. С. 75. Далее цитаты из работ К.Маркса и Ф.Энгельса даются по этому изданию.

9

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26.

10

См.: Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса. М.: URSS, 2013. С. 4.

1

См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М. 1992. С. 478.

2

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

3

Там же. С. 266.

4

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 380.

5

См.: Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма. Франкфурт на Майне. 1957. С. 45.

6

См. указанную работу Б. Вышеславцева, а также книгу его учителя П. Новгородцева «Об общественном идеале». Вып. 1. М. 1917.

7

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 266.

8

Там же.

9

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. 406.

10

Подробнее об этом см.: Там же. Т. 2. С. 133-134.

11

Там же. Т. 1. С. 414.

12

Там же. Т. 42. С. 265.

13

См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

14

Там же. С. 119.

15

Карл Кантор. Двойная спираль истории Историософия проектизма. Т. 1, М.: Языки славянской культуры. М. 2002. С. 816-817.

16

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

17

Там же. С. 127.

Там же. Т. 3. С. 34.

19

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 127.

Там же. С. 136.

21

Там же. С. 116.

22

Там же.

23

Там же.

Там же. Т. 4. С. 447.

Там же. Т. 49. С. 47.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

27

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 374.

28

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3, С. 136, 145, 152.

29

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

Там же. Т. 42. С. 241.

Этот факт и сегодня не потерял своего исторического и политического значения.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 59.

Зиновьев А. Русская трагедия. Гибель утопии. М. 2002. С. 161.

Н. Бердяев. Марксизм и религия. Париж. 1928. С. 30.

Поппер К. Указ. соч. Т. 2. С. 103.

От марксизма к идеализму. С-Петербург. 1903. С. IX-X.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 113.

Там же. Т. 42. С. 126.

39

Там же. С. 118.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 471.

41

Там же. Т. 42. С. 93.

42

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1 С. 101-102.

Там же. Т. 13. С. 8.

Там же. Т. 23. С. 605.

Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 386-387.

См. по этому поводу: Кузьмин В. П. Принцип системности в теорий и методологии К. Маркса. М. 1980. С. 117, 163.

См.: Эрнест Геллнер. Условия свободы. М. Московская школа политических исследований. 2003. С. 29.

См.: Булгаков С.. Указ. соч. С. IX.

См.: Поппер. К. Указ. соч. Т. 1. С. 199-207.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 33.

Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 387.

53

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386.

Там же. С. 386-387.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386-387.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 204.

Там же. С. 206.

Там же. С. 203.

Там же. С. 207.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 213.

61

Там же. С. 218.

Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 208.

Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 393.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 215.

65

Маркс писал: «Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий (в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Эго намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 406.

См.: Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М. 2005.

Здесь следует согласиться с Эрихом Фроммом, который считал, что «ядро идей молодого Маркса никогда не менялось. И поэтому невозможно анализировать и понимать его поздние идеи о сути социализма и его критику капитализма, иначе чем опираясь на его концепцию человека, развернутую в ранних произведениях». См.: Фромм Э. Концепция человека у Карла Маркса на http://striphaus.ni/referats/materials/from/2.htm

69

См.: Монсон П. Кто виноват? (К вопросу об ответственности Маркса и марксизма за практики СССР). // СССР. Незавершенный проект. М.: URSS, 2013. С. 469.

Там же. С. 477-478.

71

См.: СССР: незавершенный проект. С. 478.

В этом случае Монсон ссылается на Rigby, который утверждает, что последствия «позитивисткого подхода Энгельса можно не только увидеть в реформистской практике СДПГ, но и в бесчеловечной политической практике большевиков». См.: СССР: незавершенный проект. С. 480.

См.: СССР: незавершенный проект. С. 478.

74

Монсон пишет: «... Нет ничего, что однозначно указывало бы, что Маркс разделял взгляд Энгельса на диалектику природы». См.: Там же. С. 479.

В этой связи, интересна монография современного исследователя Игнатовича В. Н., показавшего какую роль сыграла материалистическая диалектика у Маркса и Энгельса в осмыслении ими проблем и достижений современного им естествознания. Он так же подробно объяснил суть «грандиозного замысла», который возник у Энгельса в мае 1873 года и нашел свое отражение в «Диалектике природы». См.: Игнатович В. Н. Введение в диалектикоматериалистическое естествознание. Киев. 2007. С. 49-50.

См.: Математические рукописи Маркса на сайте http://www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-6701.htm

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 479-480.

«... Энгельс, - пишет Монсон, - пережил Маркса на двенадцать лет и что именно в период между 1883 и 1895 годами вырабатывались основы того, что называлось «марксизмом» и было воспринято как немецким, так и международным рабочим движением во Втором интернационале». См.: Там же. С. 476. Однако, как понимать факт использования самим Марксом понятий «марксизм» и «марксисты», например, в критике работ Лафарга? Похожее он говорил и в письме Вере Засулич в 1881 году: «Русские «марксисты», о которых Вы говорите, - писал Маркс, - мне совершенно неизвестны». См.: Письмо Карла Маркса Вере Засулич на http://www.marksizm.info/content/view/4046/

Цит. по СССР. Незавершенный проект. С. 473.

Цит. по СССР. Незавершенный проект. С. 473.

Весьма характерно, что спустя более ста тридцати лет после смерти Маркс, на его оценке русской общины и перспектив ее развития, сегодня пытаются спекулировать не только идейные наследники «народничества», но и неосталинисты, связывающие русскую общину со сталинской теорией создания социализма и «успехами» коллективизации в СССР. См.: Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. Заключение. М. Изд. Моск. ун-та. 2003.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 263.

83

См.: Письмо Карла Маркса Вере Засулич на http://www.marksizm.info/content/view/4046/

Это письмо написано К. Марксом 8 марта 1881 г. Впервые опубликовано в "Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса", книга 1 в 1924 году. (Выделенные места в приведенном тексте письма сделаны мною - Б.С.)

Почему он их не привел в своем кратком варианте письма остается открытым вопросом. На мой взгляд, это возможно результат сомнений Маркса, связанный с соответствующими возражениями со стороны Энгельса, который рассматривал судьбу русской общины пессимистически и допускал ее возрождение лишь при условии осуществления социалистической революции на Западе.

85

См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич на http://www.marksizm.info/content/view/4046/

Там же.

Там же.

Там же.

89

Маркс писал, ссылаясь на одного американского писателя, которого, - по его словам, - «никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях»: «Новый строй», к которому идет современное общество, «будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа». Итак, не следует особенно бояться слова «архаический». См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич на http//www.marksizm.info/content/view/4046/.

Там же.

91

См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич на http://www.marksizm.info/content/view/4046/

Вот его текст: «... Может ли русская община - эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землёй - непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 304-305.

93

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 324; Т. 37. С. 370.

Цит. по Плеханов Г. В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории http://az.lib.ru/p/plexanow.gw/text_1895_tierry.shtml

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 30.

Там же. С. 18.

Там же. Т. 2. С. 102.

Там же. Т. 42. С. 126.

Там же. Т. 3. С. 44-45.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 265.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 44.

102

Там же.

103

Там же. «Поскольку Фейербах материалист, - писали Маркс и Энгельс, - история лежит вне поля его зрения; поскольку же он рассматривает историю - он вовсе не материалист».

Там же. Т. 1 С. 408-415; Т. 2. С. 122.

105

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 25.

Там же. Т. 23. С. 383.

Например, Хантингтон рассматривал цивилизацию «как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей». См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 34. См. также современное исследование теории цивилизаций в книге: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: Институт экономических стратегий. 2006.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

109

См.: Там же. Т. 4. С. 424-425.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.

111

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204, 232 и др.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1, с. 101-102.

113

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 447.

Там же. Т. 32. С. 571.

115

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 349.

См.: Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Интернет-версия: http://politologiy2004.narod.ru

117

См.: Бернштейн Э. Основные идеи. Интернет-версия: http://www.ejwiki.org/wiki/

См. Логвинов М., Жуковский В. Европа в шаге от голодных бунтов. Интернет-версия: http://elitetrader.ru/.

119

Полемизируя с Бакуниным, Маркс писал, что фраза «научный социализм» им «используется только в противоположность утопическому социализму, который хочет ввести людей в заблуждение новыми иллюзиями, вместо того, чтобы ограничить свою науку знанием о социальных движениях, формируемых самими людьми». Цит. по: СССР. Незавершенный проект. С. 495-496.

120

См.: Каутский К. К критике теории и практики марксизма. (Антибернштейн). М.: URSS, 2011.

121

Об увлечении К. Каутского Дарвиным см.: Кретинин С. В. Карл Каутский. 1854-1914. Воронеж. 2007. С. 125.

122

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 359; Т. 23. С. 383.

123

Подробнее о точке зрения Р. Люксембург на революцию и социализм см. ниже в главе «Революционные марксисты XX века»

124

Эта статья является размышлением по поводу выхода в свет книги В. Межуева «Маркс против марксизма», представляющей собой ряд его статей, опубликованных в разных научных журналах, брошюрах и сборниках.

125

Межуев В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция. 2007. С. 5. Далее цитируется это издание книги.

Там же. С. 23.

127

См.: рецензию на его книгу в журнале «Свободная мысль». 2008, № 3, а также в «Независимой газете» за 15 мая 2008 года.

См.: Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 8.

129

Там же. С. 9.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 10.

131

Там же. С. 14.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 16.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 16.

Там же. С. 12.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 149-159.

Там же. С. 26.

137

Там же. С. 29.

138

Там же. С. 25.

139

Там же.

Там же. С. 25

141

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 492.

Там же. Соч. Т. 45. С. 142.

143

См.: Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 21.

Межуев В.М. Маркс против марксизма. С. 20.

Межуев В.М. Маркс против марксизма. С. 26.

Межуев В.М. Маркс против марксизма. С. 28.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 22.

Там же. С. 29.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 32.

Там же. С. 30-31.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 66 и др.

Там же. С. 35.

153

Там же. С. 48.

Там же. С. 37.

155

Там же. С. 41.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 42.

157

Там же. С. 37-38.

Там же. С. 56.

159

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 46.

160

Там же. Т. 16. С. 6-7.

161

См.: Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 57.

Там же. С. 58.

163

Там же. С. 58-59.

164

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 324; Т. 37. С. 370.

165

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

См.: Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 59.

167

Там же. С. 49.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 64.

169

Там же.

Там же. С. 65.

171

Там же. С. 64.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 64.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 64-65.

175

Там же. С. 71.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 97.

177

Там же.

Там же. С. 97, 165 и др.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 81.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 36, 550.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 72.

Там же. С. 73.

183

Там же.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 76

185

Там же. С. 74.

Там же. С. 73-74.

Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 75-79.

Там же. С. 78.

189

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 46.

1

См.: Бухарин Н. И. Теория исторического материализма Популярный учебник марксистской социологии. М. 1921.

2

Антонио Грамши писал свои «Критические заметки» в 1930-е годы, сидя в фашистской тюрьме. Для работы над ними он использовал французский перевод книги Н. Бухарина, изданной в 1927 г.

3

См.: Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. - М.: Политиздат, 1991. С. 149-201. Далее «Критические заметки» А. Грамши цитируются по этому изданию.

Данный факт полностью опровергает современную официозную идеологему о сугубо догматическом характере марксистской философии. См., в этой связи: Семенов В. С. Судьбы философии в сегодняшней России. М.: URSS, 2011.

5

К постановке проблем исторического материализма. (Беглые заметки) 1923 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М. 1988. С. 39.

6

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. Популярный очерк марксистской социологии. М. 1921. С. 10-12.

См.: Материалы Итало-российского симпозиума «Антонио Грамши - 70 лет спустя». ИНИОН. М. 2007.

8

Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. - М.: Политиздат, 1991. С. 100. Далее цитируется это издание.

9

Грамши А. Указ. соч. С. 165.

Там же. С. 156.

11

Там же. С. 157.

12

Грамши А. Указ. соч. С. 155-156.

13

К постановке проблем исторического материализма. (Беглые заметки) 1923 г. // Бухарин

Н. И. Избранные произведения. С. 41.

15

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. С. 47.

Там же. С. 48.

17

Грамши А. Указ. соч. С. 166.

18

Там же. С. 158.

19

Грамши А. Указ. соч. С. 166.

Там же. С. 165-166.

21

Лабриола А. 1960. Очерки материалистического понимания истории. М.: Наука. С. 183.

Как уже отмечалось, о своем увлечении Дарвиным неоднократно говорили П. Лафарг, К. Каутский и др. социал-демократы XIX века.

Лопухов Б. Р. Антонио Грамши. М. 1963. С. 17.

24

Там же.

25

Подробнее об этом см.: Славин Б. Ф. Идеология возвращается. М. 2009. С. 405-409.

Грамши. А. Указ. соч. С. 149.

27

А. Грамши. Указ. соч. С. 157.

Там же. С. 159.

29

Там же. С. 155.

30

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. С. 12.

31

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 35. С. 324; Т. 37. С. 370

32

См.: Минтус О. М. Эволюция философских взглядов Н. И. Бухарина. Кандидатская диссертация. Нижневартовск. 2003. Аналогичную оценку книге давал и Питирим Сорокин. Он считал, что после Г. Плеханова это «одна из самых удачных книг на русском языке, дающих систематическое построение марксистской социологии самими марксистами». См.: Сорокин П. А. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма». Популярный учебник марксистской социологии. М. Госиздат. 1922.

Грамши А. Указ. соч. С. 157.

34

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351.

Грамши А. Указ соч. С. 107.

Там же. С. 165.

37

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395.

38

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174.

39

Там же. С. 175.

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. С. 27.

41

Там же.

42

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 401.

43

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 227-228.

Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли».

См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

В этой связи, см.: Науменко Л. Человек в креативной Вселенной. (Антропный принцип). // Альтернативы. №3. 2011.

Грамши А. Указ. соч. С. 188.

См.: Лукач Г. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» // Политические тексты. М. 2006. С. 197-211. http://mesotes.narod.ru/lukacs/bucharin.html

49

Там же.

Там же.

51

Там же.

См.: Лукач Г. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» // Политические тексты. М. 2006. С. 197-211.

53

Лукач Г. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» // Политические тексты. М. 2006. С. 197-211.

Грамши А. Указ. соч. С. 187.

Там же. С. 193-194.

Грамши А. Указ. соч. С. 195.

Там же. С. 193.

Там же.

Там же. С. 193.

Там же. С. 195.

61

Там же. С. 163.

См.: Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. М.: Аиро-XXI. Издательство РГТЭУ. 2008.

Цит. по Лопухов Б. Р. Указ. соч. С. 79.

Грамши А. Указ. соч. С. 45.

Грамши А. Указ. соч.

Там же. С. 47.

Там же. С. 75.

Там же. С. 257.

Грамши А. Указ. соч. С. 191. В этой связи, см.: Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М. Изд-во МГУ, 1978.

4 января 1919 года военными карателями под командованием правого социал-демократа Г. Носке было жестоко подавлено выступление рабочих, протестующих против смещения левого социал-демократа Э. Эйхгорна с поста полицай-президента Берлина. Есть доказательства, что Г. Носке знал о планирующемся убийстве Р. Люксембург и К. Либкнехта. См. в этой связи: Клаус Гитингер. Двойное убийство. // Ноейс Дойчланд, 10 января 2009 г. http://www.rosalux.ru/main/modules/articles/article.php?id=20 ; О. Любан. Научные публикации о Розе Люксембург в Германии после 1990 г. (Проблемы и тенденции). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 41 и др.

71

Роза Люксембург. Порядок царит в Берлине. //Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 279.

См.: Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала "Пролетарская Революция"// Пролетарская Революция, № 6(113), 1931. Как будет показано ниже политически ангажированные и явно незаслуженные обвинения И. Сталина в адрес Р. Люксембург противоречат ее резкой критики международного меньшевизма с его шовинистической позицией в годы Первой мировой войны и оппортунистической трактовкой Великой русской революции 1905-1917 гг.

73

См. в этой связи: Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. Вып. 7 Специальный. - Воронеж: Научная книга, 2009. С. 46-48, 50-56, 160; Роза Люксембург: «... смело, уверенно и улыбаясь - несмотря ни на что...». Сборник статей. М., Издательство им. Сабашниковых, 2009. С. 50-55.

Цит. по Семенова А. О. «Реформа или революция?». Р. Люксембург в политической борьбе с Э. Бернштейном. // Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. Вып. 7.: Специальный. С. 58.

Там же.

Роза Люксембург. Из письма Марте Розенбаум. Бреслау, позднее 12 ноября 1917 г. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 230.

Роза Люксембург. Русские проблемы. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 192.

Роза Люксембург. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. В Берлине. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 257.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 535.

80

Роза Люксембург. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. В Берлине. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 260.

81

Там же.

82

Р. Люксембург. Чего хочет Союз Спартака. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли. 2004. С. 242.

83

Роза Люксембург. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. В Берлине.// Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли. 2004. С. 277.

Роза Люксембург. Рукопись о Русской революции. Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности, деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли. 2004. С. 208.

85

Там же.

86

Роза Люксембург. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. В Берлине. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 264-265.

Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 276.

Р. Люксембург. Русская трагедия. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 198.

89

См.: Макаренко П. В. Разногласия между Розой Люксембург и большевиками: переосмысление и современность. // Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. Вып. 7. С. 46-48.

90

Роза Люксембург. Рукопись о Русской революции. Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности, деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли. 2004. С. 229.

Там же. С. 200.

Роза Люксембург. Русская трагедия. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 200.

Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 200.

Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 199.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

Роза Люксембург. Рукопись о русской революции.. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 201.

См.: Горбачевские чтения. Вып. 6.: Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летии Октябрьской революции... М.: Горбачев-Фонд. 2008. С. 51.

См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380-381 и др.

99

См. в этой связи: Печенкин С.В. Роза Люксембург и дискуссия о праве наций на самоопределение в международной социал-демократии// Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. Вып. 7.: Специальный. С. 134-145.

100

Роза Люксембург. Рукопись о русской революции. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 226-227.

101

Там же. С. 227.

102

Там же.

103

Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 221.

Там же. С. 222.

105

Роза Люксембург. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. В Берлине. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 227.

106

Роза Люксембург. Рукопись о русской революции. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). Памятники исторической мысли, 2004. С. 223.

107

Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 263.

108

Там же.

109

См.: Петухов В. В., Федоров В. В. Трансформация идеологических ценностей и политических предпочтений россиян. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №2, 2005. С. 5-16.

110

Роза Люксембург. Ахерон пришел в движение. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 235.

111

См.: Лев Троцкий. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий. 1991. С. 288-290; Сталинская школа фальсификаций. М.: Наука. 1990. С. 101-110.

112

См.: Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. Cambridge. MA.USA. Изд. Iskra Research. 1997. С.80-81.

113

Там же. С. 79-80.

Критику подобных взглядов см.: Семенов В. С. Судьбы философии в сегодняшней России. -М.: URSS, 2011. С. 34-57, 62-70 и др.

115

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 81.

Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. С. 86.

117

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 86-87.

Там же. С. 87.

119

Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. С. 79.

120

Известный телеведущий и историк по образованию Н. К. Сванидзе пишет: «... В отличие от топорного нацизма, коммунизм — или ленинизм, или сталинизм, или большевизм, назвать можно как угодно, различия, конечно, есть, но в данном случае они не важны — характеризуется лицемерным несоответствием внешне гуманистической теории и людоедской практики». См.: Николай Сванидзе: Сталинизм и фашизм: оба хуже. // Огонек. № 27. 16. 11. 2009.

121

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 46.

Там же. С. 47.

123

Там же. С. 47-48.

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 49.

125

Там же. С. 126.

126

См.: Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша. Здесь и далее цитаты Троцкого из этой статьи даются по версии Интернета: http://i-u.ru/biblio/archive/trockiy_ih/

127

См.: Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша.

128

Там же.

129

Там же.

См.: Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша.

131

Там же.

132

Там же.

133

Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша.

134

Там же.

Гусейнов А. А. Этика Троцкого. // Этическая мысль. М., 1992.

136

Там же.

Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша, http://i-u.ru/biblio/archive/trockiy_ih/

138

См. Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша. Троцкий пишет: «"Аморализм" Ленина, т. е. отвержение им надклассовой морали, не помешал ему всю жизнь сохранять верность одному и тому же идеалу; отдавать всю свою личность делу угнетенных; проявлять высшую добросовестность в сфере идей и высшую неустрашимость в сфере действия; относиться без тени превосходства к "простому" рабочему, к беззащитной женщине, к ребенку. Не похоже ли, что "аморализм" есть в данном случае только синоним для более высокой человеческой морали?»

139

Троцкий Л. Д. Их мораль и Наша.

Троцкий Л. Д. Перманентная революция. Cambridge (США) Iskra Research, 1997. С. 306.

141

Там же. С. 308.

Троцкий Л. Д. Перманентная революция. Cambridge (США) Iskra Research, 1997.

143

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. М. Наука. 1990. С. 93-94.

Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 5.

145

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2-ая. С. 385.

Преданная революция. М. НИИ культуры. 1991. С. 246.

147

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 43-44.

Там же. С. 44.

149

Там же.

150

Там же.

151

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2-ая. С. 381.

Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 37.

153

Троцкий Л. Д.. Преданная революция. С. 57.

Там же. С. 51-52.

155

Там же. С. 50.

Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. С. 40.

157

Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 230.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 249.

159

Там же. С. 247.

160

Там же. С. 236.

161

Там же. С. 236.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 239.

163

Троцкий Л. Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. № 36-37.

1

См.: Сорос Д. Новая парадигма финансовых рынков. М. 2008. С. 163, 172.

2

Цитирую по французскому изданию собрания сочинений Пьера Леру. Париж. 1842 г.

3

Там же.

4

Там же.

5

См.: соответствующие дискуссии Маркса с Бакуниным (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.) и Ленина с Каутским и Паннекуком (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33).

См.: Коммунист. №4. С. 31.

7

Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 143. Т. 3. С. 292, 298. Т. 20. С. 116.

Там же. Т. 46, ч. 2. С. 109-110.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 217.

10

Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966. С. 44.

11

Ильин И. А. О частной собственности. «Русский мир». №1. 2000. С. 44, 48.

12

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 218.

13

Фридман и Хайек о свободе. Като институт. 1985. С. 13.

14

Там же. С. 110-111.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

Именно данную ситуацию, характерную для сталинского времени, берет за основу своей критики социализма Фридрих Хайек. См. его книги «Дорога к рабству» М.: Прогресс. 1993, «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом». М.: ОГИ. 2003 и др.

17

См.: Мих. Лифшиц. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). - М.: Прогресс-Традиция. 2003. С. 206-207.

18

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 114.

19

Ленин В.И. Указ. соч. Т. 12. С. 104.

20

См.: Петухов В., Федоров В. Трансформация идеологических ценностей и политических предпочтений россиян. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №2. 2005. С. 5.

21

Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики. М. 2005. С. 27.

См.: Альтернативы, 1999, №1. С. 158.

23

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1. С. 483.

Там же. С. 480, 483-484.

25

Там же. С. 481.

26

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105. Т. 45. С. 289, 371, 376 и др.

27

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 223.

28

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 223.

Лосев А. Ф. Философия имени // Бытие - имя - космос. М. Мысль. 1993. С. 618, 625.

30

Цит. по В. Авченко. Тоталитарная демократия Валерии Новодворской. М.: 2001.

31

Данилов-Данильян. В. Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах. М.: 2007/2008. С. 135-140.

Пивоваров Ю. Политическая культура России: традиция и современность. Лекция 18. (Интернет-версия).

33

См.: Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х частях. Ч. 1. Пер. с ит. - М.: Политиздат, 1991, С. 253.

См.: соответствующие работы Д. Волкогонова, А. Яковлева, С. Кулешова, М. Геллера, Р. Пихоя и др. Анализ их см: Маслов Д. В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. Сергиев Посад, 2004.

35

См.: 1937-й. Статьи и документы. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2007, с. 4.

36

См. выступление одного из руководителей «Мемориала» Арсения Рогинского на международной конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения» 5-7 декабря 2008 г.

37

См. соответствующие работы С. Коэна, А. Рюдигера, Д. Бенсаида, В. Леонгарда. и др. // Альтернативы. №1. 2011. С. 45, 82, 91.

Левин М. Советский век. М.: 2008. С. 597, 620-624 и др.

39

См.: Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chalidze publications. 1986, с.46-48.

В этой связи, известный телеведущий историк Н.К. Сванидзе считает, что с точки зрения «людоедской практики» не столь важны различия между «топорным нацизмом» «коммунизмом или ленинизмом, или сталинизмом, или большевизмом». См.: Николай Сванидзе: Сталинизм и фашизм: оба хуже.// Огонек. №27. 16.11.2009.

Подробнее об этом феномене смотри в следующих разделах данной главы.

См.: Горбачевские чтения. Вып. 6. М. 2008. С. 17. Характерно, что автор данных вопросов полностью противоречил выводам своих прежних работ, посвященных истории Октябрьской революции. См.: Ненароков А. П. 1917. Краткая история, документы, фотографии. М. Политиздат. 1987.

43

См.: его публичные выступления в Московском историческом музее, связанные с 90-летием Февральской революции.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23.

См.: Горбачевские чтения. Вып. 6.: Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летии Октябрьской революции... М.: Горбачев-Фонд. 2008. С. 51.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107.

47

См: Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. С. 199-200, 230 и др. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380-381.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

49

Там же.

50

Цит. по Блохин В. Ф., Ветошко А. Н. и др. История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Брянск: Вып. 2. Грани. 1994. С. 29.

51

См.: Мартов Ю. О. Избранное. М.: 2000. С. 402-409, 471-475, 498-503 и др.

52

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.

53

Там же, т. 44. С. 310.

Там же, т. 45. С. 381.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44. С. 157.

Там же. С. 208.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 470-471.

Там же. С. 208.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225.

Там же, т. 45, с. 97.

61

См.: Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина. М.: URSS, 2009.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 10-11.

Там же. С. 411.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 336-377.

Там же. Т. 39. С. 21.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 550.

Там же. Т. 42. С. 227.

Там же. С. 161.

Там же. Т. 34. С. 198.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.

Там же. С. 373.

Там же. С. 376.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 367.

Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высшая школа. 1988. С. 375.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 111-112.

Там же. Т. 36. С. 276, 278-280.

Партархив ИМЛ при ЦК КПСС. Фонд 17, оп. 120, д. 24.

Сталин И. В. Соч. Т. 12, с. 309.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

Сталин. И. В. Соч. Т. 4. С. 366.

83

О профессиональных союзах... // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 206.

Второй Всероссийский съезд горнорабочих. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.

85

Еще раз о профсоюзах. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 292.

Еще раз о профсоюзах. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 278.

Второй Всероссийский съезд горнорабочих. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 249-250.

88

Второй Всероссийский съезд горнорабочих. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 249.

89

О профессиональных союзах. // Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 42. С. 212.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 357.

91

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 86.

92

См.: Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389.

Там же. С. 390.

Там же. С. 391-392.

Там же. С. 393.

Там же. С. 397.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399.

Там же. С. 402.

Там же. С. 402.

Там же. С. 404.

101

Ленин В. И. О чистке партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 122.

Там же. С. 123.

103

Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию (Письма В. М. Молотову) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

104

Там же.

105

Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта. // XI Съезд РКП(б) 27 марта - 2 апреля 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.

Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 71.

107

Там же. Т. 6. С. 229.

108

Там же. Не случайно кличка «хозяин» за ним надолго закрепилась среди его соратников и подчиненных.

109

В последнее время в литературе, связанной с деятельностью Лениниа, наметилась тенденция ставить под сомнение аутентичность ряда последних работ Ленина, направленных против Сталина. См.: Сахаров В.А. Подменено ли «завещание» Ленина? М. 2002 . При этом авторы подобной тенденции совершенно забывают о том, что сам Сталин, отвечавший за соблюдение режима лечения Ленина, никогда не ставил, и не мог ставить, эти работы под сомнение, ибо использовал их в своей политической борьбе и переписке.

110

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

111

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

112

П. Г. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе и др. 6 марта 1923 г. //Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

113

Письмо И. Сталина С. Орджоникидзе. 7 марта 1923 г. // Не состоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего юбилея? М., 1992. С. 164.

Ленин В. И. Об образовании СССР. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212.

115

Записка Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.

116

Письмо П.Г. Мдивани. Кавтарадзе. 8 октября 1922 г. // Не состоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего юбилея? М.., 1992. С. 122-123.

117

Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476, 596.

118

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Продолжение) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361-362.

119

Там же. С. 362.

Там же. С. 358.

121

Там же. С. 358.

Там же. С. 359.

123

Там же.

124

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Продолжение) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361.

125

Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477.

Там же. С. 477.

127

См.: примечания к дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 606-607.

128

См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32, 33. (Ныне РГАСПИ)

129

См.: примечания к дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 607.

130

См. Письмо к съезду. Добавление к письму от 24 декабря 1922 г. //Ленин В. И. Полн. собр. соч. 45.

131

См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Глава Болезнь Ленина. Берлин.. 1930 г Репринт. ([Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sakharov-center.ru

132

Ленин В. И. Письмо Л. Д. Троцкому от 5 марта 1923 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

133

См.: Примечание к письму Л. Д. Троцкому// Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674.

134

Из письма Каменева Зиновьеву от 7 марта 1923 г. // Несостоявшийся юбилей... С. 183-184.

135

Архив Л. Д. Троцкого. Т. 1. С. 51 // http://www.lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t1.txt

136

См.: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. Предсмертное письмо Иоффе. М., 1991.

137

Сталин с близкого расстояния (интервью с Б. Бажановым). // Альтернативы. 2009. №4. С. 121.

138

См.: Примечание к Письму к съезду // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 594.

Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924.

Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 345.

141

См.: Котельников М.Е. Диалектика науки и идеологии в историческом развитии марксизма. Докторская диссертация. М. 2009. С. 308.

См.: Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М. 2009. С. 23.

143

Там же. С. 24.

См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. М.: МФД. 2000. С. 317.

145

См.: Они не молчали. М.: Политиздат, 1991; Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. М.: АИРО-XX1. 2011. С. 60-63.

146

Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. М. 1997. С. 237.

Там же. С. 237-238.

148

Там же. С. 250.

149

Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. С. 531.

150

См: Бутенко А. П. Наука, политика, власть. Воспоминания и раздумья. М.: 2000. С. 261.

151

См.: Троцкий Л. Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. // Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. №36-37.

152

Цит. по: Стивен Коэн. Почему распался Советский Союз? // Свободная мысль, №3, 2008. С. 186.

153

См.: Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000. С. 230.

154

См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 2-х томах. М. 1954.

См.: Альтернативы №1 1999. С.158 и др.

156

См.: Ленин В. И. Письмо к Н. А. Рожкову // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М., РОСПЭН. С. 267.

Те, кто пытаются сегодня объективизировать и исторически оправдать сталинизм, нередко подходят к созданию реального социализма с сугубо экономических позиций, забывая, что за рамками экономического детерминизма существуют такие относительно самостоятельные сферы, как область социальных отношений, политика и идеология. Они и определяют форму политического режима, будь то демократия, авторитаризм или тоталитаризм.

158

См.: соответствующую резолюцию съезда СКП-КПСС.

159

Разговор Горбачева с Черняевым насчет брошюры «О социализме», 7 августа 1988 года. Крым, Форос, дача «Заря». Архив Горбачев-фонда. Фонд №2. Материалы А. С. Черняева. Оп. №2.

160

См.: Там же. Архив Горбачев-фонда. Запись А. С. Черняевым диктовки статьи М. С. Горбачева. 02. 08. 1991 г.

161

См. газету «30 Октября». №101. 2011. С. 1-2.

Интересно, что по этому поводу говорили члены рабочей группы, созданной вышеназванным Советом А. Рогинский и С. Караганов. По их мнению, во имя «национального примирения» (!?) нужна новая «десталинизация», которая позволит перезахоронить тело Ленина, изменить названия городов и улиц, связанные с именами известных революционеров, ввести запрет на профессии для чиновников, сомневающихся в количестве жертв репрессированных в годы сталинизма, и т. д. Символично, что подобные предложения выдвигали в свое время представители белоэмигрантского НТС. Один из его современных сторонников А.Зотов пишет: «Десталинизация - это частный случай декоммунизации. То есть мы должны искоренить не только положительные переживания Сталина, но, скажем, и положительные переживания Ленина и его подручных». См.: Зотов А. Декоммунизация, а не десталинизация. // Русский журнал. Май-Июнь. 2011.

163

В этой связи Ленин прямо говорил об учете в политике «промежуточных ступеней социализма». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 475.

164

См.: соответствующие выступления некоторых участников конференции, посвященной творчеству А. В. Луначарского в музее Маяковского 29 февраля 2012 г.

165

См.: Булавка Л. А. Коммунизм возвращается. Маяковский. // Альтернативы. №2. 2006.

Достаточно в этой связи напомнить, что после фактического запрета КПСС Б. Ельциным и организованного суда над ней, ни один трудовой коллектив, ни одна партийная ячейка не выступили в ее защиту.

167

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 266; Т. 49. С. 47.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 39.

169

См.: Социализм в трансформирующемся обществе. // Свободная мысль. №7. 2009. С. 89-90.

170

Там же.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара В. А. Медведева. Выпуск 1. М.: ИЭ РАН, 2009, с. 46, 209.

173

См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370-376.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 550.

175

См.: Дэн Сяопин. Избранное. Пекин. Изд. литературы на иностранных языках. 1994. Т. 3, с. 470.

Подробнее см.: Славин Б. Ф. О китайской модели социализма. // Альтернативы. 2008. №3.

177

Дэн Сяопин. Избранное. Пекин. Изд. литературы на иностранных языках. 1994. Т. 3, с. 16 и др..

178

Дэн Сяопин. Избранное. Пекин. Изд. литературы на иностранных языках. 1994. Т. 3, с. 461.

179

См.: Дэн Сяопин. Избранное. Пекин. Т. 3, с. 220-221.

См.: Социал-демократия: pro и contra (Обсуждение книги теоретика германской социал-демократии Вилли Айхлера) // Альтернативы. №1. 1998.

1

См.: СССР. Незавершенный проект. М.: URSS, 2013. (Далее цитируется это издание).

2

Там же. С. 17.

3

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 56.

4

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 263.

5

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 262.

6

См.: О значении золота теперь и после полной победы социализма. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221-229.

7

Опыт СССР и ряда других стран, вступивших на путь социалистических преобразований, показывает, что мировая революция, которую предсказывали основоположники марксизма, является не одновременным актом изменения всей системы капитализма, а длительным и противоречивым процессом отпадения от нее отдельных стран, являющихся ее «слабыми звеньями». При этом революционные преобразования в этих странах не исключают попятных движений, связанных с реставрацией в них буржуазных отношений.

Таким, на наш взгляд, и являлось советское общество, преодолевшее в конечном итоге губительное влияние сталинизма в СССР.

9

См: Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры. 1991. С. 49-50.

10

См.: Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (Аналитический доклад) М.: 2005. С. 14-15, 82-83 и др.

11

СССР: незавершенный проект. С. 199.

Там же. С. 194.

13

Там же.

14

Цит. по Блохин В. Ф., Ветошко А. Н. и др. История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Брянск. Вып. 2. Грани, 1994. С. 29.

15

СССР: незавершенный проект. С. 166.

16

Там же.

17

СССР: незавершенный проект. С. 168.

18

Там же.

19

Там же.

Л. Троцкий писал в этой связи: «... Противоречия советского общества глубоко отличаются, по природе своей от противоречий капитализма, но имеют, тем не менее, очень напряженный характер. Они находят свое выражение в материальном и культурном неравенстве, в государственных репрессиях, в политических группировках и в борьбе фракций. Политический гнет приглушает и искажает политическую борьбу, но не устраняет ее. Идеи, которые объявляются запретными, оказывают на каждом шагу влияние на политику правительства, оплодотворяя ее, или противодействуя ей». Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 6.

21

Правда. 9 июля 1991 г.

СССР: незавершенный проект. С. 174.

23

Там же. С. 191.

24

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 191.

Там же. С. 190-191.

26

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 409.

27

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 409.

28

Там же. С. 414.

29

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 415.

Там же. С. 418-419.

31

Ради объективности следует сказать, что идею переходности советского общества разделял не только Ленин, но и многие его ученики. Так, Троцкий в 30-е гг. писал: «Пока нет материальной базы коммунизма, которая должна быть выше капитализма. Правильнее поэтому, нынешний советский режим, во всей его противоречивости, назвать не социалистическим, а подготовительным или переходным от капитализма к социализму». Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 43.

Правда, однажды Водолазов признал эту идею. По его мнению, революционное правительство, осуществляя назревшие преобразования буржуазного типа, «будет постоянно выходить за их пределы», вводя «элементы будущего социалистического общества». Эту ленинскую мысль он даже назвал «грандиозной» за то, что она совместила «в себе буржуазные и социалистические черты». Однако, тут же, но уже вопреки Ленину, он отождествил ее со своей любимой идеей - «общества не буржуазного и не социалистического, а совершенно особого типа», названного им «новой формацией». СССР: незавершенный проект. С. 434-435.

33

Об этом говорит его уверенность в том, что «Ленин не может быть, увы, помощником в деле понимания того, что реально случилось в истории России после Октября и какое именно социальное устройство сложилось в стране к 30-м годам XX века». Там же. С. 435.

34

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 425.

Неактуальной является, на мой взгляд, и более ранняя теория подобной «новой формации», с которой в конце 1930-х гг. выступил бывший участник IV Интернационал Бруно Рицци, предвосхитивший в своей книги «Бюрократизация мира» аналогичную идею Водолазова. Вместе с тем, не потеряла актуальности критика «новой формации» Бруно Рицци со стороны Л. Троцкого, которую он дал в своих малоизвестных работах второй половины 1930-х гг., посвященных анализу социальной природы СССР. К ним я и отсылаю читателя.

СССР: незавершенный проект. С. 31.

37

Там же. На мой взгляд, трудно поверить в то, что советское общество была такой системой.

38

СССР: незавершенный проект. С. 27. В главе «Так был ли в СССР социализм?» А. Бузгалин предлагает различать социализм в широком и узком понимании. Он пишет: «Социализм имеет в рамках наших работ двоякое определение. В широком смысле слова - это пространство и время трансформации царства необходимости в царство свободы. В узком смысле слова - общество, лежащее по ту сторону капитализма и переходное к царству свободы...». Затем идет перечисление его характерных признаков. См.: Там же. С. 66.

39

СССР: незавершенный проект. (Здесь и далее выделенные в тексте слова принадлежат А. Бузгалину - Б. С.).

Там же. С. 28.

41

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 28.

42

Там же.

43

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 32.

Там же. С. 35.

45

Автор часто ставит слова «реальный социализм» в кавычки, но что он этим хочет сказать? Как известно, кавычки мало от чего спасают. Может быть, он считает, что советский социализм был не реальным, тогда каким: идеальным, выдуманным, утопическим, или его не было, вообще? Тогда что же было на самом деле?

46

Наличие госсобственности в СССР, по моему мнению, определялось не субъективными желаниями или абстрактными теоретическим положениями: оно явилось следствием относительно низкого уровня развития производительных сил и связанного с ним социального неравенства в советском обществе. Именно эти факты диктовали и необходимость государственного учета и контроля за мерой труда и потребления при социализме. По Троцкому, лишь с ростом производительных сил общества и постепенным исчезновением социального неравенства «куколка» государственной собственности может превратиться в «бабочку» общественной. «Государственная собственность, - писал он, - лишь в той мере становится «всенародной», в какой исчезают социальные привилегии и различия. Иначе сказать: государственная собственность превращается в социалистическую по мере того, как перестает быть государственной». Троцкий Л. Преданная революция. С. 196-197.

СССР: Незавершенный проект. С. 42-43.

Там же. С. 42-43.

49

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 445.

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 446.

51

Там же. С. 448.

Там же. С. 449.

53

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 450-451.

Там же. С. 450-451.

55

Там же. С. 452.

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 456.

Там же. С. 459.

Там же. С. 460.

59

Там же.

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 461.

61

Там же. С. 462. (Слова, выделенные в тексте, принадлежат автору главы)

62

Там же.

63

См.: СССР. Незавершенный проект. С. 465.

Там же.

Там же.

Подробнее см.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара В. А. Медведева. Выпуски 1, 2, 3. М.: ИЭ РАН. 2009, 2011, 2013.

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 23, с. 46.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е издание, т. 42, с. 263.

См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 104.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1 С. 118.

Там же. Т. 39. С. 84.

Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии. №3, 1990, с. 145.

См.: Московский комсомолец. 8 декабря 2008 г.

См. соответствующую информацию на сайте: www.personal-money.ru

См.: Московский комсомолец. 23 января 2009, с. 4.

Там же.

77

По подсчетам ЮНЕСКО на Земле около миллиарда человек получает всего лишь один доллар в день на душу населения.

78

См. интервью В. Путина газете «Фигаро» от 13 сентября 2008 г.

См.: Слово. 7 октября 2008 г.

См.: Московский комсомолец. 8 декабря 2008 г.

См.: Новая газета, 6 июля 2009 г., с. 2.

См.: Дзарасов С. С. Российский кризис: истоки и уроки. М.: Теис, 2009, с. 30-35.

В этом случае каждый житель Исландии должен был бы в течении пятнадцати лет выплачивать по сто евро в месяц.

Стенограмму этого «круглого стола» смотри в журнале «Альтернативы» №3. 2011 г.

Подробнее об этом см.: Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М.2009.

Маркс К, Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 25.

См.: Баллаев А. Б. Читая Маркса... М.: 2004. С. 111, 136 и др.

Там же. С. 125, 134.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 3. С. 16.

Там же. Т. 42. С. 124.

90

См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М. 1992. Т. 1. С. 29-35. Т. 2, с. 485-486 и др.

91

См.: в этой связи Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М. 2000. Гл. 1.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 24.

См.: Свободная мысль. №3. 2008. С. 95-108.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 35. С. 324.

См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М. 2003. С. 127.

См.: Лиотар Ж. - Ф. Состояние постмодерна. // Полития. №4. 2005-2006. С. 139.

См.: Делез Ж. Логика смысла. М.: «Раритет». 1998.

См.: Науменко Л.К. Революция и диалектика. // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М.: URSS, 2009. С. 276.

См.: Науменко Л.К. Революция и диалектика. С. 280.

100

Далее я использую текст моего выступления на семинаре В Госдуме по теме «Марксизм и постмодернизм».

101

См.: Владимир Сорокин. Пир. 2-ое изд. М.: Ad Marginem. 2001. С. 12.

1

О нем говорили участники «Проекта Европа» Ярослав Шимов, Александра Вагнер, Кирилл Кобрин, Александр Бобраков-Тимошкин и гость передачи, историк культуры Илья Калинин.